

1801—1901.

Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи.

Поманѣхъ дні дреknія, побчїхца....

(Пс. 142).

УТВЕРЖДЕНІЕ
РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА
НА КАВКАЗѢ.

ТОМЪ I.

Подъ руководствомъ начальника штаба Кавказскаго военного
округа генераль-лейтенанта *Н. Н. Бьялевскаго*,

составленъ въ Военно-Историческомъ Отдѣлѣ

подъ редакціей генераль-маіора *Потто*.

СПСЬ.

Типографія Я. И. Елизарова, Сафайловскій проспектъ, 64.

1901.

1801—1901.

Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи.

Помянухъ дни древніа, поучиха...

(Пс. 142).

УТВЕРЖДЕНІЕ
РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА
НА КАВКАЗѢ.

ТОМЪ I.

Подъ руководствомъ начальника штаба Кавказскаго военнаго
округа генераль-лейтенанта *Н. Н. Блявскаго*,

составленъ въ Военно-Историческомъ Отдѣлѣ

подъ редакціей генераль-маіора *Потто*.

ТИФЛИСЪ.

Типографія Я. И. Либермана, Михайловскій проспектъ, 64.

1901

Напечатано по распоряженію командующаго войсками Кавказскаго военнаго
округа генераль-адъютанта князя Г. С. Голицына.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Положеніе Грузіи при царѣ Георгіѣ. Раздоры въ царскомъ семействѣ. Царь Георгій отправляетъ къ императору Павлу посольство съ просьбою о принятіи Грузіи въ полное подданство Россіи. Императоръ Павелъ повелѣваетъ вывести русскія войска изъ Грузіи въ случаѣ кончины царя Георгія. Просительные пункты царя Георгія. Одобреніе ихъ императоромъ Павломъ. Рескриптъ генералу Кноррингу 15-го ноября 1800 года о неназначеніи преемника послѣ кончины царя Георгія. Высочайшій манифестъ 18-го декабря 1800 г. о присоединеніи Грузіи. Кончина царя Георгія. Обнародованіе въ Петербургѣ манифеста 18-го декабря 1800 г. Рескриптъ генералу Кноррингу 18-го января 1801 г. Торжественное объявленіе манифеста въ Грузіи. Населеніе съ радостью принимаетъ извѣстіе о русскомъ подданствѣ. Распоряженіе императора Павла объ устройствѣ Грузіи. Кончина императора Павла 1

ГЛАВА ВТОРАЯ. Неопредѣленное положеніе Грузіи послѣ кончины императора Павла. Царевичъ Давидъ Георгіевичъ вступаетъ въ управленіе Грузіей. Прибытіе грузинскихъ посланниковъ въ Петербургъ. Императоръ Александръ I колеблется принять Грузію въ русское подданство. Мнѣніе Государственнаго совѣта по этому предмету. Отправленіе въ Грузію генерала Кнорринга для собранія на мѣстѣ свѣдѣній о дѣйствительномъ желаніи населенія вступить въ русское подданство. Донесеніе генерала Кнорринга. Мнѣніе Государственнаго совѣта и негласнаго комитета. Манифестъ о присоединеніи Грузіи 12 сентября 1801 года. Инструкція генералу Кноррингу. Первые шаги русскаго управленія. Неудовольствіе населенія. Причины его. Отозваніе Кнорринга. Назначеніе князя Циціанова. 21

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Князь П. Г. Циціановъ. Инструкція, данная ему императоромъ Александромъ I. Прибытіе Циціанова на Кавказскую линію. Первые распоряженія. Борьба Даниіла и Давида за эчміадзинскій престолъ. Отношенія къ этому вопросу русскаго правительства. Прибытіе Циціанова въ Тифлисъ. Отправленіе въ Россію членовъ грузинскаго царскаго семейства. Царица Марія Георгіевна. Смерть генерала И. П. Лазарева. Могила его въ Сіонскомъ соборѣ 43

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Джаро-белоканская область. Князь Циціановъ и его мѣры къ ослабленію набѣговъ на Кахетію. Инструкція генералу Гулякову. Приготовленія къ походу въ Джарскую область. Разгромъ Белоканъ. Покореніе джарцевъ. Первые русскія укрѣпленія на р. Алазани. 65

ГЛАВА ПЯТАЯ Поведеніе Ганжинскаго хана. Прибытіе новыхъ пословъ и мысли по этому поводу князя Циціанова, относительно грузинскаго юношества.

Смуты на границах Карталинии. Военныя дѣйствія въ Шурагелѣ. Геройская смерть капитана Секерина. Волненія джарцевъ и прокламаціи къ нимъ Циціанова. Приготовленіе къ походу въ Ганжинское ханство. Блокада и штурмъ Ганжи.—Характерныя черты князя Циціанова. Экспедиція въ Джары. Бой въ Закаतालскомъ ущельѣ.—Смерть Гулякова.

79

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Событія въ Имеретіи послѣ кончины царя Соломона I.—Воцареніе Соломона II.—Война между Имеретіей и Мингреліей.—Князь Григорій Дадіанъ Мингрельскій проситъ о принятіи его въ русское подданство.—Посылка Соколова въ Имеретію для освобожденія царевича Константина.—Равнодушіе Турціи къ событіямъ на Кавказѣ.—Интересы царя Соломона II.—Принятіе Мингрелии въ русское подданство.—Переговоры съ царемъ Соломономъ о вступленіи его въ русское подданство.—Вопросъ о Лечхумѣ.—Циціановъ получаетъ изъ Петербурга приказаніе занять Имеретію русскими войсками.—Свиданіе Циціанова съ Соломономъ.—Присяга царя Соломона на вѣрность подданства.—Вопросъ о крѣпости Поті.—Посылка въ Мингрелію статскаго совѣтника Литвинова.—Прибытіе къ устью р. Хопи русской эскадры.—Высадка Бѣлевскаго мушкетерскаго полка.—Смерть князя Григорія Дадіана.—Владѣтель Абхазіи Келемъ-бей отказывается выдать князя Левана Дадіана, назначеннаго владѣтелемъ Мингрелии.—Походы г.-м. Рыкхофа въ Абхазію и занятіе кр. Анаклии.—Освобожденіе князя Левана Дадіана.—Принесеніе имъ вѣрноподданнической присяги.—Интриги царя Соломона.—Присоединеніе къ Россіи княжества Гуріи.

103

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Причины и поводъ къ эриванскому походу. Положеніе закавказскаго края: дѣла въ Карабагѣ, въ Джарахъ и въ Грузіи. Необходимость войны съ Персією. Прокламаціи царевича Александра. Приготовленіе къ войнѣ эриванскаго хана. Силы, которыми могъ располагать Циціановъ. Занятіе Шурагельской области. Бой подъ Эчміадзиномъ. Разгромъ персидской арміи 30-го іюня.

129

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Блокада Эривани. Пораженіе персіянъ подъ стѣнами крѣпости 15-го іюля. Подвигъ генерала Портягина. Затруднительное положеніе блокаднаго корпуса. Пораженіе грузинской конницы. Тревожныя вѣсти изъ Грузіи. Геройская смерть Монтрезора. Военный совѣтъ и его рѣшеніе. Снятіе блокады. Дальнѣйшіе виды князя Циціанова.

143

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Общее возмущеніе тагаурцевъ и мтіулетцевъ. Дѣйствія противъ нихъ князя Волконскаго и генерала Талызина. Неудовольствія князя Циціанова. Царевичи Юлонъ и Парнаозъ. Взятіе мятежниками Ларса и Степанъ-мinda. Отступленіе маіора Мелло. Критическое положеніе края. Гибель казачьяго полка Рышкина. Возвращеніе князя Циціанова въ Грузію. Генералъ Несвѣтаевъ и усмиреніе осетинскаго бунта. Экспедиція князя Циціанова въ Осетію.

159

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Происшествіе въ Шурагельской области въ 1804—1805 гг. Блестательный походъ Несвѣтаева. Присоединеніе къ Россіи Шурагельскаго султанства. Присоединеніе ханствъ Карабагскаго и Шекинскаго.

183

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ. Приготовленія къ кампаніи 1805 г. Затруднительное положеніе князя Циціанова. Вторженіе персіянъ въ Карабагъ. Дѣйствія маіора Лисаневича. Бой близъ Аскарана. Безпримѣрная оборона полковника Карягина и отступленіе его къ Шахъ-булаху и потомъ къ Мухрату. Дѣйствія князя Циціанова. Нападеніе персіянъ на Елизаветполь. Геройская защита транспорта. Пораженіе персидской арміи подъ Дзегамомъ

197

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ. Присоединеніе къ Россіи Ширванскаго ханства. Причины, вызвавшія бакинскій походъ. Каспійская флотилія. Гилянская экспедиція генерала Завалишина и неудачныя дѣйствія его противъ бакинскаго хана. Выступ-

леніе въ походъ Циціанова. Переговоры его съ Гуссейнъ-Кули-ханомъ бакинскимъ. Вѣроломное убійство князя Циціанова. Заключение 219

↳ **ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.** 1806 годъ въ Закавказьѣ. Трудное положеніе края послѣ смерти князя Циціанова. Генераль Глазенапъ въ роли командующаго войсками. Пораженіе персіянъ генераломъ Небольсинымъ. Бунтъ въ Шекинскомъ ханствѣ. Дѣйствія Глазенапа и покореніе имъ Дербента. 235 ✓

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Назначеніе главнокомандующимъ графа Гудовича. Первые распоряженія его на сѣверномъ Кавказѣ и въ Грузіи. Покореніе Баку и Кубы. Пораженіе шекинскаго хана Небольсинымъ и джарцевъ—княземъ Орбеліани. Политика Гудовича относительно закавказскихъ хановъ 251

↳ **ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.** Переговоры съ Персіей о мирѣ. Разрывъ съ Турціей. Боевое расписаніе войскъ 20-й дивизіи. Нападеніе турокъ на Редуть-кале. Штурмъ Карса и Ахалкалакъ. Блокада Поти. Переходъ турокъ въ наступленіе и оборона Несвѣтаевымъ Гумръ. Арпачайское сраженіе. 267 ✓

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Расположеніе войскъ 20-ой дивизіи на зимнія квартиры. Смуты въ Имеретіи. Переговоры съ Персіей. Приготовленія къ войнѣ. Осада Эривани. Дѣйствія Небольсина у Нахичевани. Обратный походъ въ Грузію. Назначеніе генерала-отъ-кавалеріи Торماسова главнокомандующимъ въ Грузіи и на Кавказской линіи. 289 ~

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Оглавление рисунковъ.

Портреты Высочайшихъ Особъ:

1) Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай II	1
2) Императоръ Павелъ I	—
3) Императоръ Александръ I.	20

Портреты главнокомандующихъ:

4) Генераль-лейтенантъ Кноррингъ.	8
5) Генераль-отъ-инфантеріи князь Циціановъ.	64
6) Генераль-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ.	266

Виды и рисунки:

7) Крестъ св. Равноапостольной Нины, просвѣтительницы Грузіи.	36
8) Монастырь Эчміадзинъ	128
9) Крѣпость Эриванъ со стороны р. Занги	140
10) Памятникъ маіору Монтрезору.	154
11) Тифлисъ. Старый городъ и крѣпость.	170
12) Урочище Карагаджи-баба съ мусульманскимъ кладбищемъ	196
13) Памятникъ князю Циціанову въ Баку	234
14) Крѣпость Баку	260

Планы и карты:

15) Планъ крѣпости Ганджи 1804 г.	89
16) Планъ блокады кр. Эривани въ 1804 году	148
17) Замокъ Шахъ-Булахъ. Видъ, планъ и кроки	208
18) Замокъ Мухратъ. Видъ, планъ и кроки.	214
19) Планъ сраженія при р. Аричаѣ 18-го іюня 1807 года.	278
20) Планъ осады и штурма кр. Эривани въ 1808 году	304

21) Карта Кавказскаго края съ обозначеніемъ границъ 1801—1813 г.

ВРЕМЯ

КНОРРИНГА, ЦИЦИАНОВА и ГУДОВИЧА.

1801—1809 гг.

Куноран

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первый годъ двадцатаго вѣка ознаменовался для Россіи столѣтнимъ юбилеемъ присоединенія къ ея Державѣ обширной страны, составляющей теперь, безъ сомнѣнія, одинъ изъ лучшихъ перловъ въ царственномъ вѣнцѣ русскихъ Монарховъ.

Ни одно изъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ нами за время самобытнаго существованія Россіи, не стоило ей столькожъ усилій и жертвъ, сколько ихъ потребовалъ Кавказъ для окончательнаго упроченія въ немъ нашего владычества.

Почти въ теченіе цѣлаго вѣка онъ приковывалъ къ себѣ вниманіе русскаго народа, представляясь страной, гдѣ вѣчно кипѣла война, куда уходили войска за войсками и откуда мало кто возвращался назадъ. И народъ охарактеризовалъ эту страну мрака и кровопролитій именемъ «погибельнаго Кавказа». Но многочисленностью жертвъ и создалось, по выраженію Бѣлинскаго, «родство Россіи съ этимъ краемъ, купленнымъ драгоценною кровью сыновъ ея и подвигами ея героев». И дѣйствительно, едва-ли найдется на Святой Руси много дворянскихъ фамилій, не вошедшихъ въ длинный списокъ именъ, отдававшихъ въ разныя времена Кавказу свои силы, способности и даже жизнь.

Эта тяжелая борьба не была случайнымъ явленіемъ прошлаго только вѣка.

Еще на зарѣ русской государственной жизни начала проторяться та дорога, по которой лишь много вѣковъ спустя пришли мы, наконецъ, къ полному обладанію Кавказомъ. Войны Олега съ хазарами, походы Святослава на Кавказъ, гдѣ онъ «ясы побѣды и касогы и приведе ихъ Къеву», наконецъ, существованіе уже въ началѣ XI вѣка русскаго удѣла въ

предверіяхъ Кавказа — въ Тмутаракани (Тамань), доставшагося послѣ Владиміра сыну его Мстиславу, — все это свидѣтельствуеть о давнихъ еще сношеніяхъ Руси съ Кавказомъ. Но нахлынувшая затѣмъ въ началѣ XIII вѣка волна монгольскаго нашествія стала на пути естественнаго роста Россіи къ югу.

Два вѣка томилась Русь въ цѣпяхъ монгольскаго ига, безсильная, забытая, но крѣпкая въ вѣрѣ святой и постепенно смлачивавшаяся внутри въ идеѣ единодержавія. И, какъ ея богатырь Илья Муромецъ, вставъ, разорвала сковывавшія ее цѣпи и полилась отвѣтной народной волной за исчезавшимъ передъ ея свѣтлымъ ликомъ монголами. Не прошло и полусотни лѣтъ, какъ мы уже стояли твердой ногой у подножія Кавказа — на Терекѣ, гдѣ гребенскіе казаки образовали живой оплотъ, за которымъ развивалась русская гражданственность.

Закончившееся вслѣдъ затѣмъ покореніе Иваномъ Грознымъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго раздвинуло и государственныя границы наши до Каспійскаго моря, приведя насъ въ непосредственное соприкосновеніе съ цѣлымъ міромъ племень, обитавшихъ вокругъ Каспія, и мы вновь встрѣтились съ народностями сѣвернаго Кавказа. Угнетаемые татарами астраханскими, крымскими и, главнымъ образомъ — турками и персіянами, народы эти, въ числѣ коихъ многіе исповѣдывали христіанскую религію, видѣли въ новыхъ побѣдоносныхъ пришельцахъ съ сѣвера своихъ избавителей и добровольно стали прибѣгать къ защитѣ Блага Царя.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ не могъ не откликнуться на эти призывы: высокая обязанность защитника православныхъ христіанъ въ борьбѣ съ невѣрными глубоко коренилась уже въ сознаніи московскихъ царей, какъ наследниковъ восточныхъ римскихъ императоровъ: къ тому же помощь, о которой молили христіанскіе народы Кавказа, обѣщала намъ и немаловажныя выгоды. Но юному, не окрѣпшему государству россійскому была еще не подъ силу борьба въ нѣдрахъ Кавказа съ такими могущественными по тому времени противниками, какъ персіяне и турки. Потерпѣвъ двѣ крупныя неудачи въ походахъ московскихъ воеводъ: Хворостина въ 1594 и Бутурлина въ 1605 годахъ, мы снова отошли къ Волгѣ. На кавказскомъ рубежѣ остались лишь терскіе казаки, которые въ теченіе цѣлаго вѣка, вплоть до Петра Великаго, не только самостоятельно отстаивали свою самобытность, но служили передовыми постами русскаго народа, поддерживая связь Москвы съ

Кавказомъ, пока государство, обезсиленное внутри смутнымъ временемъ, боролось за свою независимость противъ напора западныхъ сосѣдей.

Геній Петра Великаго ясно понималъ значеніе Каспійскаго моря, какъ кратчайшаго воднаго пути въ нѣдра передней Азіи, гдѣ Россіи предстояла широкая задача—разбудить дремлющій Востокъ и стать посредницей между нимъ и культурнымъ Западомъ.

Воплотивъ въ себѣ идеалы и стремленія русскаго народа, Петръ, съ обычной ему рѣшимостью, властной рукой повелъ Россію по берегамъ Каспія, давъ ей не только Дербентъ и Баку, но даже приморскія провинціи сѣверной Персіи: Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ.

Но ближайшіе преемники Петра, не оцѣнивъ всей важности сдѣланныхъ имъ пріобрѣтеній для будущности Россіи и уклоняясь отъ жертвъ, которыхъ требовало удержаніе новыхъ владѣній, — отказались отъ его завоеваній, такъ что въ первое же десятилѣтіе послѣ смерти великаго императора дѣло его на Кавказѣ было добровольно разрушено пами до основанія, и уже въ 1735 году Терекъ снова сдѣлался границей нашей, какъ за 12 лѣтъ передъ тѣмъ.

Геніальная наслѣдница завѣтовъ Петра—Екатерина II снова обратила вниманіе на далекій край, куда стремился ея великій предшественникъ, и въ теченіе славнаго своего царствованія присоединила Крымъ, Кабарду и перенесла границу нашу на Кубань. По маловенію ея, сюда, къ подножію Кавказа, перенеслись сыны Запорожья, Волги и Дона служить по старому уряду вѣрѣ святой, православному русскому люду и Царю—батюшкѣ. Прочной гранью русской земли протянулись станицы Черноморскихъ, Кубанскихъ и Терскихъ казаковъ отъ Чернаго моря до Каспійскаго, а впереди—

«Вершины цѣпи снѣговой,
Свѣтло-лпловою стѣной,
На чистомъ небѣ рисовались...
И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ всѣхъ выше головой
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой».

Что было дѣлать дальше?

Остановиться ли предъ этой заоблачной стѣной и добровольно предоставить лекація за нею христіанскія страны соперничеству Турціи и Персіи, отка-

заться отъ господства на моряхъ Каспійскомъ и Черномъ, обречь этимъ прилежащія къ нимъ области наши—весь югъ Россіи на тревожное существованіе и, отстранившись отъ вліянія на судьбу Закавказья, дать тѣмъ самымъ возможность нашимъ политическимъ соперникамъ обратить его въ грозную твердыню, которая навсегда закрыла-бы намъ выходъ изъ степей южной Россіи и остановила бы дальнѣйшій ростъ намъ въ Азіи.

Или, наоборотъ,—смѣло перешагнувъ

«Черезъ тѣ скалы,

Гдѣ носились лишь туманы,

Да цари-орлы»,

прочно утвердиться въ лежащихъ за этой гранью странахъ, обратить моря, омывающія Кавказскій перешеекъ, въ наши внутреннія озера и, пользуясь господствомъ на нихъ, не только обезпечить развитіе богатаго юга Россіи, но и приобрести возможность оказывать рѣшительное вліяніе на судьбы всей передней Азіи, а съ нею и всего Востока.

Короче: останавливаясь у подножія Кавказскаго хребта, мы добровольно замыкали судьбы Россіи въ узкія границы Дона и Волги. Перешагнувъ же черезъ эту грань,—на нашемъ политическомъ горизонтѣ открывался весь древній Востокъ...

Перейти Кавказскій хребетъ насъ побуждало и движеніе, давно уже подготавливавшееся по ту сторону его: христіанскіе народы Закавказья, имѣвшіе свою тысячелѣтнюю исторію, изнемогали въ борьбѣ съ исламомъ и, стоя на краю окончательной гибели, въ отчаяніи простирали къ намъ руки, съ мольбою о спасеніи.

Царство грузинское, разоренное Ага-Магометъ-шахомъ, было совершенно безсильно оказать сопротивленіе снова готовившемуся вторженію персіянъ, и наследникъ героя Ираклія II—царь Георгій XII настойчиво просилъ нашей помощи и предложилъ свое и всего Грузинскаго народа подданство.

Разрозненные сыны нѣкогда существовавшего армянскаго царства, разсѣянные въ обширныхъ предѣлахъ турецкой и персидской имперій, давно уже обращали свои взоры на Россію и еще въ 1729 году писали: «нышѣ мы всѣмъ армянскимъ собраніемъ просимъ и принадлеаемъ къ ногамъ Императорскаго Величества о всемилостивѣйшемъ заступленіи и о вспоможеніи, дабы насъ не предать въ тѣреція руки, понеже мы всѣ на его Императорское Величество уповаемъ».

Сознавая нравственный долгъ подать помощь христіанскимъ народамъ Закавказья, видѣвшимъ въ насъ послѣднюю надежду, и повинуваясь интересамъ государственнымъ, мы смѣло двинулись черезъ Кавказскій хребетъ, и 26-го ноября 1799 года, при колокольномъ звонѣ и радостныхъ ликованіяхъ царя и народа, русскія войска, какъ давно жданныя избавители, торжественно вошли навсегда въ столицу Грузіи—въ Тифлисъ.

Подобно міѳологическому Гераклу, который избавилъ владѣвшаго божественнымъ огнемъ Прометея отъ когтей терзавшаго его орла,—Россія освободила народы, просвѣщенные свѣтомъ божественнаго ученія, отъ тяжкаго гнета тѣснившихъ ихъ мусульманъ.

Останавливаясь на этомъ отрадномъ событіи и оглядываясь на путь, пройденный нашимъ отечествомъ въ продолженіе тысячелѣтней его исторіи, мы съ гордостью можемъ припомнить, что и многіе другіе, сосѣдніе и дальніе, осѣдлые и кочевые народы, оцѣнивъ благотворность русской власти, добровольно мѣняли свое независимое существованіе на подчиненіе русскимъ царямъ и покровительство русскаго народа.

Само государство російское сплотившееся изъ хаоса удѣльной раздробленности стихійнымъ тяготѣніемъ русскихъ народностей къ солнцу самодержавія, засіявшему надъ благословенной Москвой. Подъ могучую руку московскихъ царей стали добровольно приобѣгать не только области мирныхъ пахарей, промысловыхъ и торговыхъ людей, но и свободолюбивыя порубежныя вольницы. Важнѣйшая изъ нихъ—украинская, въ годину тяжелой борьбы съ надвигавшимся на нее латинствомъ, единодушно рѣшила въ 1654 г. въ Переяславѣ: «Волнмъ подъ царя восточнаго, православнаго. Да укрѣпимъ насъ Господь Богъ подъ его царской крѣпкой рукой!» И буйныя казакія головы покорно приникли подъ сѣнь трона «тишайшаго» царя.

Когда же самодержавная власть сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ русской государственности, и побѣдныя русскія знамена появились на рубежѣ средней Азіи, то ближе узнавшіе насъ киргизы Малой, Средней, а затѣмъ и Большой орды добровольно приняли наше подданство (1732 и 1793 гг.). Наконецъ, въ 1884 г. отдались намъ мервскіе туркмены, — и благодѣтельный покровъ власти русскаго Царя простерся до Тихаго Океана и предгорій Гиндукуша.

Перейдя въ Закавказье, мы тѣмъ самымъ вступали на попріище продолжительной, упорной борьбы за окончательное упроченіе нашего владычества на Кавказскомъ перешейкѣ. Предстояло не только вытѣснить отсюда турокъ

и персіянь, соперничавшихъ съ нами за обладаніе Кавказомъ, но и подчинить себѣ свободолюбивыхъ, воинственныхъ, никогда и ни предъ кѣмъ не преклонявшихся горцевъ Кавказскаго хребта.

Болѣе полувѣка непрерывно велась эта эпическая борьба, стоявшая намъ многихъ жертвъ и ознаменовавшаяся безчисленными проявленіями высокаго героизма русскаго народа.

Теперь, стоя твердой ногой на мосту, переброшенномъ съ русскаго берега въ сердце Азіи, мы можемъ съ увѣренностью взирать въ даль, гдѣ дряхлѣющіе подъ знойнымъ солнцемъ юга народы жаждутъ прохладной тѣни русскаго скипетра. . .

Истекающее столѣтіе со дня присоединенія Грузіи и начала вызванной этимъ событіемъ продолжительной борьбы за упроченіе владычества нашего на Кавказѣ, при отсутствіи труда, обнимающаго исторію прошлаго столѣтія этой страны, возбудило въ 1899 году мысль запечатлѣть эту упорную, кровавую борьбу въ памяти народа, составленіемъ историческаго труда, въ которомъ систематически, исключительно на основаніи документальныхъ данныхъ, съ лѣтописной точностью, освѣщенной, по возможности, языкомъ тогдашнихъ дѣятелей, была бы изложена краткая исторія нашихъ кавказскихъ войнъ XIX столѣтія за обладаніе Кавказомъ, какъ въ горахъ его, такъ равно съ персіянами и турками. Въмѣстѣ съ тѣмъ, возникло желаніе показать ходъ постепеннаго развитія гражданскаго управленія Кавказомъ за весь періодъ владычества нашего до настоящихъ дней: дать вполне вѣрную и правдивую картину состоянія Кавказскаго края во всѣхъ отношеніяхъ во время присоединенія Грузіи къ Россіи, и чѣмъ сталъ Кавказъ послѣ столѣтней жизни его подъ скипетромъ русскихъ Монарховъ; показать: сколько принесено жертвъ, сколько пролито крови и положено трудовъ на умиротвореніе страны, чтобы вывести народы Кавказа на путь широкаго развитія и благоденствія.

Составленная на этомъ основаніи программа удостоилась въ общемъ одобренія Военнаго Министра, съ согласія котораго отпущены Военнымъ Совѣтомъ средства на изданіе предлагаемаго труда.

Разработка этой программы и общее наблюденіе за ея выполненіемъ производилось подъ руководствомъ Начальника Штаба Кавказскаго военнаго Округа Генералъ-Лейтенанта Бѣлявскаго.

Составленіе же статей сборника поручалось лицамъ, знакомымъ съ исторіей распространенія и утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ, и специалистамъ по различнымъ отраслямъ правительственной и общественной дѣятельности.

Общее согласованіе статей между собою, необходимыя ихъ дополненія и общую редакціонную работу принялъ на себя Начальникъ Военно-Историческаго Отдѣла Штаба Округа, генераль-маіоръ Потто, при выдающемся участіи Е. Г. Вейденбаума, В. Н. Иваненко, Н. Г. Мокіевскаго-Зубка, В. И. Томкѣева и Н. С. Аносова.

Источникамп для составленія статей сборника, въ виду краткости имѣвшася въ распоряженіи времени, послужили преимущественно матеріалы, находящіеся въ Тифлисѣ, и частью—документы, разсѣянные по архивамъ другихъ городовъ Кавказа.

Въ составленіи I-го тома принимали участіе:

Дѣйств. Ст. Сов. Е. Г. Вейденбаумъ—(Главы I, II, III, и VII).

Генераль-маіоръ В. А. Потто—(Главы IV, V, VI, VIII, IX, X, XI, XII, XIII и XIV).

Генер. штаба Капит. Н. С. Аносовъ—время Гудовича (Главы XV, XVI и XVII)
Подполков. В. И. Томкѣевъ—карты и планы.

Источниками служили, кромѣ литературныхъ трудовъ, акты Кавказской Археографической Коммисіи и архивы: Военно-Ученаго при Главномъ Штабѣ, Окружнаго Штаба и Канцеляріи Главноначальствующаго Гражданскаго частію на Кавказѣ.

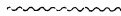
Сентябрь 1901 г.
гор. Тифлисъ.

Habely.

Глава I.

Положеніе Грузіи при царѣ Георгіѣ. Раздоры въ царскомъ семействѣ. Царь Георгій отправляетъ къ императору Павлу посольство съ просьбою о принятіи Грузіи въ полное подданство Россіи. Императоръ Павелъ повелѣваетъ вывести русскія войска изъ Грузіи въ случаѣ кончины царя Георгія. Просительные пункты царя Георгія. Одобреніе ихъ императоромъ Павломъ. Рескриптъ генералу Кноррингу 15-го ноября 1800 года о назначеніи преемника послѣ кончины царя Георгія. Высочайшій манифестъ 18-го декабря 1800 г. о присоединеніи Грузіи. Кончина царя Георгія. Обнародованіе въ Петербургѣ манифеста 18-го декабря 1800 г. Рескриптъ генералу Кноррингу 18-го января 1801 г. Торжественное объявленіе манифеста въ Грузіи. Населеніе съ радостью принимаетъ извѣстіе о русскомъ подданствѣ. Распоряженіе императора Павла объ устройствѣ Грузіи. Кончина императора Павла.

Во второй половинѣ 1800 г. состояніе здоровья царя Георгія стало внушать самыя серьезныя опасенія. Въ ожиданіи скорой кончины царя мачиха его, царица Дарія, и многочисленные братья и сыновья готовились къ ожесточенной борьбѣ за право престолонаслѣдія.

Раздоры въ грузинскомъ царскомъ домѣ начались съ тѣхъ поръ, какъ царь Ираклій II вступилъ въ 1750 г. въ третій бракъ съ Даріей Георгіевной, дочерью владѣтеля Мингрелии. Честолюбивая и властная царица направила всѣ усилія къ укрѣпленію престола за своимъ потомствомъ, минуя царевича Георгія, сына Ираклія отъ второго брака. Въ 1794 г. интриги царицы Даріи, управлявшей всѣми дѣлами за престарѣлаго царя, увѣнчались успѣхомъ: она заставила Ираклія подписать актъ, въ силу котораго наследникомъ престола признавался Георгій, но затѣмъ царство переходило не къ старшему его сыну Давиду, а къ братьямъ, сыновьямъ царицы Даріи, по порядку ихъ старшинства. Ираклій вполнѣ сознавалъ несправедливость и опасность такого отступленія отъ обычнаго въ Грузіи порядка престолонаслѣдія, но не имѣлъ силы противиться настояніямъ своей супруги и ея многочисленныхъ родственниковъ и приверженцевъ.

Ираклій II, царь карталинскій и кахетинскій, скончался въ Телавѣ 11-го января 1798 г., на 82-мъ году отъ рожденія; Георгій не присутствовалъ при кончинѣ отца. Послѣ персидскаго нашествія на Грузію въ 1796 г., царевичъ, по проiscaмъ царицы Даріи, былъ отправленъ въ Тифлисъ, подъ предлогомъ заботъ о возстановленіи города изъ развалинъ и водворенія порядка въ опустошенной странѣ. Пользуясь его отсутствіемъ, царица Дарія рассчитывала сохранить власть въ своихъ рукахъ. Но попытка не удалась. Извѣстіе о смерти царя застало Георгія въ Казахѣ, среди преданнаго ему татарскаго населенія. Онъ немедленно привелъ къ присягѣ сопровождавшихъ его грузинскихъ сановниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ партіи царицы, но не посмѣли противорѣчить въ виду вооруженныхъ агаларовъ, окружавшихъ Георгія. Борчалинцы и карталинцы также признали его въ царскомъ достоинствѣ. Заручившись такимъ образомъ присягою главныхъ провинцій, Георгій отправился въ Телавъ. Тамъ уже знали о происшедшемъ въ Казахѣ, Борчалѣ и Карталиніи. Приверженцы Даріи и ея сыновья признали на этотъ разъ свое дѣло проиграннымъ. Послѣ недолгихъ колебаній они подписали утвердительный листъ, успѣвъ однако склонить Георгія къ признанію силы акта 1794 г. и порядка престолонаслѣдія послѣ его смерти.

✓ Положеніе страны и ея населенія было самое бѣдственное и безнадежное. Можно сказать, что въ послѣдніе годы жизни Ираклія грузинское царство существовало только по имени, такъ какъ въ немъ не было ни единства власти, ни порядка, ни правильно дѣйствующаго государственнаго механизма. Персидское нашествіе 1796 г. опустошило страну и лишило ее значительной части населенія. Ага-Магометъ-шахъ, возвращаясь въ Персію, увелъ изъ Грузіи до десяти тысячъ жителей. «Сосѣди наши, персіане,—писалъ Георгій въ 1798 г.—такъ насъ разсѣяли въ прошедшихъ годахъ, что и понынѣ обѣднѣвшіе наши подданные и мы другъ друга сыскать не можемъ». Чума и голодъ свирѣпствовали во всемъ краѣ, унося множество жертвъ. Турки изъ Ахалцыха и лезгины изъ Дагестана посылали въ Грузію шайки

хищниковъ для грабежа и захвата плѣнныхъ. Базары въ Ахалцыхѣ, Анапѣ и Энзели были переполнены грузинскими невольниками. Еще царь Ираклій, желая обезпечить Грузію отъ лезгинскихъ набѣговъ, обязался платить Омаръ-хану аварскому, подъ видомъ подарка, ежегодную дань въ размѣрѣ 5000 руб. Но платежъ этотъ не мѣшалъ хищникамъ рыскать по странѣ и уводить ежегодно въ плѣнъ 200—300 семействъ. Ираклій и послѣ него Георгій не имѣли средствъ или, быть можетъ, не смѣли наказывать грабителей. Ираклій боялся еще худшихъ бѣдствій, а Георгій, опасаясь своихъ мятежныхъ братьевъ, содержалъ на жалованіи, для собственной защиты, до 7000 лезгинъ и волею-неволею долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на ихъ безчинства даже въ самомъ Тифлисѣ.

Край опустѣлъ и одичалъ. Жители, не находя защиты въ правительствѣ, гонимые голодомъ и моровою язвою, разоряемые лезгинами и непосильными поборами собственныхъ князей, покидали родину и искали спасенія въ сосѣднихъ странахъ. До 1783 г. въ Грузіи числилось 61000 семействъ, въ 1801 г., послѣ присоединенія царства къ Россіи, ихъ было едва 35000.

Трудно сказать, кто больше разорялъ страну—свои или чужіе. Доходовъ царства не хватало для удовлетворенія потребностей обширной царской семьи. Ираклій, единственно по праву неограниченнаго самовластія, отнималъ родовыя вотчины у князей и дворянъ и отдавалъ ихъ своимъ дѣтямъ. По мѣрѣ уменьшенія численности населенія, положеніе крестьянъ, остававшихся на мѣстѣ, дѣлалось невыносимѣе, такъ какъ имъ однимъ приходилось нести все бремя налоговъ. «Всякій царевичъ, всякая царица, царевна, каждый родственникъ царскій могъ давать отъ себя такъ называемый *баратъ* (указъ) на отнятіе у купца, у крестьянина того, что у него есть лучшее, и власть царская, поколебавшись въ своемъ основаніи, едва примѣчала таковыя насилія, а того меньше принимала мѣры къ ихъ истребленію».

Георгій вступилъ на престолъ въ возрастѣ 49-ти лѣтъ. Въ молодости кипѣлъ онъ воинскимъ духомъ и обратилъ на себя особенное вниманіе во время похода Ираклія подъ Эривань. Но съ

годами онъ отяжелѣлъ и умомъ и тѣломъ, и предался склонности своей къ бездѣятельной жизни и къ набожнымъ бесѣдамъ съ духовными лицами. Грузинскій лѣтописецъ превозноситъ его религіозность, покровительство вдовамъ и сиротамъ, безпристрастіе въ дѣлахъ управленія и суда. Но однихъ этихъ высокихъ качествъ было недостаточно для спасенія Грузіи. Если царство держалось еще, если турки, персіане и лезгины не раздѣлили его по частямъ между собою, то причина этого лежала не внутри Грузіи, а далеко на сѣверѣ: и Персія, и Турція хорошо знали, что имъ придется имѣть дѣло не съ однимъ слабымъ Георгіемъ, но и съ русскимъ правительствомъ.

Между тѣмъ, императоръ Павелъ не спѣшилъ признать Георгія въ царскомъ достоинствѣ и оказать Грузіи военную помощь, обѣщанную георгіевскимъ трактатомъ 1783 года. Тщетно царь Георгій, чрезъ посланника своего въ Петербургѣ, князя Герсевана Чавчавадзе, умолялъ о присылкѣ къ нему русскаго войска, объ утвержденіи его въ достоинствѣ царя и о признаніи сына его Давида наслѣдникомъ престола. Въ Петербургѣ, повидимому, не имѣли точныхъ свѣдѣній о состояніи дѣлъ въ Грузіи и потому пожалованіе ему инвеституры ставили въ зависимость отъ поведенія его относительно Персіи. Въ дѣйствительности, положеніе Георгія было таково, что ему приходилось или добровольно отказаться отъ царства, или предаться тому, кто предложилъ бы существенную помощь и поддержку колеблющемуся грузинскому престолу. «Не безъизвѣстна вамъ пословица грузинская, — писалъ царевичъ Давидъ князю Г. Чавчавадзе 3-го февраля 1799 г., — что всякія дѣла должны быть въ свое время употребляемы, а въ другомъ случаѣ они не заслуживаютъ вниманія; нашему царству не соотвѣтствуютъ теперь дѣла, водимыя преніемъ».

Въ 1798 году правитель Персіи Баба-ханъ, принявшій въ слѣдствіи титулъ шаха и имя Фетъ-Али, предложилъ царю Георгію свое покровительство, обѣщая дать ему въ управленіе Шеки, Ширвань, Ганжу и Эривань. Предложеніе послѣдовало въ такой формѣ, что Георгій не могъ уклониться отъ прямого отвѣта, если не желалъ повторенія всѣхъ ужасовъ персидскаго вторженія. По

его приказанію, царевичъ Давидъ написалъ князю Г. Чавчавадзе отчаянное письмо, которое открыло, наконецъ, петербургскому кабинету глаза на истинное положеніе Грузіи. Надо было спѣшить, если не желали надолго, а можетъ быть и навсегда, утратить вліяніе на дѣла Закавказья. Рескриптомъ отъ 23-го февраля 1799 года императоръ Павелъ повелѣлъ отправить въ Грузію одинъ егерскій полкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи третьей статьи трактата 1783 г., императорскою грамотою отъ 18-го апрѣля 1799 года Георгій былъ утвержденъ въ царскомъ достоинствѣ, а старшій сынъ его Давидъ признанъ наслѣдникомъ грузинскаго: престола.

Такимъ образомъ, завѣтное желаніе Георгія исполнилось: преемство престола утверждено въ его нисходящемъ потомствѣ. Но царица Дарія и ея сыновья не отказались отъ надежды добиться возстановленія порядка престолонаслѣдія, указаннаго царемъ Иракліемъ.

Вскорѣ Георгій убѣдился, что столь желанная имъ утвердительная грамота не примирила его противниковъ съ совершившимся фактомъ, а напротивъ побудила ихъ къ болѣе энергическимъ дѣйствіямъ. Царица Дарія и ея сыновья Юлонъ, Вахтангъ и особенно Александръ стали къ царю въ явно враждебныя отношенія и открыто готовились къ сопротивленію. Усиливавшаяся со дня на день болѣзнь отняла у Георгія всякую энергію. Сознавая опасность своего положенія, онъ рѣшился передать царство грузинское въ полное подданство Россіи. Намѣреніе это держалъ онъ въ величайшей тайнѣ и ждалъ случая для сообщенія его въ Петербургъ. Случай такой представился послѣ полученія утвердительной грамоты. Подъ видомъ принесенія благодарности императору за утвержденіе на царствѣ, Георгій снарядилъ къ высочайшему двору особое посольство, которому и довѣрилъ привести въ исполненіе свое тайное желаніе. Посольство состояло изъ князей Герсевана Чавчавадзе, Георгія Авалова и Елеазара Палавандова. Данное имъ царемъ полномочіе предоставляло, какъ всѣмъ вмѣстѣ, такъ и каждому порознь, «утверждать и подписывать» акты, какіе они признаютъ нужными постановить съ русскимъ правительствомъ.

Посольство покинуло Тифлисъ 18-го января 1800 г. ¹⁾, но было задержано генераломъ Кноррингомъ на Кавказской линіи и отправлено имъ изъ Моздока только въ концѣ апрѣля ²⁾.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, какъ сказано въ началѣ этой главы, царь Георгій, удрученный болѣзнью, съ нетерпѣніемъ ждалъ изъ Петербурга извѣстій о дѣйствіяхъ своего посольства.

Бѣдственное состояніе Грузіи было хорошо извѣстно генералу Кноррингу, командовавшему войсками на Кавказской линіи. Предвидя, что полки Гулякова ³⁾ и Лазарева, находившіеся въ Грузіи, могутъ быть такъ или иначе вовлечены въ борьбу царевичей за наслѣдство, онъ счелъ долгомъ заблаговременно испросить инструкцію на случай кончины царя Георгія.

Императоръ Павелъ повидимому не находилъ въ ту минуту необходимымъ и полезнымъ вмѣшательство Россіи въ дѣла Грузіи. Рескриптомъ отъ 29-го октября 1800 г. онъ повелѣлъ Кноррингу, въ случаѣ возникновенія междоусобій послѣ смерти царя Георгія, немедленно вывести русскіе полки изъ Тифлиса на Кавказскую линію. Въ этотъ же день, 29-го октября, послѣдовало на имя Кнорринга другое высочайшее повелѣніе, на нѣмецкомъ языкѣ, нѣсколько измѣнявшее первое распоряженіе. А именно, генераламъ Гулякову и Лазареву предписывалось оставаться съ ихъ полками въ Грузіи до тѣхъ поръ, пока они сами «нѣкоторую въ томъ возможность предусмотрятъ. Въ противномъ-же случаѣ имѣютъ возвратиться съ полками на непремѣнныя ихъ квартиры, взявъ съ собою изъ царской фамиліи тѣхъ, кои на то свое желаніе объявятъ» ⁴⁾.

Пока рескрипты достигли ⁵⁾ резиденціи генерала Кнорринга, крѣпости Наурской на Терекѣ, виды императора Павла относительно Грузіи опять измѣнились вслѣдствіе ноты, поданной въ

¹⁾ Всеподд. рапортъ Кнорринга 28-го января 1800 г. Акты кав. арх. к., I., № 18.

²⁾ Тоже, 25-го апрѣля 1800 г. Тамъ же, № 19.

³⁾ Полкъ Гулякова, по повелѣнію императора Павла, прибылъ въ Тифлисъ 23-го сентября 1800 г.

⁴⁾ Оба рескрипта, въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ, находятся въ архивѣ Штаба кавказ. воен. округа, Д. 1801 г. № 205.

⁵⁾ Они получены Кноррингомъ 17-го ноября.

коллегію иностранныхъ дѣлъ уполномоченными царя Георгія князьями Чавчавадзе, Аваловымъ и Палавандовымъ.

Въ нотѣ ¹⁾ этой было сказано: «Его высочество царь, нашъ государь, еще при жизни родителя своего царя Ираклія, будучи наслѣдникомъ, имѣлъ въ мысляхъ, съ приверженными къ нему особами, до сего времени въ тайнѣ, предать себя и царство свое великому всероссійскому государю навсегда въ полную зависимость и подданство и оставаться во всѣхъ частяхъ въ повиновеніи и зависимости.

«По кончинѣ блаженной памяти родителя его, царь нашъ оставался въ прежнихъ своихъ мысляхъ, но, еще не объявляя оныхъ, ожидалъ присылки всемилостивѣйшаго отвѣта черезъ находящагося при высочайшемъ дворѣ министра своего князя Чавчавадзе, отъ коего и присланъ былъ нарочный съ письмомъ къ нему, царю, въ коемъ князь Чавчавадзе доносилъ, чтобы онъ, царь, вспомнилъ прежнее свое желаніе и прислалъ бы письменно; но его высочество царь нужнымъ счелъ, во-первыхъ, принять наслѣдственный царскій престолъ, получить признаніе Его Императорскаго Величества, яко верховнаго своего властителя, потомъ поспѣшить отправить къ министру донесеніе на высочайшее имя и просить объ утвержденіи его на царствѣ, яко законнаго наслѣдника, и о пожалованіи царской инвеституры и въ то же время объ обнародованіи всему царству, по обычаю, чтобы признавали его природнымъ своимъ государемъ-царемъ. Царь, получая оныя высокомонаршія милости и покровительство, принеся теплыя молитвы ко Всевышнему, назначилъ насъ троихъ и, уполномочивъ, отправилъ къ высочайшему двору съ тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, пасть къ священнымъ стопамъ Его Императорскаго Величества и принесть всеподданнѣйшую благодарность за оказанныя ему, царю, и народу его милости и, во-вторыхъ, представить слѣдующія прошенія: 1) Его высочество царь Георгій грузинскій, кахетинскій и прочихъ, нашъ государь, вельможи, духовенство и народъ его желаютъ единожды

¹⁾ Нота грузинскаго посольства. Акты кав. ар. к., I, № 121. Нота заключаетъ въ себѣ всего 16 просительныхъ пунктовъ. Здѣсь приведены цѣлкомъ только главнѣйшіе.

навсегда принять подданство Всероссийской имперіи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо російскими подданными, не отрекаясь ни отъ какихъ законовъ и повелѣній, сколько силы того царства позволять будутъ, съ признаніемъ Всероссийскаго Императора за своего природнаго Государя и Самодержца. 2) Всеподданнѣйше просить, чтобы, при врученіи царства его, былъ онъ оставленъ, а по немъ и наслѣдники его на престолѣ съ титуломъ царей, добровольно подвергнувъ себя и царство подданству Всероссийской имперіи, и имѣть имъ, царямъ, главное въ своемъ царствѣ правленіе по тѣмъ законамъ, кои отъ всевысочайшаго двора даны быть имѣютъ. Отъ себя же имъ безъ особаго повелѣнія никакихъ законовъ не вводить. 3) Для наивящшаго и дѣйствительнаго себя узаконенія и приверженности къ подданству, царь просить къ доказательству вѣрности своей всемилостивѣйше опредѣлить ему жалованье и содержаніе и пожаловать въ Россіи деревни. Доходы же царства грузинскаго царя, какъ подданный, предоставляет въ полную власть Государя Императора обратить, куда благоугодно, на содержаніе войскъ и на другія тамошнія надобности для временъ, какъ-то: къ обращенію тамошнихъ земледѣльцевъ въ вящую любовь и приверженность своему Государю Императору, всемилостивѣйше дать, на сколько лѣтъ благоугодно будетъ, льготу въ податяхъ. 4) По принятіи въ высокоросійское подданство царя и царства его, на первыя времена необходимо нужно въ тѣхъ мѣстахъ имѣть до 8000 чел. войска, коимъ занять всѣ тѣ мѣста, гдѣ за благо принято будетъ главноначальниками тѣхъ войскъ, къ защищенію отъ сосѣдственныхъ бродягъ; также нужна принадлежащая къ онымъ артиллерія и съ прочимъ оружіемъ. 5) Всѣ находящіяся нынѣ въ Грузіи крѣпости и укрѣпленія заняты должны быть російскими войсками и комендантами оныхъ; а буде благоугодно будетъ Императору нашему, то нѣкоторыхъ чиновниковъ изъ природныхъ грузинскихъ благородныхъ присовокупить къ онымъ и съ нѣкоторымъ числомъ людей. 6) Прислать людей, знающихъ фортификацію, и, буде гдѣ надобность будетъ вновь сдѣлать какія-либо крѣпости и укрѣпленія, всемилостивѣйше приказать оныя возстановить; относительно же рабочихъ людей

Император Александръ Первый

могутъ быть по наряду тамошнихъ начальниковъ изъ природныхъ грузинъ и прочихъ, платя имъ положенную плату. 10) Во избѣжаніе и въ предосторожность нареканій на первыя времена, пока все устроено и приведено будетъ въ совершенное состояніе, нужное число провіанта для находящагося въ тѣхъ мѣстахъ вышесказаннаго войска покупать по состоящей тамъ рыночной цѣнѣ или сдѣлать здѣсь съ полномочными оному положеніе. 11) Буде кто нынѣ изъ сосѣдей дерзнетъ напасть на границы, подъ какимъ-либо предлогомъ, то дано-бъ было повелѣніе военнымъ начальникамъ, совокупно съ грузинцами, возбранять таковыя наглости, до совершенія нынѣ благоуднаго дѣла; по окончаніи же его не преминетъ царь изъяснить въ подробности все то, до какихъ мѣстъ простиралась въ древнія времена граница царства грузинскаго. 12) Черезъ начальника російскихъ войскъ въ Грузіи дать знать турецкому и ахалцыхскому пашѣ, дабы онъ пріудержалъ въ пропускѣ черезъ владѣнія Оттоманской порты лезгинцевъ въ грузинскія границы и у себя оныхъ лезгинцевъ не содержать. 13) Всѣ подданные царя грузинскаго, какъ дворянство, духовенство, купечество, такъ и прочій ремесленный народъ имѣетъ быть на равныхъ правахъ и законахъ, какъ и російскіе подданные».

Таковы были условія, предложенныя уполномоченными царя Георгія. Русское правительство обязывалось обезпечить царя полнымъ содержаніемъ, занять Грузію своими войсками, возвести крѣпости, устроить правильную администрацію военную и гражданскую, защищать Грузію отъ лезгинскихъ набѣговъ и покушеній со стороны Персіи и Турціи. Взамѣнъ всѣхъ этихъ обязанностей, царь Георгій соглашался сохранить за собою лично и своимъ нисходящимъ потомствомъ должность правителей Грузіи съ царскимъ титуломъ, при чемъ уступалъ въ полное распоряженіе русскаго правительства доходы царства съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы они не взыскивались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ видахъ пріобрѣтенія «вѣщшей любви и приверженности» новыхъ подданныхъ. Въ чемъ состояли эти доходы и какова была ихъ общая сумма — въ просительныхъ пунктахъ не указано, но въ числѣ доходныхъ статей упомянуты (пунктъ 8) серебряныя, золотыя и прочихъ ме-

талловъ руды, открытіе коихъ предоставлялось заботамъ русскаго правительства. Впослѣдствіи оказалось, что въ Грузіи не имѣется заслуживающихъ разработки мѣсторожденій серебра и особенно золота. Тѣмъ не менѣе царь Георгій (пунктъ 9) просилъ о расширеніи тифлискаго монетнаго двора для чеканки золотой, серебряной и мѣдной монеты съ изображеніемъ императорскаго вензеля и грузинскаго герба. Изготавливаться монеты должны были или изъ мѣстныхъ металловъ, или «изъ покупаемыхъ въ сосѣдственныхъ мѣстахъ», безъ сомнѣнія на счетъ русскаго правительства. Наконецъ, царь Георгій (пункты 12 и 13) давалъ Россіи надежду на пріобрѣтеніе ею подданства сосѣднихъ хановъ, платившихъ нѣкогда дань грузинскимъ царямъ. Для этого онъ испрашивалъ себѣ право, «въ случаѣ нужды, дѣлать тѣмъ ханамъ вспоможенія отъ прочихъ ихъ сосѣдей, имъ равныхъ, хотя грузинскимъ войскомъ».

Было бы, конечно, очень недальновидно опредѣлять выгоды или невыгоды пріобрѣтенія подданства Грузіи однимъ бухгалтерскимъ сравненіемъ суммъ доходовъ и расходовъ, вызываемыхъ присоединеніемъ разстроенаго царства. Политическія послѣдствія водворенія русскоѣ власти за Кавказомъ были такъ обширны, что денежный балансъ, даже самый невыгодный, не могъ бы умалить ихъ значенія. Изъ всѣхъ просительныхъ пунктовъ наиболѣе вниманія заслуживаетъ тотъ, которымъ царь Георгій оставлялъ за собою управленіе Грузіей. Отрекаясь отъ царской прерогативы издавать законы для страны, соглашаясь на роль русскаго генералъ-губернатора или императорскаго намѣстника, Георгій просилъ оставить за нимъ царскій титулъ и сдѣлать должность правителя Грузіи наслѣдственною въ его родѣ. Условіе это представляло большія неудобства. Оно не устраняло прежде всего соперничества и интригъ многочисленныхъ царевичей и грозило продолженіемъ въ будущемъ тѣхъ беспорядковъ, которые привели царство на край гибели. Затѣмъ, сохраненіе въ родѣ Георгія потомственной должности правителя Грузіи стѣсняло наше правительство въ выборѣ наиболѣе подходящаго по мѣстнымъ обстоятельствамъ лица, не говоря уже о томъ, что такой порядокъ шелъ совершенно въ

разрѣзъ съ нашимъ административнымъ строемъ, не знавшимъ никогда наслѣдственныхъ должностей. Если императоръ Павелъ согласился на это невозможное условіе, то обстоятельство это можно объяснить только уваженіемъ его лично къ царю Георгію.

Императоръ Павелъ одобрилъ просительные пункты, но съ тѣмъ, чтобы прежде заключенія формальнаго акта князья Аваловъ и Палавандовъ отправились обратно въ Грузію и спросили царя Георгія, остается ли онъ непоколебимымъ въ своемъ желаніи быть единожды навсегда принятымъ въ покровительство и подданство всероссійскаго двора подъ всѣми тѣми правами и выгодами, каковыми пользуются русскіе подданные. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, царь долженъ былъ прислать императору благодарительную грамоту и, наименовавъ своихъ уполномоченныхъ, какъ отъ себя, такъ и отъ царства своего, послами, поручить имъ заключеніе надлежащаго акта ¹⁾.

Просительные пункты были одобрены 19-го ноября 1800 г., но уже нѣсколькими днями ранѣе, именно 15-го ноября, послѣдовалъ на имя генерала Кнорринга высочайшій рескриптъ ²⁾ о доставленіи мнѣнія его, сколько войскъ можетъ онъ опредѣлить для занятія Грузіи, не ослабляя кордона противъ горскихъ народовъ. Въ томъ же рескриптѣ находятся знаменательныя слова, оправдывающія высказанное выше предположеніе о причинѣ, по которой императоръ Павелъ согласился на оставленіе Георгія правителемъ Грузіи съ титуломъ царя. «Ослабленіе здоровья царя,—сказано въ рескриптѣ, даетъ поводъ ожидать его кончины; почему и отправьте, коль скоро она послѣдуетъ, немедленно туда объявленіе отъ имени Нашего, чтобы до полученія отъ Насъ соизволенія даже не было приступаемо къ назначенію преемника на царство грузинское. Дѣло сіе трактуется здѣсь, и въ скоромъ времени отправленъ будетъ изъ полномочныхъ грузинскихъ, здѣсь находящихся, для принесенія Намъ отъ царя и народа грузинскаго грамоты о желаніи ихъ быть въ Нашемъ подданствѣ и подъ управленіемъ Нашихъ законовъ».

1) Акты кавк. арх. ком., I, № 121.

2) Тамъ же, № 116.

Въ то время, какъ Кноррингъ дѣлалъ распоряженіе по рескрипту ¹⁾, а грузинскіе уполномоченные князя Аваловъ и Палавандовъ находились на пути въ Тифлисъ ²⁾, императоръ Павелъ, со свойственными ему горячностью и нетерпѣніемъ, предался мысли о будущемъ устройствѣ грузинскаго царства.

Не обождавъ полученія извѣстій изъ Тифлиса, онъ подписалъ 18-го декабря 1800 г. манифестъ о присоединеніи грузинскаго царства и въ тотъ же день препроводилъ его съ фельдъегеремъ къ генералу Кноррингу при рескриптѣ, которымъ повелѣвалось опубликовать этотъ манифестъ въ случаѣ послѣдовавшей кончины царя Георгія; если же царь находится еще въ живыхъ, то о публикаціи манифеста и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ ожидать особаго повелѣнія ³⁾. Тогда-же 18-го декабря отъ Кнорринга было потребовано доставленіе «подробнаго описанія Грузіи и правленія ея, съ раздѣленіемъ на губерніи и суды, дабы по сему можно было приступить къ постановленію правленія» ⁴⁾.

Въ официальныхъ документахъ не имѣется указаній на причины такой поспѣшности императора Павла. Академикъ П. Г. Бутковъ объясняетъ ее донесеніями графа А. А. Мусина-Пушкина. Находясь въ Грузіи съ осени 1799 г. для изслѣдованія ея минеральныхъ богатствъ, онъ яркими словами описывалъ императору Павлу нелюбимую и искреннѣйшую приверженность къ государю всѣхъ сословій народа грузинскаго; представлялъ опасность, что, «по кончинѣ царя Георгія, сей благословенный край, изобиліемъ своимъ и райскимъ климатомъ удобный вкушать всѣ благоденствія, упадетъ въ величайшее неустройство и смятеніе и даже подпадетъ владычеству или персовъ или турковъ, либо разорится до конца, если не отвратится оружіемъ російскимъ гибель, угрожае-

1) О неназначеніи наслѣдника царю Георгію предписано имъ г.-м. Лазареву 2-го декабря 1800 г. Тамъ же, № 125.

2) Они оставили Петербургъ 26-го ноября 1800 г., но вслѣдствіе разныхъ задержекъ могли выѣхать изъ Наура только 2-го января 1801 г., когда царя Георгія уже не было въ живыхъ. Тамъ же, №№ 124 и 143.

3) Рескриптъ 18-го декабря 1800 г., въ засвидѣтельствованной копіи, въ архивномъ дѣлѣ штаба Кавк. воен. округа 1801 г. № 205. Кноррингъ получилъ его въ Наурѣ 4-го января 1801 г.

4) Въ томъ-же дѣлѣ.

мая раздоромъ членовъ царскаго дома, не могущихъ видѣть равнодушно воцареніе царевича Давида». Далѣе, онъ поставлялъ на видъ выгоды отъ присоединенія Грузіи къ державѣ російской: «во-первыхъ, землю, изобиліемъ и физическимъ положеніемъ своимъ многія выгоды обѣщающую; во-вторыхъ, что обезпечится Кавказская линія обузданіемъ горскихъ народовъ, съ двухъ сторонъ войсками російскими заключенныхъ; въ-третьихъ, что откроется поле къ торговлѣ персидской и индійской; въ-четвертыхъ, что, въ случаѣ разрыва съ Портою, Россія со стороны Грузіи можетъ содѣлаться сей державѣ толико же страшною для Анатоли, колико угрожаетъ ей Россія черноморскими флотами своими. Напротивъ, если бы турки въ такомъ случаѣ предуспѣли занять Грузію, то мы подвергаемъ безпокойствамъ и опасности Кавказскую линію и Крымъ; въ-пятыхъ, что здѣсь сказано—быть и о персидскихъ владѣльцахъ» ¹⁾).

Царь Георгій скончался въ Тифлисѣ 28-го декабря 1800 г. ²⁾, не дождавшись прибытія своихъ пословъ съ проектомъ договора. Исполняя въ точности приказаніе Кнорринга, основанное на высочайшемъ повелѣніи отъ 15-го ноября, г.-м. Лазаревъ собралъ немедленно князей и дворянъ и объявилъ имъ высочайшую волю о неназначеніи наслѣдника престола послѣ скончавшагося царя. Объявленіе это «всѣ приняли генерально съ большимъ благоговѣніемъ, а народъ съ большою благодарностью» ³⁾. Отсутствовавшіе изъ Тифлиса братья Георгія были извѣщены объ этомъ особыми письмами ⁴⁾. Всѣ они также безъ ропота приняли объявленіе Лазарева. Къ этимъ отзывамъ Лазарева можно отнести съ полнымъ довѣріемъ. О радости простого народа нечего и говорить: распри царевичей отзывались на немъ всего чувствительнѣе. Что касается до претендентовъ на престоль, то отсрочка въ назначеніи наслѣдника давала имъ возможность подготовиться къ борьбѣ за наслѣдство. Вражда братьевъ покойнаго царя къ нему самому и къ его сыну Давиду была такъ велика,

¹⁾ П. Г. Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа. II, 464.

²⁾ Рапортъ Лазарева Кноррингу 28-го декабря 1800 г. Акты кав. арх. ком., I, № 137.

³⁾ Тотъ-же рапортъ.

⁴⁾ Акты кав. арх. ком., I, № 139.

что въ крайнемъ случаѣ они соглашались скорѣе видѣть царскій престолъ совсѣмъ упраздненнымъ, чѣмъ допустить занятіе его царевичемъ Давидомъ.

Принявъ необходимыя мѣры къ поддержанію спокойствія въ Грузіи, Лазаревъ находился въ полномъ невѣдѣніи относительно дальнѣйшихъ предположеній нашего правительства. Въ ожиданіи точныхъ указаній, онъ объявилъ, что всѣ распоряженія по краю будутъ издаваться за подписями и печатями царевича Іоанна, мдиванъ-бека князя Игнатія Гуманова и его ¹⁾).

Генераль Кноррингъ узналъ о кончинѣ царя Георгія 3-го января 1801 г. и тогда же донесъ объ этомъ императору Павлу ²⁾), а на другой день прискакалъ къ нему въ кр. Наурскую курьеръ съ манифестомъ и рескриптомъ отъ 18-го декабря 1800 г. Кноррингъ не рѣшился, однако, публиковать манифестъ въ Грузіи безъ особаго на то высочайшаго повелѣнія. «Изъ содержанія манифеста видно,—доносилъ онъ императору Павлу ³⁾),—что объявленіе его должно произведено быть въ дѣйствіе тогда, когда бы полномочные грузинскіе, принявъ грамоты отъ царя и народа о желаніи ихъ быть въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества, возвращались уже съ грамотами тѣми изъ Тифлиса; не осмѣливаюсь публиковать его теперь, вѣдая, что дѣло оное конца своего сообразно предположеніямъ не воспріяло, и народъ грузинскій не предваренъ о рѣшительномъ соизволеніи Вашего Императорскаго Величества принять ихъ подъ законы имперіи всероссійской; а кромѣ того явно и изъ обстоятельствъ, что о намѣреніи покойнаго царя никто изъ братьевъ его, даже самъ сынъ царевичъ Давидъ, не вѣдали; при всемъ томъ въ Грузіи, по объявленіи царевичамъ и народу воли Вашего Императорскаго Величества, чтобы до полученія всевысочайшаго Вашего соизволенія оставалось все въ прежнемъ положеніи, и преемникъ покойному царю избираемъ не былъ;—народомъ принято сіе безъ малѣйшаго ропота, да и всѣ царевичи изъявили на то готовность свою тѣмъ охотнѣе, что

¹⁾ Акты кавк. арх. ком., № 139.

²⁾ Всеподд. рапортъ 3-го января 1801 г. Тамъ же, № 143.

³⁾ Тоже 5-го января 1801 г. Тамъ же, № 146.

въ противномъ случаѣ должны бы возродиться междоусобія между братьями и дѣтьми покойнаго царя, кои одни у другихъ оспариваютъ право къ престолу. Сего же числа присланъ ко мнѣ отъ Вахтанга, царевича, грузинскій дворянинъ Казбекъ и, по порученію его, объявилъ мнѣ, что, если царствовать надъ ними Давиду царевичу, соглашаются и всѣ его братья видѣть себя лучше въ непосредственномъ владѣніи Вашего Императорскаго Величества, имѣя неизмѣнную надежду на неизреченное милосердіе Ваше. И таковой образъ мыслей братьевъ покойнаго царя и спокойное положеніе дѣлъ въ Грузіи подали мнѣ вторую причину пріудержаться публикованіемъ манифеста до полученія на сіе всевысочайшаго повелѣнія».

Между тѣмъ, императоръ Павелъ отступилъ отъ первоначальнаго намѣренія своего выждать прибытія въ Петербургъ грузинскихъ пословъ для заключенія формальнаго акта о присоединеніи Грузіи. Кончина Георгія сдѣлала совершеніе такого акта невозможнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ она устраняла необходимость сохраненія царскаго титула, хотя бы и номинальнаго, за нисходящимъ потомствомъ Георгія. Вслѣдствіе этого, немедленно, по полученіи донесенія Кнорринга отъ 3-го января 1801 г. о смерти грузинскаго царя, императоръ Павелъ обнародовалъ въ Петербургѣ 18-го января свой манифестъ о присоединеніи Грузіи ¹⁾, подписанный имъ еще 18-го декабря 1800 г., и повелѣлъ Кноррингу сдѣлать то же и въ Грузіи.

Въ манифестѣ этомъ изображено:

«Съ давнихъ уже временъ грузинское царство, угнетаемое иновѣрными сосѣдями, истощало силы свои непрестаннымъ ратованіемъ въ собственную оборону, чувствуя неизбѣжныя слѣдствія войны, почти всегда несчастливой. Къ симъ присовокупились несогласія въ домѣ царскомъ, угрожающія довершить паденіе царства сего, возродя въ немъ междоусобную войну.

«Царь Георгій Иракліевичъ, видя приближающуюся кончину дней его, знатные чины и самъ народъ грузинскій прибѣгли нынѣ

¹⁾ При обнародованіи манифестъ былъ помѣченъ 18-мъ января 1801 г. Текстъ манифеста у П. Г. Буткова, Матеріалы и пр., II, 466.

къ покрову Нашему и, не предвидя иного спасенія отъ конечной гибели и покоренія врагамъ ихъ, просили чрезъ присланныхъ полномочныхъ о принятіи областей, грузинскому царству подвластныхъ, въ непосредственное подданство императорскому Всероссийскому престолу. Внимая прошенію сему, по сродному Намъ ко всѣмъ единовѣрцамъ Нашимъ милосердію и по всегдашнему Нашему о пользахъ грузинскаго народа попеченію, опредѣлили Мы исполнить желаніе царя Георгія Иракліевича и грузинскаго народа и для того повелѣно, сколько для удержанія внутренняго въ землѣ устройства, столько для огражденія оной отъ внѣшнихъ нападений, ввести войска Наши въ области грузинскія. И симъ объявлено Императорскимъ Нашимъ словомъ, что, по присоединеніи царства грузинскаго на вѣчныя времена подъ державу Нашу, не только предоставлены и въ дѣлности соблюдены будутъ любезно вѣрнымъ новымъ подданнымъ Нашимъ царства грузинскаго и всѣхъ оному подвластныхъ областей всѣ права, преимущества и собственность, законно принадлежащая; но что отъ сего времени каждое состояніе народное вышеозначенныхъ областей имѣетъ пользоваться и всѣми тѣми правами, вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми прежніе подданные російскіе, по милости Нашихъ предковъ и Нашей, наслаждаются подъ покровомъ Нашимъ. Впрочемъ, пребудемъ удостовѣрены, что сіи новые подданные Наши и ихъ потомки, сохраненіемъ непоколебимой вѣрности Намъ и преемникамъ Нашимъ и усердіемъ къ пользѣ имперіи Нашей, коей по всеблагому промыслу Всевышняго учинились они нынѣ сочленами, потщатся заслуживать Монаршее благоволеніе Наше».

Въ тотъ-же день, 18-го января 1801 г., императоръ Павелъ писалъ ¹⁾ Кноррингу: «Мнѣ остается предписать лишь наблюдать, дабы настоящая тишина грузинскаго царства отъ внутреннихъ раздоровъ и внѣшнихъ на него отъ сосѣдовъ покушеній предохранена была, для чего и нужно содѣлать извѣстнымъ манифестъ, къ вамъ препровожденный, и здѣсь сего же дня обнаруженный. Поспѣшите отправленіемъ сюда посланниковъ или депутатовъ отъ

¹⁾ Высочайшій рескриптъ 18-го января 1801 года. Акты кавк. арх. ком., 1, № 516.

народа грузинскаго, кои на публичной, данной мною имъ аудіенціи, приведены въ присутствіи моемъ къ присягѣ будутъ, что и вы потомъ въ Грузіи исполните; но обо всемъ семь получите во время потребныя наставленія».

Исполняя высочайшее повелѣніе, Кноррингъ предписалъ ¹⁾ генераль-маіору Лазареву объявить въ Грузіи манифестъ отъ 18-го января «прилично важности и достоинству императорскаго слова». Въ Тифлисѣ торжественное чтеніе манифеста происходило 16-го и 17-го февраля 1801 г. «Въ первый день,—писалъ Лазаревъ Кноррингу ²⁾,—въ здѣшнемъ Сіонскомъ соборѣ отправлена была первенствующимъ митрополитомъ Арсеніемъ божественная литургія, по окончаніи коей, въ присутствіи наслѣднаго царевича Давида и прочихъ царевичей, дѣтей царскихъ, всѣхъ бывшихъ въ сіе время въ городѣ князей и народа, читанъ былъ на російскомъ и грузинскомъ діалектахъ манифестъ, по окончаніи коего изъяснялъ я всѣмъ, сколь сіи изливаемые на нихъ высокія монарха милости для нихъ велики и полезны и что за всѣ оныя должны возблагодарить всемилостивѣйшаго государя и принести о здравіи его моленія. Всѣ присутствовавшіе тутъ приняли манифестъ сей съ должнымъ благоговѣніемъ и благодарностью. Послѣ сего грузинскій патріархъ Антоній отправлялъ о здравіи и благоденствіи государя императора и всего августѣйшаго дома благодарственный молебенъ, а на другой день, т. е. 17-го февраля, какъ жителей въ Тифлисѣ большая часть армянскаго исповѣданія, то и публикованъ былъ манифестъ въ церкви, называемой Ванкъ ³⁾. А по окончаніи публикаціи въ армянской церкви, капитанъ Тагановъ съ 21 казакомъ, ѣздилъ по всѣмъ улицамъ, читалъ оный манифестъ на російскомъ, грузинскомъ, армянскомъ и татарскомъ діалектахъ. Ввечеру же сего числа весь городъ былъ иллюминированъ и лавки по азіатскому обычаю украшены лучшими товарами, и всѣ жи-

¹⁾ Отъ 5-го февраля 1801 г. изъ Наура. Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 524.

²⁾ Рапортъ отъ 18-го февраля 1801 г. Тамъ же, № 528.

³⁾ Въ Ванкскомъ соборѣ литургію служилъ армянскій патріархъ Іосифъ Аргутинскій. Въ рапортѣ Лазарева говорится о приложеніи описанія самой церемоніи, но въ дѣлѣ такового не оказалось.

тели, воспѣвая во славу государя нашего разныя пѣсни, приносили благодаренія за изліяніе на нихъ столь великихъ милостей и съ радостію восклицали, что они теперъ уже россияне». Далѣе Лазаревъ доноситъ Кноррингу, что отправилъ переводы манифеста по всей Грузіи для объявленія населенію съ приличными толкованіями и внушеніями.

Изъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ императора Павла, графъ Ростопчинъ былъ главнымъ поборникомъ исполненія просьбы царя Георгія о принятіи Грузіи въ русское подданство. Онъ успѣлъ убѣдить государя въ чрезвычайной важности политическихъ и торговыхъ послѣдствій присоединенія къ Россіи грузинскаго царства. По его мнѣнію пріобрѣтеніе Грузіи давало прежде всего возможность угрожать Турціи, а затѣмъ оно должно было необходимо повлечь за собою подчиненіе Россіи также и береговъ Каспія, куда могла бы впослѣдствіи направиться индійская торговля ¹⁾). Императоръ увлекся обширными планами своего министра иностранныхъ дѣлъ, но не имѣлъ, какъ кажется, твердо установившагося взгляда на будущее устройство присоединяемаго царства. Вслѣдъ за манифестомъ 18-го января 1801 г. Кноррингъ получилъ нѣсколько высочайшихъ указаній по этому предмету. Въ собственноручномъ рескриптѣ отъ 20-го января 1801 г. императоръ Павелъ писалъ: «Я хочу, чтобъ Грузія была губернія, и такъ тотчасъ и поставьте ее въ сношеніе съ Сенатомъ, а по духовной части съ Синодомъ, не трогая ихъ привилегій. Губернаторомъ пусть будетъ кто-либо изъ царской крови, но подъ вами, и будетъ шефъ гусарскаго тамошняго новаго полка» ²⁾). Въ рескриптѣ отъ 23-го января 1801 г.: «Старайтесь Грузію утвердить на томъ основаніи, какъ уже къ вамъ и писано, не ищите иныхъ пріобрѣтеній дѣлать, какъ тѣ, которыя добровольно будутъ искать моего по-

¹⁾ Письмо Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову отъ 30-го іюня 1801 г. въ „Архивъ князя Воронцова“, VIII, 291. На свою роль въ дѣлѣ присоединенія Грузіи намекаетъ Ростопчинъ и въ письмѣ къ князю П. Д. Циціанову по поводу взятія Ганжи: „я положилъ начало на бумагѣ, а ты утвердилъ на землѣ“. Бартенева, „Деятнадцатый вѣкъ“, II, 38.

²⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 520.

кровительства; лучше имѣть союзниковъ, интересованныхъ въ союзѣ, нежели подданныхъ ненадежныхъ; лѣвая ваша сторона обезпечена таковыми, не наводите туркамъ страха, тогда и правая сторона будетъ надежна; ищите Арменію интересовать къ сближенію для торгу и торгомъ, дабы каналъ имѣть чрезъ нихъ и далѣе, соблюдайте привилегіи, но установите нашъ порядокъ; комплекуйте полки нашими рекрутами, но полковъ мало по пространству и такъ сочитесь, нельзя ли умножить тамошними жителями и доходами тамошними, ищите рудъ всякаго рода и промысловъ, также и таможни перенесите на границу, займитесь теперь не завоеваніемъ, но приобрѣтеніемъ добровольнымъ соглашеніемъ Арменіи. Вотъ мои мысли». Отъ 19-го февраля 1801 г. ¹⁾: «Вслѣдъ за посланниками князьями Аваловымъ и Палавандовымъ желаю я, чтобы еще отправились ко мнѣ кто-нибудь изъ царевичей, также и изъ знатнѣйшихъ Грузіи, дабы явно было свѣту, что точно Грузіи есть общій произволъ быть въ моемъ подданствѣ, а не то, чтобы покорство ихъ происходило единственно отъ желанія двухъ или трехъ; также предписываю вамъ представить мнѣ списокъ знатнѣйшихъ въ Грузіи и усердствовавшихъ болѣе къ моей особѣ и болѣе желавшихъ быть у меня въ подданствѣ. Мое намѣреніе есть изъ оныхъ пожаловать нѣкоторыхъ достоинствами графовъ и бароновъ, другихъ повысить чинами, а молодыхъ изъ знатныхъ фамилій принять къ себѣ въ камергеры. Равномѣрно напишите мнѣ и о тѣхъ, кому бы по заслугамъ и орденъ св. Андрея слѣдовать могъ».

Намѣреніе надѣлать князей грузинскихъ графскими и баронскими титулами находится, быть можетъ, въ связи съ носившимся въ то время слухомъ ²⁾ о предположеніи императора Павла пожаловать Грузію Ордену св. Іоанна Іерусалимскаго. Извѣстно, что захватъ англичанами въ 1800 г. острова Мальты, принадлежавшаго этому Ордену, государь, какъ великій магистръ Ордена, счелъ личнымъ себѣ оскорбленіемъ. Въ октябрѣ того же года онъ

1) Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 529.

2) Объ этомъ слухѣ упоминаетъ П. Г. Бутковъ. Матеріалы и пр. II, 463.

приказалъ наложить запрещеніе на англійскія суда и товары во всѣхъ русскихъ портахъ, а черезъ мѣсяцъ послѣдовало повелѣніе русскимъ купцамъ остановить платежи долговъ англичанамъ и не выпускать въ продажу англійскіе товары.

Мальтійскіе рыцари были долгое время главными борцами противъ враговъ христіанства—магометанъ. Занимая островъ Мальту, они охраняли побережья Средиземнаго моря отъ покушеній турокъ и африканскихъ корсаровъ. Весьма возможно, что императоръ Павелъ, мечтавшій о возрожденіи этого рыцарскаго союза, остановился на мысли учредить его пребываніе въ Грузіи, изнывавшей подъ гнетомъ своихъ мусульманскихъ сосѣдей. Мимолетная мысль эта быстро возникла и исчезла безслѣдно въ пылкомъ воображеніи государя.

Императоръ Александръ I
1801 г.

Глава II.

Неопредѣленное положеніе Грузіи послѣ кончины императора Павла. Царевичъ Давидъ Георгіевичъ вступаетъ въ управленіе Грузіей. Прибытіе грузинскихъ посланниковъ въ Петербургъ. Императоръ Александръ I колеблется принять Грузію въ русское подданство. Мнѣніе Государственнаго совѣта по этому предмету. Отправленіе въ Грузію генерала Кнорринга для собранія на мѣстѣ свѣдѣній о дѣйствительномъ желаніи населенія вступить въ русское подданство. Донесеніе генерала Кнорринга. Мнѣніе Государственнаго совѣта и негласнаго комитета. Манифестъ о присоединеніи Грузіи 12 сентября 1801 года. Инструкція генералу Кноррингу. Первые шаги русскаго управленія. Неудовольствіе населенія. Причины его. Отозваніе Кнорринга. Назначеніе князя Циціанова.

✓ Внезапная кончина императора Павла оставила дѣло устройства Грузіи въ совершенно неопредѣленномъ положеніи. Послы грузинскіе, не заставъ въ живыхъ царя Георгія, возвратились въ Петербургъ уже послѣ кончины императора Павла. Въ Грузіи противники присоединенія подняли головы, приверженцы впади въ уныніе. Лазаревъ, не имѣя никакихъ инструкцій отъ Кнорринга, прилагалъ всѣ заботы къ успокоенію встревоженнаго населенія. «Народъ здѣшній — доносилъ онъ Кноррингу ¹⁾—и большая часть знатныхъ, узнавъ о кончинѣ государя, пришли въ весьма большое отчаяніе, опасаясь, чтобы при сей перемѣнѣ не лишиться счастья быть въ высокомъ подданствѣ его величества и чтобы войска, здѣсь находящіяся, по прежнему примѣру не были отсюда выведены; въ семъ случаѣ болѣе утверждаемы нѣкоторыми не-приверженными. Я, сіе замѣтивъ, старался всячески увѣрить ихъ, что милосердіе государя нашего не можетъ подать имъ ни малѣйшей причины къ сомнѣнію, и они твердо могутъ надѣяться, что

1) Рапортъ отъ 8 апрѣля 1801 г. Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 533.

его величество, по милостивому своему ко всѣмъ ищущимъ быть въ высокомъ его подданствѣ расположенію, конечно, и ихъ принять въ оное не преминетъ; послѣ чего они стали быть гораздо спокойнѣе и при присягѣ августѣйшему монарху Александру Павловичу войскъ, здѣсь находящихся, весьма многіе желали также оное исполнить, прося у меня позволенія; однакожъ я безъ повелѣнія вашего сдѣлать сіе не осмѣлился, увѣривъ между тѣмъ ихъ, что въ скоромъ времени по желанію ихъ исполнится.

Управленіе Грузіей Лазаревъ оставилъ въ рукахъ царевича Давида впредь до полученія изъ Петербурга указаній о намѣреніяхъ правительства относительно этого края. До сихъ поръ остается неразъясненнымъ въ силу какихъ полномочій царевичъ Давидъ принялъ на себя управленіе Грузіей послѣ того, какъ послѣдоваль рескриптъ императора Павла о назначеніи наслѣдника покойному царю Георгію.

Немедленно послѣ кончины царя генераль-маіоръ Лазаревъ, какъ уже было сказано выше, объявилъ по Грузіи, что впредь до особаго повелѣнія всѣ правительственные акты будутъ выходить за подписями его, царевича Иоанна и мдиванъ-бека князя Игнатія Туманова. Донося объ этомъ Кноррингу ¹⁾, Лазаревъ писалъ, что по его мнѣнію, это было лучшее средство удержать въ тишинѣ и спокойствіи край, «который если бы такъ оставался безъ царя, то бы съ нимъ и справиться не можно было; ибо здѣсь правленія никакого нѣтъ, а царь дѣлалъ всякую малость самъ и бараты, или указы подписывались всѣми царевичами, каждымъ отъ себя. Итакъ, если царевичъ Давидъ будетъ подписывать, то тѣ примутъ сіе за обиду и съ своей стороны также будутъ выдавать бараты, отъ чего и произошла бы междуусобная брань, а какъ я, не имѣя на сей конецъ вашихъ повелѣній, рѣшился до полученія ихъ такимъ образомъ сдѣлать, отъ чего всѣ могутъ быть спокойны и довольны, какъ они и теперь благодарятъ за то, что здѣсь мы находимся и возсылаютъ молитвы о здравіи государя императора. Безъ того, говорятъ, мы бы другъ друга перерѣзали. Нетерпѣливо ожидаю

¹⁾ Письмо отъ 2-го января 1801 г. Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 142.

прибытія вашего и отъ искренняго сердца онаго желаю; чувствую, что весьма недостаточенъ съ сими странными людьми и обстоятельствами обходиться, и гдѣ всякій шагъ можетъ быть пагубный; если самъ чего не сдѣлаешь, такъ вѣрно выдумаютъ, и гдѣ только того и смотрятъ, чтобъ другъ друга ограбить, отнять все имѣніе, а если бы можно было, то и жизнь».

Кноррингъ остался, однако, недоволенъ распоряженіемъ Лазарева, хотя и самъ затруднялся дать ему какія-нибудь положительныя указанія. «Замѣчаю вамъ—отвѣчалъ онъ Лазареву ¹⁾— что весьма напрасно вы приняли на себя правленіе; его оставить, впредь до высочайшаго окончательнаго рѣшенія, по прежнимъ мѣстамъ, на случай таковой уже существующимъ, и мнѣ совсѣмъ непонятно, почему болѣе уполномочивается по случаю сему меньшей царевичъ Іоаннъ. Далѣе же, по грузинскимъ нынѣ обстоятельствамъ, дѣлайте соглашенія ваши съ князьями Аваловымъ и Палавандовымъ».

Предписаніе это Лазаревъ получилъ одновременно съ прибытіемъ въ Тифлисъ грузинскихъ посланниковъ, привезшихъ съ собою высочайше утвержденныя просительныя пункты покойнаго царя Георгія. Желаніе царя, какъ извѣстно, состояло въ томъ, чтобы лично за нимъ и его нисходящимъ потомствомъ сохранена была должность правителей Грузіи на правахъ генераль-губернаторскихъ, но съ царскимъ титуломъ. Извѣстно также, что царевичъ Давидъ императорскою грамотою отъ 18-го апрѣля 1799 г. былъ признанъ наслѣдникомъ грузинскаго престола.

Вполнѣ понятно поэтому, что Лазаревъ, въ виду этихъ актовъ и, не имѣя никакихъ другихъ распоряженій отъ Кнорринга кромѣ приказанія дѣйствовать по соглашенію съ князьями Аваловымъ и Палавандовымъ, призналъ сообразнымъ съ обстоятельствами дѣла допустить царевича Давида къ принятію на себя обязанностей правителя Грузіи.

П. Г. Бутковъ, состоявшій въ 1801 г. правителемъ канцеляріи Кнорринга, говоритъ положительно, что «грузинскіе уполномо-

¹⁾ Предписаніе отъ 3-го января 1801 г. Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 144.

ченныя Аваловъ и Палавандовъ, прибывъ въ Тифлисъ и, не заставъ въ живыхъ царя Георгія, вручили при приличной церемоніи высочайшую грамоту на имя покойнаго написанную нареченному отъ него наслѣднику царевичу Давиду, по словесному, какъ они говорили, на такой случай наставленію данному имъ отъ російскаго министерства. По такому же наставленію, они отъ высочайшаго имени объявили всенародно царевичу Давиду, что онъ, яко наслѣдникъ, долженъ управлять Грузією, совмѣстно съ генераль-маіоромъ Лазаревымъ, старшимъ военнымъ начальникомъ въ Грузіи» ¹⁾.

Впослѣдствіи, посѣтивъ Тифлисъ, Кноррингъ устранилъ царевича Давида отъ управленія и уничтожилъ перемѣны имъ введенныя, «по послабленію мѣстнаго російскаго военного начальства», т. е. генерала Лазарева. Справедливость требуетъ замѣтить, что главнымъ виновникомъ этихъ послабленій былъ прежде всего самъ Кноррингъ, дававшій Лазареву лишь одни уклончивыя указанія въ самое трудное для него время и не поставившій никакихъ предѣловъ власти правителя Грузіи.

Между тѣмъ, уже первыя дѣйствія царевича Давида показывали, что онъ не ограничится ролью высшаго администратора въ краѣ. Въ воззваніи къ грузинскому народу отъ 15-го января 1801 года ²⁾ объявилъ онъ, что «получилъ высочайшее повелѣніе торжественно приблизиться къ трону Грузіи — по наслѣдству, въ званіи правителя оной. И такъ какъ необходимо было объявить о семъ всѣмъ моимъ народамъ, то симъ и извѣщаемъ о принятіи нами управленія наслѣдственнымъ престоломъ». Въ такомъ же духѣ отнесся царевичъ Давидъ и къ генералу Кноррингу по поводу отправленія въ Петербургъ посланниковъ князей Палавандова и Авалова. Увѣдомляя Кнорринга о ихъ выѣздѣ изъ Тифлиса ³⁾, Давидъ называлъ себя «законнымъ наслѣдникомъ престола своихъ предковъ и родителя» и просилъ отправить посланниковъ въ Петербургъ «для пріобрѣтенія ему и его царству заблаговременно благоденственной высокомонаршей милости».

¹⁾ Бутковъ. Матеріалы и пр., II, 470, 471.

²⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 358.

³⁾ Письмо отъ 18-го января 1801 г. Тамъ же, № 359.

Послѣдовавшее 16-го февраля 1801 г. въ Тифлисѣ объявленіе манифеста императора Павла о присоединеніи Грузіи дало царевичу Давиду поводъ озаботиться усиленіемъ числа своихъ приверженцевъ. Не теряя надежды на утвержденіе въ званіи правителя Грузіи съ титуломъ царя, онъ самовластно отнималъ наслѣдственныя имѣнія и должности у своихъ противниковъ и награждалъ ими членовъ своей партіи ¹⁾. Среди князей подготавливалось ходатайство о назначеніи Давида царемъ ²⁾.

Пріѣздъ Кнорринга въ Грузію и учрежденіе временнаго правительства подъ предсѣдательствомъ Лазарева поколебали честолюбивыя надежды царевича. «Четыре плута и одинъ дуракъ правятъ всею здѣшнею землею—писалъ онъ съ досадою одному изъ своихъ приверженцевъ—ежели до сентября будетъ такъ и послѣ губернія останется, дѣло вѣчно испортится. Непремѣнно напиши Ивану, чтобы смѣнили собачьяго сына ³⁾»). Не меньшая досада на неудачу проглядываетъ и въ письмѣ ⁴⁾ Давида къ Николаю Оникову, находившемуся при царевичахъ въ Петербургѣ: «теперь вамъ извѣстно, что Кноррингъ прибылъ сюда и тотчасъ меня отрѣшилъ отъ всѣхъ дѣлъ, а Лазаревъ выбралъ четырехъ плутовъ и опредѣлилъ въ грузинское правительство. Дѣла всѣ они отправляютъ, а я ни въ какое дѣло не вмѣшиваюсь. Спите, или что вамъ сдѣлалось, что вы не стараетесь? Или работайте и старайтесь, чтобы до коронаціи кончилось все дѣло и утвердить царство наше, или дайте мнѣ справедливый знакъ, чтобы я не обнадеживался. Теперича есть случай показать усердіе; сколько можно постарайся при братьяхъ моихъ; сверхъ же этого постарайтесь узнать, что откудова происходило, что меня отъ всѣхъ дѣлъ отрѣшили».

Манифестъ Императора Александра 12 сентября 1801 г. сдѣлался извѣстнымъ царевичу Давиду раньше, чѣмъ онъ былъ объявленъ въ Грузіи. Царевичъ Іоаннъ препроводилъ его къ брату

¹⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. I, №№ 367 и 368.

²⁾ Тамъ же, № 369. Рапортъ Лазарева Кноррингу отъ 24-го марта 1801 г.

³⁾ Тамъ же, № 372. Упоминаемый въ письмѣ этомъ Иванъ былъ братъ Давида, царевичъ Іоаннъ, находившійся тогда въ Петербургѣ.

⁴⁾ Письмо отъ 5-го іюля 1801 г. Тамъ же, № 373.

съ совѣтомъ поспѣшить собрать подписи отъ всѣхъ членовъ грузинскаго царскаго дома и нѣкоторыхъ князей о желаніи ихъ имѣть царемъ Давида Георгіевича ¹⁾). Попытка эта не имѣла никакихъ послѣдствій. Пожалованіе ордена Александра Невскаго не могло вознаградить царевича Давида за утерю надежды на достиженіе верховной власти въ Грузіи и онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы, въ которой числился по чину генераль-лейтенанта ²⁾).

Грузинскіе посланники—князья Палавандовъ и Аваловъ прибыли въ Петербургъ уже послѣ кончины императора Павла. Въ апрѣлѣ 1801 г. подали они въ министерство ноту, въ которой отъ имени грузинскаго народа, добровольно признавашаго власть императора, просили о назначеніи одного изъ царевичей императорскимъ намѣстникомъ Грузіи съ титуломъ царя; лицо это управляло бы страню исключительно по высочайше начертаннымъ законамъ, совмѣстно съ однимъ изъ російскихъ вельможъ, безъ согласія котораго не дѣлалось бы никакого распоряженія ³⁾).

Посланники, забывъ о происшествіяхъ послѣдовавшихъ послѣ смерти Георгія XII, въ сущности только повторили въ своей нотѣ желаніе покойнаго царя, выраженное имъ при первоначальномъ ходатайствѣ о принятіи его въ русское подданство. Подъ «однимъ изъ царевичей» подразумѣвался, конечно, Давидъ Георгіевичъ: будучи признанъ наслѣдникомъ грузинскаго престола императоромъ Павломъ, онъ одинъ имѣлъ право на титулъ царя, хотя бы и номинальнаго, если бы прошеніе посланниковъ было исполнено. Во время неопредѣленнаго положенія Грузіи, пока не послѣдовало окончательнаго рѣшенія императора Александра о ея судьбѣ, царевичъ Давидъ, дѣйствительно, успѣлъ присвоить себѣ, съ молчаливаго согласія мѣстнаго русскаго начальства, почти царскую власть въ Грузіи.

¹⁾ Всеподданѣйшій рапортъ Кнорринга отъ 16 декабря 1801 г. Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 374.

²⁾ Тоже отъ 5-го февраля 1802 г. Тамъ же, № 375. Отставка царевича Давида не была принята Государемъ. Царевичъ скончался въ Петербургѣ 13 мая 1819 г. въ званіи сенатора.

³⁾ П. Бутковъ, Матеріалы, II, 473, III, 337.

Императоръ Александръ не сразу и только послѣ зрѣлаго и всесторонняго обсуждения согласился признать изданный императоромъ Павломъ актъ присоединенія Грузинскаго царства. Онъ передалъ вопросъ на обсужденіе вновь учрежденнаго Государственнаго совѣта, который призналъ полезнымъ приобрѣтеніе Грузіи какъ въ интересахъ ея жителей, такъ и для спокойствія собственныхъ границъ Россіи. Государь, однако, не утвердилъ этого постановленія и вторично поручилъ совѣту разсмотрѣть дѣло. Въ журналѣ засѣданія 15 апрѣля 1801 г. записано: «въ Государственномъ совѣтѣ приступили паки къ разсужденію по дѣламъ грузинскимъ, по коимъ предложено было вторично генераль-прокуроромъ Беклешовымъ о крайнемъ отвращеніи Его Императорскаго Величества принять это царство въ подданство Россіи, почитая несправедливымъ присвоеніе чужой земли ¹⁾».

Не смотря на такое рѣшительное заявленіе генераль-прокурора, Государственный совѣтъ остался при прежнемъ мнѣніи. Тогда императоръ Александръ рескриптомъ отъ 19-го апрѣля 1801 г. ²⁾ повелѣлъ генералу Кноррингу отправиться въ Грузію и лично удостовѣриться, насколько искренно и добровольно желаніе жителей этой страны вступить въ русское подданство. «При восшествіи нашемъ на престоль—сказано въ этомъ актѣ драгоценномъ для характеристики мнѣній Императора Александра въ первые годы его царствованія—мы нашли, что царство грузинское по всѣмъ государственнымъ актамъ присоединено уже къ имперіи и въ семъ качествѣ объемлемо всею святостью учиненной намъ отъ всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ присяги. Въ таковомъ положеніи дѣль и при облегающей страну сію нашей воинской силѣ могли бы считать власть нашу въ ней непоколебимо утвержденною; тѣмъ болѣе, что по дошедшимъ до насъ предварительнымъ свѣдѣніямъ удостовѣрены мы, что желанія и полномочія возвратившихся уполномоченныхъ съ принятыми мѣрами совер-

¹⁾ Государственный совѣтъ 1801—1901. Составлено въ Государственной канцеляріи.—С.-Петербургъ 1901, стр. 10 и 11.

²⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 534.

шенно сообразны. Не скроемъ мы также отъ васъ, что достоинство имперіи, безопасность нашихъ границъ, виды Порты Оттоманской, покушеніе и прорывы горскихъ народовъ, всѣ уваженія собственныхъ Россіи пользы отъ давнихъ временъ заставляли правительство помышлять о семъ происшествіи и желать его событія. Измѣряя существо его единственными нашими выгодами, мы не можемъ не признать всей ихъ силы; но пользамъ царствъ земныхъ въ правилахъ вѣчныхъ предуставлена другая мѣра, единая истинная и непреложная—*справедливость и неприкосновенность къ общенародному праву*. Во всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ нашихъ положивъ себѣ сію истину въ неподвижное основаніе, вслѣдствіе того и при настоящихъ расположеніяхъ о Грузіи, желаемъ мы прежде всего удостовѣриться: *первое*, дѣйствительно ли внутреннее и внѣшнее положеніе сей страны таково, что съ едиными силами своими не можетъ она ни противостоять властолюбивымъ претензіямъ Персіи, ни отразить набѣги облегающихъ ее горскихъ народовъ, ни потушить внутреннія вражды, междоусобною войною ей грозящія; что оставить ее царствомъ отдѣльнымъ и самобытнымъ на произволъ судьбы было бы несвойственно ни величеству имперіи, издревле ей покровительствующей, ни нашему великодушію; *второе*, на собственномъ ли убѣжденіи необходимости и отечественной пользы основано было преклоненіе царства сего подъ російскую державу, и единодушно ли всѣ великія состоянія и народъ признали поступокъ сей себѣ во спасеніе, или, увлекаемы предприимчивостью извѣстнаго рода людей, уступили они страху замысловъ и постороннимъ внушеніямъ болѣе, нежели истинному сознанію пользы своихъ. Возлагая на васъ собрать на самомъ мѣстѣ всѣ сіи удостовѣренія, мы несомнѣнно надѣемся, что, бывъ проникнуты началами насъ въ семъ дѣлѣ руководящими, вы взойдете къ самымъ первымъ его источникамъ, взвѣсите силу царства и сравните ее съ противодѣйствіемъ внѣшнимъ и внутреннимъ, вникните въ истинное положеніе ума народнаго, узнаете нужды его и слѣдствія сихъ нуждъ въ его желаніяхъ, наконецъ удостовѣритесь—искренно ли убѣждены они и пребываютъ въ томъ мнѣніи, что при-

нятіє ихъ подъ російскую державу есть единственное средство къ ихъ спасенію: и тогда, по удостовѣренію сему, займетесь вы примѣрнымъ положеніемъ для образованія будущаго въ странѣ сей управленія. Вы будете при семъ имѣть въ виду, что не для Россіи присоединяется сей народъ къ имперіи, но собственно для него: что не нашихъ пользъ мы въ семъ ищемъ, но единственно его покоя и безопасности; а потому въ положеніяхъ вашихъ объ управленіи его не оставите вы принять во уваженіе правъ его, сообразиться съ правами, обычаями и умоначертаніями, словомъ: вы будете взирать на страну сію не такъ, какъ на страну полезныхъ для насъ приобрѣтеній, но какъ на народъ, взыскавшій присоединиться къ имперіи для собственнаго его счастья, дабы въ нѣдрѣ ея обрѣсти конецъ несчастіямъ, его обуревающимъ».

Исполняя высочайшее повелѣніе, Кноррингъ прибылъ въ Тифлисъ 24 мая 1801 г. Грузію нашель онъ въ состояніи полной анархіи. Царевичъ Давидъ Георгіевичъ, присвоивъ себѣ царскія права, самовластно завѣдывалъ внутренними дѣлами. По его распоряженію «иные владѣльцы были лишены дарованнаго имъ царскою властью достоянія; другимъ оныя умножены новымъ назначеніемъ деревень и должностей съ доходами сопряженныхъ; нѣкоторые потеряли свои чины и заступили ихъ мѣста другіе; и словомъ явились такія новизны, кои, завися единственно отъ самовластія государя, нарушаютъ достоинство императорскаго о Грузіи слова, объявленнаго уже цѣлому свѣту»¹⁾

Дѣйствія царевича Давида дали поводъ къ неудовольствію прочихъ членовъ грузинскаго царскаго дома и ихъ сторонниковъ. Только энергія и благоразуміе генерала Лазарева удерживали враждующія партіи отъ явнаго мятежа. Кноррингъ созвалъ въ Тифлисъ всѣ первыя сословія грузинскаго народа и сельскихъ старшинъ, разъяснилъ имъ цѣль своего прибытія и объявилъ, что «до будущихъ высочайшихъ предписаній имѣетъ все въ Грузіи оставаться на томъ положеніи, каковое было при послѣднемъ

¹⁾ Обвѣщеніе Кнорринга народу грузинскому 2 іюня 1801 г. Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 539. Бутковъ, II, 474, 475.

часѣ кончины царя Георгія Иракліевича; и слѣдственно всѣ, слѣланнныя потомъ властью, правъ на то не имѣвшею, перемѣны должны потерять свое существо» ¹⁾). Устранивъ царевича Давида отъ участія въ дѣлахъ управленія, Кноррингъ установилъ временный полицейскій штатъ для Тифлиса и организовалъ изъ мѣстныхъ дворянъ, подъ предсѣдательствомъ генераль-маіора Лазарева, грузинское правительство. Это послѣднее, впредь до новыхъ высочайшихъ повелѣній, должно было «принимать на разсмотрѣніе свое всѣ грузинскія дѣла безъ изъятія, кои входили къ послѣднецарствовавшему въ Грузіи царю отъ подданныхъ земли грузинской, и по древнимъ правиламъ и обыкновеніямъ рѣшать, что только не включаетъ въ себѣ преступленій уголовныхъ и дѣлъ чрезвычайной важности» ²⁾).

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія съ Тифлисѣ Кноррингъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь представилъ онъ государю подробный отчетъ о положеніи Грузіи ³⁾). Отвѣчая на предложенные ему вопросы, Кноррингъ свидѣтельствовалъ, что «внутреннее и внѣшнее положеніе страны таково, что съ едиными силами своими не можетъ она ни противостать властолюбивымъ притязаніямъ Персіи, ни отразить набѣги облажащихъ ее горскихъ народовъ». Междуусобная война между царевичами изъ за престола была вполнѣ подготовлена. «Коль скоро—сказано въ рапортѣ—войска російскія одинъ шагъ назадъ изъ Грузіи сдѣлають, пламень крамолы мгновенно по землѣ сей распространится, поелику царевичи, находящіеся въ Имеретіи по случаю нерѣшенія еще судьбы Грузіи, лаская себя перемѣною расположенія о землѣ сей всеросійскаго императорскаго двора союзами своими съ имеретинскимъ царемъ, со сношеніями съ Баба-ханомъ и обѣщаніями дагестанцамъ знатныхъ наградъ приготовили уже планъ мятежнымъ своимъ дѣйствіямъ». Объ искренности и единодушій всего грузинскаго народа въ стремленіи предаться въ русское подданство не могло быть, конечно, рѣчи. «Я не осмѣливаюсь утверждать—писалъ по

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Предписаніе Кнорринга Лазареву отъ 2 іюня 1801 г. Акты кавк. археогр. ком., т. I, №№ 538 и 539.

³⁾ Всеподдан. рапортъ отъ 28-го іюля 1801 г. Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 543.

этому вопросу Кноррингъ—чтобы всѣ вышняго состоянія люди взирали на присоединеніе Грузіи къ имперіи и прежде и теперъ равнодушно. Въ дворянствѣ грузинскомъ окажется половина желающихъ видѣть надъ собою царя и образъ прежняго своего правленія, дабы только удержать право наслѣдственно получать достоинства и сопряженныя съ ними доходы, обольщаемыхъ царевичами съ одной и мнимо устрашаемыхъ переменами съ другой стороны, которые однако же въ пребываніе мое въ Грузіи чувствованія свои хранили безмолвно. Но всѣ прочіе, основательнѣе размышляющіе, вѣдая внутреннее и внѣшнее состояніе отечества своего, зная, сколь нетвердо достояніе каждаго въ такомъ правленіи, въ коемъ нѣтъ ни твердыхъ основаній, ни способовъ къ содержанію устройства; разсуждая, что лучше уступить часть изъ своихъ преимуществъ и быть подъ сѣнію незыблемаго благополучія, нежели, находясь въ ежеминутномъ страхѣ, ожидать потери и жизни и собственности или отъ внутреннихъ волненій, или отъ хищныхъ сосѣдовъ, совокупно со всѣми прочими состояніями грузинскаго народа искренно желаютъ быть въ русскомъ подданствѣ. Итакъ, ежели части недоброхотовъ своему отечеству, разумѣя нѣкоторыхъ царевичей и дворянъ, противопоставить другую, лучше о пользахъ своихъ и своего отечества разсуждающую и къ сей присокупить весь народъ, жаждущій быть подъ законами имперіи, то сердечное желаніе сихъ несчастныхъ людей, возлагающихъ все упованіе свое на великодушіе государя императора и уже російскимъ оружіемъ неоднократно отъ крайнихъ бѣдъ спасенныхъ, заслуживаетъ уваженія».

Къ своему донесенію Кноррингъ приложилъ «примѣрное положеніе для образованія будущаго въ Грузіи управленія». Сознавая, что коренная ломка прежняго административнаго строя невозможна на первыхъ порахъ, онъ приноровилъ положеніе къ *умоначертанію* грузинскаго народа, «не дерзнувъ однако ввести въ оное требуемаго царемъ Георгіемъ Иракліевичемъ присвоенія наслѣдникамъ его, при титулѣ царя, главной въ землѣ грузинской власти—по недоумѣнію, позволяютъ ли сіе правила здравой политики».

Финансовыя средства Грузіи Кноррингъ исчислялъ въ 310.000 рублей сер., но полагалъ, что они могутъ утроиться безъ отягощенія промысловъ и торговли, «если прекратятся многія монополіи, допущенныя правительствомъ въ совершенный казнѣ убытковъ, наипаче когда царь заимствовался отъ кого-либо изъ купечествующихъ наличными деньгами».

Докладъ генерала Кнорринга, по повелѣнію императора Александра, былъ переданъ опять на обсужденіе Государственнаго совѣта, а одновременно разсматривался и въ такъ называемомъ «негласномъ комитетѣ», состоявшемъ изъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ молодого государя: графа П. А. Строганова, графа В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева и князя Адама Чарторыйскаго.

Въ Государственномъ совѣтѣ на присоединеніе Грузіи особенно настаивалъ графъ Валеріанъ Зубовъ. Какъ бывшій начальникъ экспедиціоннаго корпуса въ персидскомъ походѣ 1796 г., Зубовъ былъ въ составѣ тогдашняго Государственнаго совѣта единственнымъ лицомъ, хорошо знавшимъ по собственнымъ наблюденіямъ положеніе Закавказья и потому имѣвшимъ возможность взвѣсить всѣ политическія послѣдствія присоединенія Грузіи. Онъ основательно доказывалъ, что, уклоняясь отъ занятія этой страны, мы подвергаемъ опасности собственныя наци владѣнія на Кавказѣ, и что Россія не въ правѣ отвергать единодушную мольбу жителей грузинскаго царства о принятіи ихъ въ подданство. Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ графа Зубова во вниманіе, между прочимъ, и къ богатству края, доходы съ коего простирались до десяти милліоновъ рублей ¹⁾. Но «негласный комитетъ» пришелъ къ противоположному выводу. Докладчикъ, графъ В. П. Кочубей, высказавъ сомнѣніе въ искренности желанія населенія Грузіи вступить въ русское подданство, находилъ болѣе удобнымъ принять ихъ только подъ покровительствомъ Россіи, такъ какъ для этого потребовалось бы меньше войска и расходовъ.

¹⁾ Государственный совѣтъ 1801—1801. Составлено въ Государственной канцеляріи. С.-Петербургъ 1801, стр. 10 и 11. Неизвѣстно, откуда взялась цифра въ десять милліоновъ, когда Кноррингъ опредѣлялъ доходы Грузіи всего въ 310.000 руб. и только предполагалъ, что они могутъ быть доведены до одного милліона.

Указанную Кноррингомъ цифру доходовъ Грузіи Кочубей считалъ значительно преувеличенною изъ желанія угодить государю, тогда какъ въ дѣйствительности страна населена скудно и не имѣетъ промышленности. Въ концѣ концовъ комитетъ единогласно заключилъ, что слѣдуетъ отказаться отъ обладанія Грузіей ¹⁾).

Императоръ Александръ долго оставался въ нерѣшительности. Наконецъ, сознаніе важности соображеній, высказанныхъ Государственнымъ совѣтомъ послѣ троекратнаго обсужденія дѣла, взяли верхъ надъ личнымъ его нежеланіемъ и даже «отвращеніемъ» принять грузинское царство въ подданство Россіи. Согласившись съ мнѣніемъ Государственнаго совѣта, государь издалъ въ Москвѣ, за три дня до своей коронаціи, знаменитый манифестъ 12-го сентября 1801 г. ²⁾), въ которомъ всенародно высказалъ причины, побудившія его внять голосу грузинскаго народа.

Вотъ что сказано въ этомъ замѣчательномъ актѣ, обращенномъ ко всѣмъ обывателямъ царства грузинскаго, кому о томъ вѣдать надлежитъ: «Покровительство и верховная власть Россійской имперіи надъ царствомъ грузинскимъ всегда налагали на монарховъ россійскихъ и долгъ защиты. Въ 1796 году, противъ сильнаго впаденія къ вамъ Аги-Магмедъ-хана, въ Бозѣ почившая великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна послала часть войскъ своихъ. Столь успѣшное тогда не токмо спасеніе царства грузинскаго, но и счастливое покореніе всѣхъ областей и народовъ отъ береговъ Каспійскаго моря до рѣкъ Куры и Аракса ограждали васъ отъ всякихъ опасностей; оставалось токмо внутреннимъ благоучрежденіемъ благоденствіе ваше утвердить на вѣки. Но внезапное и скоропостижное отступленіе войскъ россійскихъ изъ Персіи, Арменіи и изъ предѣловъ вашихъ испровергли справедливое ожиданіе ваше. Всѣ потомъ претерпѣнныя вами бѣдствія — нашествія невѣрныхъ и иноплеменныхъ народовъ, раззоренія городовъ и селеній, порабощеніе и увлеченіе въ плѣнъ отцовъ, матерей, женъ и дѣтей

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 547. Здѣсь, по типографской ошпбкѣ, манифестъ помѣченъ 12-мъ сентября 1802 года.

вашихъ, наконецъ раздоръ царской фамиліи и раздѣленіе народа между разными искателями царскаго достоинства—влекли васъ въ междоусобныя брани. Окружающіе васъ хищные народы готовы были напасть на царство ваше и ненаказанно растерзать его остатки. Соединеніемъ всѣхъ сихъ золь не токмо народъ, но даже и имя народа грузинскаго, храбростью прежде столь славнаго во всеі Азіи; потребилось бы отъ лица земли. Стоя въ безднѣ сей, неоднократно призывали вы покровительство російское. Вступленіе войскъ нашихъ и пораженіе Омаръ-хана аварскаго пріостановили гибель вашу, устранивъ всѣхъ хищниковъ, наполняющихъ горы Кавказскія, и тѣхъ, кои раздираютъ области Персіи и Великой Арменіи; затихли крамолы посреди васъ и всѣ вы единодушно и торжественно воззвали власть російскую управлять вами непосредственно. Мы, вступя на всеросійскій престоль, обрѣли царство грузинское присоединенное къ Россіи, о чемъ и манифестъ въ 18-й день января 1801 года изданъ уже былъ во всенародное извѣстіе. Вникая въ положеніе ваше и, видя, что посредство и присутствіе войскъ російскихъ въ Грузіи и доннынѣ одно удерживаетъ пролитіе крови намъ единовѣрныхъ и конечную гибель, уготованную вамъ отъ хищныхъ и невѣрныхъ сопредѣльныхъ вамъ народовъ, желали мы испытать еще, нѣтъ ли возможности возстановить первое правленіе подъ покровительствомъ нашимъ и сохранить васъ въ спокойствіи и въ безопасности. Но ближайшія по сему изслѣдованія наконецъ убѣдили насъ, что разныя части народа грузинскаго, равно драгоцѣнныя намъ по чловѣчеству, праведно страшатся гоненія и мести того, кто изъ искателей достоинства царскаго могъ бы достигнуть его власти, поелику противъ всѣхъ ихъ большая часть въ народѣ столь явно себя обнаружила. Одно сомнѣніе и страхъ сихъ послѣдствій, возродивъ безпокойства, неминуемо были бы источникомъ междоусобіи и кровопролитія. Сверхъ того, бывшее правленіе, даже и въ царство царя Ираклія, который духомъ и достоинствомъ своимъ соединилъ все подъ власть свою, не могло утвердить ни внѣшней, ни внутренней безопасности; напротивъ, столь кратно вовлекало васъ въ бездну золь, на краю коей и нынѣ вы стоите и въ которую по

всѣмъ соображеніямъ должны вы будете низвергнуться, если мощная рука справедливой власти отъ паденія сего васъ не удержитъ. Сила обстоятельствъ сихъ, общее по сему чувство ваше и гласъ грузинскаго народа преклонили насъ не оставить и не предать на жертву бѣдствія языкъ единовѣрный, вручившій жребій свой великодушной защитѣ Россіи. Возбужденная надежда ваша сей разъ обманута не будетъ. Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи приедемъ мы на себя бремя управления царства грузинскаго; единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность, и дать каждому защиту закона. А по сему избравъ нашего г.-л. Кнорринга быть главноуправляющимъ посреди васъ, дали мы ему полныя наставленія открыть сіе правленіе особеннымъ отъ имени нашего объявленіемъ и привести въ силу и дѣйствіе предначертанное отъ насъ постановленіе, къ исполненію коего, приобщая избранныхъ изъ васъ по достоинствамъ и по общей довѣренности, уповаемъ, что вы, ввѣряясь правленію сему, несомнѣнно подъ сѣнью онаго начально спокойствіе и безопасность обрящете, а потомъ и благоденствіе и изобиліе.

Всѣ подати съ земли вашей повелѣли мы обращать въ пользу вашу и что за содержаніемъ правленія оставаться будетъ, употреблять на возстановленіе раззоренныхъ городовъ и селеній. Каждый пребудетъ при преимуществахъ состоянія своего, при свободномъ отправленіи своей вѣры и при собственности своей неприкосновенно. Царевичи сохранятъ удѣлы свои, кромѣ отсутствующихъ, а симъ годовой доходъ съ удѣловъ ихъ ежегодно производимъ будетъ деньгами, гдѣ бы они не обрѣтались, лишь бы сохраняли долгъ присяги. Во взаимность сихъ великодушныхъ попеченій нашихъ о благѣ всѣхъ и cadaго изъ васъ мы требуемъ, чтобы вы, для утвержденія постановленной надъ вами власти, дали присягу въ вѣрности по формѣ при семъ приложенной. Духовенство, яко пастыри душевные, первые должны дать примѣръ.

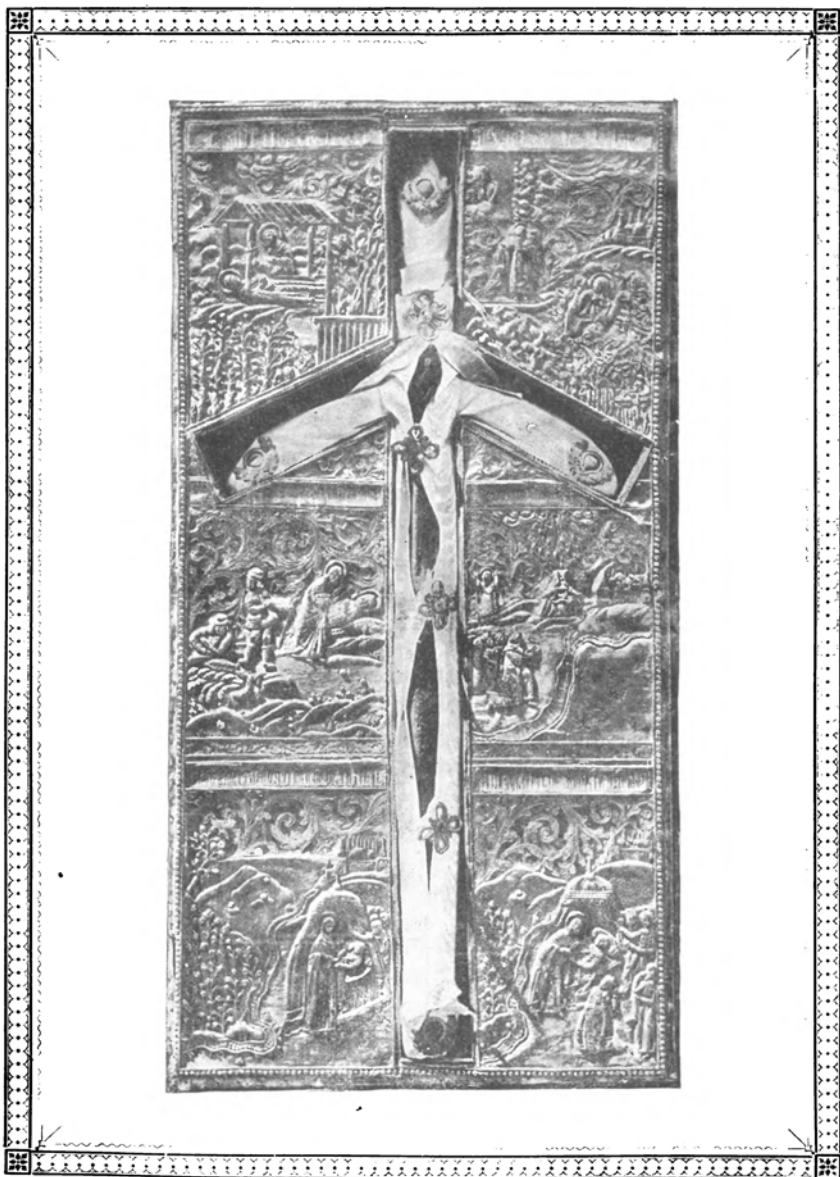
Наконецъ да познаете и вы цѣну добраго правленія, да дворится между вами миръ, правосудіе, увѣренность какъ личная, такъ и имущественная, да пресѣкнутся самоуправство и лютыя истязанія, да обратится каждый къ лучшимъ пользамъ своимъ и общественнымъ, свободно и невозбранно упражняясь въ земледѣліи, промыслахъ, торговлѣ, рукодѣліяхъ, подѣ стѣнію законовъ, всѣхъ равно покровительствующихъ. Избытки и благоденствіе ваше будетъ пріятнѣйшею и единою для насъ наградою» ¹⁾).

За манифестомъ 12-го сентября послѣдовалъ особый актъ благоволѣнія императора Александра I къ грузинскому народу: Грузіи была возвращена одна изъ величайшихъ ея святынь—св. крестъ, съ которымъ равноапостольная св. Нина проповѣдывала въ IV вѣкѣ евангеліе среди картвельскихъ племенъ. Крестъ этотъ сдѣланъ изъ толстой виноградной лозы и обвитъ, по преданіямъ грузинъ, собственными волосами просвѣтительницы.

Въ 1749 году Романъ (сынъ эристава арагвскаго), митрополитъ Самтаврскій и Горійскій, покидая Грузію, тайно взялъ съ собою крестъ св. Нины и передалъ его царевичу Бакару, жившему въ Москвѣ. Съ тѣхъ поръ святыня находилась въ селѣ Лысковѣ (Нижегородской губерніи), имѣніе князей Грузинскихъ, потомковъ царя Вахтанга. Впослѣдствіи, когда послѣдовалъ манифестъ 12-го сентября 1801 г., князь Георгій Александровичъ Грузинскій, внукъ царевича Бакара, поднесъ этотъ крестъ въ даръ императору Александру, а государь повелѣлъ возвратить его обратно въ Грузію.

«Зная—сказано между прочимъ въ рескриптѣ на имя Кнорринга 15-го октября 1801 г.—сколь благоговѣнное уваженіе народъ грузинскій издревле сохранялъ къ честному и животворящему кресту св. Нины и что соблюденіе сей святыни среди его было знаменіемъ благосостоянія, такъ какъ, напротивъ, удаленіе ея отъ предѣловъ иверійскихъ было эпохою браней, раздоровъ и бѣдствій, страну сію постигшихъ, мы давно уже помышляли возвратить Грузіи сей залогъ Божія къ ней благоволенія и таинственную печать ея блаженства. Всевышній, благословящій всѣ

¹⁾ По словамъ П. Г. Буткова текстъ этого манифеста сочиненъ княземъ Пл. Ал. Зубовымъ. См. Буткова. Матеріалы и пр., II, 485.

КРЕСТЪ

(изъ виноградной лозы)

Св. Равноапостольной НИНЫ,

Просвѣтительницы Грузіи.

подвиги наши въ пользу сего народа, ниспослалъ и сей безцѣнный даръ въ сокровищи наши. Воспріявъ его съ подобающимъ благодареніемъ къ всеильному Его промыслу, мы съ чувствомъ истиннаго удовольствія препровождаемъ его къ грузинскому народу чрезъ нашего д. с. с. и правителя Грузіи Коваленскаго.

«Мы удостовѣрены, что среди опытовъ наша любви къ народу намъ единовѣрному, приметъ онъ сей даръ новымъ ознаменованіемъ нашего о немъ попеченія.

«Мы поручаемъ вамъ, возвѣстивъ всенародно о перенесеніи его въ страну грузинскую, учредить срѣтеніе его, по сношенію съ главнымъ духовенствомъ, съ подобающей честью, теплой вѣрѣ и твердому упованію сообразною, и поставить въ главномъ храмѣ тифлисскомъ, да водруженный среди народа, къ нему праведно благоговѣющаго, будетъ онъ залогомъ и утвержденіемъ его счастья, да вмѣстѣ съ нимъ возвратятся въ страны сіи миръ и благоустройство, да чудесная сила креста сего исцѣлитъ безчисленныя раны, мятежомъ и внутренними раздорами нанесенныя и да благодать Вышняго увѣнчаетъ успѣхами намѣреніе и подвиги наши во спасеніе народа грузинскаго, въ славу его и въ преуспѣяніе предпріятыя».

Въ началѣ 1802 г. крестъ былъ врученъ въ селеніи Степанъцминда (нынѣ Казбекъ) депутаціи отъ духовенства и администраціи Грузіи. По пути, въ Ананурѣ, древнемъ мѣстопребываніи бывшихъ владѣльцевъ арагвскихъ, потомъ въ Гартисъ-кари, въ мѣстечкѣ, нѣкогда составлявшемъ предмѣстье древней грузинской столицы, и, наконецъ, во Мцхетѣ, св. крестъ останавливался, и высшее духовенство соборне служило при громадномъ стеченіи народа благодарственные молебны. Во Мцхетѣ духовную процессію встрѣтилъ самъ католикосъ всей Грузіи Антоній со всѣмъ священническимъ чиномъ карталинскихъ и кахетинскихъ церквей, а на другой день 9-го апрѣля 1802 года крестъ торжественно внесенъ былъ въ Тифлисъ и, встрѣченный восторженною радостію народа, положенъ въ Сіонскомъ соборѣ ¹⁾).

¹⁾ Платонъ Юсселиани. „Описаніе древностей города Тифлиса“. Тифлисъ 1866 г. стр. 120 — 131; Акты кавк. археогр. ком., т. I, №№ 651 — 654. Въ документѣ № 651

Одновременно съ манифестомъ были изданы «Постановленіе внутренняго въ Грузіи управленія» и рескриптъ на имя вновь назначеннаго главнокомандующаго въ Грузіи г.-л. Кнорринга.

Не касаясь здѣсь «Постановленія», такъ какъ сущность этого акта изложена подробно въ исторіи гражданскаго управленія Кавказскаго края, обратимся къ тѣмъ указаніямъ, которыя были высочайше преподаны Кноррингу по части отношеній его къ пограничнымъ съ Грузіею владѣльцамъ. Главное затрудненіе къ водворенію порядка и спокойствія въ краѣ состояло въ разобшенности его съ имперіей. Путь съ Кавказской линіи чрезъ горы въ Тифлисъ представлялъ величайшія затрудненія со стороны какъ природы, такъ и хищнаго населенія, обитающаго вдоль линіи военно-грузинской дороги. Сухопутныя дороги отъ береговъ Каспія и Чернаго моря внутрь страны пролегали по владѣніямъ не подвластнымъ Россіи. Разоренная и опустошенная Грузія не была въ состояніи доставлять войскамъ даже за большія деньги потребнаго количества провіанта. Всякая мелочь привозилась въ Тифлисъ съ линіи на вьюкахъ и съ значительными расходами. Въ виду этого вниманіе Кнорринга было обращено императоромъ Александромъ на существенную необходимость обезпеченія сообщеній Грузіи съ морями, омывающими западныя и восточныя побережья Кавказскаго перешейка. Было очевидно, что безъ этихъ сообщеній самый вопросъ о прочности русской власти въ Грузіи не могъ считаться безповоротно рѣшеннымъ.

«Содержа сношенія съ окрестными владѣльцами и народами — сказано въ рескриптѣ 12-го сентября 1801 года ¹⁾ — стараться приумножить число приверженныхъ къ Россіи, особенно же привлечь хановъ эриванскаго, ганжинскаго, шекинскаго, ширванскаго, бакинскаго и другихъ, надъ коими власть Баба-хана еще не утвердилась и кои потому въ настоящихъ обстоятельствахъ для безопасности своей будутъ конечно болѣе преклонны къ Россіи.

(записка о крестѣ св. Нины) ошибочно сказано, что святыня увезена изъ Грузіи при выѣздѣ въ Россію грузинскаго царя Вахтанга: какъ выше указано, крестъ вывезенъ позднѣе Brosset, H. de la G., II, 2; p. 274

¹⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 518.

Посредством сношенія съ тѣми изъ нихъ, коихъ владѣнія лежатъ на лѣвомъ берегу Аракса и прилегаютъ къ р. Куръ, стараться особливо чрезъ хана бакинскаго, который владѣетъ и устьемъ Куры и лучшимъ портомъ на Каспійскомъ морѣ, достигнуть до способовъ доставлять войскамъ нашимъ въ Грузію тяжести изъ Астрахани водою, а не труднымъ путемъ чрезъ горы Кавказскія, и если бы представилась возможность имѣть тутъ коммуникацію, то положи на морѣ все то, что открытію оной и обезпеченію способствовать можетъ, представить мнѣніе. По примѣру сему обратитъ вниманіе и на коммуникацію, могущую быть съ Чернымъ моремъ чрезъ Имеретію по р. Ріону или Фазу, и вообще дознатъ скромнымъ образомъ положеніе земли сей и прочіе берега съ сей стороны Чернаго моря. Съ царемъ имеретинскимъ и съ владѣльцемъ области одишійской, Даліаномъ, долженствуете вы имѣть пріязненное сношеніе, не подавая, однако, тѣмъ повода къ подозрѣніямъ чиновникамъ Порты Оттоманской, въ краю семъ начальствующимъ. И какъ извѣстно намъ, что царь имеретинскій желаетъ быть въ нашемъ покровительствѣ, то по обстоятельству сему даны вамъ будутъ особенныя предписанія, кои не упустите вы во всей силѣ ихъ выполнить и съ ними въ поведеніи вашемъ сообразоваться. Къ особенному же наблюденію вашему предоставляемъ привлекать къ себѣ націю армянскую всякими обласканіями. Способъ сей, по многочисленности сего племени въ сопредѣльностяхъ Грузіи, есть одинъ изъ надежнѣйшихъ къ приумноженію силы народной и къ утверженію вообще поверхности христіанъ. На сей конецъ соизволяемъ, чтобы вы, оказывая ваше по возможности покровительство араратскому патриаршему монастырю Эчміадзину, содержали съ главою церкви онаго пріязненные сношенія».

Манифестъ 12-го сентября 1801 года былъ объявленъ въ Грузіи только 12-го апрѣля слѣдующаго года, а 8-го мая послѣдовало и торжественное открытіе верховнаго грузинскаго правительства въ присутствіи Кнорринга, нарочно прибывшаго для этого въ Тифлисъ съ Кавказской линіи. «Удовольствіе народа—доносилъ онъ государю ¹⁾—тѣмъ было живѣе, тѣмъ искреннѣе, что

¹⁾ Всеобщ. рапортъ 12-го апрѣля 1802 г. Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 560.

теперь совершенно опроверглась молва, разстѣянная царевичами, въ Имеретіи обрѣтающимися и другими соучастниками ихъ, якобы Грузія останется при прежнемъ образѣ бѣдственнаго правленія своего, что и содержало доселѣ народъ грузинскій въ недовѣрчивости на милосердное призрѣніе его».

Къ сожалѣнію, радостное настроеніе это продолжалось не долго. Личный составъ новой администраціи далеко не соотвѣтствовалъ трудной задачѣ облегчить населенію переходъ къ новому порядку и заставить его сознаться, что порядокъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше прежняго. Назначая Кнорринга главнокомандующимъ на Кавказѣ и въ Грузіи, императоръ Александръ выражалъ надежду, что «онъ будетъ имѣть неослабое око на всѣхъ своихъ подчиненныхъ, дабы каждый и всѣ въ отправленіи дѣлъ своихъ являли безкорыстіе, честность, правдолюбіе, безпристрастіе, свободный доступъ, ласку, снисхожденіе и даже готовность всякому показать, гдѣ онъ можетъ сыскать правосудіе». «Вы сами — сказано въ рескриптѣ Кноррингу ¹⁾—во всемъ томъ, конечно, подчиненнымъ вашимъ будете служить примѣромъ, по-часту убѣждая ихъ, что при положеніи первыхъ началъ правительства всего нужнѣе пріобрѣсть любовь и довѣренность народа и что утвержденіе правленія, устройство его и порядочное движеніе на будущее время весьма много зависятъ отъ перваго впечатлѣнія, какое начальники произведутъ поведеніемъ своимъ въ людяхъ, управленію ихъ ввѣренныхъ».

Именно это первое впечатлѣніе и не было благопріятное. Кноррингъ, послѣ открытія присутственныхъ мѣстъ въ Тифлисѣ, возвратился на Кавказскую линію, предоставивъ руководство новыми учрежденіями всецѣло правителю Грузію П. И. Коваленскому.

Назначеніе Коваленскаго, пользовавшагося покровительствомъ графа Валеріана Зубова ²⁾, было очень неудачно. Еще состоя русскимъ резидентомъ при царѣ Георгіѣ XII онъ успѣлъ возбудить

¹⁾ Рескриптъ отъ 12-го сентября 1801 г. Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 548.

²⁾ Графъ Ростопчинъ называлъ его *таарью* Зубова. Письмо къ князю Циціанову отъ 21-го мая 1803 г. въ сборникѣ Бартенева „Деятнадцатый вѣкъ“, I, 11.

къ себѣ въ Тифлисѣ общее неудовольствіе заносчивымъ и дерзкимъ обращеніемъ ¹⁾. Теперь, сдѣлавшись полновластнымъ распорядителемъ въ Грузіи, онъ далъ волю своимъ дурнымъ инстинктамъ, между которыми корыстолюбіе играло не послѣднюю роль ²⁾. Представители низшей администраціи слѣдовали примѣру начальника и безнаказанно грабили населеніе. Если въ началѣ 18-го столѣтія составъ чиновниковъ и во внутреннихъ губерніяхъ не отличался высокимъ образовательнымъ и нравственнымъ цензомъ, то въ Грузіи не удовлетворялъ онъ и самымъ снисходительнымъ требованіямъ. Въ отдаленный край этотъ, лишенный всякихъ удобствъ, гдѣ все было дорого кромѣ вина, рѣшались ѣхать на службу по гражданской части обыкновенно только такія лица, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ не могли нигдѣ пристроиться у себя дома. Скучное содержаніе и полная необезпеченность отъ произвола Коваленскаго заставляли ихъ, иногда противъ воли, обращаться къ недозволеннымъ закономъ заработкамъ.

Вопросъ о способахъ улучшенія контингента правительственныхъ чиновниковъ на Кавказѣ возникъ вскорѣ послѣ присоединенія Грузіи. Для привлеченія въ эту отдаленную окраину лучшихъ представителей служилаго сословія съ теченіемъ времени предпринятъ былъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, — въ видѣ усиленнаго содержанія и разныхъ служебныхъ преимуществъ. Не смотря на то, не только Циціановъ, но и Ермоловъ и даже Воронцовъ жаловались постоянно на недостатокъ хорошихъ рабочихъ рукъ.

Энергичный и неустрашимый Циціановъ, не останавливавшійся предъ самыми рискованными военными предпріятіями, призналъ себя безсильнымъ въ борьбѣ съ административными злоупотребленіями и особенно съ язвой корыстолюбія ³⁾.

Никакая тѣнь не падаетъ лично на Кнорринга. Но онъ не-

¹⁾ Секретное донесеніе Соколова графу А. Р. Воронцову. Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 3.

²⁾ В. Т. Нарѣжный въ своемъ романѣ „Черный годъ или горскіе князья“ изобразилъ въ иносказательной формѣ правленіе Кнорринга и Коваленскаго на Кавказѣ.

³⁾ Всеподдан рапортъ 28-го ноября 1805 г. Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 99.

сомнѣнно виновать въ томъ, что слѣпо довѣрять Коваленскому и не хотѣлъ слушать ни доходившихъ до него изъ Грузіи жалобъ, ни донесеній Лазарева о самовластїи и заносчивости гражданскаго правителя края. Корыстолюбїе можно назвать даже наименѣе вреднымъ изъ пороковъ Коваленскаго. Худшее было то, что онъ, вмѣшавшись въ интриги царевичей и, дѣйствуя во всемъ наперекоръ Лазареву, совершенно подорвалъ довѣріе населенія къ дѣйствию мѣстной военной власти. Люди, недовольные новымъ порядкомъ вещей, нашли въ этомъ отсутствїи единства опору для своихъ надеждъ на возможность поворота къ прежнему положенію.

Голосъ общаго неудовольствія достигъ, наконецъ, до Петербурга. Жалобы на Кнорринга и Коваленскаго были такъ настойчивы, что императоръ Александръ призналъ необходимымъ дать этимъ жалобамъ удовлетвореніе. Въ высочайшемъ рескриптѣ на имя г.-л. князя Циціанова отъ 8-го сентября 1802 г. ¹⁾, было сказано: «по дошедшимъ ко мнѣ жалобамъ и неудовольствїямъ на управляющихъ въ Грузіи г.-л. Кнорринга и д. с. с. Коваленскаго призналъ я нужнымъ, причисливъ перваго къ арміи и отозвавъ послѣдняго сюда для употребленія къ другимъ дѣламъ, возложить на васъ всѣ должности съ званіемъ инспектора Кавказской линїи, астраханскаго губернатора, управляющаго тамъ и гражданской частью, и главноуправляющаго въ Грузіи соединенныя».

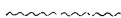
~~~~~

---

¹⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 1.

Глава III.

Князь П. Д. Циціановъ. Инструкція, данная ему императоромъ Александромъ I. Прибытіе Циціанова на Кавказскую линію. Первыя распоряженія. Борьба Данила и Давида за эчміадзинскій престолъ. Отношенія къ этому вопросу русскаго правительства. Прибытіе Циціанова въ Тифлисъ. Отправленіе въ Россію членовъ грузинскаго царскаго семейства. Царица Марія Георгіевна. Смерть генерала И. П. Лазарева. Могила его въ Сіонскомъ соборѣ.

Съ назначеніемъ князя П. Д. Циціанова начинается новая эпоха въ исторіи русскои Грузіи. Такіе правители Кавказа, какъ Ермоловъ и Воронцовъ, считали себя продолжателями предначертаній Циціанова и послѣдователями его системы управленія. «Здѣсь надобно другого князя Циціанова, которому я удивляюсь и котораго послѣ смерти почувствовали здѣсь цѣну». «Исчезли всѣ предпріятія славнаго и необыкновеннаго Циціанова; злоба и невѣжество Гудовича изгладили ихъ до самыхъ признаковъ». «По истинѣ, послѣ смерти князя Циціанова не было ему подобнаго. Не знаю, долго ли еще не найдемъ таковаго, но за теперешнее время, т. е. за себя, скажу предъ алтаремъ чести, что я далеко съ нимъ не сравнюся. Каждое его дѣйствіе въ здѣшней землѣ удивительно; а если взглянуть на малыя средства, которыми онъ распоряжалъ, многое казаться должно непонятнымъ». «Со времени кончины славнаго князя Циціанова, который всѣмъ можетъ быть образцомъ и которому не было въ Грузіи не только равныхъ, ниже подобныхъ, предмѣстники оставили мнѣ много труда». Такъ отзывался о Циціановѣ А. П. Ермоловъ, послѣ своего назначенія на Кавказъ, въ письмахъ къ графу М. С. Воронцову¹⁾.

---

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, томъ 36, письма за №№ 16, 23, 29, 31.

Въ Циціановѣ счастливо соединились всѣ тѣ условія, которыя, по тогдашнему смутному положенію края, требовались отъ его начальника. Происходя изъ грузинской княжеской фамиліи, переселившейся въ Россію въ концѣ царствованія Петра Великаго ¹⁾, онъ по привычкамъ, воспитанію и мнѣніямъ принадлежалъ вполне Россіи. вмѣстѣ съ тѣмъ родственныя связи и отношенія давали ему возможность близко знать положеніе Грузіи и внутреннюю связь происходившихъ въ ней событій. Такимъ образомъ Циціановъ не былъ чуждъ краю, въ которомъ пришлось ему дѣйствовать, но не былъ и связанъ съ нимъ въ такой мѣрѣ, чтобы мѣстные предразсудки и партійные интересы могли отклонить его отъ исполненія своего долга, какъ представителя интересовъ всего государства. Природа надѣлила Циціанова умомъ просвѣщеннымъ, обширнымъ и проницательнымъ, характеромъ благороднымъ, твердымъ и рѣшительнымъ, словомъ краснорѣчивымъ, образнымъ и энергичнымъ. Эти свойства ума и сердца были необходимы человѣку, призванному дѣйствовать въ Азіи, гдѣ ложь, интрига, предательство и коварство давно перестали считаться пороками. «Въ Азіи, — говорилъ Циціановъ, — всѣ убѣжденія и переговоры суть ничто, а сила все».

Какъ воинъ Циціановъ пользовался заслуженною репутаціею. Онъ учился военному ремеслу подъ начальствомъ Румянцева и Репнина, за взятіе Вильно получилъ орденъ св. Георгія 3-го класса. Рассказываютъ, что Суворовъ, отправляясь подъ Варшаву, отдалъ приказъ, въ которомъ рекомендовалъ своимъ войскамъ сражаться рѣшительно, какъ храбрый генералъ князь Циціановъ ²⁾». Въ 1796 г., по личному назначенію императрицы Екатерины Великой, Циціановъ участвовалъ въ персидскомъ походѣ графа В. Зубова.

---

¹⁾ Князь Павелъ Захарьевичъ Циціановъ покинулъ Грузію въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, убить въ чинѣ капитана въ шведскую войну подъ Вильманстрандомъ. Сынъ его, Дмитрій Павловичъ, служилъ по гражданской части, пользовался всеобщимъ уваженіемъ за честность и безпристрастіе и извѣстенъ своимъ первымъ на русскомъ языкѣ руководствомъ къ межевому искусству. Отъ брака его съ княжной Елисаветой Михайловной Давидовой родился въ Москвѣ 8 сентября 1754 г. князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ, знаменитый кавказскій главнокомандующій.

²⁾ Жизнь князя П. Д. Циціанова. Москва 1823, стр. 17.

По окончаніи экспедиціи онъ оставался до слѣдующаго года комендантомъ въ Баку. Здѣсь имѣлъ онъ случай близко ознакомиться съ образомъ правленія закавказскихъ хановъ, сохранивъ навсегда чувство глубокаго презрѣнія къ двуличности, низости и непомѣрной жадности. Судьбѣ угодно было, чтобы Циціановъ палъ жертвою подлаго коварства именно бакинскаго хана, который наиболѣе увѣрялъ его въ своей пріязни.

Таковы были личныя свойства главнокомандующаго, призваннаго государемъ къ устройенію Грузіи. Несомнѣнно, что край этотъ находился въ худшемъ состояніи, чѣмъ въ день изданія манифеста 12-го сентября 1801 г., ибо къ прежнимъ смутамъ присоединились еще неурядицы, вызванныя слабостью Кнорринга и интригами Коваленскаго.

Императоръ Александръ, въ рескриптѣ отъ 8-го сентября 1802 г. ¹⁾, подтверждая наставленія, данныя Кноррингу въ отношеніи внутренняго управленія Грузіи, обратилъ особенное вниманіе Циціанова на необходимость вызова въ Россію членовъ грузинскаго царскаго дома. «Вамъ извѣстно,—сказано въ рескриптѣ,— что внутреннія крамолы паче нежели внѣшнія нападенія довели царство сіе до такой слабости, въ какой нашло его російское правительство, когда гласомъ народныхъ бѣдствій вызвано оно было ему на помощь; со введеніемъ новаго вещей порядка крамолы сіи никакъ не замолкли, напротивъ тѣ же притязанія царицы Даріи къ возведенію на престолъ царевича Юлона, хотя скрытно, но тѣмъ не менѣе сильно дѣйствуютъ. Я получалъ почти еженедѣльные отъ г.-л. Кнорринга извѣстія, что ея подстреканіями подвигнуты смежныя владѣльцы къ покушеніямъ на Грузію; наконецъ, на сихъ дняхъ довелъ онъ до свѣдѣнія моего, что персидскій Бабаханъ, объявивъ Юлона царемъ грузинскимъ, отрядилъ уже войска къ его возведенію и ищетъ усилить ихъ союзомъ съ другими пограничными Грузіи владѣльцами. Прочіе царевичи болѣе или менѣе сему предпріятію содѣйствуютъ. Хотя количество облегающихъ Грузію войскъ не дозволяетъ думать, чтобы покушенія сіи могли

---

¹⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 1.

имѣтъ вредныя послѣдствія, тѣмъ не менѣе, однако, для спокойства сей страны, для спокойства самихъ войскъ нашихъ, вы чувствуете, сколь нужно пресѣчь самый источникъ сихъ затѣй. Въ самомъ началѣ о Грузіи расположенія они были предвидѣны и тогда же рѣшено было вызвать всѣхъ членовъ царскаго дома въ Россію. Перемѣнчивость въ началахъ главноуправляющаго, который то о пользахъ ихъ ходатайствовалъ, то приносилъ на нихъ жалобы, а можетъ быть и недостатокъ извѣстной твердости, доселѣ рѣшеніе сіе оставляли неисполненнымъ. Между тѣмъ, вы изъ вышеизображеннаго сами познаете, сколь сіе нужно и потому между первѣйшими обязанностями вашими поставите принять всѣ мѣры убѣжденія, настоянія и наконецъ самаго понужденія къ вызову сихъ неспокойныхъ царевичей, а особливо царицы Даріи въ Россію. Мѣру сію считаю я главною къ успокоенію народа, при видѣ ихъ замысловъ и движеній, не престающаго колебаться въ устанавливаемомъ для счастья ихъ порядкѣ».

Въ сношеніяхъ съ сосѣдями Грузіи Циціановъ долженъ былъ также руководствоваться инструкціею, данною его предмѣстнику. Для противодѣйствія возрастающему могуществу персидскаго Бабахана, главнокомандующему предлагалось составить связи съ закавказскими владѣтельными ханами, подкрѣплять ихъ и содержать сколько можно въ приверженности къ Россіи. Особенное вниманіе надлежало обратить Циціанову на борьбу Даніила и Давида за патріаршій престолъ въ Эчміадзинѣ и оказать поддержку тому изъ соперниковъ, который, по ближайшемъ изслѣдованіи, оказался бы наиболѣе соотвѣтствующимъ политическимъ видамъ русскаго правительства ¹⁾). Императоръ Александръ считалъ полезнымъ привлеченіе на сторону Россіи армянскаго народа. «Армяне, яко народъ промышленный и имѣющій въ рукахъ своихъ всю торговлю сей части Азіи, заслуживаютъ особеннаго вашего вниманія и защиты, ибо при угнетеніи ихъ въ Персіи сомнѣнія быть не можетъ, чтобы множество народа сего не основалось въ Грузіи, коль скоро почтутъ они себя обезпеченными порядочнымъ устройствомъ правительства» ²⁾).

---

¹⁾ Рапортъ Циціанову отъ 26-го сентября 1802 г. Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 5.

²⁾ Тамъ же.

Относительно провинцій западнаго Закавказья въ рескриптѣ отъ 26-го сентября 1802 г. не было особенныхъ наставленій, кромѣ замѣчанія, что «по всѣмъ свѣдѣніямъ Порты, кажется, мало занимается нашими въ Грузіи оборотами». Но въ особомъ планѣ, сообщенномъ Циціанову единственно для его свѣдѣнія, ему было предложено заботиться «о приобрѣтеніи Имеретіи съ княжествами Дадіановскимъ, Мингрелією и Гуріеловскимъ, когда къ тому удобный случай представится»²⁾.

Циціановъ прибылъ въ г. Георгіевскъ на Кавказской линіи 4-го декабря 1802 г. Приемъ дѣлъ отъ Кнорринга и приведеніе въ порядокъ кордонной службы задержали его здѣсь на два мѣсяца. Подготавливая вмѣстѣ съ тѣмъ почву для осуществленія программы своихъ дѣйствій за Кавказомъ, главнокомандующій изъ Георгіевска далъ г.-м. Лазареву первыя наставленія по вопросу объ эчміадзинскомъ патріархатѣ. Сущность этого дѣла, имѣвшаго большое политическое значеніе для Закавказья, заключалась въ слѣдующемъ.

Въ первые годы 19-го столѣтія миръ армянской церкви былъ нарушенъ соперничествомъ нѣсколькихъ честолюбивыхъ іерарховъ, стремившихся занять патріаршій престолъ въ Эчміадзинѣ послѣ кончины католикоса Гукаса (27-го декабря 1799 г.). По уставу армянской церкви и древнимъ обычаямъ верховные патріархи эчміадзинскіе избирались собраніемъ духовныхъ и свѣтскихъ представителей армянскаго народа. Избранникъ утверждался въ санѣ турецкимъ султаномъ и шахомъ персидскимъ. До принятія Грузіи подъ покровительство Россіи въ 1783 г. государи русскіе не вступались въ избраніе патріарховъ, ограничиваясь лишь утвержденіемъ тѣхъ епископовъ, которыхъ эчміадзинскій престолъ, по предоставленному ему высочайшею грамотою отъ 30-го іюня 1768 г. праву, посылалъ въ Россію для завѣдыванія церковными и духовными дѣлами русскихъ армянъ.

Во время второй турецкой войны должность эту занималъ архіепископъ Іосифъ изъ фамиліи князей Аргутинскихъ-Долгору-

---

²⁾ Письмо Циціанова къ посланнику Италіинскому отъ 26-го февраля 1803 года. Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 688.

ковыхъ. Человѣкъ умный и крайне честолюбивый, онъ не довольствовался своею архипастырскою обязанностью и стремился на болѣе широкое поприще. Обширные планы Потемкина въ восточной политикѣ дали Іосифу случай показать свои дипломатическія способности. При его участіи состоялось переселеніе въ Россію крымскихъ и турецкихъ армянъ, основавшихъ при крѣпости св. Дмитрія-на-Дону гор. Нахичевань. Въ 1796 г. Іосифъ сопровождалъ графа Валеріана Зубова въ персидскомъ походѣ и велъ переписку съ закавказскими и персидскими армянами, призывая ихъ къ содѣйствію видамъ Россіи.

Вѣсть о смертельной болѣзни престарѣлаго Гукаса возбудила въ Іосифѣ надежду на скорое осуществленіе давно лелѣемой мечты занять патриаршій престолъ. Положеніе Грузіи было въ то время таково, что уже предусматривалась возможность дѣятельнаго участія Россіи въ устройствѣ ея судьбы. При такихъ условіяхъ правительство наше не могло оставаться равнодушнымъ къ избранію эчміадзинскаго патриарха, имѣвшаго свою резиденцію въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ царствомъ грузинскимъ. Архіепископъ Іосифъ могъ разсчитывать, что императоръ Павелъ окажетъ ему могущественную поддержку, какъ лицу, вполне преданному интересамъ Россіи. Въ Эчміадзинѣ имѣлъ онъ дѣятельнаго и искуснаго агента въ лицѣ архіепископа Давида Корганова; въ Константинополѣ и въ Грузіи были у него также вліятельные защитники.

Но эчміадзинскіе избиратели взглянули на дѣло иначе. Заслуги передъ русскимъ правительствомъ и армянскимъ народомъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, основывалъ Іосифъ свое домогательство, привели къ противоположному результату. Дѣятельность Іосифа вызвала неудовольствіе правительствъ Турціи и Персіи. Вслѣдствіе этого эчміадзинскій синодъ опасался, что избраніе его навлечетъ на армянскій народъ бѣдствія, отъ которыхъ далекая Россія не будетъ въ состояніи защитить его. Признавая всѣ достоинства архіепископа Іосифа, избирательное собраніе, повинувшись голосу благоразумія, отклонило его кандидатуру и остановило свой выборъ на константинопольскомъ патриархѣ Даніилѣ.

Іосифъ не призналъ себя, однако, побѣжденнымъ. Пока въ

Константинополь шли смуты среди тамошних армянъ по поводу избранія Даниїла, Іосифъ успѣлъ исходатайствовать повелѣніе императора Павла посланнику нашему въ Турціи Томарѣ наблюдать за тѣмъ, чтобы Порта изъ корыстныхъ побужденій не утвердила въ санѣ католикоса челоуѣка недостойнаго. Іосифъ, конечно, считалъ достойнымъ только одного себя, но Томара, исполняя въ точности полученное повелѣніе, ограничился наблюденіемъ за ходомъ дѣла, не позволяя себѣ вліять на самые выборы. Тогда Іосифъ уже прямо просилъ императора Павла о поддержаніи его кандидатуры. Онъ ссыался на свои заслуги и въ то же время выставялъ Даниїла челоуѣкомъ неспособнымъ и равнодушнымъ къ русскимъ интересамъ. Стараніе Іосифа увѣнчалось успѣхомъ: Томара получилъ положительное повелѣніе дѣйствовать въ его пользу.

Турецкое министерство, въ сущности, было мало заинтересовано въ личности кандидата на санъ католикоса. Все дѣло сводилось къ полученію возможно большаго денежнаго подарка отъ избранника. Если при первыхъ попыткахъ Іосифа рейсъ-эфенди выставялъ разныя затрудненія къ устраненію Даниїла, то это показывало только, что министерство уже получило задатки отъ сторонниковъ константинопольскаго патріарха. Положительное заявленіе Томары о желаніи императора Павла видѣтъ Іосифа на патріаршемъ престолѣ положило конецъ всѣмъ колебаніямъ и отговоркамъ. Лѣтомъ 1800 г. Даниїлъ былъ сосланъ въ Гокать, а Іосифу врученъ султанскій фирманъ на достоинство католикоса. Высочайше утвердительная грамота послѣдовала 28-го іюля того же года. Это былъ первый случай участія Россіи въ назначеніи духовнаго главы армянскаго народа. Онъ послужилъ примѣромъ при избраніи послѣдующихъ эчміадзинскихъ патріарховъ и сохранилъ право русскаго правительства на утвержденіе ихъ въ этомъ санѣ.

Судьба не дала Іосифу увидѣтъ патріаршій престолъ: онъ умеръ въ Тифлисѣ 9-го марта 1801 г. на пути къ Эчміадзину. Кончина его послужила сигналомъ къ новымъ смутамъ. Состоявшій при Іосифѣ архимандритъ Григорій объявилъ, что почившій

католикось оставилъ духовное завѣщаніе, которымъ назначилъ преемникомъ по себѣ или титулярнаго константинопольскаго патріарха Ованнеса, или намѣстника эчміадзинскаго монастыря Давида Корганова.

Въ Эчміадзинѣ была хорошо извѣстна подложность этого завѣщанія. Синодъ отвергъ кандидатуру Давида и 20-го марта 1801 г. утвердилъ ранѣе избраннаго Даниїла. Но ханъ эриванскій, подкупленный Давидомъ, рѣшилъ поставить его на патріаршество, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ архимандритомъ Григоріемъ, что этимъ сдѣлаетъ онъ угодное русскому правительству. Угрозами и насиліемъ заставилъ онъ членовъ синода подписать листъ объ избраніи Давида. Оставалось только склонить на его сторону константинопольскихъ армянъ и затѣмъ испросить согласіе русскаго правительства.

Между тѣмъ вѣсть объ избраніи Даниїла была радостно принята въ Константинополь. Турецкое министерство, получивъ богатые подарки, не находило препятствій къ утвержденію его въ санѣ. Но въ Петербургѣ руководствовались другими соображеніями. Со времени кончины Юсифа Аргутинскаго обстоятельства значительно измѣнились. По манифесту императора Павла 18-го января 1801 г. Грузинское царство вступило въ русское подданство. Этимъ актомъ Россія дѣлалась ближайшею сосѣдкою Персіи и азіатскихъ владѣній Турціи. Эриванскій ханъ, по слухамъ, уже искалъ покровительства русскаго государя. При такихъ условіяхъ правительство наше признавало необходимымъ не раздражать Махмудъ-хана, стоявшаго за патріарха Давида, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать понять Оттоманской Портѣ, что отнынѣ въ дѣлѣ утвержденія эчміадзинскаго патріарха первый голосъ принадлежитъ не султану, а русскому государю, какъ естественному покровителю турецкихъ христіанъ. Къ изложеннымъ соображеніямъ присоединилась еще увѣренность императора Александра въ подлинности завѣщанія католикоса Юсифа и въ свободномъ избраніи эчміадзинскимъ синодомъ Давида Корганова.

Посланникъ Томара, получивъ соотвѣтствующія указанія, дѣйствовалъ такъ настойчиво, что турецкое правительство, не смотря

на значительныя суммы, полученныя отъ Даниїла, было поставлено въ необходимость стать на сторону его противника. Когда за тѣмъ въ Петербургѣ узнали какъ о подложности завѣщанія Іосифа, такъ и насилии Давида надъ эчміадзинскимъ синодомъ, права Даниїла, дважды избраннаго въ Эчміадзинѣ и признаннаго константинопольскими армянами, не подлежали никакому сомнѣнію. Императоръ Александръ, освѣдомившись объ этомъ, не колебался принести политическіе интересы свои въ жертву праву и справедливости. «Народъ армянскій,— сказано въ высочайшемъ рескриптѣ Томарѣ отъ 26-го сентября 1801 г. ¹⁾),— не только въ странахъ турецкихъ, но и въ Россіи обитающей, призываетъ на престолъ Даниїла и прошенія ко мнѣ, отъ разныхъ армянскихъ обществъ и отъ самого Даниїла достигшія, единогласно утверждаютъ сіе избраніе. Уваженія сіи въ правилахъ моихъ столько представляются мнѣ сильными, что не могу я колебаться отступить отъ той поверхности, которую надъ расположеніемъ турецкаго министерства знаніемъ и дѣятельностью вашею въ семъ дѣлѣ вы снискали; и хотя по послѣднимъ вашимъ реляціямъ утвержденіе Давида на патріаршемъ престолѣ должно считать совершенно оконченнымъ, но сколько бы право перевѣса въ выборахъ армянскихъ патріарховъ, утвержденіемъ симъ одержанное, ни казалось для Россіи выгоднымъ, я лучше хочу на сей разъ имъ пожертвовать, нежели пренебречь гласъ народный и прикоснуться къ нарушенію справедливости, выше всего мною чтимой. А потому и поручаю вамъ объявить министерству турецкому, что соглашаюсь я съ Портой на утвержденіе Даниїла патріархомъ араратскимъ».....

На этотъ разъ турецкое правительство съ особеннымъ удовольствіемъ исполнило представленіе русскаго посланника. Устранивъ всѣ домогательства Давида, оно поспѣшило выдать братью Даниїлу. Утвердительная грамота императора Александра послѣдовала 19-го мая 1802 г.

Но Давидъ не считалъ своего дѣла окончательно проиграннымъ. Пребывая въ Эчміадзинѣ, онъ самовластно присвоилъ себѣ

---

¹⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 673.

всѣ права верховнаго патріарха. Богатства монастыря были въ его полномъ распоряженіи. Подкупомъ, интригами и насиліемъ онъ добился въ Константинополь султанскаго берата (21-го октября 1801 г.) на санъ католикоса. Посланникъ Томара, по неизвѣстнымъ причинамъ, не оказалъ въ этомъ случаѣ никакого противо-дѣйствія. Правитель Грузіи Коваленскій все время поддерживалъ Давида, увѣряя эриванскаго хана, что этого желаетъ русское правительство. Даніиль находился въ это время въ монастырѣ св. Карапета на восточномъ Ефратѣ. По требованію Давида баязетскій паша отправилъ его къ эриванскому хану, а этотъ передалъ его во власть самозваннаго патріарха.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда князь П. Д. Циціановъ былъ назначенъ главнокомандующимъ на Кавказѣ. Императоръ Александръ, какъ уже было сказано, поручилъ ему разслѣдовать о степени расположенія армянъ къ претендентамъ на патріаршій престолъ. Прибывъ въ Георгіевскъ, Циціановъ поручилъ генералу Лазареву предупредить эриванскаго хана объ отвѣтственности за оскорбительныя поступки его съ Даніиломъ. Въ Тифлисъ убѣдился онъ въ самозванствѣ Давида и узналъ, что признанный патріархъ содержится какъ плѣнникъ въ Эчміадзинѣ. Циціановъ потребовалъ его немедленнаго освобожденія и возстановленія въ правахъ, угрожая хану, въ случаѣ послушанія, принудить его къ тому силою оружія. Но Махмудъ-ханъ, уже обнадеженный помощью Персіи, не только уклонился подъ разными пустыми предлогами отъ исполненія столь законнаго требованія, но даже предъявилъ съ своей стороны дерзкія условія.

Можетъ показаться непонятною настойчивость, съ которою Циціановъ дѣйствовалъ въ вопросѣ, повидимому, второстепенномъ въ сравненіи съ тѣми важными задачами, которыя предлежали главнокомандующему на Кавказѣ въ то смутное время. Но если вникнуть въ тогдашнее положеніе дѣлъ въ краѣ, то становится очевиднымъ, что Циціановъ не могъ и не долженъ былъ терпѣть, чтобы сосѣдственный съ Грузіей ханъ, бывшій ея данникомъ, позволилъ себѣ безнаказанно противиться объявленной ему волѣ русскаго императора. Неповиновеніе Махмудъ-хана грозило поколебать

то значеніе, которое русская власть приобрѣла за Кавказомъ послѣ ганжинскаго штурма, и поставить въ затруднительное положеніе военачальника, сильнаго не численностью войскъ, а славою ихъ непобѣдимости.

Въ Тифлисъ Циціановъ прибылъ 1-го февраля 1803 года. Здѣсь, въ числѣ наиболѣе непріятныхъ и шекотливыхъ дѣлъ, стояло на очереди удаленіе изъ Грузіи нѣкоторыхъ членовъ грузинскаго царскаго дома. Выше уже было сказано, что императоръ Александръ считалъ мѣру эту безусловно необходимою для успокоенія Грузіи.

Грузинская царская фамилія состояла въ то время изъ 26-ти особъ, считая мужчинъ, женщинъ и дѣтей ¹⁾). Ко времени прибытія Циціанова не всѣ они находились въ Грузіи: царевичъ Александръ, пятый сынъ царя Ираклія II, еще въ 1800 г. удалился въ Персію, гдѣ и основался навсегда послѣ многихъ лѣтъ бурной и скитальческой жизни; братья его царевичи Юлонъ и Парнаозъ въ 1801 г., во время пріѣзда Кнорринга въ Тифлисъ, бѣжали въ Имеретію въ надеждѣ при помощи царя Соломона добыть престолъ Грузіи; царевичъ Теймуразъ скрылся въ Персію въ началѣ 1803 г.

Отправленіе царевичей Давида, Вахтанга, Баграта и престарѣлой царицы Даріи, вдовы царя Ираклія II, совершилось безъ особенныхъ затрудненій. Только выѣздъ царицы Маріи Георгіевны, супруги царя Георгія, ознаменовался трагическимъ происшествіемъ, глубоко опечалившимъ князя Циціанова: г.-м. Лазаревъ, которому поручено было озаботиться отправленіемъ царицы, палъ жертвою честнаго исполненія своего долга.

Происшествіе это, не вполне выясненное въ мелочныхъ подробностяхъ, дало поводъ ко многимъ, невыгоднымъ для Лазарева, толкамъ. Поэтому теперь, когда дѣйствующія лица драмы давно покоятся въ землѣ, будетъ своевременнымъ безпристрастно пересмотрѣть все дѣло. Такой пересмотръ необходимъ не ради обвиненія кого-нибудь, а единственно для устраненія тѣхъ нареканій, которыя и до сихъ поръ тяготѣютъ надъ Лазаревымъ.

---

¹⁾ Полный списокъ въ Актахъ кавк. археогр. ком., т. I, № 161.

Въ апрѣлѣ 1803 г. князь Циціановъ получилъ достовѣрное извѣстіе о намѣреніи вдовствующей царицы Маріи Георгіевны бѣжать съ дѣтьми изъ Тифлиса въ Хевсурію, жители которой всегда отличались своею преданностью членамъ грузинскаго царскаго семейства. Зная, что Марія Георгіевна уже болѣе года ¹⁾ противилась высочайшему приглашенію переѣхать съ семействомъ на жительство въ Петербургъ или Москву, главнокомандующій принялъ рѣшительныя мѣры къ немедленному отправленію царицы изъ Грузіи. «Въ отвращеніе посрамленія для войскъ нашихъ отъ побѣга царицы изъ среды Тифлиса», онъ приказалъ г.-м. И. П. Лазареву препроводить ее немедленно въ Моздокъ ²⁾.

Вечеромъ, въ субботу, 18-го апрѣля 1803 г., все было готово къ бѣгству царицы. Во избѣжаніе многолюдства, которое могло обратить на себя вниманіе прохожихъ, она отправила впередъ двухъ младшихъ своихъ сыновей съ ихъ прислужниками въ городское предмѣстье Авлабаръ; но караулъ не пропустилъ ихъ черезъ городскія ворота. Объ этомъ доложили Циціанову, который въ тотъ же вечеръ приказалъ Лазареву окружить часовыми домъ царицы и объявить ей, что на утро она должна покинуть Тифлисъ «для собственнаго ея и всей Грузіи спокойствія». Одновременно г.-м. С. А. Тучкову было поручено арестовать и препроводить въ Моздокъ царевича Баграта Георгіевича, приготовившагося къ побѣгу вмѣстѣ съ царицей.

Исполнивъ данное ему приказаніе, Лазаревъ вновь явился съ нѣсколькими офицерами къ Маріи Георгіевнѣ на разсвѣтѣ 19-го апрѣля съ объявленіемъ, что все приготовлено къ ея отъѣзду. «Она, скрывши неистовую злобу свою, оказала на сіе добрую волю и подала Лазареву знакъ, будто хочетъ съ нимъ проститься, и коль скоро онъ къ ней приблизился, то, выхватя кинжалъ изъ подъ полы, поразила его такъ сильно, что черезъ нѣсколько минутъ сей усердный и достойный генераль умеръ на мѣстѣ на гла-

---

¹⁾ Въ февралѣ 1803 года Марія писала князю Циціанову, что не считаетъ возможнымъ покинуть Тифлисъ изъ опасенія повредить здоровью своему и дѣтей своихъ. Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 182.

²⁾ Предписаніе 18-го апрѣля 1803 г. Тамъ же, № 187.

захъ своихъ офицеровъ. Въ ту же минуту дочь ея, царевна Тамара, бросилась съ кинжаломъ на тифлисскаго полицеймейстера, но онъ, остерегшись отъ удара, отворотилъ оный на царицу Марію, которая и получила отъ сего малую рану въ руку. По выѣздѣ царицы изъ Тифлиса найдено въ домѣ ея много разнаго рода оружія, свинцу и пороху, изъ чего заключить можно, что имѣла она въ виду, хотя неважное предпріятіе, но какіе-либо замыслы мщенія и злобы личной, или все сіе заготовлено было для неудавшагося ей побѣга).

Такъ разсказано это событіе въ всеподданнѣйшемъ донесеніи ¹⁾ князя Циціанова, отправленномъ на другой день послѣ смерти Лазарева. Болѣе подробно изложено происшествіе въ рапортѣ тифлисскаго коменданта маіора князя Саакадзе. «Сего мѣсяца 19-го числа — доносилъ онъ Циціанову отъ 22-го апрѣля 1803 г. ²⁾ — въ шесть часовъ утра, г.-м. Лазаревъ прибылъ въ домъ грузинской царицы Маріи и, удаливши чиновниковъ изъ грузинцевъ, близъ комнаты ея находившихся, со мною, 17-го егерскаго полка капитанами Якимовымъ и Карачевымъ, шт.-капитаномъ Хрусталеvскимъ, полковымъ квартирмейстеромъ Суроковымъ, сотникомъ Крымовымъ и нацваломъ Сургуновымъ, войдя въ комнату, гдѣ она имѣла пребываніе, объявилъ ей причину своего прибытія; получа же отвѣтъ суровый и рѣшительный, что ѣхать не хочетъ, приказалъ квартирмейстеру Сурокову, знающему грузинскій языкъ, уговаривать ее, а самъ со мною и бывшими тамъ офицерами, исключая онаго Сурокова, сотника Крымова и нацвала Сургунова, изъ комнаты вышелъ для дальнѣйшаго по случаю сему распоряженія, поруча между тѣмъ мнѣ удаленіе народа, изъ любопытства близъ дома царицы собравшагося. Въ сіе самое время, какъ по изслѣдованіи моемъ оказалось, квартирмейстеръ Суроковъ лишь только подступилъ ближе къ царицѣ, то царевичъ Джебраилъ и царевна Тамара, выхватя скрытые подъ платьемъ ихъ обнаженные кинжалы, бросились на Сурокова и прочихъ стоявшихъ въ комнатѣ выгонять ихъ изъ оной. Генералъ Лазаревъ, услышавши шумъ сей, бросился въ ком-

¹⁾ Отъ 20-го апрѣля 1803 г. Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 192.

²⁾ Тамъ же, № 196.

нату и подойдя къ царицѣ, сидѣвшей на постелѣ своей, съ должнымъ къ особѣ ея почтеніемъ и, какъ чаятельно, съ испрошеніемъ унятія дѣтей ея отъ предпринятой ими дерзости, вдругъ получилъ изъ рукъ самой царицы ударъ въ лѣвый бокъ кинжаломъ, который былъ до того скрытъ подъ одѣяломъ ея обнаженный, отъ какового удара генераль Лазаревъ, перебѣжавши комнату, палъ на порогъ мертвъ, а царица Марія, занеся потомъ кинжалъ на порожніе уповательно еще кого изъ чиновниковъ, но къ совершенію онаго не была допущена нацваломъ Сургуновымъ, который, захватя остріе кинжала рукою своею, завернутою въ шапку, вырвалъ оный изъ рукъ царицы, а царевна Тамара, будучи въ самомъ азартномъ видѣ, какъ и мать ея, подбѣжавъ съ кинжаломъ же и, желая воспрепятствовать Сургунову въ отнятіи у царицы кинжала, ранила его въ правое плечо; царица схватила за кинжалъ у Тамары бывшій, чтобы съ нимъ, какъ сама выговорила, умертвить и навала, обрѣзала себѣ руку и тотъ-же часъ была обезоружена, а вмѣстѣ и царевичъ Джебраилъ Суроковымъ и Крымовымъ. По отбѣздѣ царицы, при обзорѣннн моемъ комнатъ, нашелъ скрытыя въ постели царицы заряженные ружья и пистолеть, которые, равно какъ и еще найденные 5 ружей, 2 пистолета, 5 сабель, 2 кинжала и 2 патронницы съ патронами мною запечатаны».

Въ совершеннѣ иномъ видѣ представила все это дѣло сама царица Марія. Въ обширномъ оправдательномъ письмѣ ¹⁾, отправленномъ ею изъ Воронежа, на имя императора Александра 16-го іюня 1803 г., она не только совершенно отрицаетъ какое бы ни было участіе свое или дѣтей своихъ въ убійствѣ Лазарева, даже утверждаетъ, что узнала объ этомъ несчастіи тогда только, когда въ пяти верстахъ отъ Тифлиса на р. Верѣ остановилась для перевязки своихъ ранъ. Прибывшій сюда лекарь Татула первый будто бы сообщилъ ей о насильственной смерти генерала. «Клянусь, во-первыхъ, именемъ всемогущаго Бога и потомъ драгоцѣннѣйшею для меня жизнью вашей,—такъ сказано въ письмѣ царицы,—что до того я не знала и не слышала объ убійствѣ Лазарева; что я

¹⁾ Напечатано въ полномъ видѣ въ сочиненіи Н. Дубровина, „Закавказье отъ 1803 до 1806 года“. С.-Петербургъ 1866, стр. 491—500.

узнала на Верѣ, и что не сыномъ моимъ Джебраиломъ и что не въ домѣ моемъ, но внѣ онаго, не знаю кѣмъ точно—изъ русскихъ или грузинцевъ, кто его убилъ; можетъ быть по жалости на мое тогдашнее состояніе, или можетъ быть кто-нибудь изъ злодѣевъ его сдѣлалъ, такъ какъ онъ имѣлъ ихъ, какъ изъ русскихъ, такъ и изъ грузинцевъ, довольное число; видя злодѣй, что предстоитъ ему удобное весьма къ тому время, но я не знаю какъ и кѣмъ точно сіе случилось».

Царица, какъ видно изъ того-же письма, не отрицала, что и сама она, и дѣти ея Джебраиль и Тамара имѣли въ рукахъ кинжалы; но взялась она за оружіе только съ цѣлью обороны, когда Лазаревъ бросился на нее съ обнаженною саблею. Она не успѣла еще опомниться отъ неожиданности, какъ генераль сильнымъ ударомъ разрубилъ ей плечо до кости.

Полученное Циціановымъ свѣдѣніе о готовившемся побѣгѣ къ хевсурамъ царица называетъ подложнымъ. Между тѣмъ, въ письмѣ, адресованномъ ею тифлисскому коменданту 21-го апрѣля 1803 г.¹⁾, Марія Георгіевна сообщаетъ ему, что дѣйствительно имѣла намѣреніе тайно удалиться съ дѣтьми изъ Тифлиса и потомъ увѣдомить Циціанова, что находится на землѣ, принадлежащей русскому императору.

Въ заявленіи царицы о томъ, что объ убійствѣ Лазарева узнала впервые уже послѣ выѣзда изъ города, отъ лекаря Татулы, скрывается, повидимому, какая-то игра словами. Дѣло въ томъ, что немедленно послѣ происшествія Циціановъ приказалъ г.-м. князю Дмитрію Орбеліани распорядиться отправленіемъ царицы. Князь Орбеліани, какъ сказано въ письмѣ Маріи Георгіевны къ государю, явился къ ней въ домъ и приказалъ вынести ее въ экипажъ. Трудно повѣрить, чтобы Орбеліани не сказалъ ей при этомъ о смерти Лазарева, если даже допустить, что убійство совершилось не на глазахъ царицы²⁾.

---

¹⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 199.

²⁾ Князь Орбеліани выѣхалъ изъ Тифлиса вмѣстѣ съ царицей. На ночлегъ въ Мцхетѣ сообщилъ онъ Тучкову подробности о смерти Лазарева (Записки Тучкова у Дубровина, IV, 71).

Оправдательное письмо царицы и разслѣдованіе тифлискаго коменданта князя Саакадзе сходятся только въ одномъ пунктѣ, а именно оба согласно свидѣтельствуя, что изъ комнаты, въ которой находилась царица съ дѣтьми, были удалены ея свита и слуги. Между тѣмъ, всѣ очевидцы происшествія: Сургуновъ, Крымовъ и Суроковъ показали коменданту, что Лазаревъ получилъ рану именно въ этой комнатѣ и упалъ мертвымъ на ея порогѣ. Царица называетъ въ своемъ письмѣ Сургунова человѣкомъ, усердно служившимъ еще ея покойному мужу царю Георгію, назначившему его въ должность тифлискаго нацвала. Если Крымовъ и Суроковъ могли свидѣтельствовать противъ царицы по злобѣ, то остается все-таки непонятнымъ, почему и Сургуновъ, человѣкъ ей преданный, выступилъ главнымъ противъ нея обвинителемъ въ тяжкомъ преступленіи.

Сохранилось показаніе еще одного свидѣтеля, котораго ни по его положенію, ни по отношеніямъ къ царицѣ Маріи, нельзя подозревать въ намѣреніи очернить ее. Свидѣтель этотъ Онисимъ Иоселіани ¹⁾, священникъ придворной церкви св. Георгія, примыкавшей къ жилищу царицы Маріи. Въ 1813 г. онъ разсказалъ голландцу Ротьеру (Rottiers), служившему тогда въ Тифлисѣ, исторію убійства генерала Лазарева ²⁾. По его словамъ царица сидѣла на тахтѣ, когда генералъ передалъ ей приказаніе Циціанова о немедленномъ выѣздѣ изъ города. Во время послѣдовавшаго затѣмъ разговора царица положила себѣ на колѣни круглую подушку, служившую ей изголовьемъ, и скрыла подъ нею кинжалъ. Замѣтивъ нежеланіе царицы исполнить распоряженіе главнокомандующаго, Лазаревъ приблизился къ тахтѣ и наклонился къ царицѣ, какъ бы съ намѣреніемъ схватить ее за ноги и заставить подняться съ сидѣнья. Тогда Марія Георгіевна съ быстротою молніи поразила его кинжаломъ въ лѣвый бокъ съ такою силою, что остріе вышло наружу съ противоположной стороны. Замѣтивъ

---

¹⁾ Онисимъ Иоселіани, скончавшійся въ 1816 г., служилъ при царяхъ Теймуразѣ Иракліѣ и Георгіѣ. Родной внукъ его, грузинскій историкъ и археологъ, Платонъ Игнатьевичъ Иоселіани не опровергалъ разсказа своего дѣда объ убійствѣ Лазарева.

²⁾ Rottiers, „Itinéraire de Tiflis à Constantinople“, Bruxelles 1829, pp. 77—82.

паденіе генерала, квартирмейстеръ Суроковъ обнажилъ свою саблю и нанесъ ею царицѣ нѣскольکو ударовъ въ плечо.

Такимъ образомъ, показанія и очевидцевъ происшествія и разсказъ придворнаго священника, не имѣвшаго никакихъ основаній клеветать на царицу, обвиняють ее въ убійствѣ генерала Лазарева. Таково было, повидимому, и общее тогда мнѣніе. Вскорѣ послѣ проѣзда Маріи Георгіевны чрезъ Душетъ тамошній капитанъ-исправникъ счелъ долгомъ донести ¹⁾ князю Циціанову объ отзывѣ дворянина Давида Казбека, который «съ торжественнымъ духомъ» сказалъ ему: «наша грузинская баба да убила вашего російскаго генерала!».

Въ 1806 г. нѣкій колл. асс. Лофицкій, служившій въ Тифлисѣ секретаремъ экспедиціи, подалъ на высочайшее имя доносъ на дѣйствія уже умершаго князя Циціанова. Рассказывая, между прочимъ, объ убійствѣ Лазарева, онъ говоритъ, что царица своею рукою нанесла ему кинжальный ударъ, и винить Циціанова въ не-принятіи мѣръ осторожности при высылкѣ царицы ²⁾.

Впослѣдствіи рассказы о трагическомъ происшествіи осложнились новыми обстоятельствами, о которыхъ не было рѣчи въ первое время. Кавалеръ Гамба, французскій консулъ въ Тифлисѣ во время Ермолова, сообщаетъ, что по общему мнѣнію, не отвергаемому и самою царицею, она дѣйствительно заколола Лазарева своею рукою. Но лѣтъ десять спустя послѣ событія, нѣкто изъ ея свиты, умирая, будто бы сознался, что онъ убилъ генерала по приказанію Маріи Георгіевны ³⁾. Въ позднѣйшей обработкѣ эта легенда приняла болѣе опредѣленную форму. А. М. Фадѣевъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «по словамъ молвы, Лазаревъ пользовался близкою благосклонностью Маріи Георгіевны. Онъ долго

¹⁾ Рапортъ отъ 4-го мая 1803 г. Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 200.

²⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 1.

³⁾ Gamba, Voyage dans la Russie méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824. Paris 1826, p. p. 142, 143.

Гамба рассказываетъ, что Лазаревъ былъ грузинъ и считался любовникомъ царицы, которая была оскорблена именно тѣмъ, что ея возлюбленный и бывшій подданный осмѣлился явиться къ ней съ предложеніемъ выгнать изъ Тифлиса. Роттиеръ, о которомъ сказано выше, называетъ, напротивъ, Лазарева армяниномъ. Оба показанія совершенно ошибочны: Лазаревъ происходилъ изъ дворянъ Свіяжскаго уѣзда, Казанской губерніи.

уговаривалъ ее, наконецъ хотѣлъ взять силою, она дала ему пощечину, онъ возвратилъ, она выхватила изъ-подъ тюфяка тахты, на которой сидѣла, кинжалъ и заколола его. Общее мнѣніе, заслуживающее довѣрія, утверждало, что Лазаревъ убитъ не собственноручно царицею, а находившимся при ней молодымъ тѣлохранителемъ кахетинцемъ Химшіевымъ, она же взяла вину на себя. Это же, какъ говорятъ, подтверждалъ въ Мцхетѣ, при ея похоронахъ (17-го іюня 1850 г.), духовникъ ея, заявившій, что на предсмертной исповѣди царица сказала ему, что не она убила Лазарева, и просила послѣ ея смерти объявить это гласно¹⁾»).

Въ числѣ лицъ, состоявшихъ въ свитѣ царицы, дѣйствительно значится дворянинъ Николай Химшіевъ. При производствѣ слѣдствія онъ сознавался, что участвовалъ въ приготовленіяхъ къ бѣгству царицы въ Хевсурію, относительно же убійства Лазарева объявилъ, что «таковому не вспомогалъ и до совершенія онаго не былъ о томъ извѣстенъ»²⁾. Князь Циціановъ, рассмотрѣвъ слѣдственное дѣло, нашель, что «нѣкоторые изъ служителей царицы спомоществовали намѣренію ея приготовленіемъ лошадей и катеровъ, совѣтами и согласіемъ самимъ ѣхать, чѣмъ и учинили противу присяги на вѣрность подданства преступленіе; но какъ отъ нихъ сіе происходило въ одномъ домѣ безъ всякаго съ другими о томъ сношенія и болѣе по приверженности ихъ къ природному своему царственному дому, то, освободя всѣхъ ихъ изъ-подъ суда, подтвердить накрѣпко силу учиненной ими на вѣрность подданства присяги, по которой обязаны о всякомъ вредномъ происшествіи извѣщать, опасаясь въ противномъ случаѣ строгаго по законамъ взыскація. Убіѣство же г.-м. Лазарева, какъ они всѣ при спрашиваніи порознь показали, что царицѣ Маріи въ томъ не вспомогали и до совершенія онаго о томъ извѣстны не были, и слѣдовъ подозрѣнія къ тому слѣдствіемъ не приобрѣтено—предать волѣ Божіей, пока впредь само откроется»³⁾).

---

1) А. М. Фадѣевъ. Воспоминанія. Одесса, 1897, т. II, 138, 139.

2) Акты кавк. археогр. ком. т. II, № 201.

3) Предложеніе Циціанова уголовной экспедиціи отъ 4-го августа 1803 г. Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 204.

Трудно узнать истину при общемъ желаніи скрыть ее. Во всякомъ случаѣ въ первое время никто не сомнѣвался въ томъ, что Лазаревъ былъ заколотъ самою царицею Маріей. Нельзя отрицать, конечно, возможности совершенія убійства и кѣмъ-либо изъ приближенныхъ царицы, хотя бы тѣмъ же Николаемъ Химшіевымъ, такъ какъ во время общей суматохи онъ могъ легко появиться въ комнатѣ царицы и нанести генералу смертельный ударъ. Такъ ли это было или иначе, во всякомъ случаѣ рассказъ о томъ, что царица Марія, спасая своего вѣрнаго слугу отъ тяжелой отвѣтственности, великодушно приняла всю вину на себя, должно отнести къ позднѣйшимъ украшеніямъ; мы видѣли, что царица была очень далека отъ такого благороднаго порыва, когда въ оправдательномъ письмѣ она не только клялась предъ императоромъ Александромъ въ своей совершенной невинности, но даже бросала тѣнь подозрѣнія на кого-либо изъ русскихъ или грузинъ, окружавшихъ генерала Лазарева.

Кромѣ указанныхъ поводовъ къ убійству Лазарева, надо упомянуть еще мнѣніе ген. Тучкова. По его словамъ, «царица Марія имѣла причины лично негодовать на Лазарева за разныя оскорбленія, причиняемая ей при всякихъ случаяхъ, встрѣчавшихся въ ея тогдашнемъ положеніи. Она жаловалась даже неоднократно князю Циціанову, но не получала отъ него никакого удовлетворенія»¹⁾.

Слова эти остаются на отвѣтственности Тучкова, не подкрѣпившаго ихъ никакими доказательствами. Въ общемъ же они противорѣчатъ всему тому, что мы знаемъ о Лазаревѣ, какъ о человѣкѣ прямодушномъ, честномъ и исполнительномъ, никогда не подчинявшимъ служебнаго долга своимъ личнымъ выгодамъ или чувствамъ.

П. О. Бобровскій, перечисляя причины вражды царицы къ Лазареву, упоминаетъ еще, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, у Маріи Георгіевны были съ Лазаревымъ какіе-то денежные счета, при чемъ генералъ, ссужая царицу деньгами, бралъ съ нея большіе проценты²⁾.

---

¹⁾ Дубровинъ. Исторія войны и пр., IV, 68, 69.

²⁾ Исторія лейбъ-гренад. Эриванскаго полка, III, № 204.

Авторъ не указываетъ, кѣмъ и когда было высказано это мнѣніе, въ примѣчаніи же приводитъ изъ архивнаго дѣла справку о томъ, что въ вещахъ убитаго Лазарева оказались векселя, «оставленные ему для взысканія царевичемъ Давидомъ», и какія-то денежные дѣла вдовствующей царицы *имеретинской*.

Если обвиненіе Лазарева въ ростовщичество основывается только на этихъ указаніяхъ, то нельзя не удивляться той легкости, съ которой чернится память покойнаго генерала. Царевичъ Давидъ, уѣзжая въ Петербургъ, поручилъ Лазареву взысканіе денегъ съ своихъ должниковъ; Лазаревъ же завѣдывалъ имущественными дѣлами вдовствующей царицы имеретинской Анны Матвѣевны, матери царевича Константина, томившагося въ неволѣ у царя Соломона II. Это показываетъ то довѣріе, которымъ пользовался Лазаревъ у членовъ грузинской царской семьи. Но при чемъ тутъ царица Марія и гдѣ же векселя, выданные ею генералу Лазареву?

Смерть Лазарева не остановила отправленія царицы Маріи съ дѣтьми. Въ тотъ же день, 19-го апрѣля 1803 г., она была доставлена г.-м. Орбеліани въ Мухетъ и сдана г.-м. Тучкову, находившемуся уже тамъ съ царевичемъ Багратамъ и его супругой. Циціановъ приказалъ Тучкову везти царицу Марію «яко плѣнницу и смертоубійцу» безъ всякихъ почестей, а царевича Баграта «также содержать безъ лишнихъ учтивостей подъ дѣйствительнымъ арестомъ... Во время пути блюсти всемѣрную воинскую осторожность, а особливо въ прохожденіе черезъ Кавказское ущелье»¹⁾.

Предупрежденіе относительно Кавказскаго ущелья не было внушено чрезмѣрною опасливостью. За нѣсколько дней до предположеннаго бѣгства царицы Маріи изъ Тифлиса Циціановъ получилъ свѣдѣніе объ отправленіи ею къ тагаурцамъ 1000 руб. съ обѣщаніемъ еще болѣе знатной суммы, если они, въ случаѣ отъѣзда ея въ Россію, не пропустятъ черезъ Даріальское ущелье отрядъ войскъ, назначенный для ея сопровожденія²⁾.

---

¹⁾ Письмо и предписаніе отъ 19-го апрѣля 1803 года. Акты кавк. археогр. ком., т. II, №№ 188 и 190.

²⁾ Всеподдан. донесеніе кн. Циціанова отъ 20-го апрѣля 1803 г. Акты кавк. археогр. ком., т. II, № 192.

Вѣрные горцы исполнили желаніе царицы: они заняли Даріальскій проходъ значительными силами. Тучковъ, построивъ свой отрядъ въ боевой порядокъ, съ барабаннымъ боемъ подошелъ ко входу въ тѣснину. Тагаурцы не вытерпѣли и, открывъ огонь, обнаружили мѣсто своего расположенія. Тучковъ хорошо зналъ мѣстность. Для свободнаго прохода было необходимо занять два моста, переброшенныхъ чрезъ Терекъ. Направивъ часть егерей и спѣшенныхъ казаковъ для атаки высотъ, Тучковъ подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ успѣлъ перейти чрезъ мосты, которые горцы не догадались разрушить. За вторымъ мостомъ части отряда соединились, и Тучковъ безъ сопротивленія прибылъ въ Владикавказскую крѣпость ¹⁾.

Здѣсь Марія Георгіевна и царевичъ Багратъ были сланы полковнику Протопопову, доставившему ихъ подъ воинскимъ прикрытіемъ въ Моздокъ ²⁾). Дальнѣйшій путь уже не требовалъ чрезвычайныхъ военныхъ предосторожностей. Колл. асс. Засъ прибылъ съ царицею 12-го іюня 1803 г. въ Воронежъ и передалъ ее въ распоряженіе гражданскаго губернатора Пушкина ³⁾). Отсюда, по высочайшему повелѣнію, царица была отправлена на жительство въ монастырь, въ Бѣлгородъ ⁴⁾).

Погребеніе Лазарева въ тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ послѣдовало 22-го апрѣля 1803 года. Церемоніаль,—писаль Циціановъ,—учрежденъ былъ съ должною по уставу почестью и съ возможнымъ великолѣпіемъ, дабы тѣмъ болѣе доказать въ сей новой для нашихъ обычаевъ землѣ, сколь уважаются въ Россіи геройскія жертвы долга, чести и усердія. При семъ удостовѣрился я лично въ чистосердечной преданности всего народа къ нашему правительству и въ горестнѣйшихъ единодушныхъ знакахъ сожалѣнія онаго, какъ собственно о потерѣ сего достойнѣйшаго гене-

---

1) Записки Тучкова у Дубровина, Исторія, IV, 72, 73.

2) Акты кавк. археогр. ком., т. II, №№ 191, 192.

3) Предписаніе Циціанова отъ 20-го апрѣля 1803 г. Акты кавк. археогр. ком. т. II, № 194 и рапортъ Засса отъ 15-го іюня 1803 г. Тамъ же, № 202.

4) О пребываніи ея въ этомъ городѣ см. статью А. А. Танкова, Истор. Вѣстникъ 1901 г., мартъ.

рала, стяжавшаго народную любовь и довѣренность, такъ равно и о несчастіи его постигшемъ ¹⁾).

Къ сожалѣнію, теперь только немногимъ извѣстно, что Лазаревъ погребенъ въ Сіонскомъ соборѣ. Камень съ надписью, лежавшій на его могилѣ ²⁾, болѣе не существуетъ, и нынѣ никакой знакъ не указываетъ посѣтителю храма мѣста вѣчнаго упокоенія того, кто въ смутный 1801 годъ вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть событій, послѣдовавшихъ послѣ кончины царя Георгія XII и, какъ сказалъ Циціановъ, палъ жертвою долга, чести и усердія.

---

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Платонъ Юсселіани, Описаніе древностей города Тифлиса. Тифлисъ 1866, стр. 165.

Императоръ Николайъ Павловичъ

Г л а в а ІѴ.

Джаро-белоканская область. Князь Циціановъ и его мѣры къ ослабленію набѣговъ на Кахетію. Инструкція генералу Гулякову. Приготовленія къ походу въ Джарскую область. Разгромъ Белоканъ. Покореніе джарцевъ. Первые русскія укрѣпленія на Алазани.

.....
И въ сѣчѣ съ дерзостнымъ лицомъ
Явился пылкій Циціановъ.

А. Пушкина.

Успокоивъ страну отъ внутреннихъ междоусобицъ, князь Циціановъ обратилъ затѣмъ вниманіе свое на обезпеченіе внѣшнихъ предѣловъ ея отъ непрерывныхъ вторженій непріятелей. Онъ понималъ, что, пока страна будетъ жить подъ угрозой вражескихъ нашествій, въ ней никогда не будетъ и внутренняго мира. Самыми опасными и, во всякомъ случаѣ, самыми безпокойными сосѣдями Грузіи были лезгины. Многочисленныя толпы ихъ издревле спу-скались съ горъ въ богатяя долины Закавказья и какъ саранча опустошали цѣлыя провинціи. Одна Кахетія ежегодно теряла плѣн-ными до трехсотъ семействъ; Карталинія испытывала подобную же участь. Казалось, что только привязанность къ роднымъ го-рамъ и непривычка къ знойному климату низовья мѣшали гор-цамъ Дагестана окончательно укорениться въ Грузіи и поработить себѣ это давно уже распавшееся на части и обезсиленное царство.

Но одинъ уголокъ Грузіи, представлявшій наиболѣе удобствъ для лезгинской осѣдлости, не избѣгнулъ этой печальной участи и былъ завоеванъ ими въ первой половинѣ XVII вѣка. Это была сѣверо-восточная часть Кахетіи, между Кавказскимъ хребтомъ, Алазанью, Курой и Шекинскимъ ханствомъ, извѣстная теперь подъ именемъ Закатальскаго округа. Вслѣдъ за нашествіемъ Шахъ-Аббаса,

окончательно разорившаго Кахетію (1617 г.), нѣсколько лезгинскихъ дружинъ спустились съ горъ и безъ труда овладѣли этой областью со всѣмъ ея населеніемъ; одна изъ дружинъ, приведенная потомкомъ цахурскихъ султановъ, захватила восточный участокъ области и образовала здѣсь самостоятельное владѣніе, названное Елисуйскимъ султанствомъ; прочія же дружины, не имѣвшія привилегированныхъ вождей, раздѣлили между собою всю остальную территорию, образовавъ федеративный союзъ (*лезъ*) изъ шести республиканскихъ обществъ: Джарскаго, Белоканскаго, Катехскаго, Тальскаго, Мухахскаго и Джинихскаго. Въ Елисуйскомъ султанствѣ упрочилась и существовала до послѣдняго времени ханская власть, при чемъ изъ дружинниковъ султана возникло дворянское сословіе бековъ, получившихъ въ наслѣдственное управленіе и пользованіе земли, населенныя порабощенными туземцами области. Въ остальныхъ же обществахъ, состоявшихъ каждое изъ нѣсколькихъ селеній, неизмѣнно сохранилась общинная форма управленія, при чемъ всѣми дѣлами общества, съ правами верховной, судебной и распорядительной власти, управлялъ совѣтъ (*джамаатъ*) изъ свѣтскихъ и духовныхъ старшинъ, выборныхъ отъ народа (*кехви* и *кази*). Если же дѣла касались не одного общества, а цѣлаго гѣза или нѣсколькихъ джамаатовъ, то они рѣшались въ союзномъ собраніи, которое по мѣрѣ надобности собиралось въ урочищѣ Агдамѣ.

Аборигенами области, какъ въ султанствѣ, такъ и на территоріи вольныхъ обществъ, были главнымъ образомъ грузины, а затѣмъ монголы (*мугалы*), осѣвшіе здѣсь въ концѣ XIV вѣка, во время нашествія Тамерлана.

Сами лезгины пренебрегали мирнымъ трудомъ земледѣльца, считая его неприличнымъ и несвойственнымъ воину ¹⁾. Но такъ какъ завоеватели нуждались въ средствахъ для существованія, и эти средства должна была дать имъ покоренная область, то всѣ населенныя земли были раздѣлены на участки (*кешкель*) по числу лезгинскихъ семействъ или родовъ (*тохумъ*). Грузины и мугалы,

---

¹⁾ Названіе главнаго селенія Джары происходитъ отъ слова *джаръ* или *чааръ*, т. е. дружина, войско.

оставаясь на этихъ земляхъ въ качествѣ наслѣдственныхъ арендаторовъ, были обложены въ пользу завоевателей многочисленными, но точно опредѣленными податями и повинностями. Если принять во вниманіе, что побѣжденные пользовались болѣе чѣмъ достаточнымъ количествомъ земли, что они уплачивали собственникамъ кешкелей ни въ какомъ случаѣ не болѣе одной третьей части, а иногда только десятую часть своего урожая, что владѣлецъ кешкеля не имѣлъ права держать ихъ въ крѣпостной зависимости, и они не обязывались ему никакими личными повинностями, а тѣмъ болѣе службою, что наконецъ наказаніямъ подвергались только по суду и при томъ на основаніи обычаевъ (*адатовъ*), довольно близкихъ къ ихъ собственному праву,—то будетъ понятно, почему къ началу русскаго владычества въ Закавказьѣ они почти слились съ лезгинами, хотя сохранили свой языкъ, нравы и обычаи. Къ сожалѣнію, значительная часть этихъ грузинъ, оставшись безъ всякой поддержки со стороны своихъ свободныхъ соплеменниковъ и церкви, успѣла къ тому же времени перейти въ исламъ. Коренные мусульмане называли этихъ новыхъ единовѣрцевъ своихъ *инилой*, т. е. новообращенные. Отсюда названіе *инилойцы*, подъ которымъ нынѣ извѣстны грузины Закавказскаго округа ¹⁾).

Въ стратегическомъ отношеніи завоеванная область составила передовой форпостъ для дагестанскихъ горцевъ и облегчила имъ какъ нельзя болѣе дальнѣйшіе разбойничьи набѣги на Грузію.

О серьезной борьбѣ съ ними грузинскіе цари не могли и думать. Когда грозный завоеватель востока Шахъ-Надиръ рѣшился наказать лезгинъ и послалъ на нихъ многочисленное войско, горцы, укрѣпившись въ Белоканяхъ, отразили штурмъ и положили подъ стѣнами этой крѣпости 14 тысячъ грузинъ и персіянъ. Съ тѣхъ поръ никто уже и не мечталъ о наказаніи дерзкихъ хищниковъ въ ихъ собственныхъ предѣлахъ. Даже русскіе военачальники въ Грузіи, Самойловъ и Лазаревъ, поражавшіе съ ничтожными силами громадныя скопища лезгинъ на открытыхъ равнинахъ Кахетіи, ни

---

¹⁾ М. Ковалевскій: „Законъ и обычай на Кавказѣ“; документы архива военнаго управленія; статьи „Джаро-белоканцы до начала XIX столѣтія. Газ. „Кавказъ“ 1846 года, №№ 2 и 3-й.

разу не рѣшались перейти Алазань, чтобы внести оружіе въ самую нѣдра джаро-белоканской земли. Вотъ на эти-то вольныя и гордыя своею независимостью общества князь Циціановъ и рѣшилъ прежде всего наложить свою тяжелую руку.

Не прибѣгая еще къ оружію, онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы разъяснить имъ могущество Россіи и ничтожность ихъ передъ нею. Повелительный и рѣзкій тонъ русскаго главнокомандующаго шель, какъ нельзя лучше, къ тогдашнимъ обстоятельствамъ и былъ понятенъ азійцамъ. «Статочное ли дѣло,—писалъ Циціановъ въ одной изъ своихъ прокламацій,—чтобы муха съ орломъ переговоры дѣлала». Онъ требовалъ отъ нихъ, какъ сильный отъ слабаго, безусловной покорности и выдачи бѣглаго грузинскаго царевича Александра, который, укрываясь въ ихъ обществахъ, не переставалъ домогаться правъ на престолъ своего отца Ираклія. Царевичъ задался мыслию убѣдить населеніе, что Россія не въ силахъ защитить страну отъ внѣшнихъ враговъ, и тѣмъ хотѣлъ заставить своихъ соотечественниковъ пожалѣть о времени правленія фамиліи Багратидовъ. Уже съ самаго начала 1803 г. стали ходить слухи, что джаро-белоканцы ожидаютъ только прибытія горныхъ лезгинъ, чтобы вторгнуться въ Кахетію и опустошить ее до самаго Тифлиса. Дороги сдѣлались не безопасными даже у насъ въ Памбакѣ и Шамшадилѣ, гдѣ появлялись лезгинскія партіи, пробиравшіяся въ Ахалцыхъ. Нѣсколько казаковъ было ими убито или захвачено въ плѣнъ ¹⁾. «Въ отвращеніе таковой дерзости хищниковъ и безславія стражи,—какъ выражается Циціановъ, онъ приказалъ свиты Его Величества по квартирмейстерской части полковнику Дренякину произвести рекогносцировку береговъ Алазани и въ лѣсистыхъ пространствахъ этой рѣки устроить редуты и засѣки, а въ открытыхъ мѣстахъ волчьи ямы, расположенныя шахматнымъ порядкомъ въ нѣсколько рядовъ. Онъ полагалъ, что подобными мѣрами, при бдительности нашихъ кордоновъ, можно будетъ пресѣчь лезгинамъ кратчайшій путь изъ Дагестана въ Ахалцыхъ и заставить ихъ дѣлать большіе объѣзды черезъ Кара-

---

¹⁾ Донесеніе Циціанова 9 февраля, № 23. Журналъ исходящій всеподданѣйшимъ донесеніямъ за 1803 годъ. Дѣло по описи № 479.

багъ ¹⁾). Въ то же время онъ писалъ государю: «Чарская провинція, имѣющая два только города, т. е. Белоканы и Джары, населенная лезгинами, искони принадлежавшая Грузіи и не болѣе 70-ти лѣтъ отъ слабости сей послѣдней отклонившаяся отъ повиновенія, сдѣлалась нынѣ гнѣздомъ хищниковъ, кои частыми вторженіями въ Грузію довели оную до нищеты, а ко всему тому пребываніе тамъ царевича Александра—налагаютъ на меня обязанность сдѣлать сильное впаденіе въ Чарскую область и наказать оную, чтобы, страхомъ удержанная, не осмѣлилась бы дѣлать набѣги» ²⁾). Съ этою цѣлью князь Циціановъ поручилъ генералу Гулякову, стоявшему съ полкомъ въ Кахетіи, перейти Алазань, отнюдь не вдаваясь въ глубь страны, чтобы не подвергнуть войска большому урону ³⁾), захватить только прибрежныя селенія, поставлявшія ⁴⁾ лучшихъ проводниковъ для хищническихъ партій. Затѣмъ, Гуляковъ долженъ былъ потребовать отъ лезгинъ, чтобы они допустили наши гарнизоны въ Джары и Белоканы и немедленно выдали царевича Александра. «Отъ успѣха сего дѣла,—писалъ Гулякову князь Циціановъ,—зависитъ слава оружія Его Императорскаго Величества и ваша собственная, а для здѣшняго края—спокойствіе, польза и богатство» ⁵⁾).

Войскъ однако же было слишкомъ мало, чтобы дать въ распоряженіе Гулякова достаточныя силы. Во всемъ Закавказьѣ находилось только четыре полка, да и тѣ имѣли свое специальное назначеніе. Кабардинскій полкъ занималъ Кахетію, 17-й егерскій стоялъ въ Памбакѣ и Шамшадилѣ, противъ Ганжи и Эривани, Тифлиссскій прикрывалъ Нижнюю, а Кавказскій гренадерскій Верхнюю Карталиніи со стороны тѣхъ же лезгинъ, Ахалцыха и Осетіи ⁵⁾). Такимъ образомъ, противъ джарцевъ, безъ ослабленія

---

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Донесеніе его же 8-го марта, № 33; тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Предписаніе князя Циціанова Гулякову, № 304.

⁵⁾ Изъ этого числа шесть ротъ, т. е. цѣлая половина Кавказскаго гренадерскаго полка и баталіонъ 17-го егерскаго, составляли гарнизонъ въ Тифлисъ, а баталіонъ Тифлисскаго полка находился въ прикрытіи горныхъ промысловъ въ борчалинской дистанціи и не могъ оставить своего поста; такимъ образомъ, изъ 12-ти баталіоновъ, находившихся въ Грузіи, только 8½ могли дѣйствовать въ полѣ.

обороны на главныхъ пунктахъ, могли быть назначены только три баталіона: два отъ Кабардинскаго и одинъ отъ Тифлисскаго полковъ, при восьми орудіяхъ и двухъ сотняхъ донскихъ казаковъ, — всего 1692 человекъ пѣхоты и конницы.

Съ такими незначительными силами приходилось дѣйствовать уже съ крайнею осторожностью, чтобы случайною неудачею не поколебать авторитета русскаго оружія въ глазахъ азіятцевъ. Тогда одинъ изъ грузинскихъ князей, Димитрій Орбеліани (впослѣдствіи шефъ Кабардинскаго полка), предложилъ Циціанову прибѣгнуть къ старинному способу — созвать ополченіе (*морие*), какъ было при грузинскихъ царяхъ, собиравшихъ этимъ путемъ до семи тысячъ ратниковъ¹⁾. По необходимости князь Циціановъ послѣдовалъ его совѣту; но едва объявилъ онъ призывъ, какъ кизикскіе князья и дворяне одни, безъ посредства другихъ провинцій, выставили въ поле до пяти тысячъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ. Сборъ въ короткое время такой огромной милиціи являлся дѣломъ не совсѣмъ обыкновеннымъ въ Грузіи, и Циціановъ приписывалъ это личнымъ достоинствамъ генерала Гулякова, его умѣнію пріобрѣсти народную любовь, извѣстной храбрости, «только азіятцами уважаемой»²⁾.

Но, помимо недостатка въ войскахъ, было еще одно обстоятельство, сильно стѣснявшее князя Циціанова въ его дѣйствіяхъ; именно — совершенное отсутствіе свѣдѣній о той странѣ, гдѣ предстояло дѣйствовать. Ни картъ, ни плановъ у насъ не имѣлось, и Циціановъ справедливо жаловался на это государю: «Вотъ уже четыре мѣсяца, — писалъ онъ³⁾, — какъ я нахожусь при войскахъ, мнѣ ввѣренныхъ, а по сіе время не имѣю ни карты Грузіи, ни таковой же линіи и долженъ ходить здѣсь и распоряжаться, какъ во мракѣ ночи. Безъ карты же и самоопытнѣйшій и дѣятельнѣйшій генералъ, а не таковъ, каковъ я, безвинно ввергнуться можетъ въ проступокъ». Причина этого, по мнѣнію его, заключалась въ томъ, что во всемъ Закавказьѣ находился только одинъ офицеръ гене-

---

1) Акты кав. арх. ком., II, № 565. Письмо князя Орбеліани къ Циціанову.

2) Донесеніе Циціанова 12-го марта, № 35.

3) Донесеніе его же отъ 11-го апрѣля, № 47.

рального штаба или, какъ ихъ называли тогда,—«свиты Его Величества по квартирмейстерской части», и при немъ два помощника, но и тѣ занимались составленіемъ картъ собственно для петербургскаго депо, не оставляя главнокомандующему даже копій, «какъ будто бы,—прибавляетъ Циціановъ,—въ Петербургѣ карты нужнѣе, нежели генералу, здѣсь дѣйствующему и движущемуся»¹⁾).

Отрядъ, между тѣмъ, уже собрался въ Сигнахъ, и 4-го марта 1803 г. Гуляковъ прибылъ съ нимъ на Алазань, къ броду Урдо. Противоположный берегъ былъ занятъ непріателемъ, встрѣтившимъ наши войска сильнымъ огнемъ. Выдвинутыя впередъ восемь орудій заставили его отступить, но перестрѣлка, длившаяся около двухъ часовъ, стоила намъ жизни «храбраго и усерднаго начальника артиллеріи маіора Лидерса», который, будучи раненъ въ голову, скончался черезъ нѣсколько дней, благодаря только плохому состоянію у насъ санитарной части и медицинскаго персонала. Донося объ этомъ государю, Циціановъ писалъ, «что войска, находящіяся въ Грузіи, нуждаются крайне въ лѣкаряхъ, неискusstва и малоопытности которыхъ Лидерсъ и сдѣлался жертвой». Онъ настаивалъ на присылкѣ сюда хотя бы одного штабъ-лѣкаря и одного оператора, необходимыхъ здѣсь какъ на случай походовъ, такъ и для надзора за лѣченіемъ въ лазаретахъ²⁾).

Такъ окончилась наша первая встрѣча съ лезгинами. Непріятель очистилъ переправу, но перейти здѣсь Алазань было невозможно. Бродъ, по крутости обоихъ береговъ, оказался настолько затруднительнымъ, что пришлось искать другого, болѣе удобнаго мѣста. Войска переправились на лезгинскую сторону только 6-го марта у сел. Анага. Прибрежныя селенія оказались пустыми. Гулякову не удалось захватить въ нихъ ни одного человѣка, а потому, чтобы заставить лезгинъ войти въ переговоры, онъ не колеблясь рѣшилъ сдѣлать то, чего не могъ сдѣлать Шахъ-Надиръ,—взять Белоканы и окончательно разрушить этотъ разбойничій притонъ, куда стекались удалцы со всего Закавказья. Не смотря на запрещеніе, Гуляковъ повелъ отрядъ въ самую глубь страны, надѣясь,—

¹⁾ Донесеніе 11-го апрѣля, № 47.

²⁾ Донесеніе отъ 18-го марта, № 39.

какъ доносилъ Циціановъ,—«и на опытность свою и непобѣдимость своего малаго войска» ¹⁾).

Дорога была трудная: вездѣ топкія болота, дремучіе лѣса, переправы черезъ тинистыя рѣчки. Вдобавокъ три дня къ ряду шель непрерывный дождь со снѣгомъ, растворившій почву до невозможности везти артиллерію. Тѣмъ не менѣе 9-го марта войска подошли, наконецъ, къ Белоканамъ. Передъ самымъ селеніемъ, въ густой чащѣ лѣса, стояло сильное непріятельское укрѣпленіе, огражденное съ фланговъ топкими болотами и камышами. Чтобы пройти въ Белоканы, надо было прежде взять это укрѣпленіе, а между тѣмъ здѣсь сосредоточилось до десяти тысячъ лезгинъ, и при нихъ находились царевичи Александръ и Теймуразъ. Осмотрѣвъ мѣстность и убѣдившись, что артиллерію провезти черезъ лѣсъ невозможно, Гуляковъ оставилъ ее при вагенбургѣ, приказавъ начать и кончить дѣло штыками. Не вдаваясь въ пустую перестрѣлку, которая могла бы только напрасно увеличить наши потери, онъ бросился на приступъ во главѣ кабардинскихъ баталіоновъ. Укрѣпленіе было взято, и отрядъ, поражая бѣгущихъ, на ихъ плечахъ ворвался въ Белоканы. Непріятель, не успѣвшій занять селеніе во-время, разсѣялся. Грузинская конница отбила шесть знаменъ, истребила всѣ ближайшія селенія и самую Белокану обратила въ развалины, «въ ничто совершенно», какъ доносилъ Гуляковъ ²⁾). Такого пораженія на своей землѣ лезгины никогда еще не испытывали. Вся белоканская равнина до самыхъ горъ была усѣяна ихъ трупами; въ плѣнъ захвачено до полутора семей. «Но плѣнъ этотъ,—какъ доносилъ Циціановъ,—есть только тотъ, который находится въ лагерѣ русскихъ войскъ, поелику о количествѣ плѣнныхъ, взятыхъ грузинами, которые доселѣ занимаютъ перевозкой добычи по всѣмъ мѣстамъ Грузіи, невозможно имѣть точнаго свѣдѣнія; но многими бывшими въ сраженіи князьями полагается, что число оныхъ восходитъ до семисотъ человекъ» ³⁾).

---

¹⁾ Донесеніе отъ 12-го марта, № 35.

²⁾ Донесеніе 19-го марта, № 40.

³⁾ Тамъ же.

О дѣйствіяхъ грузинскаго ополченія князь Циціановъ вообще отзывался съ большою похвалою и даже, не безъ политическихъ цѣлей, послалъ съ донесеніемъ къ государю объ этой побѣдѣ одного изъ грузинъ, князя Луарсаба Орбелани, «яко отлично, на глазахъ Гулякова, сражавшагося».

«Для вящшаго поощренія грузинскихъ князей и дворянъ къ подвигамъ военнымъ,—писалъ онъ къ государю,—осмѣливаюсь испрашивать для него знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія 4-й ст., который докажетъ имъ ясно всемилостивѣйшее благоволеніе Вашего Императорскаго Величества къ заслугамъ ихъ, и что они не различаются отъ російскихъ вѣрноподданныхъ, какъ было въ прежнихъ дѣлахъ, гдѣ о грузинскихъ войскахъ даже ничего не упомянуто»¹⁾.

«Къ сожалѣнію,—прибавляетъ Циціановъ,—долгомъ считаю донести, что, не смотря на строжайшія мои предписанія, не было возможности воздержатъ храбрыхъ грузинъ, воспламененныхъ мщеніемъ, отъ древняго азійскаго обычая превращать селенія въ развалины и предавать все огню и мечу». Циціановъ даже поспѣшилъ еще разъ подтвердить Гулякову, чтобы тотъ «всемѣрно воздерживалъ грузинъ отъ грабительства, поелику оная провинція назначается къ подданству російскому, а по той причинѣ лучше имѣть ее неразоренную, нежели ограбленную».

Дѣйствительно, получивъ извѣстіе о взятіи Белоканъ, главнокомандующій не считалъ уже возможнымъ ограничиться прежними своими предположеніями. Онъ требовалъ, чтобы Гуляковъ, пользуясь «какъ самымъ дѣйствиемъ, такъ и славою свой побѣды», шелъ безъ потери времени къ Джарамъ и заставилъ лезгинъ присягнуть на вѣчное подданство Россіи и платить ей дань, какою когда-то платили они грузинскимъ царямъ. «Ваше превосходительство,—писалъ онъ по этому поводу Гулякову,—согласитесь безъ сомнѣнія со мною, что слава оружія состоитъ въ томъ, чтобы взятое не отдавать и побѣжденнымъ предписать законы»²⁾.

Гуляковъ однако же не могъ двинуться къ джарцамъ, не обезпечивъ предварительно своего тыла посредствомъ устройства

---

¹⁾ Донесеніе 12-го марта, № 35.

²⁾ Предписаніе Гулякову 12-го марта, № 422.

на сообщеніи съ Кахетіей прочной переправы черезъ Алазань у брода Урдо. Сверхъ того явилась необходимость снабдить войска продовольствіемъ, которое подходило къ концу. Между тѣмъ получены были извѣстія, что въ Джары прибылъ нухинскій ханъ съ значительнымъ войскомъ и двумя орудіями и что туда же ожидаются другіе сосѣдніе ханы. Объ этомъ писалъ Циціанову самъ владѣтель Нухи, предлагавшій ему свое посредничество для заключенія мира съ джарцами, которыхъ считалъ своими союзниками ¹⁾). Циціановъ отвѣчалъ ему, что въ разсужденіи Джаръ и Белоканъ онъ уже положилъ за правило или усмирить ихъ, или стереть съ лица земли; но, что касается нухинскаго хана, то онъ предоставляетъ ему дѣйствовать по собственному усмотрѣнію; предупреждая только, что «великій и могущественный Государь Императоръ приказалъ оказывать защиту и покровительство всѣмъ преданнымъ и пріязненнымъ сосѣлямъ, а враговъ истреблять силою непобѣдимаго російскаго оружія» ²⁾).

«А дабы письмо мое къ нухинскому хану возымѣло желаемый успѣхъ,—доносилъ онъ государю,—то для подкрѣпленія моихъ требованій посылаю я вслѣдъ за симъ еще одинъ баталіонъ, а, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть, принужденъ буду и болѣе усилить отрядъ генерала Гулякова, который содѣлался пунктомъ вниманія всего Дагестана» ³⁾). Но Гуляковъ обошелся и тѣми силами, которыя находились у него въ распоряженіи. Получивъ извѣстіе, что джарцы отвергли наши условія, онъ выступилъ изъ Белоканъ 27-го марта и зная, что на пути стоятъ войска нухинскаго хана, приготовился къ упорному бою. Сопротивленія однако же не было. Нухинскія войска, при первомъ слухѣ о приближеніи русскихъ, бѣжали въ свои владѣнія; сел. Катехи, покинутое жителями, занято было нами безъ выстрѣла. Въ Джарахъ собрался джамаатъ для обсужденія вопроса—что дѣлать: защищаться или выйти на встрѣчу побѣдителямъ съ шашкой, повѣшанной на шеѣ? Молодежь, подстрекаемая приверженцами царевича Александра,

---

¹⁾ Донесеніе Циціанова отъ 19-го марта, № 40.

²⁾ Ак. кав. арх. к., I, № 1383.

³⁾ Донесеніе Циціанова, № 40.

требовала боя. «Отцы наши,—кричали они,—отразили Шахъ-Надира, такъ что же значить какая-нибудь тысяча русскихъ штыковъ»? Джамаатъ заволновался; тогда возвысили голосъ свой старики, болѣе опытные и болѣе благоразумные. «Царевичу,—говорили они,—есть поводъ поджигать насъ къ кровавой борьбѣ, но она грозитъ уничтожить наше благосостояніе. Лучшія войска наши разбиты; въ Белоканахъ не осталось камня на камнѣ, и мы безсильны остановить нашествіе ихъ,—такъ пойдемъ же на встрѣчу имъ съ предложеніемъ мира»¹⁾... И джарцы сдались.

Гуляковъ не только пощадилъ дома и имущество джарцевъ, но для большаго успокоенія жителей отвелъ войска назадъ и расположилъ ихъ бивуакомъ на берегу Алазани. Сюда явились къ нему депутаты отъ всѣхъ вольныхъ обществъ и были отправлены въ Тифлисъ, гдѣ 12-го апрѣля 1803 года Циціановъ объявилъ имъ слѣдующія условія:

1) Вся Джаро-белоканская область присоединяется къ Россіи на вѣчныя времена и облагается ежегодною данью въ 1100 литръ (220 пудовъ) шелка.

2) Въ подданство-же включаются елисуійскія владѣнія, съ уплатою ежегодной подати по 100 литръ шелка.

3) Селенія Джары, Белоканы, Катехи, Талы, Мухахъ и Джинихъ въ залогъ своей вѣрности даютъ аманатовъ и отвѣчаютъ за всѣ прочія приписанныя къ нимъ селенія.

4) Русскимъ войскамъ предоставляется право располагаться въ ихъ селеніяхъ по усмотрѣнію начальства, но продовольствіе войскъ принимается на счетъ казны.

5) Общества обязываются не принимать и не укрывать у себя ни царевича Александра и его сообщниковъ, ни дагестанскихъ горцевъ, которыхъ не должны пропускать черезъ свои владѣнія въ Грузію.

Съ своей стороны князь Циціановъ далъ торжественное обѣщаніе сохранить обществамъ ихъ права и преимущества, не вмѣшиваться во внутреннее ихъ управленіе и оставить за ними всѣ

---

1) «Кавказъ», 1846 г. № 4 „Сцена изъ покоренія Джаро-белоканъ“.

принадлежавшія имъ ингилойскія селенія съ тѣмъ, чтобы лезгины никого не стѣсняли въ отправленіи христіанской вѣры ¹⁾).

«Уздѣшнихъ народовъ,—доносилъ Циціановъ государю,—единственная политика—сила, а лучшая добродѣтель владѣльца—храбрость. Посему я принимаю правила, противныя прежде бывшей системѣ: вмѣсто того, чтобы жалованьемъ и подарками, определенными для умягченія горскихъ нравовъ, платить имъ нѣкотораго рода дань, я самъ потребовалъ отъ нихъ оной»...

Такъ было возвращено Грузіи ея древнее достояніе, и вольный джаро-белоканскій гѣзь навсегда утратилъ свою независимость. «Въ Тифлисѣ,—писалъ Циціановъ,—радость восходитъ до восторга, ибо Джары и Белоканы со времени отложенія ихъ отъ Грузіи были источникомъ всегдашняго оной разоренія, и въ преданіяхъ горскихъ народовъ почитается, что войска никогда не были въ Белоканахъ, толико мѣсто сіе славилось неприступностью». Во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ были церкви, служились благодарственныя молебствія съ коленопреклоненіемъ и колокольнымъ звономъ «черезъ весь день», а въ городскихъ соборахъ читалась передъ народомъ слѣдующая прокламація князя Циціанова: «Знаменитая побѣда, одержанная подъ Белоканами высокославнымъ всероссійскимъ войскомъ, соединенно съ храбрымъ грузинскимъ дворянствомъ и кизикскимъ народомъ, подъ предводительствомъ неустрашимаго и искуснаго въ военномъ ремеслѣ генералъ-маіора Гулякова, и совершенное покореніе Джарской провинці налагають на меня пріятнѣйшій долгъ возвѣстить сію радость всей Грузіи, терпѣвшей отъ жителей оной провинці пагубныя разоренія, грабительства и увлеченія въ плѣнъ цѣлыми селеніями... Покровенная десницею Бога Живаго Грузія, сохранившая вѣру христіанскую среди невѣрныхъ и утѣснявшихъ, можетъ нынѣ съ пророкомъ Давидомъ возгласить: «терпя потерпѣхъ Господа и внять ми....» ²⁾).

Какое значеніе придавалъ самъ князь Циціановъ усмиренію

---

¹⁾ Ак. кав. арх. к., II, № 1387 и «Кавказъ» 1816 г. № 3. „Джаро-белоканцы до XIX столѣтія“.

²⁾ Ак. кав. арх. к., II, № 1395.

джарцевъ, можно видѣть изъ письма его къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Кочубею. «Маловажно пріобрѣтеніе сіе,—говоритъ онъ,—для могущества и обширности Россійской имперіи, но не могу скрыть однако, что, въ разсужденіи Грузіи, оно заслуживаетъ особаго вниманія и по обезпеченію предѣловъ грузинскихъ и по водворенію оружія и власти россійской въ самомъ гнѣздѣ хишнаго лезгинскаго народа» ¹⁾).

Относя весь успѣхъ «сей знаменитой въ горахъ побѣды» къ личнымъ достоинствамъ и увѣренности въ себѣ генерала Гулякова, князь Циціановъ повергалъ заслуги его монаршему воззрѣнію, — и Гулякову пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 3-й степени.

Зная характеръ азіатцевъ, Циціановъ однако не обольщалъ себя надеждой на продолжительное сохраненіе джарскимъ народомъ данныхъ имъ обязательствъ, а потому, для болѣе прочнаго утвержденія нашего владычества въ краѣ, приказалъ устроить на лѣвомъ берегу Алазани, при бродѣ Урдо, сильный редутъ, названный Александровскимъ. Это былъ передовой форпостъ, защищавшій Кахетію. Но одного этого форпоста было еще недостаточно. И вотъ, подъ его охраной, старый развѣнчанный Телавъ съ своею историческою славой и рядомъ съ нимъ Сигнахъ съ величайшею святынею Грузіи—Бодбійскимъ монастыремъ, въ которомъ покоится святая Нина, составили центры, вокругъ которыхъ должны были группироваться всѣ оборонительныя средства страны. Далѣе, верстахъ въ 30-ти отъ Сигнаха, по направленію къ Муганло, гдѣ съ незапамятныхъ временъ существовала переправа черезъ Алазань, лежали развалины третьяго города, называвшагося Кизикомъ. Но отъ этихъ развалинъ не вѣяло сѣдою стариною, такъ какъ Кизикъ основанъ былъ только въ XVII столѣтіи однимъ изъ персидскихъ намѣстниковъ, по имени Бежанъ. Изъ боязни за свою жизнь, онъ покинулъ роскошный Телавъ, резиденцію кахетинскихъ царей, и построилъ себѣ одинокій дворецъ въ Карагагачѣ, вокругъ котораго быстро выросъ значительный городъ. Съ паденіемъ сатраповъ городъ этотъ столь же быстро исчезъ, какъ и возникъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ историческихъ

---

¹⁾ Тамъ же, № 1389.

памятниковъ, но крѣпко запечатлѣвъ въ умахъ кахетинцевъ память о дворцѣ, изъ котораго разливались на цѣлую страну ужасы восточнаго тиранства ¹⁾).

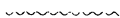
За Караагачемъ, все по тому же направленію къ Муганлинской переправѣ, на возвышенномъ плато съ чрезвычайно здоровымъ горнымъ воздухомъ, лежитъ урочище Царскіе-Колодцы, по-грузински Дедоплисъ-цкаро. Названіе это перешло на мѣстность отъ существовавшихъ тамъ колодцевъ, при которыхъ грузинскіе цари, еще со временъ Давида Возобновителя, становились сторожевымъ лагеремъ для защиты страны отъ лезгинъ. Такъ какъ въ Телавѣ и Сигнахѣ существовали старыя крѣпости, а въ Караагачѣ и Царскихъ-Колодцахъ не было ничего, то Гуляковъ въ 1803 году и заложилъ при двухъ послѣднихъ пунктахъ первыя русскія укрѣпленія, занявъ ихъ небольшими гарнизонами. Собственно говоря, ни Царскіе-Колодцы, съ ихъ историческими воспоминаніями о славныхъ царяхъ, ни Караагачъ, съ руинами дворца восточнаго тирана, не сдѣлались еще тогда прочными осѣдлыми пунктами русскаго населенія, но они положили ему начало и, составивъ передовые посты, развились впослѣдствіи въ цѣлую, стройную систему лезгинской кордонной линіи.

---

¹⁾ Иосселиани, „Описаніе древнихъ городовъ Грузіи“.

Глава V.

Поведеніе Ганжинскаго хана. Прибытіе новыхъ пословъ и мысли по этому поводу князя Циціанова, относительно грузинскаго юношества. Смуты на границахъ Карталинніи. Военныя дѣйствія въ Шурагелѣ. Геройская смерть капитана Секерина. Волненія джарцевъ и прокламаціи къ нимъ Циціанова. Приготовленіе къ походу въ Ганжинское ханство. Блокада и штурмъ Ганжи.—Характерныя черты князя Циціанова. Экспедиція въ Джары. Бой въ Закаतालскомъ ущельѣ.—Смерть Гулякова.

Послѣ лезгинъ пришла очередь ганжинскаго хана, поведеніе котораго становилось явно враждебнымъ. Составляя союзы и давая у себя пріютъ царевичу Александру, онъ этимъ самымъ уже поддерживалъ внутреннія смуты въ Грузіи и заставлялъ насъ принимать усиленныя мѣры для охраны границъ отъ вторженій хищническихъ партій. Дерзость хана простерлась, наконецъ, до того, что онъ увлекъ изъ нашихъ предѣловъ болѣе 2000 семей шамшадильскихъ армянъ и татаръ, издревле считавшихся въ подданствѣ Грузіи. Часть ихъ удалось возвратить, но остальные были водворены во владѣніи хана, который не замедлил объявить претензію и на обладаніе всею Шамшадильскою областью, ссылаясь на завоеваніе ея во время Али-Магометъ-шаха. Онъ сомнѣвался даже, чтобы Шамшадиль былъ занятъ русскими войсками по волѣ русскаго императора; «а если бы было и такъ,—говорилъ онъ посланцу Циціанова,—то я надѣюсь къ удержанію своихъ правъ снискать себѣ защиту и подкрѣпленіе» ¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ онъ очевидно намекалъ на поддержку Персіи, которая сама искала только предлога для окончательнаго разрыва съ Россією.

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 1166.

На требованіе князя Циціанова, чтобы ханъ искалъ покровительства не Персіи, а высокославной, многомошной и величайшей въ свѣтѣ россійской державы и чтобы въ залогъ своей вѣрности прислалъ старшаго сына своего Угурлу-ага, «которому по достоинству и званію его будетъ производиться приличное содержаніе»,— отвѣта не послѣдовало. Циціановъ видѣлъ, что дѣло должно рѣшиться оружіемъ, и только ожидалъ прибытія въ Грузію двухъ новыхъ полковъ, чтобы начать военныя дѣйствія. Эти полки, 9-й егерскій и Нарвскій драгунскій, выступили съ кавказской линіи 15-го апрѣля 1803 г., и въ половинѣ мая ихъ ожидали въ Тифлисѣ. Циціановъ особенно торопилъ прибытіе драгунъ, считая регулярную конницу необходимою въ краѣ, «сколько для сильнѣйшаго преслѣдованія непріятели, столько же и для образованія грузинской конницы, какъ скоро откроются способы къ содержанію оной на непремѣнной ногѣ». Послѣдній вопросъ особенно интересовалъ Циціанова, не упускавшаго ничего, что могло связать Россію и Грузію новыми, еще болѣе крѣпкими узами. Прибытіе драгунъ, казалось ему, разрѣшало этотъ вопросъ самымъ естественнымъ образомъ. Склонность грузинскихъ князей и дворянъ къ службѣ на конѣ подала ему мысль привлечь въ этотъ полкъ юношей изъ лучшихъ грузинскихъ фамилій и этимъ путемъ приготовить изъ нихъ боевыхъ офицеровъ, слить ихъ съ русскимъ обществомъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ знаніемъ русскаго языка, внести и начала европейской цивилизаціи въ замкнутую средневѣковыми обычаями грузинскую аристократію. Идея эта, собственно говоря, не принадлежала даже Циціанову. Она была высказана еще императоромъ Павломъ, который, при самомъ вступленіи русскихъ войскъ въ Грузію, повелѣлъ принять именно съ этою цѣлью въ Кабардинскій и 17-й егерскій полки девять грузинскихъ юношей. Мѣра эта не достигла тогда своей цѣли. Съ одной стороны именитое грузинское дворянство, привыкшее искони служить въ царскихъ конныхъ дружинахъ, неохотно поступало въ пѣхоту, а съ другой распоряженія Кнорринга совершенно не соотвѣтствовали ни народному, какъ выражается Циціановъ, «умоначертанію», ни характеру страны, ни обычаямъ, укоренившимся

въ старинныхъ фамиліяхъ, и приводили насъ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, которыхъ хотѣли достигнуть. Кноррингъ слишкомъ буквально исполнилъ желаніе государя: онъ избралъ девять юношей, но изъ фамилій простыхъ, ничего незначащихъ, примѣру которыхъ, естественно, никто не послѣдовалъ. Князь Циціановъ хотѣлъ поставить вопросъ на болѣе прочную основу. «Насколько полезно,—писалъ онъ государю ¹⁾),—вообще вводить просвѣщеніе въ Грузію, настолько необходимо нужно образовать здѣшнее военное и храброе дворянство по образцу европейскому, замѣняя военнымъ искусствомъ многочисленность войска, необузданнаго и непріученнаго къ военной дисциплинѣ... А если,—прибавляетъ онъ далѣе ²⁾),—знатнѣйшіе карталинскіе князья Амилахваровы, Эристовы арагвскіе и ксанскіе, Орбелиани, Циціановы, кахетинскіе Андрониковы и Челокаевы отдадутъ своихъ дѣтей, то ихъ примѣръ подѣйствуетъ болѣе всякаго убѣжденія, отвлечетъ дворянство отъ праздности—источника всѣхъ пороковъ, нечувствительно введетъ просвѣщеніе и научить предпочитать славу добычѣ». Но для того, чтобы внушить имъ, что не происхожденіемъ, а единственно службою можно пріобрѣсти себѣ «славу, честь и состояніе», необходимо было, по мнѣнію Циціанова, принимать ихъ на службу портупей-прапорщиками, съ выслугою на общихъ основаніяхъ трехъ мѣсяцевъ за рядового.

Ожидаемые полки, наконецъ, прибыли и 16-го мая были уже подъ Тифлисомъ, ранѣе, чѣмъ можно было разсчитывать. «Если бы они,—писалъ Циціановъ,—и по ровной дорогѣ въ Россіи шли, то не могли бы дойти скорѣе» ³⁾). Оба полка явились въ блестящемъ видѣ, особенно Нарвскій, про который Циціановъ писалъ, что, благодаря попеченіямъ шефа его г.-м. Портнягина, состояніе полка превосходитъ всякое выраженіе: «лошади, несмотря на трудный походъ черезъ горы, въ наилучшихъ тѣлахъ, люди одѣты, какъ одинъ человѣкъ, и сидятъ въ сѣдлахъ крѣпко, какъ азіяты.... Бude нужда настояла бы въ движеніи, то могъ бы полкъ

1) Журн. всеподданнѣйшихъ донесеній за 1803 годъ.

2) Донесеніе Циціанова 28-го февраля 1804 г., № 72.

3) Донесеніе Циціанова 1803 г. мая 16-го, № 66.

сей предпринять и дальнѣйшіе походы, не подвергаясь опасности довести лошадей до худобы» ¹⁾). По прибытіи въ Грузію, драгуны направлены были въ Марткоби и сосѣднія селенія по пути въ Кахетію, чтобы въ случаѣ надобности поддержать отрядъ Гулякова, а 9-й егерскій полкъ смѣнилъ кавказскихъ гренадеръ въ Гори и Сурамѣ.

Проектъ Циціанова о привлеченіи на службу молодыхъ грузинскихъ князей пришлось пока отложить, такъ какъ обстоятельства въ самой Карталиніи отвлекли вниманіе главнокомандующаго въ другую сторону. Тѣмъ не менѣе онъ положилъ начало этому дѣлу, вытребовавъ къ себѣ двухъ юныхъ князей, Амилахвари и Циціанова, которыхъ тотчасъ-же опредѣлилъ на службу «по праву свойства моего съ ними, поелику они оба мои внучатые племянники». Но и для нихъ пришлось ему сдѣлать облегченіе, «ради незрѣлости здѣшнихъ умовъ и разныхъ обстоятельствъ, изъ нравовъ народа вытекающихъ», дозволивъ имъ поступить не въ драгуны, а въ 9-й егерскій полкъ, расположенный вблизи ихъ помѣстій ²⁾).

Обстоятельства, такъ озабочивавшія въ то время князя Циціанова и не замедлившія отразиться на самомъ ходѣ событій, заключались въ вооруженномъ столкновеніи между эриванскимъ ханомъ и карскимъ пашою. Для поддержки послѣдняго, состоявшаго съ нами въ дружескихъ отношеніяхъ, Циціановъ призналъ необходимымъ занять Шурагельскую область небольшимъ отрядомъ Тифлискаго полка, подъ командой подполковника Цуринова, надѣясь этой угрозой удержать эриванскаго хана отъ военныхъ дѣйствій; но съ другой стороны ганжинскій ханъ, предвидя надвигавшуюся на него грозу, употребилъ всѣ мѣры, чтобы поддержать смутное положеніе дѣлъ въ Шурагелѣ, заставивъ насъ втянуться въ борьбу двухъ сосѣдей, а между тѣмъ старался поднять противъ насъ едва покорившихся джарцевъ и ахалцыхскихъ лезгинъ. Интрига, веденная имъ довольно искусно, имѣла на этотъ разъ полный успѣхъ. Эриванскій ханъ объявилъ войну

---

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Журналъ всеподданнѣйшихъ донесеній за 1803 годъ.

карсскому пашѣ и отвлекъ туда часть нашихъ войскъ, которая однако оставались въ Шурагелѣ недолго, вслѣдствіе несовсѣмъ искреннихъ дѣйствій нашего союзника Мамедъ-паши карскаго. Однажды, когда персіяне и курды разграбили два турецкихъ селенія, Суриновъ выслалъ въ погоню за ними 50 казаковъ и часть турецкой конницы, которые настигли непріятели, но были сами атакованы превосходными силами. При первыхъ выстрѣлахъ турецкая конница бѣжала, оставивъ нашихъ казаковъ однихъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ. Офицеръ былъ убитъ и изъ казачьяго разѣзда спаслось только 20 человекъ. Возмущенный подобнымъ дѣйствіемъ союзниковъ, Циціановъ приказалъ отряду возвратиться въ наши предѣлы ¹⁾, увѣдомивъ пашу, что «не привыкъ такъ дешево отдавать россиянъ на погибель». Тѣмъ не менѣе очистить отъ войскъ границу со стороны Шурагеля было нельзя, а между тѣмъ гроза совершенно внезапно разразилась и надъ Карталиніей.

Едва кавказскіе гренандеры ушли изъ Гори, и на смѣну ихъ прибылъ новый 9-й егерскій полкъ, еще неопытный въ азіатской войнѣ, какъ ахалцыхскіе лезгины рѣшили воспользоваться хлопотливымъ для русскихъ временемъ и въ іюнѣ 1803 года, въ числѣ отъ 600—800 человекъ, ворвались въ Карталинію. Небольшая команда изъ 9-ти казаковъ и 11-ти егерей, прикрывавшая рабочихъ около Цалки ²⁾, не могла остановить хищниковъ и была ими разсѣяна. Спасшіеся казаки ночью прискакали въ Гори и подняли тревогу. Между тѣмъ лезгины всею массой устремились на сел. Карели и захватили скотъ. Въ Карели стояла рота егерей, подъ командой капитана Секерина. Не смотря на то, что въ ней находилось только 44 человекъ, Секеринъ, «яко постовой начальникъ, вмѣняя себѣ въ несчастіе, что лезгины отбили обывательскій скотъ, и зная, что непріатель въ большихъ силахъ, тѣмъ не менѣе рѣшился преслѣдовать онаго. Благородное рвеніе его не

---

¹⁾ Журналъ всеподданнѣйшихъ донесеній за 1803 годъ; донесеніе кн. Циціанова отъ 29 мая № 74 и Акты кав. арх. ком., II, №№ 1856 и 1858.

²⁾ Архив. кавк. в. окр. шт., д. 1803 г. „О нападеніи лезгянъ на команду горійскаго исправника“, № 233.

увѣнчалось успѣхомъ»¹⁾). Едва рота, предводимая имъ, кинулась въ дремучій боръ, какъ со всѣхъ сторонъ была окружена лезгинами. Секеринъ три раза опрокидывалъ непріятеля, но ему пришла неудачная мысль растянуть свою цѣпь, чтобы показаться врагамъ многочисленнѣе. Лезгины, воспользовавшись этимъ, бросились въ пашки и прорвали цѣпь. Секеринъ былъ изрубленъ, но умирая успѣлъ крикнуть старшему офицеру поручику Рогульскому: «Помни, русскіе не сдаются!» Рогульскій отбросилъ непріятеля, но, «не воздержавъ своей запальчивости, пошелъ дальше, и послѣ трехчасового упорнаго сраженія остался жертвою чрезмѣрной храбрости своей, не подкрѣпленной опытностью, тѣмъ паче въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ необходимо нужною». Падая, онъ напомнилъ своему брату слова Секерина. Рогульскій 2-й принялъ команду, но его тутъ же сразила пуля. Видя гибель офицеровъ, лезгины предлагали солдатамъ сдаться, но егеря бросились въ штыки, окружили себя мертвыми тѣлами и пали всѣ до послѣдняго. Подоспѣвшій изъ Гори отрядъ нашелъ только четверыхъ тяжело раненыхъ, которыхъ лезгины не успѣли увести съ собою.

Старожилы Карелей помнятъ еще братскую могилу, одиноко виднѣвшуюся подъ зеленымъ пологомъ лѣса. На ней, говорятъ они, стоялъ деревянный крестъ. Но время повалило крестъ, сгладило съ землею могильную насыпь, и никто не скажетъ намъ теперь, гдѣ покоятся кости тѣхъ, которые умирая завѣщали намъ великія слова: «Помни, русскіе не сдаются». Право, эти слова стоили бы монумента!

Происшествіе въ Кареляхъ сильно встревожило князя Циціанова. Онъ приказалъ командовавшему карталинскимъ кордономъ генералъ-маіору князю Орбеліани догнать и наказать лезгинъ, во что бы то ни стало. Орбеліани, собравъ 11 ротъ пѣхоты при 14-ти орудіяхъ, вошелъ въ предѣлы Ахалцыхскаго пашалыка. Испуганный паша просилъ остановить движеніе, обѣщая удалить лезгинъ изъ своихъ владѣній и не давать имъ у себя пріюта. Орбеліани согласился и отвелъ свои войска назадъ, но съ тѣмъ условіемъ, что лезгины сда-

---

¹⁾ Донесеніе Циціанова 23-го іюня, № 85.

дуться ему на капитуляцію. Это былъ страшный ударъ для самолюбія азіятцевъ, но другого исхода имъ не было: 25-го іюля около шестисотъ лезгинъ покорно подъѣхали къ русскому стану; ихъ обезоружили и, какъ плѣнныхъ рабовъ, погнали за Алазань, откуда отпустили во свояси ¹⁾).

Съ удаленіемъ лезгинъ изъ Ахалцыхскаго пашалыка, въ Карталинѣ водворилось спокойствіе, но за то волненія начались за Алазанью. Джарцы не выполняли своихъ обязательствъ, не платили дани, ссылаясь на бѣдность и неимѣніе шелка, а междѣтѣмъ пропускали черезъ свои земли хищническія шайки; одна изъ нихъ угнала весь казачій табунъ, такъ что въ донскомъ Тарасова полку осталось всего 62 лошади.

«Такое непріятное происшествіе,—доносилъ Циціановъ,—и оному подобныя въ теченіе сего лѣта на правомъ флангѣ случившіяся, остановили мои дѣйствія на дальнѣйшія предпріятія и поставили въ необходимость вести противъ хищниковъ войну оборонительную, дабы отлучкою изъ Грузіи нѣсколькихъ баталіоновъ не ободритъ дерзости дагестанцевъ» ²⁾). Къ джарцамъ онъ отправилъ «увѣщательное» письмо, коимъ убѣждалъ ихъ, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, доставить 550 литровъ шелку ³⁾). Замѣчательна необыкновенная энергія выраженной пылкаго главнокомандующаго.

«Не благодарные!—писалъ онъ въ прокламаціи къ джарскому народу.—Не обманете вы меня въ другой разъ. Истреблю васъ съ лица земли, и не увидите вы своихъ селеній. Пойду съ пламенемъ по вашему обычаю, и хотя русскіе не привыкли жечь, но я спалю все, что не займу войсками и водворюсь на вѣки въ вашей землѣ. Знайте, что, писавъ сіе письмо къ вамъ неблагодарнымъ, кровь моя кипитъ, какъ вода въ котлѣ, и члены всѣ дрожатъ отъ ярости. Не генерала я къ вамъ пошлю съ войсками, а самъ пойду,—землю вашу покрою кровью, и она покраснѣетъ, но вы, яко зайцы, уйдете въ ущелья, и тамъ васъ достану, и буде не отъ меча, отъ стужи поколѣете»...

---

¹⁾ Тамъ же 9 сентября, № 143.

²⁾ Донесеніе Циціанова отъ 18-го іюля, № 102.

³⁾ Тамъ же отъ 2-го октября, № 155.

Досталось и союзнику ихъ елисейскому султану:

«Безстыдный и съ персидскою душою султанъ!—писаль къ нему Циціановъ.—И ты еще смѣешь писать ко мнѣ! Въ тебѣ собачья душа и ослиный умъ, такъ можешь ли ты своими коварными отговорками обмануть меня? Знай, что доколѣ ты не будешь вѣрнымъ данникомъ моего государя, дотолѣ буду желать твою кровью вымыть мои сапоги»...

Джарцы не отвѣчали на эти прокламаціи, потому что восемь тысячъ дагестанскихъ лезгинъ, предводимыхъ извѣстнымъ Сурхайханомъ казикумыкскимъ, уже вошли въ ихъ область и въ ночь съ 22-го на 23-е октября 1803 года, перейдя Алазань, внезапно ринулись на русскій лагерь. Къ счастью, войска Гулякова при этомъ ночномъ нападеніи сохранили полный порядокъ и самообладаніе. Они всю ночь отражали нападенія, стоя на мѣстѣ; но едва стало свѣтать, какъ Гуляковъ перешелъ въ наступленіе и, хотя лезгины исчезли, «какъ призраки ночи», они были настигнуты на берегу Алазани, гдѣ понесли жестокое пораженіе: 150 тѣлъ осталось на мѣстѣ и свыше 170-ти человѣкъ утонуло.

Отрядъ Гулякова состоялъ всего изъ 1200 человѣкъ пѣхоты, 170-ти казаковъ и трехъ орудій.

Донося объ этомъ дѣлѣ, Гуляковъ сообщилъ, что въ числѣ предводителей скопища находился одинъ изъ аварскихъ старшинъ, по имени Алискандъ. А такъ какъ аварскій ханъ считался въ нашемъ подданствѣ и получалъ отъ русскаго правительства жалованіе, то Циціановъ потребовалъ отъ него выдачи Алисканда. Ханъ отвѣчалъ отказомъ, и Циціановъ, воспользовавшись этимъ, приказалъ навсегда прекратить ему выдачу жалованія. «Ваши дагестанцы,—писаль онъ къ нему,—напали на лагерь Гулякова, но черезъ полчаса, яко зайцы, бѣжали опять за Алазань, оставивъ на мѣстѣ и въ рѣкѣ триста сихъ вашихъ зайцевъ или мухъ, кои до сихъ поръ не вѣрятъ, что воробьямъ нельзя вести войну съ орлами».

Въ томъ же родѣ писаль онъ къ одному изъ вліятельнѣйшихъ аварскихъ старшинъ, котораго также подозрѣвалъ въ нападеніи на русскій лагерь: «Вамъ извѣстно, постель ли я люблю или

боевое поле, гдѣ кровь льется рѣками, и головы валяются, какъ яблоки. Слѣдовательно не слабой мухѣ, каковъ аварскій ханъ, братъ гордый голосъ противъ непобѣдимага русскаго оружія и думать утратить меня, посѣдѣвшаго подъ ружьемъ».

Поручивъ Гулякову, въ случаѣ если джарцы не доставятъ подати, наказать ихъ оружіемъ, Циціановъ началъ готовиться къ походу противъ ганжинскаго хана и только ожидалъ прибытія еще двухъ новыхъ полковъ, Севастопольскаго пѣхотнаго и 15-го егерскаго, направленныхъ къ нему изъ внутренней Россіи. Полки прибыли въ половинѣ ноября, но въ такомъ видѣ, что Циціановъ рѣшительно не зналъ, что съ ними дѣлать. Шефъ Севастопольскаго полка доносилъ ему, что въ полку до комплекта не достаеъ 600 человекъ, что полкъ никогда свиста пуль не слыжалъ, а люди ходить не умѣютъ и на 15-ти верстахъ устаютъ и падаютъ. Егерскій полкъ былъ еще въ худшемъ состояніи, такъ что Циціановъ не рѣшился даже взять его съ собой, а отправилъ въ Кахетію къ генералу Гулякову. Такимъ образомъ, для похода въ Ганжу ему съ большими усиліями удалось собрать только шесть баталіоновъ пѣхоты: 17-й егерскій полкъ, баталіонъ кавказскихъ гренадеръ и два баталіона севастопольцевъ при 11-ти орудіяхъ; кавалерію составляли три эскадрона нарвскихъ драгунъ и двѣ сотни казаковъ. Отрядъ этотъ 22-го ноября 1803 года двинулся въ походъ изъ-подъ Тифлиса.

Вступивъ въ предѣлы ганжинскаго ханства, князь Циціановъ писалъ Джеватъ-хану: «Первая и главная причина моего прихода сюда та, что Ганжа со времени царицы Тамары принадлежала Грузіи и только слабостью царей грузинскихъ отторгнута отъ оной. Россія не можетъ смотрѣть съ равнодушіемъ на расторженіе Грузіи, и не достойно бы было съ силой и достояніемъ высокомогущей и Богомъ вознесенной Россійской имперіи оставить Ганжу, яко достояніе и часть Грузіи, въ рукахъ чуждыхъ».

Поэтому, напоминая хану, что за шесть лѣтъ передъ этимъ, во время похода графа Зубова, онъ присягнулъ на подданство Россіи, Циціановъ требовалъ сдать крѣпость безъ сопротивленія, чтобы не испытать несчастнаго жребія, которому нѣкогда подпали Очаковъ, Измаилъ и Варшава.

«Пришедъ съ войсками брать городъ,—писалъ онъ ему,—я по обычаю европейскому и вѣрѣ, мною исповѣдуемой, долженъ, не приступая къ пролитію крови человѣческой, предложить вамъ о сдачѣ города. Буде завтра въ полдень не получу отвѣта, то брань возгорится. Я понесу подъ Ганжу огонь и мечъ, и вы узнаете умѣю ли я держать слово».

Джеватъ-ханъ не отрицалъ, что за шесть лѣтъ передъ тѣмъ присягнулъ на подданство русской императрицѣ, но прибавлялъ, что принудила его къ этому сила, а не расположеніе къ Россіи. «Тогда,—писалъ онъ Циціанову,—персидскій шахъ былъ далеко, и на помощь его рассчитывать было нельзя, а теперь, слава Аллаху, онъ близко... А гдѣ же слыхано, чтобы русскіе были храбрѣе персіянъ?»

Получивъ такой отвѣтъ, Циціановъ двинулся впередъ и, 2-го декабря 1803 г. овладѣвъ городскими садами и предмѣстьемъ, обложилъ крѣпость. «Не имѣя при себѣ чертежей города и его окрестностей, хранящихся въ Петербургѣ въ депо картъ у генераль-квартирмейстера,—писалъ Циціановъ государю,—я принужденъ былъ сдѣлать личное обозрѣніе крѣпости, при чемъ бой продолжался два часа и стоилъ намъ трехъ офицеровъ и до ста нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ фронта» ¹⁾. Прибавимъ, что въ числѣ тяжело раненыхъ находился командиръ одной изъ егерскихъ ротъ капитанъ Котляревскій, будущій герой Мигри, Асландуза и Ленкорани. Съ занятіемъ садовъ началось бомбардированіе города. Джеватъ-ханъ защищался геройски. Цѣлый мѣсяцъ длилась осада; три раза возобновлялъ Циціановъ требованіе сдать крѣпость, но все было напрасно. «Вы пишете,—отвѣчалъ ему Джеватъ-ханъ,—что во время штурма кровь человѣческая прольется и что на совѣсти нашей грѣхъ будетъ. Когда такъ—не ходите, и кровь не прольется; а если пойдете, то прольется конечно, но грѣхъ на васъ будетъ. Упоминаете также, что въ законѣ христіанскомъ кровь проливать грѣшно, а въ нашемъ магометанскомъ сказано, что если кто нападетъ и кровь пролита будетъ, то за грѣхъ не вмѣняется». Циціановъ терялъ терпѣніе. «Я возьму крѣпость и

¹⁾ Рапортъ Циціанова 8-го декабря 1807 года, № 108.

П Л А Н

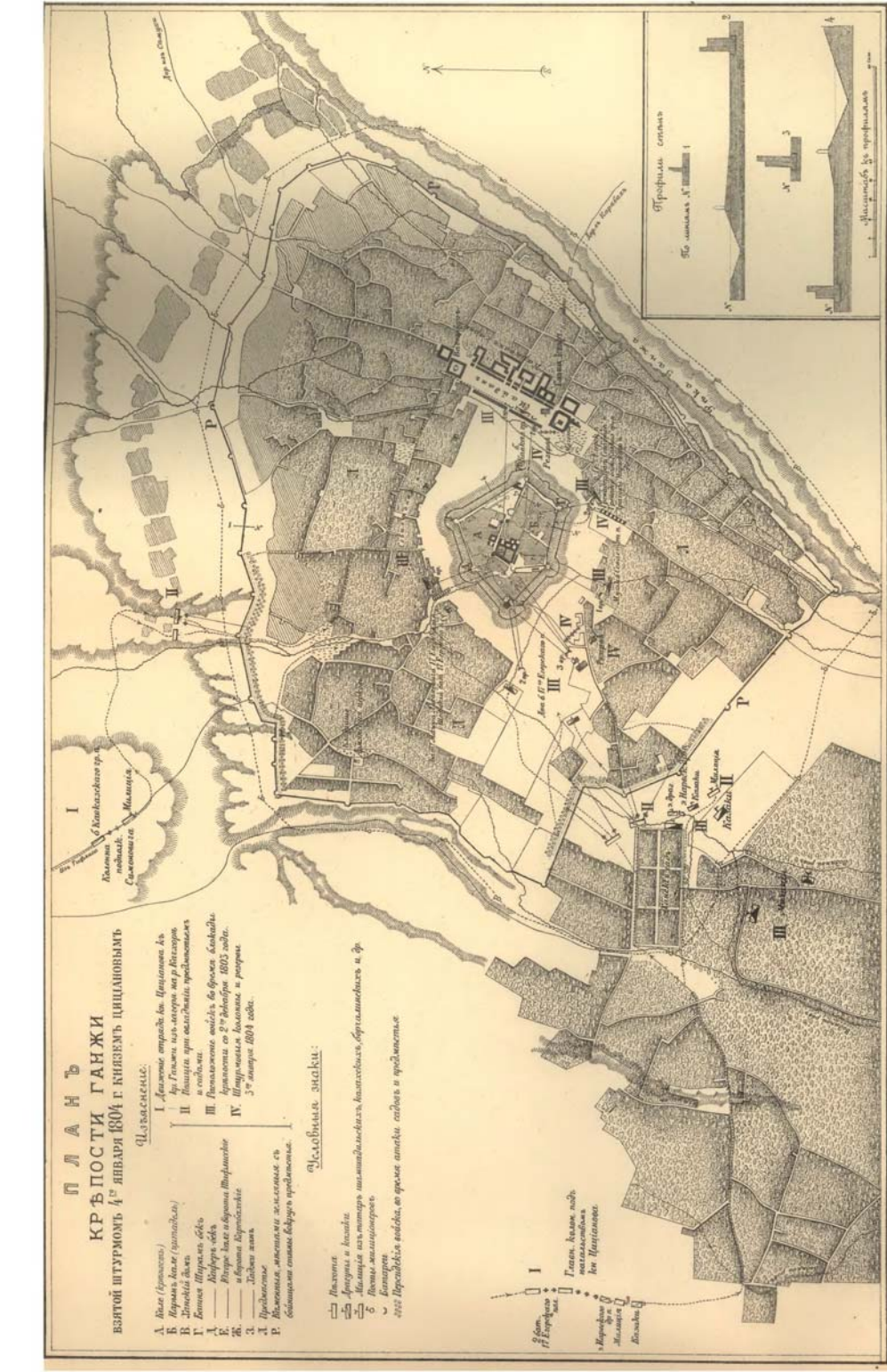
КРѢПОСТИ ГАНЖИ

ВЪРТОЙ ШТУРМЪМЪ 4-ГО ЯНВАРЯ 1804 Г. КНЯЗЕМЪ ЦИЦИАНОВЫМЪ

- Л** Вода (каналъ)
- К** Пирава Маха (турецкая)
- Г** Дворцовыя дома
- В** Восточная стѣна
- Д** Стѣна въ восточномъ углу
- И** Пирава Маха вѣстн. Турецкая
- Ж** Восточная стѣна вѣстн. Турецкая
- З** Турецкая стѣна
- Л** Пирава Маха
- Р** Восточная стѣна вѣстн. Турецкая

- Ц** Замки
- Г** Часы (турецкая)
- В** Часы (русская)
- Д** Часы (турецкая)
- И** Часы (русская)
- Ж** Часы (турецкая)
- З** Часы (русская)

- Ц** Часовые знаки:
- А** Часовые знаки восточныхъ, турецкихъ, британскихъ и др.
- Б** Часовые знаки восточныхъ, турецкихъ, британскихъ и др.
- В** Часовые знаки восточныхъ, турецкихъ, британскихъ и др.
- Г** Часовые знаки восточныхъ, турецкихъ, британскихъ и др.
- Д** Часовые знаки восточныхъ, турецкихъ, британскихъ и др.
- Е** Часовые знаки восточныхъ, турецкихъ, британскихъ и др.

Масштабъ 200 саженъ въ одинъ дюймъ.

предамъ тебя смерти»,—грозилъ онъ упрямому хану. «Ты найдешь меня мертвымъ на крѣпостной стѣнѣ»,—отвѣчалъ Джеватъ. И оба клялись исполнить свое обѣщаніе.

29-го декабря князь Циціановъ собралъ, наконецъ, военный совѣтъ, постановленіе котораго выразилось въ слѣдующемъ протоколѣ: ¹⁾

«Протоколъ, 29-го числа декабря 1803 г. учиненный въ военномъ совѣтѣ, составленномъ подъ предсѣдательствомъ г. генераль-лейтенанта и кавалера князя Циціанова изъ господъ: генераль-маіора, шефа Нарвскаго драгунскаго полка, Портнягина, полковниковъ: отъ артиллеріи Ахвердова, шефа 17-го егерскаго полка Карягина и Кавказскаго гренадерскаго полка подполковника Симонича, при блокадѣ Ганжинской крѣпости.

«Въ ономъ совѣтѣ читаны были предложенныя г. генераль-лейтенантомъ княземъ Циціановымъ слѣдующія бумаги:

1) Выписка изъ событій, бывшихъ доселѣ при блокадѣ Ганжинской крѣпости, въ коей объяснены неблагопріятные отзывы ганжинскаго Джеватъ-хана на неоднократныя предложенія г. генераль-лейтенанта и кавалера князя Циціанова о сдачѣ крѣпости на дискрецію, и побудительныя причины, поставившія его, г. генераль-лейтенанта и кавалера, въ обязанность сдѣлать военный совѣтъ для опредѣленія мѣръ, какія въ такомъ случаѣ принять должно. 2) Послѣднее письмо, въ тотъ же день отъ Джеватъ-хана полученное, содержащееся въ околичностяхъ и пустыхъ выраженійхъ, изъявляющихъ одно упорство его; и 3) Статьи, начертанныя г. генераль-лейтенантомъ и кавалеромъ княземъ Циціановымъ, на коихъ онъ предполагалъ принять сдачу крѣпости.

«Военный совѣтъ, по прочтеніи всѣхъ оныхъ бумагъ и по разсужденіи, единогласно положилъ: послать къ Джеватъ-хану ганжинскому вышеписанныя статьи о сдачѣ крѣпости съ тѣмъ, чтобы въ послѣдній разъ испытать намѣренія хана, не согласится ли онъ на тѣ пункты и чтобы отвѣтъ на то прислалъ онъ 30-го числа къ полудню. А если на сіе послѣднее предложеніе Джеватъ-ханъ ганжинскій не пришлетъ совсѣмъ или пришлетъ неудовле-

---

¹⁾ Архивъ шт. кав. в. окр., дѣло 1803 г., № 437.

творительный отвѣтъ, тогда въ наказаніе гордости Джеватъ-хана и упорства въ сдачѣ крѣпости, а также уважая недостатокъ войскъ россійскихъ, особливо въ фуражѣ для лошадей, позднее время, нездоровыя воды и умноженіе отъ того больныхъ, и что для россійскихъ войскъ постыдно, снявъ блокаду, отъ крѣпости отступить,—прибѣгнуть къ послѣдней и необходимой мѣрѣ: взять крѣпость приступомъ». (Слѣдуютъ подписи).

Условія, въ тотъ же день отправленныя къ Джеватъ-хану, заключались въ шести слѣдующихъ пунктахъ ¹⁾:

1) Джеватъ-ханъ ганжинскій со всѣми жителями его владѣній долженъ присягнуть на подданство всероссійскому Государю Императору.

2) Крѣпость должна быть очищена и занята со всѣми орудіями и военными снарядами россійскими войсками.

3) Джеватъ-ханъ ганжинскій, находясь въ подданствѣ россійскомъ, управляетъ своимъ владѣніемъ на прежнихъ правахъ, и пребудетъ данникомъ Россіи, платя по 20.000 руб. въ годъ и за 1804 годъ долженъ всю оную сумму заплатить при подпискѣ сихъ статей.

4) Войска, расположенныя въ крѣпости и по дорогѣ къ Шамшадилу, долженъ снабдить провіантомъ и фуражомъ, а подѣсно отвести луга по утвержденнымъ цѣнамъ.

5) На Шамшадиль и жителей оной провинціи никакого притязанія не имѣтъ, а остаются имъ, какъ они нынѣ состоятъ подъ управленіемъ грузинскаго правительства; и

6) Въ вѣрность сохраненія всего вышечисланнаго Джеватъ-ханъ ганжинскій долженъ сына своего Хусейнъ-Кули-агу отдать аманатомъ для всегдашняго пребыванія при главнокомандующемъ Грузією, коему будетъ производимо по 10-ти руб. въ день» ²⁾.

Джеватъ-ханъ не принялъ этихъ условій, и князь Циціановъ назначилъ штурмъ въ ночь со 2-го на 3-е января 1804 года. Войска раздѣлены были на двѣ колонны: первая, генераль-маіора Портнягина (баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго полка, баталіонъ Се-

¹⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 1179.

²⁾ Дѣло 364. Донесеніе Циціанова отъ 10 янв. 1804 г., № 11.

вастопольскаго и три эскадрона спѣшенныхъ драгунъ, всего 859 чел.), должна была дѣйствовать со стороны карабагскихъ или верхнихъ воротъ; вторая, полковника Карягина (два баталіона 17 егерскаго полка, всего 585 ч.),—со стороны тифлисскихъ или цитадельныхъ. Остальные два баталіона располагались въ резервѣ, по одному за каждой колонной. При этихъ резервахъ находилась вся артиллерія и двѣ сотни казаковъ; наконецъ, татарская милиція, «яко не достойная по своей невѣрности вести войну обще съ высокославными російскими войсками» назначена для содержанія конной цѣпи вокругъ садовъ и форштадта ¹⁾).

Въ темную, морозную ночь войска вышли изъ лагеря и на разсвѣтѣ стали подъ крѣпостью. Нѣсколько горящихъ подсвѣтловъ, брошенныхъ непріателемъ въ ровъ, освѣтили русскія штурмовыя колонны, и съ крѣпостной стѣны загремѣли орудія. Приступъ начался.

Колонна генерала Портнягина, приблизившись къ карабагскимъ воротамъ, приняла вправо, чтобы ворваться черезъ брешь, пробитую наканунѣ; но такъ какъ противъ этой брешы сосредоточены были главныя силы ганжинцевъ, то Портнягинъ предпочелъ оставить ее въ сторонѣ и штурмовать крѣпостную стѣну при помощи лѣстницъ. Сопrotивленіе однако было такъ велико, что нападеніе два раза было отбито, и только въ третій разъ, когда Портнягинъ самъ бросился въ головѣ колонны, солдатамъ удалось взобраться на стѣну. Портнягинъ, вскочившій первымъ, былъ окруженъ татарами, но къ счастью подполковникъ Симоновичъ съ кавказскими гренадерами и маіоръ Фитингофъ съ драгунами успѣли его выручить. «Титло храбраго,—писаль Циціановъ,—не я даю генералу Портнягину, а солдаты, имъ предводимые, единогласно въ войскѣ провозглашали сіе послѣ штурма» ¹⁾).

Колонна полковника Карягина должна была начать приступъ не прежде, какъ услышитъ барабанный бой Портнягина уже на стѣнахъ, но «храбрый и посѣдѣвшій подъ ружьемъ полковникъ Карягинъ», видя вредъ, наносимый ему огнемъ непріателя, который, бросая подсвѣты, освѣщалъ его колонну, кинулся впередъ, не ожидая успѣховъ Портнягина, «и съ побѣдою взошелъ на стѣну».

---

¹⁾ Дѣло № 364. Донесеніе Циціанова отъ 10-го янв. 1804 г., №. 11.

Здѣсь послѣдовательно одна за другою взяты были три главныя башни. Въ одной изъ нихъ, Каджи-кале, находился самъ Джеватъ-ханъ, не захотѣвшій искать спасенія въ бѣгствѣ. Видя невозможность остановить русскихъ, онъ сѣлъ на пушку и защищался до тѣхъ поръ, пока не былъ изрубленъ капитаномъ Козловскимъ, который и самъ тутъ же палъ подъ кинжалами ханскихъ нукеровъ. вмѣстѣ съ Джеватъ-ханомъ погибъ и средній сынъ его Гусейнъ-Кули-ага, тогда какъ двое другихъ при самомъ началѣ штурма успѣли бѣжать. Солдаты, между тѣмъ, втащили за собою на стѣны огромныя, пятисаженныя лѣстницы и по нимъ стали спускаться въ городъ, гдѣ толпы конныхъ и пѣшихъ татаръ въ безпорядкѣ носились по улицамъ, тщетно разыскивая ханскій бунчукъ. Растерявшіеся жители оглашали воздухъ неистовыми криками. Сопротивленія нигдѣ уже не встрѣчалось, и только въ ханской мечети вспыхнулъ отчаянный бой, закончившійся истребленіемъ пятисотъ послѣднихъ запершихся въ ней ганжинскихъ защитниковъ.

Взятіе Ганжи стоило намъ 17 офицеровъ и 227 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Въ крѣпости, кромѣ большихъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, взято 12 орудій, 6 фальконетовъ, штандартъ съ изображеніемъ на древкѣ руки Магомета и 8 знаменъ, изъ которыхъ одно «съ нарисованнымъ львомъ и надписями большой почитается важности». Сверхъ того, непріятель потерялъ 1750 человекъ убитыми и 17.724 взято было въ плѣнъ.

Достойно замѣчанія, что во время кроваваго штурма, изъ девяти тысячъ женщинъ, собранныхъ Джеватъ-ханомъ въ городъ изъ селеній въ залогъ вѣрности ихъ мужей, ни одна не подверглась оскорбленію или насилію. Въ числѣ плѣнныхъ представлено было главнокомандующему все ханское семейство въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Уважая военную доблесть павшаго хана, Циціановъ не только даровалъ его семейству полную свободу и щедро одарилъ деньгами, но приказалъ разыскать тѣло Джеватъ-хана и похоронить его въ пригородной мечети со всѣми почестями,

подобавшими его сану ¹⁾). Молва объ этомъ дошла и до Петербурга. «Слава Богу, слава и тебѣ,—писаль Циціанову одинъ изъ его друзей, графъ Растопчинъ (впослѣдствіи, въ 1812 году, знаменитый московскій генераль-губернаторъ),—не за то, что ты безъ артиллеріи взялъ азіятскій Гибралтаръ, не за то, что къ чести побѣдителей Очакова и Измаила присоединилъ взятіе Ганжи, но за то, что чувства твоей благородной души нашли отголосокъ въ душѣ солдатъ и вмѣсто звѣрства поселили въ нихъ человѣколюбіе» ²⁾). Самъ Циціановъ высоко цѣнилъ подвиги солдатъ при взятіи Ганжинской крѣпости. «Счастливый штурмъ сей,—писаль онъ,—есть только доказательство моральнаго превосходства русскихъ и того духа увѣренности въ побѣдѣ, который питать и воспалять въ солдатахъ считаю первую мою цѣлью». Его заботы о своихъ боевыхъ сподвижникахъ, дѣйствительно, представляютъ собою рѣдкій и трогательный примѣръ. Такъ, въ первыя же минуты послѣ ганжинскаго штурма, среди тяжкихъ заботъ, онъ собираетъ свѣдѣнія не о погибшихъ только, а и о тѣхъ, кто понесъ въ этихъ погибшихъ тяжкую, невозвратимую утрату. Въ рапортѣ государю, писанномъ, можно сказать, еще на дымящихся развалинахъ крѣпости, говоря о смерти драгунскаго поручика Кейта, кинувшагося на лѣстницу вслѣдъ за Портнягинымъ, Циціановъ прибавляетъ, «что послѣ убитаго осталась жена въ бѣднѣйшемъ положеніи»; донося о смерти пожилого маіора Бартенева, «считавшаго долгомъ идти на приступъ впереди своихъ подчиненныхъ», онъ проситъ въ память отца произвести въ офицеры сына его портупей-прапорщика, «дабы онъ могъ поспѣшить относительно храбрости по слѣдамъ храбраго отца своего».... Вотъ почему князь Циціановъ, не смотря на его строгость и даже суровость, былъ такъ безгранично любимъ своими подчиненными.

Въ политическомъ отношеніи взятіе Ганжи было событіемъ чрезвычайной важности, такъ какъ крѣпость эта считалась ключемъ къ сѣвернымъ провинціямъ Персіи. Поэтому, желая убѣдить побѣжденныхъ, что русскіе никогда уже не оставятъ завоеваннаго

---

¹⁾ Донесеніе Циціанова 10-го января, № 11.

²⁾ „XIX вѣкъ“ в. II. Письма Растопчина къ Циціанову.

края, Циціановъ, на другой же день по взятіи крѣпости, обратилъ главную городскую мечеть «въ храмъ истиннаго Бога», а для того, чтобы и самое названіе Ганжи истребить изъ памяти народной, назвалъ городъ Елизаветполемъ, въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны ¹⁾). Ханство, подъ именемъ Елизаветпольскаго округа, было присоединено къ Россіи и подчинено управленію, сходному съ уѣздами Грузіи. Для охраны новой провинціи Циціановъ оставилъ въ ней 17-й егерскій полкъ, подъ командой «испытаннаго въ храбрости и знаніи службы полковника Карягина».

Паденіе Ганжи рѣшило участь и Ширинъ-бека самухскаго, владѣніе котораго лежало въ сосѣдствѣ съ Ганжей, при самомъ впадении Алазани въ Куру, и находилось въ зависимости отъ ганжинскихъ хановъ. «Ширинъ-беку самухскому,—писалъ ему Циціановъ,—со мною, высокославныхъ россійскихъ войскъ главнымъ начальникомъ, переписываться и пересылаться послами не кстати и для меня низко... Пріѣзжайте тотчасъ съ покорностью, а если замедлите, то я васъ и на землѣ и въ водѣ найду. Вспомните, что слово свое держать умѣю: сказалъ, что Джарскую провинцію сокрушу—и сокрушилъ; сказалъ, что царскую фамилію, раздирающую Грузію, изъ Грузіи выведу—и выведу; сказалъ, что Ганжу возьму—и взялъ. Судите теперь, можете-ли вы равняться съ нами»... Ширинъ-бекъ немедленно явился въ русскій лагерь, присягнувъ на подданство и обязался платить подать по 1.000 червонцевъ въ годъ.

Хану нухинскому, принявшему на себя ходатайство за семью Джевать-хана, жена котораго, Бегумъ, была его родная сестра, Циціановъ писалъ: «Я прежде вашего письма, на другой-же день послѣ штурма, приказалъ отнести ей 600 рублей и представляю всемилостивѣйшему моему государю о произведеніи ей пенсіи ежегодно по смерть... Теперь скажите, есть ли у васъ такія правила и есть ли въ васъ подобныя сердца?... «Вы пишете,—говоритъ онъ далѣе,—что со времени прибытія моего сюда отъ васъ сопротивле-

---

¹⁾ Указомъ верховнаго грузинскаго правительства отъ 8-го марта 1804 г. было объявлено по Грузіи: «Кто послѣ обнародованія новаго названія города и округа, черезъ мѣсяцъ или съ 1-го апрѣля, въ прошеніяхъ, актахъ и во всѣхъ бумагахъ бывшую Ганжу будетъ называть Ганжею, а не Елизаветполемъ, съ того будетъ взыскиваемо по одному серебряному рублю штрафа и собранная такимъ образомъ сумма, по предписаніямъ главнокомандующаго, употреблена на общепользныя заведенія и помощь въ Елизаветполѣ».

нія и вражды высочайшему двору дѣлаемы не были. Да, скажите, можете-ли вы и подумать такой сильной и славою въ Европѣ и Азіи гремящей державѣ, какова Россійская, дѣлать сопротивленія? Можетъ-ли муха бороться съ орломъ или заяцъ со львомъ? Будьте увѣрены, что отъ меня зависитъ только приказать, и тогда Нухинскаго ханства также не будетъ, какъ и Ганжинскаго».

По полученіи реляціи о взятіи Ганжи, императоръ Александръ пожаловалъ князю Циціанову чинъ генераль-отъ-инфантеріи, Портнягину—орденъ св. Георгія 3-го класса, полковнику Карягину и еще шести офицерамъ—4-й степени, а нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ штурмѣ, по рублю серебромъ. Циціановъ, какъ свидѣтельствуется переписка его съ графомъ Растопчинымъ, былъ глубоко огорченъ и своею наградой и денежнымъ вознагражденіемъ нижнихъ чиновъ. «Рубли,—писалъ онъ,—даются солдатамъ за вахтъ-парады, а за взятіе крѣпости слѣдовало бы медали. Развѣ прикажутъ къ полученнымъ рублямъ придѣлать ушки, но и тогда—на какой лентѣ носить ихъ»?... Относительно своей награды онъ писалъ государю: «Получивъ высочайшее повелѣніе—представить мнѣніе мое, къ какимъ наградамъ удостоиваю я отличившихся въ сраженіи съ лезгинами 1-го и 15-го января сего года, я не дерзаю онаго представить только потому, что не имѣю счастья вѣдать о священныхъ правилахъ Вашего Величества относительно вознагражденія людей, жизнь свою въ жертву службѣ приносящихъ, такъ и того, кому можно назначить орденъ св. Георгія, испытавъ то лично на себѣ, ибо до полученія наградъ, всемилостивѣйше дарованныхъ за отличія при штурмѣ Ганжинской крѣпости, считалъ я, что, по 11-ой статьѣ статута ордена, буду удостоенъ онымъ, тѣмъ паче, что всѣмъ начальникамъ, подъ предводительствомъ коихъ крѣпость взята штурмомъ, таковыя были дарованы. Десять лѣтъ тому назадъ, получивъ орденъ сей 3-го класса за штурмъ ретраншаментовъ подъ Вильной, я оставался въ полной увѣренности, что орденъ сей 2-го класса отъ меня отъемлемъ быть не можетъ, а лишеніе онаго дѣлаетъ пятно службѣ моей, толико кратно осчастливленной высочайшимъ Вашего Величества одобреніемъ»¹⁾). Го-

¹⁾ Донесеніе кн. Циціанова 25-го апрѣля 1804 г., № 107.

сударь далъ понять Циціанову, что «право требовать на законномъ основаніи воздаянія, за воинскіе подвиги усгановленнаго, не извиняетъ нескромныхъ и несогласныхъ съ общимъ порядкомъ выраженій, заключающихся въ его рапортѣ» ¹⁾).

Тѣмъ не менѣ Циціанову, помимо анненской ленты, пожалованъ былъ прямо орденъ Александра Невскаго, а за взятіе Ганжи установлена особая серебряная медаль.

Что же касается до пожалованныхъ денегъ, то нижніе чины полностью пожертвовали ихъ въ Сіонскій соборъ на постройку при немъ колокольни, какъ бы въ возмездіе того, что наибольшее участіе въ ея разрушеніи, при вторженіи Ага-Магометъ-шаха, принимали ганжинцы. Эта-то колокольня существуетъ и нынѣ. Кирпичная и выбѣленная, она совсѣмъ не гармонируетъ своею бѣдною архитектурою съ величественнымъ стилемъ тысячелѣтняго массивнаго собора, облицованнаго тесанными плитами дикаго камня, но она дорога для насъ, какъ нѣмой свидѣтель и усердія къ святынѣ русскаго солдата и какъ историческій памятникъ кроваваго ганжинскаго штурма.

Въ то время, какъ князь Циціановъ осаждалъ Ганжу, въ Кахетіи, какъ мы уже сказали, готовилась большая экспедиція для наказанія джарцевъ. Генераль-маіоръ Гуляковъ собралъ свой отрядъ при ур. Пейкаро, близъ Александровскаго редута на Алазани.

Два полка, Кабардинскій и 15-й егерскій, только что прибывшій изъ Россіи, баталіонъ тифлисцевъ, нѣсколько сотенъ грузинской милиціи, казачья команда отъ полка Ефремова и 10 орудій, уже были готовы къ выступленію, когда вечеромъ 30-го декабря пришло извѣстіе, что шесть тысячъ лезгинъ, подъ начальствомъ Сурхая казикумыкскаго, перешли на правую сторону Алазани, верстахъ въ сорока ниже нашего лагеря. Опасаясь, чтобы это скопище не бросилось на кахетинскія селенія, оставшіяся подъ охраной однихъ казачьихъ постовъ, Гуляковъ въ ту же ночь снялся съ позиціи и 1-го января, въ самый день новаго 1804 года, от-

---

¹⁾ Высочайшій рескриптъ 10-го іюня 1804 года.

крыль непріятельскій станъ, расположенный въ лѣсу, до того заросшемъ терновымъ кустарникомъ, что не было возможности провезти орудій. Гуляковъ рѣшился дѣйствовать одною пѣхотой и поручилъ атаку опытному подполковнику князю Георгію Эристову, отлично изучившему характеръ лезгинъ еще тогда, когда при грузинскихъ царяхъ онъ былъ сардаремъ именно въ этой части Кахетіи. Эристовъ взялъ съ собою 320 охотниковъ и, поддержанный егерскою ротою, смѣло бросился на первый заваль, приказавъ дѣйствовать одними штыками. Лезгины, выбитые отсюда, два раза пытались удержаться въ чащѣ терноваго кустарника; но Эристовъ, не давая имъ опомниться, велъ атаку за атакой и, наконецъ, опрокинувъ скопище въ Алазань, заставилъ его спастись вплавъ подъ огнемъ артиллеріи. Шестъ лезгинскихъ знаменъ, отбитыхъ охотниками въ рукопашныхъ схваткахъ, достаточно свидѣтельствовали о пораженіи лезгинъ. Однако и намъ этотъ день обошелся недешево: изъ 320-ти человекъ выбыла почти четвертая часть:— три офицера и 86 нижнихъ чиновъ.

Бой уже окончился, когда на томъ берегу Алазани внезапно появилась новая трехтысячная партія, очевидно спѣшившая на помощь къ Сурхаю съ тѣмъ, чтобы поставить насъ между двумя огнями. Войска быстрымъ движеніемъ успѣли захватить ее на самой переправѣ и разсѣяли сильнымъ огнемъ.

Десятаго января 1804 г. Гуляковъ самъ перешелъ за Алазань и двинулся къ Джарамъ. Новыя толпы лезгинъ, встрѣтившія его на пути, не могли остановить наступленія. Селеніе Джары, покинутое жителями, занято было безъ боя, но на этотъ разъ Гуляковъ приказалъ предать его пламени. Циціановъ не находилъ достаточныхъ словъ благодарить Гулякова. «Прибывъ вчерашній день въ Тифлисъ,—писалъ онъ ему 14-го января,—я узналъ о новой вашей побѣдѣ, и столь часто имѣлъ удовольствіе отдавать справедливость вашимъ высокимъ военнымъ достоинствамъ, что мнѣ не остается иного вамъ сказать, какъ то, что вашему превосходительству суждено, какъ видно, увѣковѣчить славу російскаго оружія въ сей новопріобрѣтенной землѣ, а мнѣ соучаствовать въ радости о томъ».

Письмо это не застало уже въ живыхъ храбраго генерала.

Узнавъ, что джарцы съ своими семьями укрылись въ Зака- тальскомъ ущельѣ, почти примыкавшемъ къ селенію, Гуляковъ рѣшилъ загнать ихъ въ снѣжныя горы, гдѣ гибель ихъ, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, становилась уже неизбѣжной. По словамъ графа Михаила Семеновича Воронцова, участвовавшаго въ этой экспедиціи молодымъ офицеромъ, многіе были противъ движенія къ Закаатамамъ. Повидимому Гуляковъ колебался и самъ, говоря, «что хочетъ открыть только мѣсто»,—тѣмъ не менѣе 15-го января 1804 г. двинулся туда со всѣмъ отрядомъ. Впереди шло грузинское ополченіе и казачья команда; за ними рота егерей съ однимъ орудіемъ, при которой находился самъ Гуляковъ, а далѣе—остальная пѣхота. Отъ самаго входа въ ущелье начались сады, обнесенные высокими глинобитными стѣнами, за которыми виднѣлись каменные сакли. Это были лѣтнія жилища джарцевъ. Въ нихъ и теперь, казалось, не было признаковъ жизни. Но едва отрядъ втянулся въ узкую улицу между садами, какъ лезгины внезапно открыли по немъ изъ за стѣнъ сильный перекрестный огонь, и затѣмъ ринулись въ шашки. Смѣшавшаяся милиція подалась назадъ и смяла молодую, впервые находившуюся въ дѣлѣ егерскую роту. Здѣсь-то, среди общей сумятицы, однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ былъ убитъ Гуляковъ. Тѣло его нѣсколько минутъ оставалось даже въ рукахъ непріятеля, но подоспѣвшіе кабардинцы выручили останки любимаго командира. Пушку также спасли, но остановить лезгинъ не было уже никакой возможности.

Бѣжавшіе грузины, казаки и егеря увлекли за собою горсть кабардинцевъ и сбили всю остальную пѣхоту, которая не могла даже развернуться въ тѣсномъ пространствѣ. Разстроенный отрядъ повернулъ назадъ и при этомъ безпорядочномъ отступленіи многіе были опрокинуты въ глубокой оврагъ. Въ числѣ упавшихъ были генералы Орбеліани и Леонтиевъ, а также молодой графъ Воронцовъ. «Я разбился бы до смерти,—пишетъ послѣдній,—если бы не случилось упасть на другихъ, которые уже прежде меня тою же толпою были столкнуты». Когда онъ выбрался изъ яра, то увидѣлъ, что князь Димитрій Орбеліани, поднявшійся прежде него, уже собралъ людей и успѣлъ привести ихъ въ кое-какой порядокъ. Но какъ

идти впередъ, такъ и отступать было одинаково трудно. Лезгины, поднявшіеся на стѣны садовъ, почти въ упоръ разстрѣливали нашихъ солдатъ, которые ложились рядами. «Богъ знаетъ, какъ мы оттуда вышли,—писаль тотъ же Воронцовъ къ Циціанову,—никто изъ насъ и не думаль пережить этотъ день». Изъ этого опаснаго положенія выручили всѣхъ опять кабардинцы. «Разъяренные», какъ выражается Циціановъ, смертію любимаго начальника, часть ихъ кинулась на встрѣчу лезгинамъ, и пока задерживали натискъ ихъ съ фронта, другіе, подъ командой подполковника Солениуса и маіора Жиленкова, очистили ближайшіе сады, а штабсъ-капитанъ Орбеліани взялъ штурмомъ стоявшую на пути мечеть. Восемь часовъ длилась страшная битва, пока Орбеліани удалось наконецъ вывести войска изъ ущелья, не оставивъ въ рукахъ непріятеля ничего, кромѣ убитыхъ, которыхъ поднимать было некому. Разстроенный отрядъ прошелъ черезъ Джары и остановился у с. Мухахъ.

Трудно объяснить ошибки, допущенныя Гуляковымъ въ этомъ роковомъ для него сраженіи. Ничего подобнаго, конечно, не могло бы случиться, если бы въ головѣ колонны шла опытная боевая часть, а за ней находился резервъ, который, въ случаѣ неудачи, могъ бы принять на себя отступавшихъ. Между тѣмъ Гуляковъ, имѣвшій подъ рукою прекрасныя боевыя войска, отправилъ впередъ грузинское ополченіе, быть можетъ и храброе, но мало обученное и еще менѣе того дисциплинированное. Оно дрогнуло первымъ, а отъ него паника быстро перешла къ егерямъ, никогда не бывшимъ въ сраженіяхъ, а потому растерявшимся при видѣ бѣшенной атаки лезгинъ. Артиллерія, не имѣвшая возможности дѣйствовать за тѣснотою, также безъ пользы затрудняла отрядъ, а недостача резерва довершила несчастный исходъ этого сраженія, стоившаго намъ 20 офицеровъ и 526 нижнихъ чиновъ.

Смерть Гулякова глубоко поразила и опечалила князя Циціанова. «Потеря сего генерала, толикими подвигами въ семъ краѣ отличавшагося, — доносилъ онъ государю ¹⁾, — есть наинесчастнѣйшее

---

¹⁾ Дон. Циціанова 1-го февраля 1804 г., № 50.

слѣдствіе сего сраженія. Отчаяніе войска, уныніе друзей его, офицеровъ Кабардинскаго полка и сожалѣніе всей Грузіи, которая ограждена была неусыпнымъ его блѣніемъ и мужествомъ, налагаютъ на меня священную обязанность отдать памяти сего отличнаго полководца передъ лицомъ Вашего Величества достодожную справедливость. Я лишился помощника усерднаго, войска Вашего Величества лишились начальника, друга вѣрнаго и воина неустрашимаго».

Тѣло Гулякова сначала предано было землѣ въ бѣдной деревушкѣ Вакирь, такъ какъ бодбійскій митрополитъ ¹⁾ не согласился дать мѣста для погребенія покойнаго въ Сигнахскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся мощи просвятительницы Грузіи Нины. Кабардинскіе офицеры довели объ этомъ до свѣдѣнія князя Циціанова. И вотъ что послѣдній писалъ по этому поводу митрополиту бодбійскому ²⁾:

«Къ крайнему удивленію узналъ я, что ваше высокопреосвященство не позволили похоронить въ Сигнахскомъ монастырѣ тѣло покойнаго генераль-маіора Гулякова, который убитъ въ сраженіи на защиту Грузіи, который цѣлый годъ, стоя въ лагеряхъ, лишенъ былъ совершенно спокойствія для того только, чтобы охранить отъ непріятели Кахетію и ваши жилища, который наконецъ, на удивленіе всѣмъ, одержалъ столь много знаменитыхъ и славныхъ побѣдъ, что прославилъ себя и оставилъ память свою на вѣки, а цѣлой Карталиніи и Кахетіи доставилъ спокойствіе и тишину. Вся Грузія, питаясь плодами его подвиговъ, обязана вѣчною благодарностью столь храброму генералу. Я не могу повѣрить, чтобы вы употребили такой поступокъ противъ покойнаго, мужнически подвизавшагося за Грузію генерала. Но если это правда, то прошу безъ всякой медленности увѣдомить меня, какое вы имѣли на то право и что могло воспрепятствовать вамъ похоронить тѣло генерала, увѣнчавшаго всю Грузію счастіемъ. Увѣрю

---

¹⁾ Бодбійскій митрополитъ считался послѣ Алавердели первымъ архіереемъ Кахетіи. Ему принадлежало право вѣнчать на царство Кахетинскаго царя и ему же ввѣряемо было на храненіе знамя, которое сопровождало сардаря, командовавшаго передовымъ отрядомъ въ царскомъ войскѣ.

²⁾ Акты кавк. арх. ком. II, 572. Отношеніе князя Циціанова 31-го января 1804 г. № 6.

при томъ ваше высокопреосвященство, что за подобный поступокъ весьма можете быть лишены епархіи и сана».

Митрополитъ поспѣшилъ принести извиненіе, и тѣло Гулякова, перенесенное со всѣми почестями въ Сигнахъ, было погребено въ стѣнахъ болбійскаго монастыря, подъ сѣнію храма, гдѣ почиваетъ и святая Нина. Могила его помѣщается въ самой церкви, и на мраморной плитѣ, покрывающей прахъ героя, вырѣзана на русскомъ и на грузинскомъ языкахъ слѣдующая надпись: «Храброму, мужественному и неустрашимому генераль-маіору Василию Семеновичу Гулякову воздвигнулъ сей памятникъ скорби начальника и другъ его князь Циціановъ».

Послѣдняя земная награда не застала Гулякова въ живыхъ Курьеръ привезъ ему анненскую ленту черезъ плечо въ тотъ самый моментъ, когда его опускали въ могилу ¹⁾).

Въ то же время, считая себя обязаннымъ заботиться о поддержаніи въ Кабардинскомъ полку «тѣхъ отличныхъ достоинствъ храбрости и порядка, которыми полкъ превосходилъ всѣ прочіе, подъ начальствомъ убитаго въ сраженіи генерала Гулякова и, дабы потеря сего храбраго офицера для славы войскъ не столь была чувствительна» — Циціановъ просилъ о назначеніи шефомъ полка генераль-маіора князя Димитрія Орбеліани, а командиромъ маіора Алексѣева, «который приобрѣлъ общую любовь и привязанность того полка офицеровъ» ²⁾).

Въ этихъ задушевныхъ строкахъ передъ нами весь Циціановъ. Онъ понималъ, что только любовь и полное довѣріе подчиненныхъ къ начальнику могутъ творить чудеса и вызывать къ дѣйствию тѣ великія нравственныя силы, которыми побѣждалъ Суворовъ. Какъ ученикъ Суворова, постигшій тайну его побѣдъ, Циціановъ искалъ опоры именно въ этой могучей силѣ и положилъ ее въ основу того фундамента, на которомъ построилась вся вѣковая слава кавказской арміи. Циціановъ создалъ собою цѣлую школу. Ей слѣдовалъ Котляревскій и ее завершилъ Ермоловъ.

¹⁾ Въ 1845 году, по повелѣнію Императора Николая Павловича, Гулякову воздвигнутъ памятникъ въ крѣпости Закачалахъ. Онъ находится въ разстояніи полуверсты отъ того мѣста, гдѣ дѣйствительно былъ убитъ Гуляковъ.

²⁾ Донесеніе Циціанова 1-го февраля 1804 г., № 48.

Несмотря на поражение, понесенное нашими войсками въ За-каталахъ, упорный бой этотъ произвелъ на лезгинъ такое впечатлѣніе, что они поняли невозможность дальнѣйшей борьбы и, вмѣсто упоенія побѣдой, явились съ мольбой о пощадѣ. Белоканцы и другіе давали клятву жить мирно, слагая вину на джарцевъ, а джарцы говорили, «что случившееся есть дѣло воли Божьей». Князь Орбеліани потребовалъ отъ нихъ слѣдуемой дани и, получивъ обѣщаніе, что джарцы исполнятъ всѣ наши требованія, привелъ ихъ къ присягѣ и объявилъ помилованіе. Ни онъ, ни князь Циціановъ конечно не обманывали себя на счетъ истиннаго положенія дѣлъ въ Джарской области, но надо было пока довольствоваться и этою сомнительною покорностью, такъ какъ князь Циціановъ переносилъ свою кипучую дѣятельность уже на другую окраину.

Еще стоя подъ Ганжею, онъ получилъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ государь требовалъ, «чтобы по взятіи Ганжи обратитъ всѣ силы на занятіе Имеретіи, ибо царь Соломонъ коварствомъ своимъ и разными умыслами подаетъ всѣ права на такое предпріятіе». Такимъ образомъ, на очереди стояла теперь Имеретія.

Глава VI.

Событія въ Имеретіи послѣ кончины царя Соломона I.—Воцареніе Соломона II. — Война между Имеретіей и Мингреліей.—Князь Григорій Дадіанъ Мингрельскій проситъ о принятіи его въ русское подданство.—Посылка Соколова въ Имеретію для освобожденія царицы Константина.—Равнодушіе Турціи къ событіямъ на Кавказѣ.—Интересы царя Соломона II. — Принятіе Мингрелии въ русское подданство.—Переговоры съ царемъ Соломономъ о вступленіи его въ русское подданство.—Вопросъ о Лечхумѣ.—Циціановъ получаетъ изъ Петербурга приказаніе занять Имеретію русскими войсками.—Свиданіе Циціанова съ Соломономъ.—Присяга царя Соломона на вѣрность подданства.—Вопросъ о крѣпости Поті.—Посылка въ Мингрелию статскаго совѣтника Литвинова.—Прибытіе къ устью р. Хопи русской эскадры.—Высадка Бѣлевскаго мушкетерскаго полка.—Смерть князя Григорія Дадіана.—Владѣтель Абхазіи Келемъ-бей отказывается выдать князя Левана Дадіана, назначеннаго владѣтелемъ Мингрелии.—Походъ г.-м. Рынхофа въ Абхазію и занятіе кр. Анакліи.—Освобожденіе князя Левана Дадіана.—Принесеніе имъ вѣроподданнической присяги.—Интриги царя Соломона.—Присоединеніе къ Россіи княжества Гуріи.

Циціановъ не имѣлъ надобности искать удобныхъ случаевъ для вмѣшательства въ дѣла западнаго Закавказья; такіе случаи представлялись сами собою, какъ естественное послѣдствіе присоединенія Грузіи къ русской державѣ. Водвореніе сильной власти въ бывшемъ Грузинскомъ царствѣ немедленно вызвало искательство и просьбы о покровительствѣ со стороны сосѣднихъ владѣтелей, находившихся въ постоянной враждѣ между собою. Такимъ образомъ, относительно Имеретіи и Мингрелии не только не было недостатка въ поводахъ къ вмѣшательству, а, напротивъ, Циціановъ не могъ, даже при желаніи, уклониться отъ обращаемыхъ къ нему призывовъ о посредничествѣ и защитѣ слабыхъ противъ сильныхъ.

Имеретинскій царь Соломонъ I, союзникъ Екатерины Великой во время турецкой войны 1769 г., скончался скоропостижно въ Кутаисѣ 23 апрѣля 1784 г.¹⁾, не оставивъ прямого наслѣдника

¹⁾ Въ грузинской хроникѣ показанъ 1782 г., но академикъ Броссе доказалъ, что Соломонъ былъ живъ еще въ юнѣ 1783 г. Brosset, Hist. de la Géorgie, II partie, 2 livr. 249, 394, 574. Извѣстный авантюристъ Яковъ Рейнеггс говоритъ положительно, что Соломонъ скончался 23 апрѣля 1784 г. J. Reineggs, Beschreibung des Kaukasus, II. 26.

мужского пола. Ближайшее право на престоль принадлежало сыну его младшаго брата Арчила, царевичу Давиду. Но сановники имеретинскіе не рѣшались въ тревожное время посадить царемъ десятилѣтняго мальчика¹⁾, воспитывавшагося въ Грузіи у своего дѣда Царя Ираклія II. Они признали въ достоинствѣ царя Давида Георгіевича²⁾, двоюроднаго брата Соломона I.

Въ 1790 году юный Давидъ Арчиловичъ, при помощи грузинскаго царя, силою овладѣлъ Имеретіей и воцарился подъ именемъ Соломона II. Соперникъ его бѣжалъ въ Ахалцихъ, откуда тщетно пытался низвергнуть Соломона, высылая противъ него наемныя шайки лезгинъ. Потерпѣвъ полную неудачу, онъ обратился къ посредничеству Ираклія. Соломонъ, по увѣщанію дѣда своего, примирился съ Давидомъ Георгіевичемъ и возвратилъ ему наслѣдственныя имѣнія, но взялъ въ заложники его единственнаго сына трехлѣтняго царевича Константина. Мальчикъ содержался съ тѣхъ поръ подъ строгимъ присмотромъ въ кр. Мухури, въ Рачѣ³⁾.

Имеретинскіе цари издавна враждовали съ своими сосѣдями, владѣтелями Мингреліи, носившими титулъ *дадіанъ*. Поводомъ къ враждѣ были историческія права царей Имеретіи на Мингрелію, какъ на бывшее ихъ достояніе, отложившееся въ смутное время. Соломонъ II, несмотря на свои родственныя связи съ Григоріемъ Дадіаномъ⁴⁾, продолжалъ съ нимъ войну, начатую еще при его предшественникѣ. Григорій, дважды изгнанный изъ Мингреліи, рѣшился искать русскаго подданства⁵⁾. По свидѣтельству грузинскаго хроникера, Циціановъ очень обрадовался этому извѣстію⁶⁾. Дѣйствительно, ходатайство мингрельскаго владѣтеля подоспѣло какъ разъ во время: оно вполнѣ соотвѣтствовало видамъ русскаго

---

1) Давидъ Арчиловичъ родился въ 1773 г. Его мать Елена была дочерью царя Ираклія II.

2) По другимъ свѣдѣніямъ Давидъ Георгіевичъ былъ назначенъ только замѣстителемъ (наибомъ) на время малолѣтства законнаго царя Давида Арчиловича. Brosset, Hist. de la Géorgie, II, 2 livr., 249.

3) Тамъ же, 254—256. Давидъ Георгіевичъ умеръ въ 1792 г. Жена его Анна Мамуковна или Мамуковна была урожденная княжна Орбеліани.

4) Соломонъ былъ женатъ на сестрѣ Григорія, дочери Кація Дадіана, а Григорій на царевнѣ Нинѣ, дочери грузинскаго царя Георгія XII.

5) Письмо его къ кол. сов. Соколову отъ 20-го декабря 1802 г. Акты кав. арх. ком., II, № 899.

6) Brosset, Hist. de la Géorgie, II, 2 livr. 278.

правительства на побережье Черного моря и, сверхъ того, давало Цицианову возможность произвести давленіе на имеретинскаго царя, поведеніе котораго относительно Грузіи рѣшительно не согласовалось съ правилами добраго сосѣдства.

Въ 1802 г. царица Анна, вдова царя Давида Георгіевича имеретинскаго, выѣхала въ Петербургъ для ходатайства передъ императоромъ Александромъ I о побужденіи царя Соломона II дать свободу сыну ея Константину, содержавшемуся въ кр. Мухури. Государь, принявъ близко къ сердцу горе матери, лишенной единственнаго сына, повелѣлъ колл. сов. Соколову¹⁾ отправиться въ Имеретію и объявить Соломону высочайшую волю объ освобожденіи царевича.

Миссія Соколова не имѣла успѣха. Соломонъ, зная, что посланецъ имѣетъ при себѣ императорскую грамоту на его имя, не спѣшилъ однако назначить ему аудіенцію. Наконецъ, когда грамота была вручена царю, онъ поставилъ для освобожденія царевича Константина такія условія, которыя не могли быть приняты. А именно, онъ выразилъ желаніе, чтобы русскія войска, расположенныя въ Грузіи, оказали ему помощь въ войнѣ съ владѣтелемъ Мингреліи²⁾.

Соломонъ II не могъ не сознать, въ какую опасную игру вступалъ онъ, противясь положительно выраженной волѣ русскаго государя. Но постороннія вліянія были сильнѣе голоса благоразумія. Съ одной стороны сардаръ князь Кайхосро Церетели, пользовавшійся особенною довѣрностью царя, настаивалъ на продолженіи войны съ Дадіаномъ. По словамъ Соколова, сардаръ рассчитывалъ получить въ свое владѣніе часть завоеванныхъ мингрельскихъ земель³⁾. Съ другой,—бабка Соломона II, вдовствующая грузинская царица Дарья⁴⁾, поддерживавшая смуты въ Грузіи, убѣждала

---

¹⁾ Александръ Егоровичъ Соколовъ (1780—1819) состоялъ при вице-канцлерѣ князѣ Куракинѣ. Свою любопытную во многихъ отношеніяхъ поѣздку въ Имеретію описалъ онъ въ сочиненіи: „Путешествіе мое въ Имеретію съ линіи Кавказской, мое тамъ у царя пребываніе, съ нимъ сношеніе и обратное оттуда путешествіе въ Грузію“. Сочиненіе это издано въ 1874 г. Московскимъ обществомъ Истории и Древностей.

²⁾ Соколовъ, Путешествіе мое въ Имеретію, 73, 75.

³⁾ Тамъ же, 27.

⁴⁾ Царица Дарія питала и личное нерасположеніе къ Григорію Дадіану, какъ женатому на дочери ея пасынка царя Георгія XII, котораго она считала похитителемъ престола, принадлежавшаго ея сыновьямъ по завѣщанію царя Ираклія II.

его не уступать требованіямъ Соколова, такъ какъ русское правительство, по ея словамъ, добивалось освобожденія царевича Константина только для того, чтобы возвести его на имеретинскій престолъ. Внушенія царицы Даріи поддерживались сыновьями ея Юлономъ, Александромъ и Парнаозомъ. Скрываясь въ Имеретіи, они убѣждали царя принять участіе въ общемъ возстаніи, которое ожидалось въ Грузіи въ 1802 г. ¹⁾.

Такимъ образомъ, князь Циціановъ имѣлъ всѣ основанія какъ для вмѣшательства въ дѣла Мингреліи, просившей о подданствѣ, такъ и для принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ явнаго недоброжелательства царя Соломона. Но предварительно приступа къ дѣлу, необходимо было выяснить взглядъ турецкаго правительства на отношеніе Россіи къ владѣніямъ западнаго Закавказья. Оказалось, что правительство султана относилось совершенно равнодушно къ событіямъ на Кавказѣ. «Дѣйствительный камергеръ Италинскій,—писалъ императоръ Александръ князю Циціанову отъ 25-го іюня 1803 г. ²⁾,—донесъ мнѣ о письмѣ вашемъ къ нему относительно Мингреліи и прочихъ сосѣдственныхъ съ Грузіею областей, которыя предполагается принять въ подданство Россіи. Еще до полученія извѣщенія вашего, что вы по симъ предметамъ отнеслись къ министру моему въ Константинополѣ, предписалъ я ему представить Портѣ занятіе войсками моими земель сихъ, какъ событіе для нея равнодушное, поелику мнимое ея областямъ симъ покровительство повсегда было для нея бесполезно и ничтожно; а потому и увѣренъ я, что въ податливости Порты на сей счетъ министръ мой большаго затрудненія не встрѣтитъ, и вы можете продолжать начатыя операціи. Что же касается до уступки Ахалцыха съ его округомъ, то если бы и нужно было для Россіи пріобрѣтеніе сей крѣпости,—помышлять объ этомъ нѣтъ никакого слѣда, тѣмъ болѣе, что невозможно и самому султану, когда бы и былъ онъ на то согласенъ, выпустить изъ рукъ какую-либо часть наслѣдія халифовъ, не бывъ къ тому вынужденъ силою оружія. Сіе послѣднее средство тѣмъ менѣе употреблено быть можетъ съ моей стороны, что

---

¹⁾ Соколовъ, 168.

²⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 903.

сохраненіе имперіи Турецкой въ настоящемъ ея положеніи сходственно съ пользою Россіи. По каковой причинѣ не только не желаю я что-либо на счетъ ея пріобрѣсть, но и сохранить цѣлость ея владѣній отъ замысловъ другихъ державъ на оныя. Вслѣдствіе сего непреложнаго намѣренія моего, имѣете вы не посягать на точную соотвѣтственность Порты Оттоманской».

Высочайшее повелѣніе это развязало руки князя Циціанова въ отношеніи Мингреліи. Онъ успѣшилъ ¹⁾ сообщить Григорію Дадіану главныя основанія подданства: владѣтель обязывался принять русскій отрядъ въ 1500 ч. при генералѣ для защиты Мингреліи отъ непріятелей, снабжать этотъ отрядъ потребнымъ провіантомъ за условленную плату; сохраняя въ своей власти внутреннее управленіе страной на прежнихъ правахъ и обычаяхъ, не допускать смертной казни, «яко нетерпимой въ російскомъ правленіи.» Владѣтель съ радостью принялъ эти условія и просилъ ускорить присылку войска въ виду враждебныхъ дѣйствій царя Соломона ²⁾. Дѣло не могло, однако, совершиться такъ быстро, какъ того желали обѣ стороны. Имеретинскій царь относился крайне недоброжелательно къ готовившемуся событію и не пропускалъ чрезъ свои земли посланцевъ Циціанова и владѣтеля Мингреліи. Одинъ изъ такихъ посланцевъ былъ даже убитъ въ Имеретіи, а находившіяся при немъ письма князя Циціанова къ Дадіану попали въ руки Соломона ³⁾.

Несмотря на всѣ препятствія, дѣло подвинулось впередъ настолько, что въ ноябрѣ 1803 г., предъ выступленіемъ въ походъ подъ Ганжу, Циціановъ отправилъ въ Мингрелію полковника Майнова для приведенія владѣтеля къ присягѣ на подданство и для постановленія окончательныхъ условій, которыя Дадіанъ долженъ былъ подписать въ видѣ просительныхъ пунктовъ.

Въ послѣдній день ноября, послѣ труднаго пути чрезъ Ахалцыхъ, Батумъ и Поті, Майновъ прибылъ въ сел. Диди-чала, гдѣ находился владѣтель Григорій. Второго декабря владѣтель подпи-

¹⁾ Письмо отъ 26 іюня 1803 г. Акты кав. арх. ком., II, № 904.

²⁾ Письмо къ кн. Циціанову отъ 21 августа 1803 г., тамъ-же, № 908.

³⁾ Представленіе кн. Циціанова графу А. Воронцову отъ 31 іюля 1803 г. Акты кав. арх. ком., II, № 704.

саль просительные пункты, а четвертаго числа, вмѣстѣ съ многими князьями, принялъ торжественную присягу на вѣрность подданства русскому государю ¹⁾).

Въ Петербургѣ не встрѣтили припятствій къ принятію поставленныхъ Циціановымъ условий подданства Мингреліи, за исключеніемъ того пункта, который сохранялъ за княземъ Григоріемъ титула и правъ владѣтеля. Дадіанъ въ своихъ просительныхъ пунктахъ особенно настаивалъ на этомъ, а между тѣмъ въ Петербургѣ нашли, что «титулъ владѣтельнаго князя можетъ во многомъ препятствовать тѣмъ расположеніямъ, кои для устройства Мингреліи и для самой существенной пользы народа нужно будетъ учинить со временемъ, и желанію нашему, чтобы образъ правленія въ Мингреліи былъ подчиненъ единому и непремѣнному порядку, не оставляя оный зависящимъ отъ прихотливаго самовластія владѣльца» ²⁾). Въ силу этого, министерство иностранныхъ дѣлъ полагало необходимымъ именовать князя Дадіана не *владѣтелемъ*, а *наслѣдственно начальствующимъ Мингрелією* съ правомъ суда и расправы отъ имени государя императора. Затѣмъ, начальствующій Мингрелією лишился права налагать и взимать въ свою пользу какія бы то ни было подати; всѣ доходы княжества должны были поступать въ императорскую казну, а князю Дадіану назначено опредѣленное жалованье ³⁾).

Князь Циціановъ отвѣчалъ ⁴⁾ на эти предложенія, что онъ только по политической дальновидности «далъ имя просительныхъ пунктовъ тому, что ничто иное есть, какъ трактатъ, безъ коего князь Дадіанъ не хотѣлъ войти въ подданство Россійской имперіи. Оставляя то, что столь чувствительная перемѣна въ условіяхъ, на коихъ онъ вступилъ въ подданство, должна поразить и устрашить князя Дадіана; оставя то, что не токмо я, но и всѣ по мнѣ главноуправляющіе лишатся довѣрія отъ сосѣдей къ нимъ и къ

---

¹⁾ Рапортъ Майнова отъ 4-го янв. 1804 г. и донесеніе Циціанова графу А. Воронцову отъ 20-го янв. 1804 г. Акты кав. арх. ком., т. III, №№ 913 и 914.

²⁾ Письмо князя Чарторыйскаго къ князю Циціанову отъ 20-го мар. 1804 г. Акты кав. арх. ком., III, № 918.

³⁾ Тамъ-же, № 923.

⁴⁾ Письмо къ князю Чарторыйскому отъ 25-го апр. 1804 г., тамъ-же, № 923.

производимымъ ими съ вступающими условіямъ, каковое я уже и потерялъ уведомъ членовъ царственнаго грузинскаго дома изъ Грузіи, хотя оно было необходимо, и сіе-то есть единственная причина двухмѣсячной моей негоціаціи съ имеретинскимъ царемъ, который, страшась переменъ, ни на что согласиться не желалъ; оставя всѣ сіи уваженія, спѣшу предварить ваше сіятельство, что о сихъ переменѣхъ объявить прежде невозможно, доколѣ войска не займутъ Мингреліи, дабы совсѣмъ не потерять сіе пріобрѣтеніе, ибо безъ нихъ страхъ лишенія владѣнія съ лишеніемъ титла и сіи переменны, обращающія въ ничтожество его власть, могутъ заставить его отложиться отъ подданства, и тогда насильственный входъ войскъ въ землѣ, подобной Альпійскимъ горамъ, покрытымъ густѣйшими лѣсами, и въ землѣ, не имѣющей ни дорогъ, ни мостовъ на пребыстрыхъ и широкихъ рѣкахъ, будетъ стоять нѣсколько тысячъ воиновъ. Итакъ, буде переменны сіи невозможно предоставить времени и именно тому, когда Мингрелія достовѣрную подасть надежду вознаградить государственныя издержки богатыми рудниками или инымъ чѣмъ, или когда представится случай (храни, Боже, слышать) неблагонамѣренностью владѣтеля или его преемниковъ лишить сей родъ онаго достоинства по всей справедливости, сдѣлавъ явнымъ предъ свѣтомъ о его преступленіи противъ которой-либо изъ статей; то по крайней мѣрѣ прошу для пользы имперіи и дѣлъ здѣшнихъ не прежде ввести оныя переменны, какъ по вступленіи войскъ. Сіи же самыя пользы налагаютъ на меня обязанность испрашивать у вашего сіятельства хотя общаго начертанія правилъ въ подобныхъ случаяхъ на будущее время, льстя себя надеждою, что вы согласитесь со мною изволите, что за 3000 верстъ ожидать отвѣта въ переговорахъ невозможно. Не могу умолчать также и о томъ, что безъ достаточныхъ военныхъ силъ законы давать въ начертаніи трактатовъ, сколько бы ни слабъ былъ договаривающійся, но пребывающій въ неприступномъ мѣстѣ, по мнѣнію моему, весьма неудобно или, по крайней мѣрѣ, выше силъ моихъ понятій».

Императоръ Александръ принялъ благосклонно этотъ энергическій протестъ князя Циціанова и рескриптомъ отъ 4-го іюля 1804 г.

утвердилъ въ полной мѣрѣ актъ, заключенный, въ видѣ просительныхъ пунктовъ, съ княземъ Григоріемъ Дадіаномъ ¹⁾).

Выше было уже сказано о неудачной миссии Соколова, имѣвшаго порученіе убѣдить имеретинскаго царя Соломона освободить изъ заточенія царевича Константина. Вскорѣ по прибытіи въ Тифлисъ князь Циціановъ получилъ высочайшее повелѣніе ²⁾ отъ 23-го февраля 1803 г. употребить всѣ возможные способы для доставленія царевичу свободы.

Кромѣ того, Циціанову предстояло побудить царя Соломона къ исполненію еще и другого требованія, непосредственно касавшагося спокойствія Грузіи, а именно выдачи царевичей Юлона и Парнаоза. Укрывшись въ Имеретіи, они удобно поддерживали отсюда безпорядки и волненія въ Карталиніи и Осетіи. Населеніе Имеретіи, разоренное безконечною войною съ владѣтелемъ Мингреліи, тяготилось пребываніемъ въ царствѣ бѣглецовъ, на содержаніе которыхъ съ ихъ многочисленною свитою приходилось ему платить особый налогъ. Несомнѣнно, что и самъ Соломонъ сознавалъ все неприличіе и опасность покровительства врагамъ русскаго государя, но не имѣлъ силы отказать въ пріютѣ царевичамъ, связаннымъ съ нимъ узами кровнаго родства.

Приступивъ къ исполненію высочайшаго повелѣнія, главнокомандующій отправилъ къ царю Соломону правителя своей канцеляріи Броневскаго съ настоятельнымъ требованіемъ выдачи грузинскихъ царевичей и освобожденія царевича Константина ³⁾. Соломону было уже извѣстно въ это время ходатайство владѣтеля Мингреліи о принятіи его въ русское подданство. Предвидя, что при такихъ условіяхъ ему не удастся удержать за собою областей, отнятыхъ у князя Григорія Дадіана, онъ поспѣшилъ исполнить часть требованій князя Циціанова и выразилъ желаніе вступить подъ покровительство Россіи съ тѣмъ условіемъ, чтобы русскія войска являлись къ нему на помощь по его призыву ⁴⁾).

¹⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 778.

²⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 687.

³⁾ Предписаніе ему кн. Циціанова отъ 30-го апр. 1803 г. Акты кав. арх. ком., II, № 699,

⁴⁾ Письмо Соломона къ Императору Александру отъ 22-го мая 1803 г. Акты кав. арх. ком., II, № 700.

При этомъ онъ, конечно, имѣлъ въ виду, подчинить себѣ русскимъ оружіемъ мингрельскаго владѣтеля.

Соломонъ съ большимъ трудомъ согласился на освобожденіе плѣннаго царевича Константина. Сначала онъ объявилъ Броневскому, что для него легче отдать все царство, нежели выпустить царевича изъ крѣпости и повергнуть Имеретію въ междоусобіе, и никакая сила не можетъ его исторгнуть изъ заключенія ¹⁾. «Но затѣмъ, внявъ голосу благоразумія, согласился дать плѣннику свободу, причемъ словесно выразилъ Броневскому желаніе, чтобы Константинъ былъ увезенъ въ Петербургъ. Соломонъ опасался, что русское правительство имѣетъ тайное намѣреніе возвести царевича на имеретинскій престолъ или, по крайней мѣрѣ, держать его въ видѣ постоянной угрозы царю. Опасеніе это было также одною изъ причинъ, заставлявшихъ Соломона искать покровительства Россіи. Въ числѣ условій онъ ставилъ высочайшее утвержденіе его и потомства его въ санѣ царей имеретинскихъ, а въ случаѣ бездѣтства назначеніе наслѣдникомъ царевича Константина ²⁾».

Въ отношеніи удаленія изъ Имеретіи Юлона и Парнаоза миссія Броневскаго не имѣла успѣха. Царевичи остались глухи ко всѣмъ убѣжденіямъ и отказались выѣхать въ Петербургъ, гдѣ имъ былъ обѣщанъ благовольтельный пріемъ наравнѣ съ прочими членами грузинскаго царскаго дома. По правамъ гостепрѣимства и родства Соломонъ не могъ употребить надъ ними насилія. Онъ обѣщаль, однако, если бы царевичи задумали искать убѣжища въ Персіи, увѣдомить князя Циціанова объ этомъ и сообщить ему объ избранномъ бѣглецами пути.

Съ согласія князя Циціанова царь Соломонъ отправилъ въ Петербургъ князя Соломона Леонидзе съ прошеніемъ о принятіи Имеретіи подъ покровительство Россіи. По объясненнымъ уже причинамъ онъ желалъ, чтобы актъ этотъ совершился прежде вступленія владѣтеля Мингреліи въ русское подданство. Вслѣдствіе этого, изъявляя наружно всѣ знаки преданности русскому

---

¹⁾ Всеподд. рапортъ Циціанова отъ 27-го іюня 1803 г. Акты кав. арх. ком., II, № 703.

²⁾ Отношеніе Циціанова къ графу Воронцову отъ 12-го іюня 1803 г. Акты кав. арх. ком., II, № 701.

правительству, царь тайно противодѣйствовалъ сношеніямъ Циціанова съ княземъ Григоріемъ Дадіаномъ и не прекращалъ войны съ Мингреліей. Циціановъ не разъ въ почтительной формѣ намекалъ Соломону на то, что насильственными мѣрами противъ владѣтеля, ищущаго русскаго подданства, онъ рискуетъ навлечь на себя гнѣвъ государя ¹⁾. Соломонъ, ослѣпленный своею ненавистью къ Дадіану, не обращалъ вниманія на эти предостереженія. Убійство посланца, о которомъ было сказано выше, давало князю Циціанову законный поводъ къ введенію въ Имеретію отряда для наказанія Соломона. Изъ Петербурга ему прямо указывали на необходимость этой мѣры.

26-го октября 1803 года послѣдовало высочайшее повелѣніе ²⁾ о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противъ царя имеретинскаго. Упомянувъ о сношеніяхъ его съ Турціей и о коварномъ убійствѣ посланца владѣтеля Мингрелии, императоръ Александръ сообщалъ князю Циціанову, что начатыя негоціаціи съ княземъ Соломономъ Леонидзе прекращены. «Не остается уже мѣста никакому сомнѣнію,—сказано далѣе въ этомъ повелѣніи,— что кротость и увѣщаніе бездѣйственны будутъ въ обращеніи на путь правый сего законѣлаго въ проницствѣ владѣльца, и что настало время принять мѣры осторожности, долженствующія предохранить Грузію отъ тѣхъ неустойствъ, которыя въ Имеретіи день ото дня усиливаются. Если, до полученія сего повелѣнія, царь Соломонъ, сверхъ ожиданія моего, обратился бы къ чистосердечному рѣшенію, то, не отлагая никакого занятія областей его, совершить оное, объявля ему, что духъ неудовольствія, оказавшійся между подданными его, усиливаясь повседневно, можетъ произвести смятеніе въ царствѣ его, на кои по смежности Грузіи съ Имеретіей вы равнодушно взирать не можете, ибо спокойствіе оной отъ того нарушено быть можетъ; что, вступая во владѣніе его, имѣете вы въ виду сколько предосторожность сію, столько же и желаніе ваше отвратить всякую опасность, ему лично пред-

---

¹⁾ Письмо князя Циціанова къ царю Соломону отъ 3-го августа 1803 г. Акты кав. арх. ком., II, № 708.

²⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 720.

стоять могущую. Если же царь имеретинскій, суетною надеждою ослѣпленный, что преступленіе его останется ненаказаннымъ, не изъявить повинovenія своего, то, отmetая околичности, приступите вы къ дѣлу съ объявленіемъ, что случившееся съ посланными князя Дадіана содѣлало мѣру сію необходимою, подавъ вамъ опытъ того, что князь мингрельскій, поступившій въ подданство Россіи и потому имѣющій право на заступленіе ея, ожидать долженъ отъ сосѣда, попирающаго столь звѣрскимъ образомъ священный повсюду законъ гостепріимства; что сверхъ сего Имеретія, по мѣстному положенію своему, пересѣкая сообщеніе Грузіи съ Мингрелією, имѣли вы долгъ занятіемъ оной успокоить себя на тотъ счетъ, что посылаемые отъ васъ изъ одной сихъ областей въ другія не будутъ имѣть равнаго жребія съ посланными князя Дадіана. Когда, по занятіи Имеретіи, безпрепятственное сообщеніе Грузіи съ Мингрелією обезпечено будетъ, приступите вы къ введенію моихъ войскъ во владѣнія князя Дадіана, коль скоро вы признаете имѣющіеся у васъ способы на то достаточными. А впрочемъ, оставляется вамъ совершенная свобода,—Мингрелією ли прежде занять, или начать Имеретією».

Князь Циціановъ, конечно, не замедлилъ бы исполнить это высочайшее повелѣніе, «развязавшее его совершенно въ поведеніи съ царемъ Соломономъ». Но ожидавшіеся съ Кавказской линіи два полка могли прибыть въ Тифлисъ только въ ноябрѣ 1803 г., когда Циціановъ уже приготовился къ походу подъ Ганжу. «Наказаніе, заслуживаемое царемъ Соломономъ,—отвѣчалъ онъ графу А. Р. Воронцову 17-го ноября 1803 г.,¹⁾—я отлагаю только до прибытія двухъ полковъ, которые вступили уже въ предѣлы Грузіи. Поелику уже я сдѣлалъ приготовленія для экспедиціи на Ганжу, имѣющей продолжиться не болѣе мѣсяца, съ помощію Божію, то къ занятію Имеретіи не прежде могу приступить, какъ по благоуспѣшномъ окончаніи сего предпріятія».

Сообщая государственному канцлеру о своихъ предположеніяхъ относительно мѣръ противъ Имеретіи, князь Циціановъ вы-

---

1) Акты кав. арх. ком., II., №№ 721, 723 и 725.

сказаль надежду, что ему не будетъ поставлено въ вину, если онъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаеть необходимымъ отложить до благопріятнаго времени исполненіе того или другого высочайшаго повелѣнія. Графъ А. Р. Воронцовъ поняль, что Циціановъ стѣсняется въ расположеніи своихъ дѣйствій слишкомъ точными указаніями изъ Петербурга. Онъ поспѣшилъ успокоить кавказскаго главнокомандующаго въ неизмѣнномъ благоволеніи къ нему государя и при этомъ писалъ отъ 23-го декабря 1803 г. ¹⁾: «владѣльца имеретинскаго Соломона, я думаю, въ вѣроломствахъ его добрыми средствами, конечно, исправить нельзя, а хорошенько его по-азіатски постращать, то и будетъ онъ гладокъ, въ чемъ мы на васъ и полагаемся. Посланика его мы къ вамъ отошлемъ, съ объявленіемъ ему, что вы во всемъ уполномочены, какъ съ царемъ его кончить. Я, находя не сходнымъ здѣсь съ симъ посланникомъ въ переговоры вступать и на отсылку его къ вамъ государю императору представить, тѣмъ паче я на то побуждаемъ былъ, чтобы мы здѣсь иногда что-либо несходнаго не учинили съ вашими предположеніями, что и легко бы случиться могло, что здѣсь его бы посольство приняли съ разными знаками милостей, а вы въ то же самое время за гнусныя дѣянія его наказывали; и такъ милости и наказанія будутъ уже выходить изъ однѣхъ рукъ, то есть изъ вашихъ, а я весьма удостовѣренъ, что вы все то учините, что для пользы сего края и обезпеченія онаго нужнымъ признаете».

Насталъ 1804 годъ. Ганжа пала, и Циціановъ получилъ возможность обратить вниманіе свое и силы на Имеретію. Отъ графа А. Р. Воронцова получилъ онъ изъ Петербурга напоминаніе о томъ, что «тамъ не токмо не колеблются въ принятомъ намѣреніи занять войсками російскими Имеретію, но напротивъ того ожидаютъ исполненія его безъ дальнѣйшаго отлагательства».

Направивъ отрядъ къ Сураму, Циціановъ, письмомъ отъ 7-го февраля 1804 г. ²⁾, увѣдомилъ имеретинскаго сардаря князя Кайхосро Церетели, что «буря угрожаетъ Имеретіи отъ сѣвера; но

¹⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 726.

²⁾ Письмо отъ 12-го января 1804 г. Акты кав. арх. ком., II, № 229.

она можетъ отвращена быть одною покорностью царя Соломона,— и тогда, буде все будетъ окончено миролюбно, возсіяетъ солнце яснѣе прежняго надъ царствомъ Имеретинскимъ; тогда царствованіе царя Соломона не помутится ни на единый часъ его жизни, которая и сѣдинами украсится на его безвредномъ престолѣ». Впрочемъ, князь Циціановъ, несмотря на настоянія изъ Петербурга, предпочиталъ окончить дѣло съ царемъ Соломономъ дружелюбнымъ соглашеніемъ. Для него поговорка—«худой миръ лучше доброй ссоры»—имѣла особенное значеніе: война Имеретіи могла затянуться, а между тѣмъ на очереди стояла болѣе важная задача—сломить заносчивость эриванскаго хана. Имеретинскій царь, съ своей стороны, сдѣлался сговорчивѣе съ тѣхъ поръ, какъ Кавказскій гренадерскій полкъ подвинулся къ границамъ Имеретіи. Подъ предлогомъ поздравленія князя Циціанова съ взятіемъ Ганжи, Соломонъ прислалъ къ нему князя Кайхосро Церетели и князя Сехніа Цулукидзе съ большою свитою. Въ присланномъ съ ними письмѣ царь, послѣ дружескихъ упрековъ главнокомандующему за то, что онъ не извѣстилъ его о столь знаменитой побѣдѣ, увѣдомлялъ, что посланцы объявляютъ его желанія и надежды. Оказалось, что царь, ищетъ и проситъ принять его въ русское подданство подъ условіемъ присоединенія къ Имеретіи Лечхума, отнятаго у владѣтеля Мингреліи. По первому пункту Циціановъ выразилъ согласіе на ходатайство предъ государемъ, относительно же Лечхума объявилъ, что не можетъ допустить отчужденія области у состоящаго въ русскомъ подданствѣ князя Дадіана.

На этомъ переговоры прекратились. Имеретинскіе посланцы, ссылаясь на неимѣніе полномочій отъ царя на возвращеніе Лечхума владѣтелю Мингреліи, просили дать имъ срокъ для окончательнаго отвѣта ¹⁾). Циціановъ согласился обождать двѣнадцать дней и для ускоренія дѣла отправилъ въ Кутаисъ, вмѣстѣ съ посланцами, своего уполномоченнаго гвардіи поручика и камергера графа М. С. Воронцова.

Миссія Воронцова не имѣла успѣха. Соломонъ, увлекаемый враж-

---

¹⁾ Отвѣтъ имеретинскихъ посланцевъ князю Циціанову отъ 6-го марта 1804 года Акты кав. арх. ком., II, № 738.

дебною къ намъ партією, принялъ наконецъ Воронцова, но только для того, чтобы отказаться отъ подписи условій подданства ¹⁾).

Для ускоренія развязки князь Циціановъ обратился къ мѣрѣ, которою вообще пользовался рѣдко и неохотно, какъ несомнѣстной съ достоинствомъ представителя сильной державы. Предъ выступленіемъ въ Имеретію, онъ отправилъ туда «авангардъ изъ золота и серебра для прельщенія, считая, что можетъ быть симъ средствомъ дружелюбно можно будетъ вступить въ оную» ²⁾).

Распоряженіе этимъ авангардомъ было поручено тестю имеретинскаго сардаря Кайхосро Церетели, князю Георгію Абашидзе, много потрудившемуся въ дѣлѣ мирнаго присоединенія Имеретіи. По свидѣтельству самого Циціанова, этотъ 60-лѣтній старикъ, несмотря ни на трудность дороги, ни на несносную погоду, два мѣсяца сряду почти не сходилъ съ лошади, развѣзжая между г. Гори, гдѣ находился главнокомандующій, и резиденціей Соломона.

Золотой авангардъ имѣлъ быстрый успѣхъ. Всѣ вліятельные противники вступленія Имеретіи въ русское подданство измѣнили свое мнѣніе и уговорили Соломона не навлекать несчастія на страну. Царь извѣстилъ Циціанова, что желаетъ имѣть съ нимъ личное свиданіе. Вслѣдствіе этого главнокомандующій отправился съ ротою егерей въ Ваханъ, послѣднее карталинское селеніе къ имеретинской границѣ.

Соломонъ съ большою свитою остановился въ сел. Легвани ³⁾). Свиданіе состоялось 19-го апрѣля 1804 г. на открытомъ полѣ при ур. Слазнаури. Вѣрный своимъ привычкамъ, Соломонъ вновь поставилъ условіемъ подданства оставленіе въ его власти Лечхумской провинціи. Циціановъ прервалъ совѣщаніе, объявивъ царю, что съ сожалѣніемъ видитъ себя въ необходимости имѣть съ нимъ уже другого рода свиданіе, т. е. «на ратномъ полѣ со шпагою въ рукахъ».

На слѣдующій день, 20-го апрѣля, Циціановъ послалъ войска въ ближайшія имеретинскія селенія для приведенія помѣщиковъ и крестьянъ къ присягѣ на вѣрность Россіи. Обрядъ былъ

---

1) Рапортъ Воронцова Циціанову отъ 21-го марта 1804 г. изъ Кутаиса. Акты кав. арх. ком., II, № 742.

2) Отношеніе къ князю Чарторыйскому отъ 20-го марта 1804 г. Акты кав. арх. ком., II, № 742.

3) Селенія эти расположены близъ станціи Марелисы Закавказской жел. дороги.

исполненъ ими безпрекословно и даже съ радостью. Мѣра эта поколебала Соломона. Онъ вновь прислалъ къ Циціанову своихъ ближнихъ совѣтниковъ для переговоровъ. Царь соглашался, наконецъ, подписать трактатъ подъ видомъ просительныхъ пунктовъ, но просилъ пунктъ о возвращеніи Лечхума владѣтелю Мингрелии не приводить въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока права его на эту область не будутъ рассмотрѣны самимъ государемъ. Циціановъ согласился на эту оговорку и письменно обязался оставить за Соломономъ всѣ завоеванныя имъ въ Лечхумѣ крѣпости и селенія впредь до рѣшенія вопроса высочайшею властью. Послѣ улаженія этого пункта, Соломонъ и Циціановъ вновь имѣли свиданіе 25-го апрѣля 1804 года. Царь торжественно принялъ присягу съ своими сановниками и подписалъ просительные пункты. Главнокомандующій возложилъ на него алмазные знаки ордена св. Александра Невского.

Съ облегченнымъ сердцемъ донесъ Циціановъ объ этомъ важномъ актѣ, стоившемъ ему большихъ трудовъ и тяжкихъ заботъ. «Священная воля Вашего Величества,—писалъ онъ государю 25-го апрѣля 1804 г. ¹⁾,—чтобъ по совершеніи присоединенія царства Имеретинскаго къ Россійской имперіи и устройвъ чрезъ побережныя владѣнія Мингрелии сообщеніе съ Тавридою, связалъ я сей край съ метрополією, Богу благодареніе—исполнена; присяга же царя Соломона, при семъ подносимая, послужить свидѣтельствомъ тому, что царство сіе обращено въ одну изъ провинцій россійскихъ,—какъ видно, по опредѣленію Правителя судебъ, чтобъ царство Грузинское, въ 1390 году раздѣленное на царство Имеретинское и владѣніе Мингрельское Александромъ I, царемъ грузинскимъ, Александромъ же I, императоромъ всероссійскимъ, соединено было паки воедино».

Подписанный Соломономъ актъ былъ утвержденъ императоромъ Александромъ 4-го іюля 1804 г. Въ жалованной грамотѣ ²⁾,

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 748. Въ этомъ всеподданнѣйшемъ донесеніи рассказъ подробно, съ приложеніемъ документовъ, весь ходъ переговоровъ съ царемъ Соломономъ.

²⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 780.

данной въ этотъ день на имя царя имеретинскаго, сказано: «снисходя на прошеніе ваше и подвластнаго вамъ народа о принятіи подъ державу Нашу и въ вѣчное подданство имперіи Нашей,— въ чемъ вы съ первѣйшими князьями царства Имеретинскаго и присягу уже Намъ и преемникамъ Нашимъ учинили,— всемилостивѣйше на то соозволяемъ и подтверждаемъ васъ, любезно-вѣрноподданный Намъ царь имеретинскія земли Соломонъ, въ семь достоинствѣ вашемъ, которое по силѣ сей Нашей жалованной грамоты и наслѣдники ваши всегда отъ Насъ принимать должны и повелѣнія Наши исполнять. Поручая вамъ-же упрявлять имеретинскимъ народомъ съ кротостью и правосудіемъ и утвердивъ во всей силѣ просительные ваши пункты, торжественно объявляемъ и императорскимъ Нашимъ словомъ общаемъ васъ и весь народъ имеретинскій, яко вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, и всѣхъ будущихъ по васъ преемниковъ охранять отъ непріятелей вашихъ, будучи предувѣрены, что вы и преемники ваши какъ въ преданности вашей, такъ и въ точномъ выполненіи обязанностей вашихъ пребудете непоколебимы».

Турецкое правительство отнеслось совершенно равнодушно къ присоединенію Мингрели и Имеретіи. Вскорѣ послѣ принятія Мингрели въ русское подданство, рейсъ-эфенди, разговаривая о разныхъ дѣлахъ съ посланникомъ Италинскимъ, даже не упомянулъ объ этомъ событіи ¹⁾. Также мало вниманія обратила Порты и на присягу царя Соломона ²⁾. Но Циціановъ еще не считалъ свою задачу оконченною. Главною цѣлью занятія нашими войсками владѣній западнаго Закавказья полагалъ онъ установленіе свободнаго сообщенія Грузіи съ Россією чрезъ порты, расположенные на мингрельскомъ побережьи Чернаго моря. Важнѣйшимъ изъ этихъ портовъ считали тогда Потійскій, такъ какъ онъ, находясь при устьѣ Ріона, давалъ возможность доставлять войска, тяжести и товары вверхъ по этой рѣкѣ почти до самого Кутаиса. При тогдашнемъ отсутствіи дорогъ въ лѣсистой и болотистой низменности Мингрели водяной путь по Ріону являлся единственнымъ для

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., II, №№ 909 и 912.

²⁾ Тамъ-же, № 750.

перевозки сколько-нибудь значительныхъ грузовъ. «Пристань Поти,—доносилъ Циціановъ государю еще 27-го іюня 1803 г., —нахожу я столь нужною, что почитаю выгоднѣйшимъ для Россіи пріобрѣтеніе сего одного пункта, нежели всей Мингреліи, коей зависимость опредѣлится зависимою Поти»¹⁾).

Между тѣмъ, разрѣшая Циціанову свободу дѣйствій относительно Мингреліи, императоръ Александръ сдѣлалъ исключеніе именно для Поти въ виду того, что въ крѣпости этой находилось до 50-ти ч. турецкаго гарнизона: хотя по кайнарджійскому трактату Турція и не имѣла права удерживать за собою Потійскую крѣпость, тѣмъ не менѣе наше министерство иностранныхъ дѣлъ, по соображеніямъ, признавало необходимымъ избѣгать поводовъ къ возбужденію неудовольствія Порты. Вслѣдствіе этого Циціанову было предложено изобрѣсти такой способъ къ занятію Поти, который, не подавая турецкому правительству повода къ явному негодованію на насъ, могъ бы утвердить за нами этотъ важный приморскій пунктъ. По мнѣнію князя Чарторыйскаго, для достиженія этой цѣли представлялись три средства. «Въ Крыму,—писалъ онъ Циціанову 20-го марта 1804 г.²⁾),—занимаются теперь отправленіемъ провіанта въ Поти, дабы оттуда по Ріону препроводить оный въ Мингрелію; ваше сіятельство могли бы послать въ Поти штабъ-офицера, придавъ ему отборную команду изъ самыхъ лучшихъ расторопностью, храбростью и усердіемъ солдатъ, числомъ до 50-ти человекъ. Сей чиновникъ, прибывши въ Поти, сдѣлаетъ по обычаямъ азіатскимъ подарокъ коменданту, обласкаетъ таковыми-же гарнизонъ и привлечетъ къ себѣ любовь жителей хорошимъ обхожденіемъ; онъ объявитъ турецкому начальнику, что присланъ отъ васъ для пріема и препровожденія въ Мингрелію имѣющаго прибыть изъ Крыма провіанта, по дѣйствительномъ коего отправленіи останется тамъ, подъ предлогомъ ожиданія изъ Мингреліи разныхъ вещей для пересылки въ Крымъ и такъ далѣе. Мало-по-малу турки привыкнутъ видѣть его и команду, яко друзей своихъ, и онъ останется въ той крѣпости въ прямомъ видѣ

---

¹⁾ Тамъ же, № 905.

²⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 919.

коммисара нашего. Такимъ образомъ мы, достигши настоящей цѣли своей, не трогая турецкій гарнизонъ, отъемлемъ у Порты право роптать на насъ; а между тѣмъ, сдѣлавши сей первый шагъ и увидя, каково оный будетъ принять Портою, мы можемъ непримѣтно укрѣпляться въ Потіи и, сообразуясь съ обстоятельствами, содѣлаться единственными оной хозяевами. Второе средство состоитъ въ томъ, чтобы, по внушенію вашему, князь Дадіанъ, до вступленія войскъ въ Мингрелію, постарался употребить въ пользу извѣстное корыстолюбіе азіатцевъ, подкупивъ на нашъ счетъ турецкаго начальника, въ Потіи находящагося, и самый гарнизонъ, дабы они оттуда разошлись подъ видомъ какихъ-либо междуусобныхъ несогласій или неудовольствій на высшее начальство, и тогда съ отрядомъ мингрельцевъ, будто преслѣдуя какую-либо партію хищниковъ, отправленный отъ князя Дадіана, нашедъ крѣпостцу Потіи безъ гарнизона, займетъ ее своимъ войскомъ и, укрѣпясь въ ней, извѣститъ пашу, коему она подвѣдомственна, что, желая оградить предѣлы Мингреліи и Имеретіи отъ непрерывныхъ набѣговъ хищническихъ партій, въ необходимости нашелся занять означенную крѣпость, которая была брошена турецкимъ гарнизономъ. Послѣ сего, съ занятіемъ войсками нашими Мингреліи, займемъ мы и Потіи, яко мѣсто, въ коемъ нашли мы мингрельскій гарнизонъ,—и такъ мы лично ничего противнаго Портѣ не учинимъ, овладѣвъ крѣпостью, въ третьихъ рукахъ бывшею. Буде первое средство неудобоисполнительно и князя Дадіана не признаете способнымъ къ употребленію на сіе дѣло, требующее скромности,—въ такомъ случаѣ вы послѣдуете описанному во второмъ пунктѣ средству на убѣжденіе турецкаго гарнизона съ начальникомъ его оставить Потіи и потомъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, воинскій нашъ отрядъ изъ Мингреліи, проходя, будто, мимо той крѣпости для преслѣдованія лезгинъ и нашедъ оную безъ гарнизона, займетъ ее, обласкавъ жителей и увѣряя ихъ, что изъ милосердія къ нимъ, какъ остающимся безъ защиты, нужнымъ счелъ занять Потіи».

Князь Циціановъ сомнѣвался въ возможности пріобрѣтенія Потіи инымъ средствомъ, кромѣ силы, такъ какъ нельзя было

ожидать, чтобы турецкій комендантъ, получавшій большой доходъ отъ пристани, согласился даже изъ-за вознагражденія добровольно отказаться отъ своей привилегіи ¹⁾). Тѣмъ не менѣе, исполняя высочайшее повелѣніе, главнокомандующій отправилъ черезъ Имеретію въ Мингрелію статскаго совѣтника Литвинова, поручивъ ему войти въ соглашеніе съ потійскимъ комендантомъ относительно выгрузки провіанта ²⁾).

Между тѣмъ транспортныя суда съ провіантомъ, отправленныя изъ Таганрога, подошли къ Поті. Турецкій комендантъ не только не допустилъ выгрузки, но даже не позволилъ послать команду на берегъ за водою. Транспорты должны были возвратиться обратно ³⁾). Тоже самое случилось и съ двумя нашими военными судами въ то время, когда Литвиновъ находился уже въ Мингреліи. Начальникъ крѣпости опять не пустилъ никого на берегъ и послалъ сказать командующему эскадрой, что никого изъ русскихъ нѣтъ въ Мингреліи. Къ счастью Литвиновъ во время узналъ объ этомъ. Двое отважныхъ казаковъ пустились въ открытое море на челнокѣ и догнали удалявшіяся суда ⁴⁾). Литвиновъ не безъ основанія видѣлъ въ недоброжелательствѣ турецкаго коменданта вліяніе царя имеретинскаго. Соломонъ, несмотря на присягу, оставался тайнымъ врагомъ Россіи. Присутствіе въ Кутаисѣ русскаго отряда стѣснило бы свободу его дѣйствій. Царь зналъ, что Циціановъ, занятый подъ Эриванью, не можетъ отдѣлить ни одного полка въ Имеретію. Оставалось только принять мѣры къ тому, чтобы войска не могли высадиться и на мингрельскій берегъ.

Императоръ Александръ считалъ въ то время существенно необходимымъ сохранить добрыя отношенія съ Турціей. Вслѣдствіе этого онъ повелѣлъ Циціанову оставить замыслы на Поті, найти на мингрельскомъ побережѣ какую-либо другую пристань

---

1) Отношеніе къ князю Чарторыйскому отъ 25-го апрѣля 1804 г. Акты кав. арх. ком., II, № 929.

2) Всеподд. рапортъ 29-го мая 1804 г. Тамъ же, № 761. Литвиновъ отправился въ Имеретію 25-го мая 1804 г. съ командою гренадеръ въ 80 ч. при двухъ офицерахъ.— Предписаніе Циціанова Литвинову отъ 15-го мая 1804 г. Тамъ же, № 929.

3) Тоже, № 932.

4) Акты кав. арх. ком., II, №№ 934 и 944.

для высадки войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ посланнику нашему въ Константинополь было поручено добиться у Порты разрѣшенія на безпрепятственный привозъ въ Поти русскихъ грузовъ, слѣдующихъ въ Закавказье.

Удобное для высадки мѣсто нашлось при устьѣ р. Хопи, къ сѣверу отъ Поти. Литвиновъ, въ ожиданіи прибытія войскъ изъ Крыма, построилъ здѣсь небольшой редутъ, обнесенный толстымъ деревяннымъ заборомъ¹⁾. Это небольшое укрѣпленіе дало пристани названіе *Редутъ-кале*, сохранившееся до сихъ поръ. Здѣсь, въ октябрѣ 1804 г., вступилъ на мингрельскій берегъ Бѣлевскій мушкатерскій полкъ, прибывшій подъ командою шефа его генералъ-маіора Рыкхофа. Полкъ отплылъ изъ Севастополя на корабляхъ *Михаилъ*, *Исидоръ* и *Тольской Богоматери*. Артиллерія была погружена на бригъ *Александръ*. Въ морѣ суда разлучились и къ Мингреліи прибыли только *Михаилъ* и *Исидоръ*. Корабль *Тольской Богоматери* и бригъ *Александръ* послѣ бурнаго плаванія достигли устья Хопи только 2-го декабря. Едва роты и артиллерія высадились на берегъ, какъ сильнымъ западнымъ штормомъ оба судна были разбиты, при чемъ погибло до 170-ти чел. судовой команды съ четырьмя офицерами²⁾.

Тяжело было положеніе бѣлевцевъ въ негостепріимной Мингреліи. Въ дождливое осеннее время, по едва проведеннымъ тропинкамъ, проложеннымъ въ лѣсахъ, пришлось имъ занимать наиболѣе важные пункты на берегу Ріона, таща съ собою артиллерію и полковыя тяжести. Помѣщеній никакихъ не было, пища скудна и непривычна. Литвиновъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ труды бѣлевцевъ послѣ высадки въ Хопи: «полкъ въ переноскѣ провіанта отъ Хопи до Ріона терпитъ великое затрудненіе, ибо все сіе разстояніе, верстъ до восьми продолжающееся, пересѣчено ручьями и двумя довольно глубокими рѣчками, въ непроходимомъ лѣсу текущими, которыя при дождяхъ такъ возвышаются, что, выходя изъ береговъ, потопляютъ весь лѣсъ и по

---

1) Акты кав. арх. ком., II, № 794.

2) Тамъ же, №№ 959, 960 и 966.

первой дорогѣ, проложенной нарочно отряженнымъ для сего баталіономъ, я самъ шель по поясъ въ водѣ; на мостахъ оставались только переклады, покрытыя на полъ аршина водою: по сей то дорогѣ надлежитъ переносить на людяхъ провіантъ»¹⁾).

Между тѣмъ полку, чуть не съ перваго дня прибытія въ Мингрелію, пришлось принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Владѣтель Мингреліи Григорій Дадіанъ скончался послѣ продолжительной болѣзни 24-го октября 1804 года ²⁾). Литвиновъ считалъ виновникомъ его смерти царя Соломона ³⁾). Такого же мнѣнія держалось и мѣстное населеніе ⁴⁾). Справедливъ былъ этотъ слухъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ должно было опасаться возникновенія беспорядковъ со стороны двухъ братьевъ покойнаго владѣтеля, Манучара и Таріела, всегда враждовавшихъ съ нимъ по подстрекательству царя Соломона. Домогательство ихъ на получение въ свои руки управленія княжествомъ могло имѣть тѣмъ большій успѣхъ, что прежній наслѣдникъ князя Григорія, его малолѣтній сынъ Леванъ, жилъ въ качествѣ заложника, въ домѣ абхазскаго владѣтеля Келешъ-бея.

Литвиновъ немедленно ввелъ въ Одиши одинъ баталіонъ для поддержанія порядка и отобралъ отъ знатнѣйшихъ князей Мингреліи подписки въ повиновеніи старшему сыну покойнаго владѣтеля, какъ законному его наслѣднику ⁵⁾.

Князь Циціановъ вполне одобрилъ эти рѣшительныя мѣры, обуздавшія до нѣкоторой степени домогательства и происки князей Манучара и Таріела. Для окончательнаго успокоенія края главнокомандующій поспѣшилъ войти съ представленіемъ о пожалованіи высочайшей инвеституры новому владѣтелю Мингреліи, съ назначеніемъ его матери княгини Нины правительницею и съ учрежденіемъ особаго совѣта впредь до достиженія княземъ Леваномъ совершеннолѣтія ⁶⁾).

¹⁾ Донесеніе Циціанова отъ 12-го ноября 1804 г. Акты кав. арх. ком., II, № 951.

²⁾ Письмо Литвинова къ князю Циціанову, 25-го октября 1804 г. Акты кав. арх. ком., II, № 942.

³⁾ Тамъ же, № 955.

⁴⁾ Тамъ же, № 957.

⁵⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 957.

⁶⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ Циціанова 13-го декабря 1804 г. Акты кав. арх. ком., II, № 957.

Рескриптомъ отъ 26-го января 1805 г. ¹⁾ императоръ Александръ утвердилъ въ полной мѣрѣ всѣ представленія князя Циціанова: князь Леванъ Григорьевичъ былъ объявленъ владѣтелемъ Мингрелии, управленіе странкою ввѣрено правительницѣ и совѣту изъ четырехъ знатнѣйшихъ особъ. Все затрудненіе состояло только въ томъ, что Келешъ-бей абхазскій уклонялся подъ разными предлогами отъ выдачи своего воспитанника. Всѣ убѣжденія Литвинова и угрозы Циціанова остались безъ успѣха. Потерявъ терпѣніе главнокомандующій приказалъ генераль-маіору Рыкхофу подкрѣпить требованіе вооруженною рукою.

Для обезпеченія сообщеній наступательнаго отряда съ Мингреліей, Рыкхофъ потребовалъ заложниковъ отъ главнѣйшихъ абхазскихъ княжескихъ фамилій, но получилъ рѣшительный отказъ. Тогда съ тремя ротами, безъ артиллеріи, переправился онъ за р. Ингуръ и разорилъ версты на 20 попутныя селенія. Жестокая мѣра эта имѣла успѣхъ: на четвертый день похода князя представили восемь заложниковъ. Впрочемъ, дальнѣйшее движеніе оказалось совершенно невозможнымъ по отсутствію дорогъ въ непроходимыхъ лѣсахъ. Возвратясь въ м. Зугдиди, Рыкхофъ съ тремя гренадерскими ротами и двумя 6-ти-фунтовыми орудіями направился къ пограничной абхазской крѣпости Анакліи, расположенной при устьѣ р. Ингура. Въ пять часовъ пополудни 28-го марта 1805 г. отрядъ приблизился къ небольшому деревянному съ землянымъ валомъ укрѣпленію, защищавшему подступъ къ Анакліи. Укрѣпленіе было взято штурмомъ, при чемъ съ нашей стороны убитъ 1 и ранено 5 рядовыхъ. Начальникъ крѣпости, видя бесполезность сопротивленія, сдалъ ее безъ выстрѣла. Рыкхофъ готовился уже къ походу берегомъ моря на Сухумъ, какъ Келешъ-бей, уstraшенный взятіемъ Анакліи, прислалъ къ нему 2-го апрѣля князя Левана Дадіана и просилъ прекратить военныя дѣйствія ²⁾.

Князь Циціановъ былъ очень доволенъ дѣйствіями Рыкхофа,

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 973.

²⁾ Архивное дѣло штаба Отд. кавк. корпуса, 1805 г. № 199: «о взятіи г.-м. Рыкхофомъ отъ абхазцевъ аманатовъ и владѣтельнаго князя Мингрелии Дадіана, а также о занятіи кр. Анакліи».

но вмѣстѣ съ тѣмъ и встревоженъ взятіемъ Анакліи. «Занятіе Анакліи,—писалъ онъ Литвинову ¹⁾,—хотя много способствовало успѣху, но я не могу не тревожиться отъ сего случая, потому что крѣпость сія состоитъ въ зависимости отъ турокъ и тамъ находится и начальникъ гарнизона, поставленный отъ турецкаго двора. Вамъ же довольно извѣстна связь наша съ Портою, а также и то, что занятіе сіе совершенно будетъ противно нашимъ политическимъ обращеніямъ съ турецкимъ дворомъ. Для того-то, чтобы поправить сколько нибудь сіе сверхъ чаянія моего случившееся происшествіе, предписалъ я г.-м. Рыкхофу сдать крѣпость опять турецкому начальнику и немедленно возвратиться назадъ. Вы же должны съ своей стороны увѣрить его тѣмъ, что сей шагъ, такъ какъ оно и есть, сдѣланъ безъ воли и приказанія моего и что генераль, съ войсками туда ходившій, принужденъ былъ къ тому упорствомъ Келешъ-бея, на коего должна въ семъ случаѣ пасть вся вина».

Турецкое правительство было дѣйствительно обезпокоено извѣстіемъ о занятіи Анакліи войсками дружественной державы. Но стараніями посланника нашего въ Константинополь Италинскаго Порта удовлетворилась данными ей объясненіями и происшествіе это не имѣло никакихъ дурныхъ послѣдствій ²⁾.

Въ сел. Банза, 9-го іюля 1805 г., новый владѣтель Мингреліи князь Леванъ Дадіанъ, въ присутствіи дяди своего Манучара Дадіана, абхазскихъ владѣльцевъ Левана и Манучара Шервашидзе и одишскихъ князей, принесъ установленную присягу на вѣрность подданства. Литвиновъ, по утвержденному церемоніалу, вручилъ владѣтелю высочайшую утвердительную грамоту, знамя, орденъ св. Анны первой степени и саблю. Абхазскіе князья Манучаръ и Леванъ Шервашидзе присягнули также, какъ владѣльцы земли, издревле принадлежавшей мингрельскому княжеству ³⁾.

Этимъ торжествомъ заключился актъ вступленія Мингреліи

---

¹⁾ Предложеніе отъ 12-го апрѣля 1805 г. Акты кав. арх. ком., II, № 996.

²⁾ Письмо Италинскаго къ Литвинову отъ 18-го іюня 1805 г. Акты кав. арх. ком., II, № 1028.

³⁾ Донесеніе Литвинова Циціанову отъ 13-го іюля 1805 г., тамъ же, № 1031.

въ русское подданство. Главная заслуга въ этомъ трудномъ дѣлѣ принадлежитъ Литвинову. Князь Циціановъ, съ благородною откровенностью, свидѣтельствовалъ предъ государемъ о полезной дѣятельности своего сотрудника: «когда въ отсутствіе мое изъ Грузіи въ эриванскую экспедицію, вся Грузія, остававшаяся подъ управленіемъ г.-л. князя Волконскаго съ 13-ю баталіонами пѣхоты, пришла въ разстроенное состояніе до прибытія моего, въ то время ст. сов. Литвиновъ съ 80-ю человекѣми гренадеръ умѣлъ въ двухъ новопріобрѣтенныхъ владѣніяхъ, еще не утвержденныхъ на прочномъ основаніи, вести такое поведеніе, что, при всѣхъ отъ неблагопріятствующихъ намъ наущеніяхъ и ложныхъ реляціяхъ, Бабаханомъ разсѣянныхъ, оба сіи владѣнія остались спокойными, ничего не предпринимали, а ожидали только окончанія помянутой экспедиціи» ¹⁾).

Со времени вступленія Мингреліи въ русское подданство, владѣтели ея, преемственно вступавшіе въ управленіе, неизмѣнно и искренно оставались вѣрными принятой присягѣ. Нельзя сказать того-же о царѣ Соломонѣ. Вступивъ въ русское подданство, какъ уже было сказано въ своемъ мѣстѣ, 25-го апрѣля 1804 г., имеретинскій царь руководствовался единственно надеждою удержать за собою Лечхумъ при помощи и содѣйствіи русскаго правительства. Не видя исполненія своихъ ожиданій, онъ предпринялъ цѣлый рядъ дѣйствій, доказывавшихъ его недоброжелательство къ Россіи и недовѣріе къ князю Циціанову. Несмотря на всѣ увѣренія въ противномъ, Соломонъ былъ убѣжденъ въ намѣреніи главнокомандующаго лишить его престола. Преслѣдуемый этою мыслью,

---

¹⁾ Всеподд. рапортъ отъ 29-го декабря 1804 г. Акты кав. арх. ком., II, № 960.

Петръ Максимовичъ Литвиновъ, род. въ 1760 г., былъ въ 1803 г. командированъ по высочайшему повелѣнію въ распоряженіе князя Циціанова, жаловавшагося неоднократно на неимѣніе въ Грузіи способныхъ и честныхъ чиновниковъ. Никакой опредѣленной должности Литвинову не назначалось и срока для пребыванія его въ Грузіи не полагалось: онъ долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ, гдѣ состоялъ совѣтникомъ государственнаго ассигнаціоннаго банка, когда дѣла по управленію Грузіей придуть въ нѣкоторый порядокъ. Послѣ окончанія дѣла въ Мингреліи и Имеретіи, Литвиновъ, по представленію Циціанова, былъ назначенъ, на тѣхъ-же основаніяхъ правителемъ Грузіи (Высочайшій указъ на имя князя Циціанова 9-го января 1834 г.). Впослѣдствіи Литвиновъ занималъ должность подольскаго гражданскаго губернатора. Скончался въ Вѣнѣ 27-го ноября 1834 года

онъ подговорилъ царевича Константина къ побѣгу изъ Тифлиса въ Имеретію ¹⁾). Имѣя предпологаемаго соперника въ своихъ рукахъ, онъ считалъ себя болѣе обезпеченнымъ отъ мнимыхъ замысловъ князя Циціанова. Тѣ же соображенія заставили его противодѣйствовать высадкѣ войскъ на мингрельскій берегъ и совѣтовать Келешъ-бею не выдавать генералу Рыкхофу князя Левана Дадіана. Интриги эти, какъ уже было сказано, не имѣли успѣха. Тогда Соломонъ, опять таки въ видахъ личной безопасности, подъ разными пустыми предлогами, воспротивился введенію въ Кутаисъ баталіона Бѣлевскаго полка, угрожая въ противномъ случаѣ покинуть городъ ²⁾). Наконецъ, къ величайшему негодованію князя Циціанова, царь уклонился отъ отправленія въ Петербургъ депутатовъ для принесенія благодарности за принятіе Имеретіи въ русское подданство ³⁾). Соломонъ не скрывалъ, что только «надежда получить Лечхумъ послужила связью его соединенія съ Россіей» ⁴⁾). Явное нежеланіе царя исполнить свой вѣрноподданичскій долгъ было для Циціанова большимъ доказательствомъ его измѣны, чѣмъ даже сношенія съ ахалцыхскимъ пашою, о которыхъ имѣлись кое-какія свѣдѣнія. «Я не иначе теперь думаю о царѣ, — писалъ главнокомандующій Литвинову ⁵⁾, — какъ объ измѣнникѣ, ибо не исполнить высочайшей воли отправленіемъ депутатовъ есть явное ослушаніе противъ государя и измѣна, а съ измѣнниками я мириться не могу, хотя бы онъ послѣ сего оставался спокойнымъ, ничего не предпринимая».

Несомнѣнно, что за этими грозными словами послѣдовали бы и грозныя дѣйствія, если бы князь Циціановъ не былъ поглощенъ всецѣло дѣлами восточнаго Закавказья, требовавшими его личнаго тамъ присутствія. Судьба Соломона, какъ будетъ показано далѣе, разрѣшилась только въ 1810 г., когда «пылкій Циціановъ» уже лежалъ въ безвѣстной могилѣ подъ стѣнами Бакинскою крѣпости.

---

1) Всеподданнѣйшій рапортъ Циціанова отъ 18-го октября 1804 г. Акты кав. арх. ком., II, №№ 795 и 825.

2) Рапортъ Литвинова Циціанову отъ 18-го ноября 1804 г. Тамъ же, № 814.

3) Тамъ же, №№ 792, 841 и 887.

4) Письмо къ Циціанову отъ 31-го октября 1804 г. Тамъ же, II, № 805.

5) Отъ 3-го іюня 1805 г. Акты кав. арх. ком. II, № 867.

Вступленіе въ русское подданство царства Имеретинскаго повлекло за собою подчиненіе власти русскаго государя также и княжества Гурійскаго, которое, хотя и номинально, считалось подвластнымъ Имеретіи. Вслѣдствіе этого въ трактатъ, заключенный 25-го апрѣля 1804 г. съ царемъ Соломономъ, Гурія была включена, какъ часть его владѣнія ¹⁾). Князь Циціановъ извѣстилъ объ этомъ владѣтеля Гуріи князя Мамія Гуріели короткимъ, но яснымъ письмомъ отъ 29-го мая 1804 года²⁾): «такъ какъ царство Имеретинское имѣло счастье вступить въ подданство все милостивѣйшаго государя императора, то и провинція Гурія безъ всякаго сомнѣнія долженствууетъ, по всегдашней зависимости своей отъ Имеретіи, состоя и нынѣ въ равной отъ нея зависимости, быть также въ подданствѣ всероссійской державы, съ каковымъ вступленіемъ поздравляю вашу свѣтлость, яко новаго вѣрноподданнаго Россіи».

---

¹⁾ Предложеніе Циціанова Литвинову отъ 9-го сентября 1805 г. Акты кав. арх. ком., II, № 876.

²⁾ Тамъ же, № 1057.

Новае манастирское здание.

Глава VII.

Причины и поводъ къ эриванскому походу. Положеніе закавказскаго края: дѣла въ Карабагѣ, въ Джарахъ и въ Грузіи. Необходимость войны съ Персією. Прокламаціи царевича Александра. Приготовленіе къ войнѣ эриванскаго хана. Силы, которыми могъ располагать Циціановъ. Занятіе Шурагельской области. Бой подъ Эчміадзиномъ. Разгромъ персидской арміи 30-го іюня.

.....

Въ присоединеніи къ Россіи Мингреліи, Имеретіи и Гуріи ясно опредѣляется политика князя Циціанова, стремившаяся къ тому, чтобы всѣ обломки древняго грузинскаго царства снова соединить воедино. Онъ думалъ завершить великое дѣло объединенія Иверіи, которая за 400 лѣтъ передъ тѣмъ была расчленена царемъ грузинскимъ Александромъ I и теперь собиралась опять въ одно нераздѣльное цѣлое при Александрѣ I, императорѣ русскомъ. Не должны были уйти отъ этого и старыя вассальныя владѣнія Грузіи, обложенныя ею нѣкогда данью. Ганжа была возвращена—надо было возвратить и Эривань. Поводомъ къ нашему вмѣшательству въ дѣла эриванскаго ханства послужила уже извѣстная намъ борьба за эчміадзинскій престолъ между двумя патріархами Давидомъ и Даніиломъ. Припомнимъ, что еще изъ Георгіевска Циціановъ грозилъ эриванскому хану оружіемъ, если онъ не возстановитъ на престолѣ низложеннаго имъ Даніила. Онъ и теперь обратился къ нему съ тѣмъ же самымъ требованіемъ. Можетъ показаться непонятною настойчивость, съ которой Циціановъ дѣйствовалъ въ вопросѣ, повидимому второстепенномъ, въ сравненіи съ тѣми важными задачами, которыя предлежали главнокомандующему на Кавказѣ въ то смутное время. Но если вникнуть въ тогдашнее положеніе дѣлъ въ краѣ, то становится очевиднымъ, что Циціановъ не могъ и не долженъ былъ терпѣть,

чтобы сосѣдственный съ Грузіею ханъ, бывшій ея данникъ, позволялъ себѣ безнаказанно противиться объявленной ему волѣ русскаго императора. Неповиновеніе Махмутъ-хана грозило поколебать то значеніе, которое русская власть приобрѣла за Кавказомъ послѣ ганжинскаго штурма, и поставить въ затруднительное положеніе военачальника, «сильнаго не числительностью войскъ, а славою ихъ непобѣдимости».

Походъ подъ Эриванъ былъ рѣшенъ.

Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ описанію этого похода, скажемъ нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ которомъ находилось въ то время Закавказье.

Стоя подъ Ганжею, кн. Циціановъ обратился къ Ибрагимъ-хану съ грознымъ посланіемъ. «Не мало удивляюсь тому,—писалъ онъ,— что я здѣсь нахожусь съ непобѣдимыми російскими войсками болѣ мѣсяца, да и шесть дней уже прошло по взятіи крѣпости штурмомъ, а вы, будучи въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ и должны будучи искать покровительства сильнаго, не присылаете ко мнѣ съ привѣтствіемъ. Гордость Джеватъ-хана омылась кровію, и мнѣ его не жаль, понеже гордымъ Богъ противится.... Надѣюсь, что вы не захотите ему подражать и будете слѣдовать общему правилу, что слабый сильному покоряется и не мечтаетъ съ нимъ тягаться. И такъ, остается вамъ выбрать лучшую дорогу».

Присоединеніе ганжинскаго владѣнія поставило на очередь вопросъ о положеніи ближайшихъ къ нему хановъ шекинскаго и карабахскаго. Продолжать двойную игру имъ больше не приходилось. Циціановъ не поддавался дѣйствию льстивыхъ рѣчей и потребовалъ отъ сосѣдей положительныхъ заявленій о ихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ.

«Поелику,—писалъ онъ далѣе въ томъ же письмѣ,—ганжинское владѣніе вступило въ неизмѣримое пространство Російской имперіи, и жители онаго содѣлались любезными дѣтьми Россіи, то я долгомъ почитаю по званію моему, яко главный начальникъ края и на Кавказской линіи отъ Каспійскаго моря до Чернаго,

требовать, чтобы вы возвратили табуны и скотъ, принадлежащіе какъ покойному Джаватъ-хану ганжинскому, такъ и здѣшнимъ татарамъ и армянамъ, отогнанные въ ваши владѣнія для безопасности при моемъ приближеніи съ войсками» ¹⁾). Ханъ, давно уже считавшій себя законнымъ обладателемъ того, что досталось ему по праву войны такимъ случайнымъ и неожиданнымъ образомъ, прислалъ письмо, которое, какъ выражается Циціановъ, «не заключало въ себѣ ничего, кромѣ обычныхъ увертокъ его коварной персидской души».

«Помните,—отвѣчалъ ему Циціановъ,—что сильному свойственно приказывать, а слабый родится затѣмъ, чтобы сильному повиноваться. Призываю васъ къ раскаянію, а не къ подданству—мнѣ его не надо; а буде хотите быть живы и покойны, требуемое мною въ семь писемъ выполните» ²⁾).

Не получая отвѣта, Циціановъ приказалъ полковнику Карягину произвести репрессалію и этимъ путемъ вознаградить елизаветпольскихъ жителей. Карабагцы однако же были насторожѣ и, вовремя замѣтивъ приближеніе маіора Лисаневича съ небольшимъ отрядомъ, угнали въ горы свои стада и табуны. Тогда предприимчивый Лисаневичъ обратился къ другому способу возмездія. Для увеличенія населенія Елизаветпольскаго округа Циціановъ всѣми мѣрами привлекалъ туда земледѣльцевъ — армянъ изъ Карабага, достигая въ то же время этимъ способомъ ослабленія производительныхъ силъ во владѣніи Ибрагимъ-хана. Лисаневичъ захватилъ по этому и вывелъ съ собою 250 армянскихъ семей, которыя Циціановъ приказалъ поселить въ елизаветпольскомъ форштадтѣ ³⁾).

Карабагцы не замедлили въ свою очередь отвѣтить намъ такою же репрессаліей. Въ апрѣлѣ, когда всѣ полковые табуны ходили на пастьбѣ верстахъ въ десяти отъ Елизаветполя, Карягину дали знать о появленіи изъ Карабага большой партіи, намѣревавшейся, очевидно, отогнать табунъ. Посланная на развѣдки команда, изъ 50-ти казаковъ и 10-ти армянъ съ поручикомъ Сураковымъ,

---

¹⁾ Акты кав. ар. ком. II, № 1416.

²⁾ Тамъ же № 1417.

³⁾ Донесеніе Циціанова 23-го марта 1804, № 88. Журналъ его донесеній.

неосторожно увлеклась погоней и попала въ засаду. Самъ Сураковъ, юнкеръ Вербицкій, сотникъ Беклешовъ, 20 казаковъ и два армянина были изрублены; остальные разсѣялись. Черезъ двѣ-три недѣли нагрязнула другая партія и угнала табунъ въ 290 головъ, ходившій подъ самыми стѣнами форштадта. Дѣла осложнялись; на мирной дотолѣ границѣ создавался новый театръ военныхъ дѣйствій, опасный тѣмъ болѣе, что персіяне готовились уже войти въ Карабагъ и занять Шушу своимъ гарнизономъ. Послѣднее обстоятельство однако испугало самого Ибрагимъ-хана, не забывшаго какую злобу питали къ нему персіяне еще со временъ Аги-Магометъ-шаха. Съ занятіемъ Шуши, они конечно предали бы его за старые грѣхи или смерти, или, по меньшей мѣрѣ, лишили бы наслѣдственныхъ владѣній. Все это заставило хана призадуматься надъ своимъ положеніемъ и обратиться къ Циціанову за помощью, обѣщая ему «усердствовать Россіи и хранить къ ней вѣрность»¹⁾. Циціановъ не замедлилъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ оборотомъ дѣла.

«Хотя по поведенію вашему,—отвѣчалъ онъ хану²⁾—не слѣдовало бы мнѣ вступаться и брать васъ въ защиту отъ персіянъ, которые по своему обыкновенію выкололи бы вамъ глаза или отрѣзали носъ, или уши; хотя, повторяю, мнѣ слѣдовало бы, напротивъ, предать васъ въ ихъ руки и потомъ уже отнять у нихъ Шушу, но, подражая неизрѣченному милосердію моего Государя, который, подобно свѣтлomu дневному солнцу-красному, грѣетъ, питаетъ, благотворитъ и освѣщаетъ всѣхъ желающихъ наслаждаться имъ, объявляю вамъ священнымъ, громкимъ и преславнымъ именемъ Императора и Самодержца всея Россіи, что Онъ соизволяетъ даровать вамъ прощенье, передаетъ все забвенію и пріемлетъ васъ въ блаженное Всероссійской имперіи подданство съ тѣмъ, чтобы вы соблюли вѣрность непоколебимую, утвердивъ то своею присягою, отдали бы крѣпость русскому войску, дали бы въ аманаты старшаго вашего сына и для оказанія подданства платили бы дани 10 тысячъ червонныхъ»... Ханъ, не зная въ точно-

¹⁾ Письмо Циціанова къ князю Чарторыйскому 29-го мая 1804 г., № 297.

²⁾ Письмо Циціанова къ Ибрагимъ-хану 26-го мая 1804 г., № 261.

сти, придуть ли еще къ нему персіяне, колебался принять эти условія, но въ то же время и страшился малѣйшаго повода къ разрыву и прекращенію переговоровъ съ русскими. Не давая рѣшительнаго отвѣта, онъ принялъ тѣмъ не менѣе дѣятельныя мѣры къ охранѣ нашихъ границъ, и такимъ образомъ относительное спокойствіе Елизаветпольскаго округа, по крайней мѣрѣ на время, было обезпечено.

Циціановъ, отвлеченный дѣлами Мингреліи и Имеретіи, не настаивалъ съ своей стороны на немедленномъ вступленіи Шеки и Карабаха въ русское подданство и отложилъ это дѣло до болѣе удобнаго времени.

То же самое, можно сказать, происходило и въ Джарской области, гдѣ намъ по необходимости приходилось довольствоваться пословицей—«худой миръ лучше доброй ссоры». Джарцы по прежнему не слѣзили уплатой податей, по прежнему уклонялись отъ исполненія своихъ обязательствъ, но, напуганные послѣдними погромами, по крайней мѣрѣ оставляли въ покоѣ Кахетію.

Въ самой Грузіи также не было полного спокойствія; признаки явнаго мятежа обнаруживались уже среди горныхъ племенъ: мтіулинцевъ, гудомакарцевъ и другихъ, грозившихъ увлечь за собою въ общій потокъ и сосѣдную съ ними Осетію. Ахалцхкскій паша держалъ наготовѣ лезгинъ и при удобномъ случаѣ, конечно, не затруднился бы наводнить ими Карталинію. Персія готовилась къ войнѣ. Покореніе джарцевъ и особенно паденіе Ганжи, считавшейся крѣпкимъ оплотомъ Азербейджана со стороны Грузіи, произвели сильное впечатлѣніе въ Иранѣ, гдѣ справедливо полагали, что Циціановъ на этомъ не остановится. Вотъ почему дальнѣйшія событія, слѣдовавшія одно за другимъ, присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Мингреліи, Имеретіи и Гуріи, переговоры съ карабагскимъ ханомъ и угроза Эривани могли послужить сигналомъ уже къ открытой войнѣ между Россією и Персією. Война эта не была объявлена оффиціально, но персидскія войска собирались въ Азербейджанѣ и готовились идти на помощь къ эриванскому хану. Въ то же время царевичъ Александръ, этотъ злой геній Грузіи, разсылалъ прокламаціи и письма, приглашая именитѣйшихъ князей

Кахетіи и Карталиніи возстать на охрану ихъ собственныхъ правъ, на защиту природныхъ царей и искать опоры у могущественнаго повелителя Ирана. Къ этимъ прокламаціямъ присоединились и шахскіе фирманы.

«Извѣстно,—говорилось въ одномъ изъ нихъ, обращенномъ къ старшинамъ и всему населенію Кахетіи,—что Грузія составляетъ часть иранскихъ владѣній. По оплошности грузинскихъ царей, заблужденные русскіе уже начали помышлять утвердиться въ этой странѣ. Александръ-мирза и Геймуразъ-мирза прибыли къ нашему двору. Наша высочайшая воля состоялась для оказанія покровительства этимъ царевичамъ и отторженія Грузіи отъ проклятыхъ русскихъ. А потому нынѣ, удостоя ихъ высочествомъ монаршими милостями, командировали мы ихъ къ наслѣднику нашему Аббасъ-мирзѣ, котораго отрядили въ Грузію съ 50.000 арміею. Царевичи будутъ находиться при немъ и служить въ его отрядѣ. Мы же сами снимемся изъ столицы и направимся въ Грузію, а оттуда въ Кизляръ. По милости Божіей, тѣ страны будутъ очищены отъ гяуровъ, русскіе истреблены мечами побѣдоносныхъ воиновъ и царевичи будутъ утверждены въ Грузіи. А потому, вы должны собрать свои ополченія и быть въ готовности, чтобы, по прибытіи нашей арміи въ тѣ страны, содѣйствовать ей въ истребленіи русскихъ»¹⁾).

↳ Въ апрѣлѣ 1804 года Мирза-Шефи, министръ Фетъ-Али-шаха, дѣйствительно извѣстилъ всѣхъ сосѣднихъ владѣльцевъ, «что повелитель его, подобный Искандеру, съ войсками, волнующимися какъ море, двинулся изъ столицы своей въ Бамъ, которому по случаю таковой чести сталъ завидовать небесный рай»²⁾).

Тѣ изъ князей, которые находились съ царевичемъ Александромъ въ Персіи, въ свою очередь, старались дѣйствовать на соотечественниковъ посредствомъ духовенства. Одинъ изъ нихъ, Иосифъ Андрониковъ, въ апрѣлѣ 1804 года писалъ митрополиту бодбійскому, «что шахъ, весьма разгнѣванный на русскихъ, двинулъ такія войска, что они увлекаютъ съ собою горы и доли.

¹⁾ Акты кав. арх. к. II, № 1654.

²⁾ Тамъ же, № 1655.

Его державство говоритъ, что славныя войска его должны идти до Кизляра и Моздока. Не слыхано и не видано такого колеблющаго землю войска: я думаю, что всю грузинскую землю они взроютъ на девять аршинъ... Вы много перенесли мученій отъ русскихъ за Багратидовъ, постарайтесь же и потрудитесь, чтобы искра Грузіи не погасла... Самъ шахъ собственноручно опоясалъ Александра мечомъ, и перстень ему велѣлъ сдѣлать, и Грузію ему же пожаловалъ» ¹⁾...

Огромныя силы, собранныя персіянами, страшили грузинъ; но князь Циціановъ не придавалъ имъ особаго значенія такъ же, какъ пренебрегалъ и возмутительными прокламаціями царевичей. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ непоколебимой вѣрности грузинскаго народа и одиночные случаи измѣны или побѣга въ Персію его не смущали. Это былъ только естественный результатъ броженія, которое въ то время переживало грузинское общество. Слишкомъ мало прошло времени для того, чтобы въ народѣ могли изгладиться воспоминанія о Багратидахъ, цѣлое тысячелѣтіе носившихъ царскій вѣнецъ. Ихъ не было уже на престолѣ, но, удаляясь, они не могли не оставить въ краѣ своихъ друзей и приверженцевъ, пользовавшихся ихъ милостями, сохранявшихъ о нихъ благодарную память и втайнѣ, быть можетъ, вздыхавшихъ о тѣхъ порядкахъ, которые при нихъ существовали. Сознанія государственной пользы, выразившейся въ актѣ присоединенія къ Россіи, забвенія своихъ интересовъ и отрѣшенія отъ личныхъ выгодъ рано еще было требовать отъ каждаго. Циціановъ благоразумно предоставилъ это дѣйствию времени.

Что касается Персіи, то онъ прежде всего заботился о томъ, чтобы какъ можно скорѣе захватить въ свои руки важную Эриванскую область и этимъ, по возможности, отдалить отъ грузинской территоріи театръ войны, становившейся уже неизбежною.

Въ маѣ 1804 года прибылъ въ Тифлисъ къ Циціанову персидскій чиновникъ съ письмомъ отъ перваго министра, который именемъ шаха требовалъ, чтобы русскіе очистили Грузію, такъ

---

¹⁾ Акты кав. арх. к., II, №, 1663.

какъ шахинъ-шахъ, если до сихъ поръ и терпѣлъ пребываніе ихъ въ иранскихъ областяхъ, то только потому, что полагалъ видѣть въ нихъ купцовъ, прибывшихъ для торговли ¹⁾). Въ этомъ же родѣ писалъ Циціанову и ханъ эриванскій.

«На глупыя и дерзкія письма, каково было ханское, съ прописаніемъ въ немъ еще повелѣній, словами льва а дѣлами теленка, Баба-хана ²⁾),—писалъ ему Циціановъ, — русскіе привыкли отвѣчать штыками». Онъ совѣтовалъ ему призвать на помощь «неустрашимаго государя государей, чтобы вмѣстѣ съ нимъ помѣриться силами съ купцами, недавно Ганжу изъ-подъ сильной руки его вырвавшими, яко товаръ персидскихъ матерій».

Положеніе эриванскаго хана, поставленнаго между двумя огнями, было поистинѣ затруднительно. Съ одной стороны его страшила участь упрямаго ганжинскаго хана, и онъ заискивалъ у Циціанова; съ другой, персіяне грозили ему немедленнымъ низложеніемъ, если замѣтятъ въ немъ какое-нибудь колебаніе. Обстоятельства заставили его въ концѣ концовъ склониться на сторону того, кто былъ ближе, т. е. Персіи. Онъ началъ дѣятельно вооружаться, а между тѣмъ, опасаясь измѣны преданныхъ Россіи армянъ, которые, оставаясь въ его области, могли вліять на ходъ военныхъ дѣйствій, приказалъ собрать четыре тысячи семей и выселить ихъ на время войны въ турецкія владѣнія. Циціановъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ «для заселенія опустошенной Грузіи». Посланный имъ архіепископъ Іоаннесь, не смотря на бдительный надзоръ персидскихъ чиновниковъ, сумѣлъ направить переселенцевъ не въ Карсскую область, а въ нашу Памбакскую провинцію съ тѣмъ, чтобы они навсегда уже остались въ Россіи. Часть этихъ армянъ, около 2-хъ тысячъ семей, осѣла тогда на Лорійской степи, а остальные двѣ тысячи достигли Тифлиса, и здѣсь составили нынѣшнее населеніе Авлабара и Гаретубани. На пути въ Тифлисъ переселенцы, будучи настигнуты персіянами, выдержали много схватокъ, перенесли страшныя лишенія, но все же отбились отъ враговъ, «благодаря своей

---

¹⁾ Тамъ-же II, № 1665.

²⁾ Персидскаго шаха.

храброй защитѣ и въ особенности мужественному спокойствію женщинъ» ¹⁾).

Теперь посмотримъ, какими силами располагалъ князь Циціановъ для предстоящей борьбы, и какое число войскъ онъ могъ выставить въ поле. Во всемъ Закавказьѣ находилось въ то время только семь пѣхотныхъ полковъ, изъ числа которыхъ—Кавказскій гренадерскій придвинуть былъ къ границамъ Имеретіи; 17-й егерскій и баталіонъ Севастопольскаго полка защищали Елисаветпольскій округъ, а два остальныхъ баталіона севастопольцевъ занимали караулы въ Тифлисѣ. Затѣмъ, 9-й егерскій полкъ охранялъ Карталинію, а Кабардинскій и 15-й егерскій—Кахетію, и тронуть ихъ оттуда было нельзя. Наконецъ, два баталіона Тифлисскаго полка стояли въ Памбакской провинціи противъ Эривани, а третій прикрывалъ наши горные промыслы въ борчалинской дистанціи.

Изъ числа этихъ войскъ въ экспедиціонный отрядъ могли быть назначены только: два баталіона тифлисцевъ, уже стоявшіе въ Памбакѣ на эриванской границѣ, Кавказскій гренадерскій полкъ, да шесть ротъ 9-го егерскаго полка, снятыя съ тѣхъ постовъ, которые онѣ занимали въ Карталиніи. Но такъ какъ общая численность всѣхъ этихъ частей не достигала даже 2400 штыковъ, то князь Циціановъ вынужденъ былъ вызвать съ Кавказской линіи еще одинъ полкъ, Саратовскій пѣхотный, который и прибылъ къ самому началу кампаніи. Такимъ образомъ, подъ командой князя Циціанова сосредоточилось: 3572 человекъ пѣхоты при 12-ти орудіяхъ, три эскадрона нарвскихъ драгунъ, три сотни линейныхъ казаковъ и 200 грузинскихъ князей и дворянъ, выступившихъ подъ предводительствомъ бывшего своего сардаря князя Орбелиани. Вотъ съ этими-то силами князь Циціановъ думалъ не только взять Эривань, но и утвердить владычество Россіи между двумя морями Чернымъ и Каспійскимъ, поставивъ рѣку Араксъ границею Россіи и Персіи.

---

¹⁾ Акты кав. ар. к. II, №№ 1228 и 1229. 1846 г. Газета „Кавказъ“.

Пока часть экспедиціоннаго отряда собиралась въ 8-ми верстахъ отъ Тифлиса въ м. Соганлугѣ, Кавказскій гренадерскій полкъ и два баталіона тифлисецъ при восьми орудіяхъ, подъ командой генералъ-маіора Тучкова, заняли Шурагельскую область, принадлежавшую эриванскому хану. Разгоня толпы персидской конницы, слѣдившей за нашимъ движеніемъ, отрядъ приблизился къ м. Гумры ¹⁾, занятому уже непріателемъ, и сталъ на крѣпкой позиціи. Здѣсь присоединились къ нему два армянскихъ архіепископа, прибывшіе съ сотнею конныхъ армянъ. Отъ нихъ узнали, что невдалекѣ находятся до 2-хъ тысячъ семей, бѣжавшихъ изъ Эривани, и что видѣнный на пути персидскій отрядъ, при которомъ находились грузинскіе царевичи Александръ и Теймуразъ, прибылъ именно съ тѣмъ, чтобы или вернуть бѣглецовъ назадъ, или истребить ихъ до послѣдняго человѣка. Для спасенія этихъ несчастныхъ Тучковъ съ зарею 10-го іюня двинулся къ Гумрамъ и встрѣтилъ непріателя на пути около сел. Караклиса ²⁾. Завязалась перестрѣлка. Замѣтивъ запальчивость, съ которою бросалась персидская конница, Тучковъ ввелъ въ дѣло одинъ баталіонъ, а съ остальными быстро обошелъ персіянъ и занялъ въ тылу ихъ узкій горный проходъ—единственный путь, по которому они могли возвратиться въ лагерь. При извѣстїи объ этомъ, ужасъ овладѣлъ персіянами. Напрасно храбрѣйшіе изъ нихъ пытались проложить дорогу оружіемъ. Картечь разбрасывала ихъ толпы, и непріатель вынужденъ былъ бѣжать въ окрестныя горы. Тучковъ занялъ Гумры и далъ возможность переселенцамъ продолжать свой путь.

Черезъ два дня въ Гумры прибылъ самъ Циціановъ и, сосредоточивъ здѣсь весь свой отрядъ, 15-го іюня двинулся къ Эчміадзинскому монастырю. Персіяне нигдѣ не показывались, но зловѣщіе огни маяковъ, зажигаемыхъ очевидно при приближеніи отряда, показывали, что они слѣдятъ за нашимъ движеніемъ. На зарѣ

---

¹⁾ Нынѣ гор. Александрополь.

²⁾ Сел. Караклисъ находится въ разстояніи около 10-ти верстъ къ югу отъ Александрополя. Въ отличіе отъ селенія того же имени въ Памбакѣ, его называютъ малымъ Караклисомъ.

19-го іюня войска услышали далекій колокольный благовѣсть, и думая, что это монастырь готовится къ торжественной встрѣчѣ русскихъ, ускорили маршъ. Но монастырь давно уже былъ занятъ непріателемъ. Генераль Портнягинъ, первый прискакавшій сюда съ грузинами и линейными казаками, былъ встрѣченъ изъ монастырскихъ садовъ такимъ перекрестнымъ огнемъ изъ ружей и фальконетовъ, что вынужденъ былъ остановиться. Грузины и казаки однако быстро спѣшились, выбили персіянь изъ окрестныхъ садовъ, но ворваться въ монастырскую ограду не могли безъ пѣхоты. Пѣхота между тѣмъ подошла только къ вечеру, крайне утомленная сорока-четырехъ-верстнымъ труднымъ переходомъ по знойной, безводной степи,—и занятіе монастыря отложено было до слѣдующаго утра. Но утромъ дѣла уже измѣнились. 20-го іюня, еще не взошло солнце, какъ показались вдругъ значительныя персидскія силы, которыя, въ числѣ 12-ти тысячъ, двигались прямо на нашъ лагерь. Это былъ авангардъ персидской арміи, которая, подъ предводительствомъ Аббасъ-Мирзы, прибыла прежде насъ къ Эривани. Бой ограничился однако съ нашей стороны только сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Войска, построенныя въ каре, взаимно фланкировавшія другъ друга, встрѣчали и разметывали персидскую конницу картечью повсюду, куда она не обращалась. Тогда персіяне, обскакавъ наши фланги, устремились къ обозу, который только что подходилъ еще къ Эчміадзину. Потеря обоза, шедшаго подъ слабымъ прикрытіемъ, конечно представляла большую опасность, но два эскадрона нарвскихъ драгунъ, высланные Циціановымъ изъ главнаго каре, съ такою стремительностью ударили на огромныя толпы персидской конницы, что она не выдержала и скрылась за монастырскими садами. Устроившись за ними, персіяне снова атаковали нашихъ драгунъ, но понесли еще большее пораженіе. Поручикъ Лангъ, прикрывавшій съ нѣсколькими людьми полковые штандарты, былъ отрѣзанъ, но пробился сквозь непріятеля и спасъ себя и штандарты.

Разбирая дѣйствія начальниковъ въ этомъ бою, Циціановъ писалъ государю: «Не могу не замѣтить, что въ Тифлискомъ полку 60-ю фланкерами командовали три офицера, тогда какъ и

одного довольно было; а Кавказскаго гренадерскаго полка шефъ генераль Тучковъ рекомендуетъ къ наградамъ разныхъ начальниковъ и множество офицеровъ, когда дѣло у него до картечи даже не доходило. Нарвскаго же драгунскаго полка офицеровъ не могу не одобрить, поелику общій гласъ по всему лагерю объ отличномъ дѣйствиі сихъ двухъ эскадроновъ свидѣтельствовалъ тогда же; а равно не могу не хвалить наивяшше и маіора терскаго войска ¹⁾, сражавшагося съ своими казаками съ отличною храбростью и метавшагося во всѣ опасности» ²⁾.

Бой окончился только передъ вечеромъ. Незнакомые съ европейской тактикой, персіяне были поражены упорнымъ сопротивленіемъ горсти солдатъ, которыхъ рассчитывали истребить при первомъ налетѣ,—и еще быстрѣе, чѣмъ появились, исчезли изъ-подъ нашихъ выстрѣловъ. Напрасно Аббасъ-Мирза, прискакавшій изъ главнаго лагеря, пытался остановить свою кавалерію. Страхъ былъ сильнѣе угрозы и бѣжавшіе увлекли его за собою.

«День сей почитать бы можно было за день совершенной побѣды нашей,—доносилъ Циціановъ,—если бы не помрачался оный оплошностью нѣкоторыхъ начальниковъ». Такъ, утромъ 20-го іюня, когда обозъ только что подходилъ къ нашей позиціи и былъ всего въ полторы верстѣ отъ лагеря, отъ него отстали двѣ телѣги: одна артельная, а другая съ палаточнымъ ящикомъ. Начальникъ прикрытія, маіоръ Токаревъ, видя, что со стороны Эчміадзина скачетъ персидская конница, приказалъ выпрячь лошадей и, бросивъ эти повозки, съ остальными благополучно прибылъ въ лагерь. Персіяне захватили обѣ телѣги, и это дало имъ поводъ разглашать потомъ, что они отбили русскій обозъ. Циціановъ былъ возмущенъ поступкомъ Токарева. «Имѣя при себѣ 120 человекъ,—писалъ онъ государю,—Токаревъ могъ бы отступить съ боемъ и не бросая повозокъ, ибо изъ лагеря, который находился такъ близко, ему, конечно, подали бы помощь».

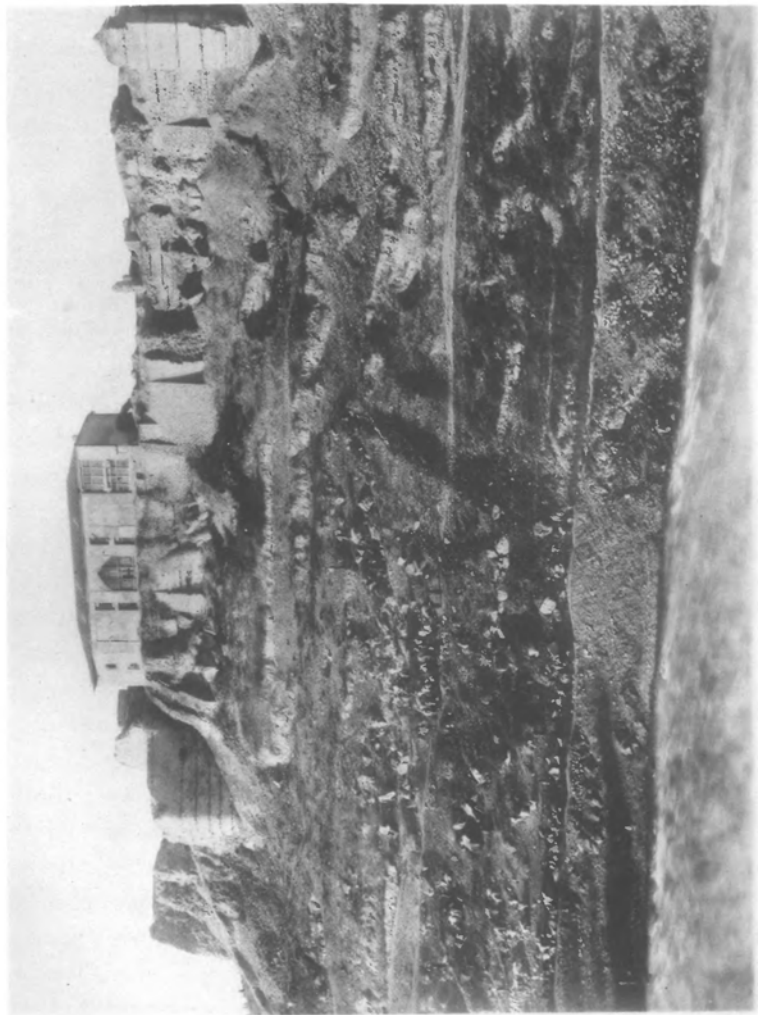
Другой, не менѣе прискорбный для Циціанова случай заклю-

---

¹⁾ Фамилія его не упомянута.

²⁾ Донесеніе Циціанова 26-го іюня, № 110.

³⁾ Тамъ же

Крепость. Здание со стороны р. Саусу

чался въ томъ, что во время сраженія командующій Саратовскимъ полкомъ подполковникъ Сербиновъ не позволилъ людямъ поднять и унести тѣло убитаго солдата, вѣроятно, чтобы не замедлять движенія,—а персіане, между тѣмъ, воспользовавшись этимъ, «отрѣзали убитому голову и съ гордостію унесли съ собою»... «Потеря двухъ телѣгъ и головы солдата,—доносилъ Циціановъ государю,—есть вещь не необыкновенная; но войскъ Вашего Императорскаго Величества генералу сіе чувствительнѣе другихъ державъ потому, что они къ оному не привыкли» ¹⁾).

Братъ укрѣпленный Эчміадзинскій монастырь Циціановъ почелъ уже излишнимъ, а потому, оставивъ его въ сторонѣ, двинулся къ сел. Канакиру ²⁾), гдѣ была единственная переправа черезъ Зангу. Полковникъ Цѣхановскій съ 9-мъ егерскимъ полкомъ выбилъ изъ него непріятели и, захвативъ переправу, тотчасъ привелъ въ оборонительное положеніе замокъ, лежавшій посреди селенія. Здѣсь Циціановъ оставилъ весь вагенбургъ, подъ прикрытіемъ баталіона Саратовскаго полка, а двѣ роты послалъ занять Эчміадзинъ, который персіане бросили сами, какъ только замѣтили наше движеніе къ Эривани.

30-го іюня войска перешли черезъ Зангу и, обойдя стороной Эриванскую крѣпость, направились прямо на главный лагерь на слѣднаго персидскаго принца. Онъ былъ расположенъ верстахъ въ восьми отъ Эривани и съ фронта прикрывался глубокимъ, скалистымъ ущельемъ. Девятый егерскій полкъ, отправивъ назадъ свою артиллерію, началъ живое наступленіе и, на глазахъ отряда послѣдовательно сбивая непріятели съ одной высоты на другую, остановился наконецъ передъ крутымъ утесомъ, загородившимъ дорогу. Далѣе идти было некуда. Оказалось, что проводники, испуганные огнемъ непріятели, приняли слишкомъ вправо и потеряли путь, который велъ въ персидскій лагерь. Остаться въ такомъ положеніи однако было невозможно. Осмотрѣвъ утесъ, достигавшій пятидесяти-саженной высоты, и поблагодаривъ егерей, проложившихъ своею грудью дорогу для цѣлаго отряда,

¹⁾ Тамъ же и донесеніе 15-го августа, № 158.

²⁾ Сел. Канакиръ находится въ 5 в. къ сѣверу отъ Эривани.

Циціановъ приказалъ Тучкову смѣнить ихъ баталіономъ Кавказскаго гренадерскаго полка. Едва приказъ былъ отданъ, какъ командиръ баталіона полковникъ Козловскій, «жадный къ славѣ и оказанію храбрости», впереди всѣхъ устремился на страшный утесъ. До какой степени труденъ былъ этотъ подъемъ, можно судить потому, что изъ цѣлаго баталіона только 40 человекъ съ самимъ Козловскимъ и маіоромъ Осиповымъ добрались до гребня. Осиповъ былъ тутъ-же убитъ, но Козловскій ударилъ въ штыки съ такою отвагой, что непріятель, занимавшій утесъ, былъ сброшенъ внизъ. Безумный страхъ овладѣлъ персіянами. Вся 27-ми-тысячная армія Аббасъ-Мирзы, стоявшая въ лагерѣ, бросилась бѣжать и скрылась за Араксомъ. Черезъ нѣсколько часовъ въ эриванскомъ ханствѣ не оставалось уже ни одного персіянина. Побѣда была полная, но матеріальный уронъ непріятеля не былъ великъ, потому что преслѣдовать его было некому: ни кавалеріи, ни артиллеріи подъ рукою не было. Къ счастью въ это время появились 30 человекъ гребенскихъ и терскихъ казаковъ, взобравшихся на гору по слѣдамъ пѣхоты. Они кинулись преслѣдовать бѣгущихъ и, врубившись въ толпы ихъ, отбили 4 знамени и 4 фальконета. Богатый лагерь почти со всѣмъ имуществомъ также остался въ нашихъ рукахъ.

Теперь князь Циціановъ могъ обратить свои дѣйствія противъ Эривани.

Глава VIII.

Блокада Эривани. Пораженіе персіянь подъ стѣнами крѣпости 15-го іюля. Подвигъ генерала Портнягина. Затруднительное положеніе блокаднаго корпуса. Пораженіе грузинской конницы. Тревожныя вѣсти изъ Грузіи. Геройская смерть Монтрезора. Военный совѣтъ и его рѣшеніе. Снятіе блокады. Дальнѣйшіе виды князя Циціанова.

Раннее утро 2-го іюля 1804 года застало русскія войска передвигающимися на другія позиціи, которыя со всѣхъ сторонъ поясомъ охватывали крѣпость. Главная квартира, со всею кавалеріей и баталіономъ Кавказскаго гренадерскаго полка Симоновича, расположилась на сѣверной сторонѣ города въ большомъ предмѣстьѣ, гдѣ находились городской базаръ, мечеть и зданіе караванъ-сарая; нѣсколько лѣвѣе, напротивъ ханскаго сада, сталъ баталіонъ Саратовскаго полка съ генераломъ Портнягинымъ. Съ восточной стороны Эривани заняли позицію два баталіона кавказскихъ гренадеръ съ генераломъ Тучковымъ, а лѣвѣе ихъ тифлисы съ генераломъ Леонтьевымъ. Такъ какъ западная часть крѣпости прилежала къ самой Зангѣ, то для наблюденія за нею 9-й егерскій полкъ переправленъ былъ за рѣку и занялъ обширные сады, лежавшіе напротивъ ханскаго дома. Болѣе войскъ не было, и для наблюденія за южною стороною крѣпости ограничились только возведеніемъ редута, для защиты котораго назначены остальные двѣ роты Саратовскаго полка, подъ командою маіора Нольде. Для связи-же этого редута съ лагеремъ Тифлискаго полка, между ними, на мухалетскомъ бугрѣ, поставили небольшой редантъ на 40 человекъ, отдѣленныхъ также отъ маіора Нольде.

Переговоры, начатыя эриванскимъ ханомъ, очевидно съ тѣмъ, чтобы выиграть время, не привели ни къ чему. Циціановъ повторилъ ему прежнія условія: немедленно возстановить на патрі-

аршемъ престолѣ Даніила, сдать крѣпость и признать російскаго императора за своего государя. Съ своей стороны Циціановъ обѣщаль сохранить за ханомъ наслѣдственную власть и прежнія права, но съ тѣмъ, чтобы онъ ежегодно платилъ 80 тысячъ дани. Ханъ выражалъ согласіе на всѣ эти условія, за исключеніемъ одного—сдачи крѣпости, и писалъ, что русскія войска занимать ее не должны. Переговоры на этомъ и кончились.

Между тѣмъ получены были свѣдѣнія, что Аббасъ-Мирза снова переправился на лѣвый берегъ Аракса и сталъ на Гарни-чафъ. куда 14-го іюля на помощь къ нему подошелъ самъ Баба-ханъ. Такимъ образомъ, разбросанные вокругъ Эривани малочисленными отрядами русскія войска должны были продолжать блокаду уже подъ угрозой сорока-тысячной арміи. Циціановъ рѣшилъ, однако, что блокады не сниметъ, и приказалъ войскамъ, даже въ случаѣ нападенія на нихъ персіянъ и вылазки изъ города, удерживать всѣ занятыя ими посты, какъ бы это дорого не стоило.—«Ибо я считаю постыднымъ дѣломъ,—говорилъ онъ,—снять блокаду и тѣмъ исполнить желаніе непріятели».

Ожидать нападенія пришлось недолго, и въ ту же самую ночь съ 14-го на 15-ое іюля подъ стѣнами крѣпости разыгралась кровавая битва.

Вечеромъ 14-го іюля лазутчики дали знать князю Циціанову, что въ гарничайскій лагерь прибылъ изъ Тавриза самъ Баба-ханъ съ значительными силами, и что непріятель въ ту же ночь намѣревается атаковать блокадное расположеніе. Едва Циціановъ разослалъ приказъ, чтобы войска готовы были къ отпору,—какъ въ два часа утра сильная ружейная пальба въ отрядѣ генерала Леонтьева возвѣстила о нападеніи непріятели. Лагерь Тифлискаго полка, мухалетскій бугоръ и редутъ Нольде были атакованы почти одновременно. Часть непріятельскихъ войскъ, перейдя на правую сторону Занги, кинулись на лагерь Цѣхановскаго, но, встрѣченная огнемъ и штыками егерей, была отброшена назадъ и потеряла знамя. Прогнанный отсюда непріятель оставилъ въ покоѣ егерей, и, переправившись обратно за рѣчку, принялъ живое участіе въ атакѣ, которая шла на редутъ Нольде.

Оборона этого редута принадлежит къ числу замѣчательнѣйшихъ подвиговъ, не часто встрѣчающихся въ военной исторіи. Надо сказать, что цѣлая рота Саратовскаго полка наканунѣ была отправлена изъ редута съ провіантскимъ транспортомъ въ караванъ-сарай и не успѣла еще возвратиться. Поэтому въ редутѣ оставалось всего только 56 человекъ для его защиты. Пять часовъ оборонялся Нольде съ этою горстью людей и, несмотря на то, что изъ шести офицеровъ четыре выбыли изъ строя, что изъ 56-ти нижнихъ чиновъ осталось способныхъ къ бою лишь 39, да и то на половину израненныхъ,—онъ не только продолжалъ защиту, но дѣлалъ еще вылазки и три раза прогонялъ непріятеля, пытавшагося залечь подъ редутомъ. Стойкая оборона, «превосходившая всякое воображеніе»,—какъ писалъ Циціановъ,—приводила въ удивленіе даже самого Баба-хана. Но редутъ уже былъ близокъ къ паденію, когда на помощь къ нему неожиданно явился полковникъ Цѣхановскій. Не имѣя возможности переправиться черезъ Зангу, онъ съ противоположнаго берега рѣки открылъ сильный огонь въ тылъ непріятеля и тѣмъ заставилъ его прекратить атаки и отойти отъ редута.

«Никакой офицеръ,—доносилъ Циціановъ,—не могъ заслужить георгіевскій крестъ 4-й степени справедливѣе, какъ сей Саратовскаго мушкетерскаго полка маіоръ Нольде 1-й». Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій обращалъ вниманіе государя и на заслуги полковника Цѣхановскаго, отличнымъ распоряженіямъ котораго редутъ обязанъ былъ спасеніемъ. «Полковникъ Цѣхановскій,—писалъ Циціановъ,—поставилъ 9-й егерскій полкъ, состоящій въ большинствѣ изъ рекрутъ, никогда не слыжавшихъ пулю, на такую ногу, что онъ служитъ удивленіемъ для цѣлаго отряда, со мною находящагося». Не такъ счастливо отдѣлался Мухалетскій редантъ, малочисленный гарнизонъ котораго не могъ удержать непріятеля. Персіяне ворвались въ укрѣпленіе и конечно истребили бы его защитниковъ, если бы въ эту минуту не подоспѣли двѣ роты Тифлисскаго полка, высланныя генераломъ Леонтьевымъ ¹⁾). Между

---

¹⁾ Въ редантъ убитъ офицеръ и 7 нижнихъ чиновъ, которымъ персіяне успѣли отрѣзать головы и унести ихъ съ собою.

тѣмъ нельзя не замѣтить, что положеніе и самого Леонтьева въ это время было въ высшей степени критическое.

Атакованный внезапно огромными силами, онъ не успѣлъ занять позицію, назначенную ему впереди мухалетскаго бугра, и вынужденъ былъ прислонить свой лѣвый флангъ къ высокой горѣ, занятой уже непріателемъ. Поражаемый выстрѣлами сверху, онъ въ короткое время потерялъ 8 офицеровъ и 120 солдатъ, но перемѣнить позицію, когда непріатель велъ фронтальную атаку, не было возможности. Тогда «извѣстный своею безпримѣрною храбростію» поручикъ Лабинцевъ вызвалъ охотниковъ и, бросившись съ ними на гору, сбилъ непріателя. Но удержаться на ней онъ не могъ и, подавленный свѣжими силами, отступилъ къ отряду. «Озлобленный контузіей и почитая неудачу нарушеніемъ своей воинской чести», Лабинцевъ вновь устремился на гору, вторично сбилъ персіянь, и на этотъ разъ, поддержанный еще командой капитана Кушелева, удержалъ за собою позицію. Съ занятіемъ горы дальнѣйшія усилія персіянь не имѣли успѣха, и они отступили съ огромною потерей. «Не могу не ходатайствовать, — писалъ Циціановъ, — о перемѣнѣ генераль-маіору Леонтьеву ордена св. Анны 2-го класса на таковой же, алмазами осыпанный, яко твердостію и мужествомъ славу оружія удержавшаго, хотя позиціей своей и погрѣшилъ, подойдя къ горѣ и подвергнувъ редутъ маіора Нольде опасности удаленіемъ отъ онаго». Съ симъ вмѣстѣ Циціановъ испрашивалъ слѣдующій чинъ и орденъ св. Анны 3-го класса поручику Лабинцеву, «яко служившему въ оный день украшеніемъ войска Россійскаго».

Остается сказать о дѣйствіяхъ эриванскаго хана, который одновременно съ персіянами сдѣлалъ сильную вылазку и атаковалъ сѣверное предмѣстье, гдѣ помѣщалась главная квартира. Это былъ пунктъ важнѣйшій во всей блокадной линіи по своему стратегическому положенію. «Если бы непріатель, — писалъ Циціановъ, — имъ овладѣлъ, то сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ Занги было бы прервано, 9-й егерскій полкъ отрѣзанъ, а всѣ обозы, магазины, парки и казна очутились бы въ рукахъ непріателя». Къ счастью вылазка встрѣчена была храбрымъ Симоновичемъ, который,

послѣ четырехъ-часового боя, штыками выбилъ непріятеля изъ предмѣстья и потомъ гналъ его до самой крѣпости, положивъ на мѣстѣ болѣе 400 человекъ. «Остальныя наши войска, расположенныя на этомъ пунктѣ,—какъ писалъ Циціановъ,—мало содѣйствовали побѣдѣ, ограничиваясь отраженіемъ непріятеля пушечною стрѣльбой, а баталіоны кавказскихъ гренадеръ, находившіеся въ отрядѣ Тучкова, и совсѣмъ почти не приняли участія въ дѣлѣ».

Придавая огромное значеніе особенно отраженію эриванскаго хана, Циціановъ просилъ государя о производствѣ Симоновича въ полковники, «яко офицера храбраго и отличнаго въ военныхъ наукахъ, имѣющаго уже ордена Георгія, Анны 2-го и Владиміра 3-го класса»... «Чѣмъ скорѣе такіе офицеры, каковъ онъ,—писалъ Циціановъ,—выйдутъ въ высшіе чины, тѣмъ болѣе будетъ выигрывать служба Вашего Императорскаго Величества. Усердіе мое налагаетъ на меня обязанность со всей откровенностью, хотя и съ стѣсненіемъ сердца, донести, что никогда чиновниковъ, не знающихъ своего дѣла, такъ много не было какъ нынѣ, и ни отъ какой иной причины какъ отъ того, что они, проходя службу на крыльяхъ вѣтра, не имѣютъ времени пріобрѣтать военное искусство практикою»... Такъ откровенно говорилъ Циціановъ о своихъ сподвижникахъ, отдавая имъ должное, но не скрывая и ихъ недостатковъ.

Общая потеря нашихъ войскъ въ этомъ бою, продолжавшемся съ двухъ часовъ ночи до часу пополудни, состояла изъ 13-ти офицеровъ и 173-хъ нижнихъ чиновъ. Непріятель же потерялъ два знамени, два фальконета и болѣе тысячи убитыхъ, въ числѣ которыхъ находились три хана и 250 чиновниковъ. «О плѣнѣ—доносилъ Циціановъ,—я не считаю за нужное упоминать, какъ о неважномъ, поелику, во избѣжаніе расхода на провіантъ, я не приказалъ забирать онаго». Мѣра жестокая, но, къ сожалѣнію, въ военное время иногда неизбѣжная.

Такъ окончилось это замѣчательное дѣло. Три тысячи русскихъ солдатъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ вокругъ сильной крѣпости, вынуждены были сражаться на четыре фронта. Они выдержали бой съ 40-тысячною арміею, отразили вылазку,

и не только удержали за собою позиціи, но нанесли противнику такое пораженіе, послѣ котораго онъ не осмѣлился уже тревожить блокадный корпусъ. Справедливо говоритъ Зиссерманъ, что всѣ эти подвиги намъ кажутся теперь баснословными. А между тѣмъ они были дѣйствительно, и скажемъ болѣе, — если бы ихъ не было, намъ никогда бы не удержаться въ Закавказьѣ ¹⁾.

Разбитая подъ Эриванью персидская армія раздѣлилась на двѣ части: Баба-ханъ отошелъ къ сел. Канакиру, а Аббасъ-Мирза по прежнему расположился на Гарни-чаѣ. Циціановъ воспользоваться разобщеніемъ непріятельскихъ силъ. Онъ поручилъ Портнягину, храбрость котораго была ему извѣстна, сдѣлать ночное нападеніе на лагерь наслѣднаго персидскаго принца. Отрядъ составленъ былъ изъ частей различныхъ полковъ, всего 670 человекъ пѣхоты ²⁾ при шести орудіяхъ; конницу составляли 30 линейныхъ казаковъ, сотня грузинскихъ князей и сотня персіанъ, набранныхъ Джафаръ-Кули-ханомъ хойскимъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшимъ въ нашъ лагерь искать покровительства русскаго государя.

Портнягинъ выступилъ въ ночь съ 24-го на 25-е іюля. Сначала все шло благополучно; отрядъ миновалъ передовые непріятельскіе посты и уже приближался къ персидскому лагерю, когда всадники Джафара наѣхали на пѣшіій пикетъ, дали залпъ и подняли тревогу. Изъ персидскаго лагеря тотчасъ стала выѣзжать конница, а между тѣмъ гонцы полетѣли въ Канакиръ къ Бабахану, и не прошло двухъ часовъ, какъ Портнягинъ стоялъ уже лицомъ къ лицу со всею 40-тысячною персидскою арміею.

Наступила одна изъ тѣхъ страшныхъ минутъ, когда начальнику приходится рѣшать роковую дилемму: потерять ли оружіе и сохранить жизнь сотнямъ солдатъ, или же сохранить честь оружія и заплатить за это сотнями жизней? Портнягинъ выбралъ послѣд-

---

¹⁾ Исторія Кабардинскаго полка.

²⁾ Въ томъ числѣ находились три сѣшренныхъ эскадрона драгунъ.

**ПЛАНЪ
БЛОКАДЫ
ЗРИВАНСКОЙ КРѢПОСТИ
въ 1804 году.**

Масштабъ

 0 250 500 750 1000 версты

Описаніе блокады

- а Главная квартира въ мѣстѣ.
- б Баталіонъ Подполковника Симанюца Кавказскаго полка.
- в Френдрскій баталіонъ Сиратовскаго полка.
- г Шедскій баталіонъ Кавказскаго Френдрскаго полка.
- д Подполковникъ Калюскаго баталіонъ Кавказскаго полка.
- е Шедскій баталіонъ Тифлискаго Мушкетерскаго полка.
- ж Баталіонъ Майора Монтесора Тифлискаго полка.
- з 2^я Егерскій полкъ
- и Шведскаго драгунскаго полка эскадроны.
- і Казаки
- к Грузины
- л Корь Генеральъ Майора Пертлассина.
- м Корь Генеральъ Майора Агостинелл.
- н Казаки пѣхоты
- о Редутъ на курганѣ Мухаметъ.
- п Редутъ Майора Паладе.

Александръ Павловичъ Муравьевъ

нее. Свернувшись въ каре, онъ шагъ за шагомъ сталъ отходить назадъ, окруженный и подавляемый въ сорокъ разъ превосходящимъ его непріателемъ. Скоро вся артиллерійская прислуга выбыла изъ строя. Офицеры сами заряжали орудія и исполняли при нихъ обязанности нижнихъ чиновъ. Четырнадцать съ половиною часовъ и на протяженіи 20-ти слишкомъ верстъ шла непрерывавшаяся битва. Портнягинъ съ честью вышелъ изъ этого критическаго положенія и возвратился, потерявъ 64 человекъ, но не оставивъ въ рукахъ непріателя никакого трофея: даже тѣла убитыхъ и тѣ принесены были въ лагерь.

Донося о безпримѣрномъ отступленіи Портнягина, Циціановъ писалъ, «что оно превышаетъ всякую побѣду, ибо какъ персидскія войска, такъ и городъ, въ виду коего сіе происходило, увидѣли свое ничтожество». Торжествуя побѣду заранѣе, персіяне дали о ней знать эриванскому хану, и съ крѣпости въ честь ея весь день гремѣла салютационная пальба; но къ вечеру выстрѣлы смолкли:—эриванцы съ удивленіемъ увидѣли русское каре, возвращавшееся въ стройномъ порядкѣ, среди несмѣтныхъ, окружавшихъ его непріятельскихъ полчищъ.

Всѣ эти отдѣльные геройскіе подвиги не могли измѣнить однако общаго положенія дѣлъ подъ Эриванскою крѣпостью. Ханъ, опираясь на содѣйствіе персидской арміи, упорствовалъ въ сдачѣ города, а Циціановъ, не имѣя осадныхъ орудій, не могъ принудить его къ этому силой. Между тѣмъ обстоятельства начали принимать для насъ все болѣе и болѣе неблагопріятный оборотъ. Вслѣдъ за сорока-градусными іюльскими жарами вдругъ наступили холодные, дождливые, августовскіе дни, и въ войскахъ обнаружилась значительная смертность. Одною изъ многихъ жертвъ желчной горячки сдѣлался тогда, къ прискорбію всего отряда, и храбрый шефъ 9-го егерскаго полка Цѣхановскій ¹⁾). Бѣдствіе усиливалось еще отъ недостатка провіанта, который давно уже выда-

---

1) О смерти Цѣхановскаго Циціановъ донесъ «съ стѣсненнымъ сердцемъ». Онъ писалъ государю, что «такъ какъ 9-й егерскій полкъ подвигами и попеченіемъ Цѣхановскаго доведенъ до высочайшей степени храбрости и исправности, то приеѣмлетъ смѣлость просить о полѣщеніи въ оный полкъ шефа, если не равнаго покойному Цѣхановскому, то ему подобнаго». (Донесеніе 29-го ав. № 160).

вался въ половинномъ количествѣ; его дополняли обыкновенно фунтомъ мяса, но въ послѣднее время и мясо можно было добывать не всегда. Персидская армія, не смѣвшая приближаться къ намъ на пушечный выстрѣлъ, тѣмъ не менѣе наводнила страну легкими конными партіями, которыя пользовались каждою оплошностью, чтобы нападать на одиночныхъ людей, на небольшіе транспорты, на фуражировъ и, можно сказать, держали насъ самихъ въ блокадѣ. Бороться съ этимъ зломъ не было возможности: пѣхота не могла гоняться за конными шайками, а кавалеріи у насъ не было. Драгуны служили пѣшими, такъ какъ большую часть лошадей ихъ, за неимѣніемъ подводъ, пришлось употребить подъ вьюки для перевозки провіанта изъ Эчміадзина. Обозы, ожидаемые изъ Грузіи, не приходили, а тѣ запасы, которые были при насъ, видимо истощались. Чтобы уменьшить расходъ провіанта, Циціановъ рѣшилъ отправить въ Тифлисъ всю грузинскую дружину, не привыкшую къ трудностямъ осенней кампаніи. Онъ ожидалъ только оказіи; но грузинскіе князья не хотѣли однако ею воспользоваться и выступили изъ лагеря одни въ ночь съ 7-го на 8-е августа. Проводникомъ взялся быть сынъ извѣстнаго мелика Абова, юный Ростомъ-бекъ, который еще при началѣ кампаніи собралъ горсть храбрецовъ, исполнявшихъ кромѣ пикетной службы еще и обязанности летучаго отряда. Два раза проводилъ онъ сквозь непріятеля наши небольшія команды съ провіантомъ и боевыми запасами,—и пошелъ въ третій разъ, чтобы проводить грузинскую конницу. Но на этотъ разъ счастье ему измѣнило. Нѣтъ никакихъ документовъ, которые передали бы подробности послѣдовавшей затѣмъ катастрофы, но изъ показанія нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ грузинъ можно составить себѣ приблизительно вѣрную картину постигшаго ихъ бѣдствія. Отойдя не больше 30-ти верстъ отъ лагеря, они остановились на ночлегъ, по всей вѣроятности до того оплошно, что ночью царевичъ Александръ съ тремя-стами всадниковъ нагрязнулъ на ихъ бивуакъ и почти всѣхъ уничтожилъ. Только 20 человекъ «разнаго званія людей» прискакали въ Караклисъ съ вѣстью о гибели товарищей. Сколько было убито въ эту роковую ночь—въ точности неиз-

вѣстно, но до 150-ти князей съ ихъ дворянами и слугами были захвачены въ плѣнъ, и въ ихъ числѣ находился бывшій сардаръ грузинскихъ войскъ генераль-маіоръ князь Иванъ Орбеліани. Ихъ всѣхъ отвезли въ Тавризъ и заключили въ тюрьмы, забивъ въ кандалы и надѣвъ на шеи тяжелыя колодки.

Захваченъ былъ персіянами вмѣстѣ съ другими и Ростомъ-бекъ, получившій въ этомъ бою три тяжелыхъ сабельныхъ раны. Царевичъ Александръ приказалъ отправить его прямо къ Аббасъ-Мирзѣ, зная, какую ненависть питалъ послѣдній къ карабагскимъ меликамъ, истребившимъ лѣтъ за восемь передъ тѣмъ въ своихъ родныхъ лѣсахъ персидскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ родного дяди наслѣднаго принца. Аббасъ-Мирза приказалъ бросить Ростомъ отдѣльно отъ прочихъ плѣнниковъ въ ту самую темницу, въ которой уже томился одинъ изъ русскихъ сторонниковъ, патриархъ Даніиль. Потомъ Аббасъ-Мирза потребовалъ Ростомъ къ себѣ и сказалъ ему: «Если хочешь быть живъ, то прими сейчасъ магометанство». Ростомъ отказался и отвѣчалъ стихами, которые теперь уже перешли въ народныя пѣсни. Аббасъ-Мирза приказалъ предать Ростомъ жестокимъ мукамъ, и юноша умеръ подъ пытками, не отступивъ отъ Христа ¹⁾).

«Сколько не виноваты сему несчастному и неприятному заключенію сами князья,—писалъ Циціановъ,—но происшествіе сіе должно возгордить Баба-хана, потерявшаго было уже всякую надежду къ полученію и самомалѣйшей поверхности надъ нами».... «Тѣмъ не менѣе, первостатейность родовъ князей, попавшихся въ плѣнъ,—продолжаетъ онъ далѣе,—налагаетъ обязанность стараться силою или деньгами возвратить оныхъ; но первое по позднему времени быть не можетъ, а о послѣднемъ приѣмлю смѣлость испрашивать высочайшаго повелѣнія»....

Въ чемъ заключалось высочайшее повелѣніе, въ архивѣ свѣдѣній нѣтъ, но Циціановъ дѣятельно заботился объ освобожденіи плѣнныхъ и между прочимъ писалъ Ахмедъ-хану тавризскому, искавшему когда-то нашего покровительства ²⁾): «Вотъ благоприятный

¹⁾ «Кавказская старина» 1872 г., № 2, стр. 38. Акты кав. арх. к., II, № 1678.

²⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 1680.

случай показать усердіе ваше къ Россіи освобожденіемъ князей и дворянъ, находящихся вмѣстѣ съ сардаремъ княземъ Орбеліани въ Тавризѣ. Будьте увѣрены, что я не упушу на дѣлѣ показать свою благодарность. Если же ваше высокостепенство предпочло бы сей связи дружества, мною вамъ предлагаемой, нѣкоторую сумму денегъ, то я могу отъ 1000 до 1500 червонцевъ за выкупъ ихъ заплатить, увѣривъ при томъ, что вручу посланному, въ память нашей дружбы, подарокъ, достойный моего и вашего сана». Просьба эта, какъ видно не имѣла успѣха, потому что князь Орбеліани еще долго томился въ плѣну и только въ слѣдующемъ году былъ отбитъ у персіанъ партією нашихъ шамшадильскихъ татаръ.

Успѣхъ надъ грузинскою конницею настолько поднялъ духъ персіанъ, что царевичъ Александръ съ шести-тысячнымъ войскомъ появился въ Памбакской провинціи на нашихъ сообщеніяхъ съ Грузіей. Къ нему пристали казахскіе, шамшадильскіе и борчалинскіе татары. Все это начало грабить армянъ, которые бѣжали подъ охрану русскаго войска. Въ самомъ Тифлисѣ поднялась такая тревога, что даже изъ дома главнокомандующаго стали вывозить въ крѣпость бумаги, казну, цѣнныя вещи, и этимъ вызвали еще большее смятеніе среди горожанъ. Если прибавить, что джарцы и дагестанскіе лезгины, пользуясь общимъ замѣшательствомъ усилили свои набѣги, а бунтъ осетинъ на военно-грузинской дорогѣ прекратилъ всякое сношеніе Тифлиса съ кавказскою линіею,—то станетъ понятнымъ, почему не только въ Грузіи, но даже въ Петербургѣ считали отрядъ Циціанова обреченнымъ на неизбѣжную гибель. Но среди общаго унынія не падалъ духомъ тотъ, кому императоръ Александръ поручилъ охрану Грузіи. «Гдѣ Богъ, священное имя Вашего Величества и непобѣдимыя войска Ваши,—писалъ Циціановъ государю,—тамъ никакихъ гибельныхъ слѣдствій ожидать невозможно». И онъ продолжалъ упорно стоять подъ Эриванью.

Между тѣмъ съ появленіемъ царевича въ Памбакѣ, положеніе наше подъ крѣпостью дѣлалось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Надо сказать, что, еще выступая въ походъ, князь Циціановъ приказалъ весь провіантъ, заготовляемый въ Тифлисѣ и

собираемый въ Казахѣ за счетъ денежной подати, перевозить въ Караклисъ, имѣвшій для насъ значеніе операціонной базы. Въ Караклисъ поставленъ былъ цѣлый баталіонъ пѣхоты съ маіоромъ Ходжаевымъ, на обязанности котораго лежала какъ дальнѣйшая отправка транспортовъ въ эриванскій отрядъ, такъ и охрана внутренняго спокойствія въ самой провинціи. Ходжаевъ не былъ однако способенъ къ такой сложной дѣятельности, а распоряженія Циціанова относительно провіанта и вовсе не были исполнены ни имъ, ни въ Тифлисъ. Часть его, правда, была заготовлена, но правитель Грузіи генераль-лейтенантъ князь Волконскій, затрудняясь сборомъ подводъ, предписалъ комиссаріату закупать хлѣбъ въ Памбакской провинціи и доставлять его средствами самихъ продавцевъ. Комиссіонеры возражали, что этимъ путемъ ничего заготовить нельзя, а Волконскій требовалъ буквального исполненія его приказаній. За этими пререканіями и безконечною перепиской время было упущено, и теперь, при появлении въ краѣ персіянъ, уже не знали какъ за это взяться. Недовольный и правителемъ Грузіи, и Ходжаевымъ, главнокомандующій замѣнилъ послѣдняго маіоромъ Монтрезоромъ, командовавшимъ въ блокадномъ корпусѣ баталіономъ Тифлисскаго полка. Онъ зналъ его лично какъ храбраго, распорядительнаго штабъ-офицера, и былъ увѣренъ, что онъ исправитъ всѣ ошибки Ходжаева, возобновитъ сообщеніе съ Тифлисомъ и приметъ всѣ мѣры къ скорѣйшему доставленію транспорта, который наконецъ отправленъ былъ изъ Тифлиса.

Монтрезоръ выступилъ изъ-подъ Эривани 19-го августа со сборною командой въ 110 человекъ при одномъ орудіи ¹⁾. Но не прошелъ онъ и нѣсколькихъ верстъ, какъ былъ окруженъ персидскою конницею, къ которой на каждомъ шагу прибывали все новыя толпы казахскихъ и борчалинскихъ татаръ. Пренебрегая непріателемъ, Монтрезоръ два дня прокладывалъ себѣ дорогу

¹⁾ Кавказскаго гренадерскаго полка прапорщикъ Верещага, 2 у.-оф., 1 бар. и 36 ряд.; Тифлисскаго полка поручикъ Ладьякинъ, 1 у.-оф. и 15 ряд.; Саратовскаго полка прапорщикъ Чирецъ, 2 у.-оф., 1 бараб. и 30 ряд.; 9-го егерскаго 1 у.-оф., и 10 ряд.; Нарвскаго драгунскаго 1 у.-оф., и 10 ряд.; всего 1 шт.-оф., 3 обер.-оф., и 110 ниж. чиновъ (Журналъ всеподд. донесеній 1804 г. Рапортъ князя Циціанова 2-го сентября, № 161).

штыками, но на третій, 21-го августа, спускаясь съ горъ въ памбакскую равнину къ сел. Сарали, увидѣль издали главныя силы царевича Александра, подвигавшіяся со стороны Караклиса. Вскорѣ шесть тысячъ персіанъ обложили малочисленный русскій отрядъ. Царевичъ потребоваль сдачи. Монтрезоръ отвѣчалъ, что смерть предпочитаетъ постыдному плѣну.

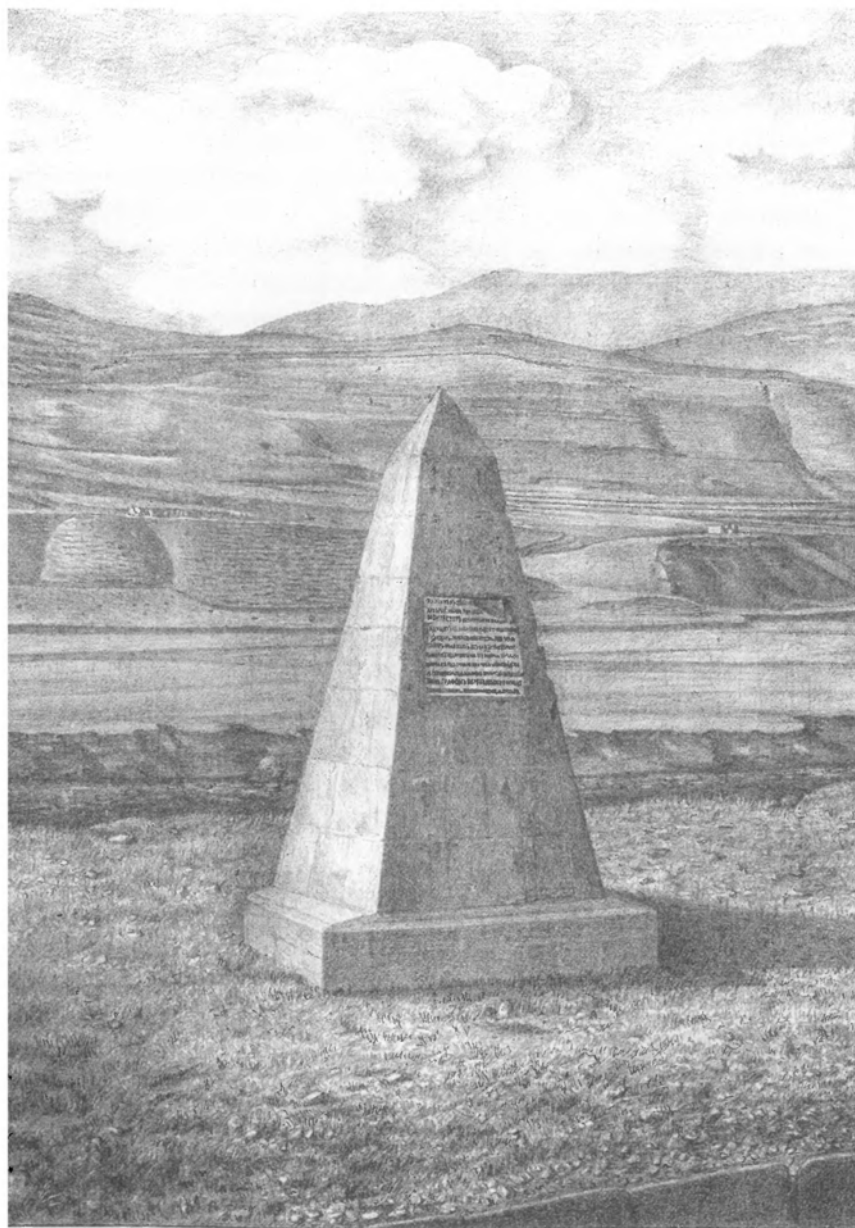
Раздраженный отказомъ, царевичъ двинулъ въ атаку разомъ всѣ свои силы. Монтрезоръ принялъ бой, но когда всѣ патроны были израсходованы, онъ сбросилъ съ себя мундиръ и, обратившись къ солдатамъ, сказалъ: «Ребята! Я больше вамъ не начальникъ. Спасибо за храбрость и службу. Теперь, кто хочетъ меня покинуть, можетъ спастись». Позволеніемъ этимъ однако никто не воспользовался, кромѣ одного барабанщика; остальные же дали послѣдній залпъ и кинулись въ штыки на непріятеля. Въ нѣсколько минутъ отряда не стало. Самого Монтрезора персіане нашли послѣ боя изрубленнымъ на пушкѣ, которую онъ, какъ видно, защищалъ до послѣдняго мгновенія; съ нимъ рядомъ убиты всѣ три офицера, а изъ ста-десяти солдатъ одинъ бѣжалъ, 15 тяжело израненныхъ захвачены въ плѣнъ, а остальные 94 человекъ погибли. «Съ стѣсненнымъ сердцемъ,—писалъ Циціановъ государю,—доношу о потерѣ храбраго сего офицера, который, будучи въ самомъ началѣ сраженія раненъ, предпочелъ въ вѣрности своей лучше положить себя и команду, нежели отдать непріятелю пушку» ¹⁾).

Съ уничтоженіемъ отряда Монтрезора, Циціановъ потерялъ надежду на полученіе изъ Грузіи продовольствія; а когда вслѣдъ за тѣмъ персидская конница выжгла на корню весь хлѣбъ вокругъ Эривани, и неотвратимый голодъ началъ угрожать осаждающимъ,—главнокомандующій призналъ наконецъ необходимымъ собрать военный совѣтъ, постановленія котораго выражены въ слѣдующемъ актѣ ²⁾:

«Протоколь, 31-го августа 1804 года учиненный въ военномъ совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ главнокомандующаго генераль-отъ-инфантеріи князя Циціанова, изъ господъ—генераль-

¹⁾ Донесеніе Циціанова 2-го сентября, № 161.

²⁾ Дѣло окр. шт. 1804 г., № 267.

Памятникъ майору Монтезору.

маіоровъ: шефа Кавказскаго гренадерскаго полка Тучкова, состоящаго по арміи Леонтьева, шефа Нарвскаго драгунскаго полка Портнягина, 9-го егерскаго полка полковника Майнова, Кавказскаго гренадерскаго полка подполковника Симоновича и артиллеріи подполковника барона Клодтъ-фонъ Юргенсбурга 2-го).

Перечисливъ сначала всѣ извѣстныя уже намъ причины, какъ-то: бездѣятельность казахскаго моурава, не собравшаго хлѣба въ своей дистанціи; гибель отряда маіора Монтрезора и невозможность доставленія транспортовъ изъ Караклиса; недостатокъ въ блокадномъ корпусѣ провіанта, выдаваемого неполною дачей; истребленіе хлѣба въ окрестностяхъ Эчміадзина и Эривани персіянами, противъ чего главнокомандующій не могъ противопоставить силы, не имѣя у себя кавалеріи, и, наконецъ, письмо Мамедъ-хана эриванскаго, который обнадеживалъ сдать крѣпость только по уходѣ изъ края персидскихъ войскъ,—протоколь продолжаетъ:

«Соображая сіи причины, а также опасность отступленія и вредныя послѣдствія, отъ онаго произойти могуція какъ въ умахъ сосѣдей, такъ и въ самой Грузіи, гдѣ еще привязанность къ Россіи не вовсе укоренилась, главнокомандующій отдалъ военному совѣту на выборъ два средства: штурмъ или отступленіе. Почему, по долгомъ разсужденіи, генераль-маіоръ Портнягинъ предложилъ штурмъ; съ нимъ согласился главнокомандующій, предвидя вредныя послѣдствія отъ отступленія, но долженъ былъ уступить большинству голосовъ, т.-е. генераль-маіорамъ Тучкову и Леонтьеву, полковнику Майнову и подполковникамъ Симоновичу и барону Клодтъ-фонъ-Юргенсбургу, кои согласились на снятіе блокады. Посему въ военномъ совѣтѣ положено отступить, что и исполнить 2-го сентября, для чего употребить два дня на приготовленія, а между тѣмъ сдѣлать видъ оказательства къ штурму, на каковъй конецъ начатую брешь-батарею окончить и стрѣлять въ крѣпостную стѣну». (Слѣдуютъ подписи).

4-го сентября войска сняли блокаду и, слабо преслѣдуемые персіянами, стали отходить въ свои предѣлы. Въ Эчміадзинѣ во время дневки князь Циціановъ приказалъ архіепископу Іоаннесу

собрать всѣ драгоцѣнности первопрестольнаго монастыря, которыхъ не успѣли еще вывезти оба патріарха Давидъ и Даніилъ, и на одиннадцати выюкахъ отправить ихъ въ Тифлисъ, подъ прикрытіемъ Кавказскаго гренадерскаго полка. Изъ Эчміадзина войска прошли черезъ абаранское поле и, мимо Сарали, 14-го сентября прибыли въ Караклисъ, главное селеніе Памбакской провинціи.

Въ Сарали князь Циціановъ со всѣми офицерами отряда поспѣтилъ могилу храбраго Монтрезора и его честныхъ и вѣрныхъ сподвижниковъ. Желая увѣковѣчить память ихъ доблестнаго подвига, Циціановъ приказалъ поставить надъ братской могилой скромный обелискъ и самъ написалъ на немъ эпитафію. Говорятъ, что эпитафія была достойна полководца: но къ сожалѣнію землетрясеніе 8-го октября 1827 года разрушило памятникъ, а вмѣстѣ съ нимъ погибла и драгоцѣнная надпись. Обелискъ возобновилъ князь Воронцовъ, ревниво оберегавшій все, что касалось нашихъ историческихъ памятниковъ, но и онъ не могъ возобновить эпитафіи.

Среди неудачъ, сопровождавшихъ въ послѣднее время эриванскій походъ, князь Циціановъ отмѣчаетъ съ удовольствіемъ, что, не смотря на трудное положеніе наше, архіепископъ Іоаннесъ, побуждаемый неограниченнымъ усердіемъ къ пользамъ Россіи, все-таки вывелъ на жительство въ Грузію 11/т. армянскихъ семей, которымъ Циціановъ самъ назначилъ мѣста подъ заселеніе. Поступокъ Іоаннеса Циціановъ ставилъ такъ высоко, что исходатайствовалъ ему высочайшій рескриптъ, которымъ до назначенія патріарха ему предоставлялось первенствующее мѣсто надъ армянскимъ духовенствомъ въ Грузіи и была пожалована драгоцѣнная панагія.

Неудача подъ Эриванью глубоко опечалила князя Циціанова. Онъ не скрывалъ сожалѣній, что въ числѣ его сподвижниковъ не было ни Карягина, ни Цѣхановскаго, рѣшительность которыхъ повліяла бы и на остальныхъ членовъ совѣта. Эта же мысль проглядываетъ и въ письмѣ его къ государю. «Не могу безъ стѣсненія сердца видѣть себя,—писалъ онъ,—въ теченіе тридцати-лѣтней моей службы вторымъ только въ російской арміи генераломъ, принужденнымъ снять изъ-подъ города блокаду, не взявши его ¹⁾. Но,

---

¹⁾ Циціановъ разумѣлъ неудачное обложеніе Хотина кн. Голицынымъ въ 1769 г.

повинуясь закону, смѣлъ ли я съ однимъ генераломъ Портнягинымъ противъ пяти взять на себя штурмъ. Между тѣмъ вредъ, изъ отступленія произойти могущій въ умахъ сосѣдей и самой Грузіи, есть неизъяснимый. Сверхъ того, число больныхъ при блокадѣ простиралось до 800 человекъ, изъ коихъ труднобольные приговоромъ военнаго совѣта осуждались, такъ сказать, на смерть; и изъ всеподданнѣйшаго подношенія вѣдомости о числѣ умершихъ и вновь заболѣвшихъ при отступленіи, Ваше Императорское Величество, по сострадательному сердцу Вашему, усмотрѣть изволите коликъ пагубны для человѣческаго рода таковыя генералы, каковы Тучковъ и Леонтьевъ, также какъ и штабъ-офицеры, составлявшіе совѣтъ, изъ коихъ полковникъ Майновъ происходитъ изъ аудиторовъ. Не могу я поставить въ число сихъ недостойныхъ военной службы офицеровъ только одного подполковника Симоновича, зная, что онъ началъ службу въ цесарскихъ войскахъ, къ излишней осторожности наклонныхъ, да и подъ Ганжею, бывъ въ совѣтѣ также противъ штурма, самъ на оный пошелъ.

Изъ приложенной къ этому донесенію вѣдомости видно, что въ теченіе 10-ти-дневнаго обратнаго похода въ Грузію, т.-е. съ 4-го по 14-е сентября, заболѣло 450 человекъ и изъ нихъ умерло 5 офицеровъ и 140 нижнихъ чиновъ,—«кои,—прибавляетъ Циціановъ,—безъ отступленія можетъ быть и не померли бы. Удостоверительно можно сказать только, что число убитыхъ на штурмѣ не могло бы превзойти оное» ¹⁾).

Императоръ Александръ старался успокоить и утѣшить огорченнаго князя. «Одно неудовольствіе, какое я имѣю,—отвѣчалъ онъ,—есть то огорченіе, въ которомъ вы находитесь. Никто, конечно кромѣ васъ, не станеть сравнивать происшествій подъ Хотинимъ съ настоящимъ случаемъ, но многіе отдадутъ справедливость какъ предприимчивости духа вашего, такъ и тому, что вы столь малыми силами такъ много сдѣлали въ одну кампанію». И Циціанову за эриванскій походъ пожалована была аренда въ 8 тысячъ рублей и орденъ св. Владиміра 1-го класса.

---

¹⁾ Донесеніе Циціанова 14-го сентября, № 162.

Снятіе блокады Эривани, разумѣется, не могло не увеличить того значенія, которымъ пользовалась эта крѣпость въ глазахъ азійцевъ. Циціановъ писалъ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ князю Чарторыйскому, что взятіе ея и уничтоженіе вѣроломнаго хана—теперь является мѣрой уже необходимой. Онъ не хотѣлъ далѣе откладывать этого дѣла и рассчитывалъ взять Эривань зимою. «Хотя переходъ черезъ снѣговой хребетъ, отдѣляющій Эривань отъ Грузіи,—писалъ онъ,—и весьма затруднителенъ, но за то блокирующія войска пріобрѣтутъ ту выгоду, что не будутъ имѣть противъ себя сорока-тысячнаго непріятели, и Эривань будетъ взята въ самое короткое время».... «Если же обстоятельства принудятъ отложить походъ до начала весны,—писалъ онъ далѣе,—то необходимо будетъ содѣйствіе каспійской флотиліи, которая возьметъ Баку и угрозой занять Зензили и Рештъ ¹⁾ заставитъ Бабахана держать въ той сторонѣ главныя силы. Но ни того, ни другого князю Циціанову не пришлось исполнить. Зимняя экспедиція не состоялась потому, что некомплектъ въ полкахъ, расположенныхъ въ Грузіи, доходилъ, какъ оказалось, до 5-ти тысячъ, и идти въ походъ было не съ чѣмъ, а весной персіяне сами вторглись въ наши предѣлы,—и паденіе Эривани отложено было на цѣлые 23 года.

Теперь вернемся назадъ и скажемъ, что происходило въ Грузіи во время отсутствія изъ нея князя Циціанова.

---

¹⁾ Т. е. Зензели и Рештъ, находящіеся на южномъ берегу Каспійскаго моря.

Глава IX.

Общее возмущеніе тагаурцевъ и мтиулетцевъ. Дѣйствія противъ нихъ князи Волконскаго и генерала Талызина. Неудовольствія князя Циціанова. Царевичи Юлонъ и Парнаозъ. Взятіе мятежниками Ларса и Степанъ-цминда. Отступленіе маіора Мелло. Критическое положеніе края. Гибель казачьяго полка Рышкина. Возвращеніе князя Циціанова въ Грузію. Генераль Несвѣтаевъ и усмиреніе осетинскаго бунта. Экспедиція князя Циціанова въ Осетію.

Въ самомъ началѣ 1804 года случилось одно происшествіе, въ сущности не важное, но которое внезапно приняло такой оборотъ и такіе размѣры, что надолго прекратило наши сообщенія по военно-грузинской дорогѣ и, какъ увидимъ, имѣло даже вліяніе на самый ходъ эриванской экспедиціи.

Нѣсколько армянъ, ѣхавшихъ въ Моздокъ съ богатыми товарами, были на пути ограблены и взяты въ плѣнъ тагаурцами—осетинскимъ племенемъ, обитавшимъ въ ущельѣ около Ларса. Циціановъ потребовалъ выдачи плѣнниковъ и ихъ имущества. Но такъ какъ выдано было не все, то онъ приказалъ «запереть тагаурцамъ дорогу въ Грузію, а моздокскому коменданту не пропускать ихъ на линію, гдѣ, какъ выражается Циціановъ, «они свое пропитаніе доставали» ¹⁾. Тогда одинъ изъ осетинскихъ старшинъ Ахметъ Дударуковъ собралъ значительную шайку и сталъ нападать съ нею въ Дарьяльскомъ ущельѣ не только на проѣзжающихъ, но даже на военныя команды. «Войску, готовому уже идти подъ Эривань,—доносилъ князь Циціановъ,—невозможно было остановиться ни на минуту для усмиренія тагаурцевъ, когда нуж-

¹⁾ Ак. кав. арх. к., II, № 1074. Резолюція кн. Циціанова на рапортѣ къ нему маіора Казбека отъ 4-го апрѣля 1804 г. и донесеніе Циціанова отъ 29-го мая, № 133.

да настала не впусить персіянь, стремившихся четырьмя отверстіями въ Грузію, а долженствовало встрѣтить ихъ внѣ оной»¹⁾ ... Да и самое возмущеніе осетинъ онъ почиталъ настолько неважнымъ, что приказалъ отправить противъ нихъ изъ Анапу роту Севастопольскаго полка съ пушкой, да собрать милицію на Ксанкѣ и среди мтіулетцевъ, въ бывшемъ удѣлѣ царевича Вахтанга. Поручая эту экспедицію подполковнику князю Торникѣ Эристову, съ братьями его Шаншѣ и Елизбаромъ²⁾, Циціановъ вполне считывалъ на то вліяніе, которымъ фамилія Эристовыхъ-ксанскихъ издавна пользовалась въ Осетіи. Но въ случаѣ, если бы вліянія этого оказалось недостаточнымъ, Эристову приказано было «каратъ, колотъ и рубить осетинъ безъ пощады, жечь всѣ ихъ жилища, а затѣмъ, привести къ присягѣ и заставить принять на себя сопровожденіе почтъ отъ Владикавказа до Казбека и обратно, не чиня впредь ни малѣйшаго вреда нашимъ проѣзжающимъ» . . . «Если же сіе соблюдутъ,—писалъ Циціановъ далѣе,—то объявить, что каждому дому (коихъ тамъ одиннадцать), производимо будетъ въ годъ по 150 р. с., и всякій старшій въ домѣ урваненъ будетъ въ достоинствѣ съ нашими казачьими офицерами»³⁾.

Эристовы дѣйствительно собрали значительную милицію. Даже мтіулетцы, эти горные грузины, обитавшіе въ суровыхъ вершинахъ Арагвы, выставили свое ополченіе и должны были присоединиться къ отряду въ с. Коби. Казалось, все шло хорошо, но тутъ случилось новое обстоятельство, котораго у насъ не предвидѣли, но которое дало всему иной оборотъ и до крайности обострило и осложнило дѣло. Мятежъ, начатый одной ничего незначущей шайкой, нашель для себя благодарную почву среди осетинъ, обитавшихъ въ Грузіи, и затѣмъ, перебросившись на южный склонъ Кавказскаго хребта, захватилъ мтіулетцевъ. Бунтъ запылалъ всеобщій.

Поводомъ къ этому новому неожиданному возстанію послу-

---

1) Донесеніе кн. Циціанова 30-го декабря, № 205.

2) Изъ числа этихъ Эристовыхъ двое были предводителями дворянства: князь Торникѣ—Анапурскаго, а Шаншѣ—Горійскаго уѣздовъ. Елизбаръ былъ подполковникъ. Четвертый братъ Михаилъ остался въ Горійскомъ уѣздѣ.

3) Донесеніе кн. Циціанова 29-го мая, № 133.

жили, какъ говоритъ князь Чавчавадзе, ¹⁾ тѣ возмущающія нравственное чувство злоупотребленія земской полиціи, которыя успѣли уже пустить глубокіе корни въ Грузіи и не могли быть вырваны ни княземъ Циціановымъ, ни его ближайшими преемниками. Довольно указать на тотъ длинный списокъ обидъ, испытанныхъ жителями, который былъ представленъ княземъ Соломономъ Эриванскимъ въ мартѣ 1804 года, чтобы вообразить себѣ картину народнаго ропота.... «Если же думаете, что донесеніе несправедливо,—писалъ князь Эриванскій,—то пришлите одного надежнаго человѣка, который бы, узнавъ истину, донесъ вамъ» ²⁾. Занятый въ то время дѣлами въ Имеретіи, князь Циціановъ возложилъ разборъ этой жалобы на правителя Грузіи генераль-лейтенанта князя Волконскаго, который однако не оказалъ на высотѣ своей задачи; «по крайней мѣрѣ,—какъ писалъ Циціановъ,—онъ употребилъ не тѣ мѣры и не тѣхъ людей, какихъ бы слѣдовало». Что было имъ сдѣлано по жалобѣ Эриванскаго—изъ дѣлъ не видно; но по всей вѣроятности она осталась безъ послѣдствій, ибо жители, потерявшіе терпѣніе, прибѣгли наконецъ къ самосуду. «Мтіулетцы,—пишетъ князь Чавчавадзе,—заброшенные въ ущелье Арагвы и тогда еще совершенно дикіе, во время производства работъ по военно-грузинской дорогѣ убили лопатами своего капитанъ-исправника, котораго безчеловѣчіе довело ихъ до подобнаго преступленія. Ближайшій оттуда военный начальникъ вмѣсто того, чтобы принять надлежащія мѣры къ поимкѣ главныхъ преступниковъ, отрядилъ для наказанія ихъ роту пѣхоты, и это неловкое распоряженіе подало поводъ къ первому выстрѣлу со стороны жителей противъ русскихъ. А какъ эти безпорядки произошли во время похода князя Циціанова противъ Эривани, то и возмущеніе мтіулетцевъ приписали вліянію персіянъ и царевичей Юлона и Парнаоза, хотя впоследствии обнаружилось, что единственною причиною сего мятежа было убійство капитанъ-исправника» ³⁾. Преступленіе, такимъ

¹⁾ Импер. пуб. бібліотека. Отд. рукописей. „Краткій историческій очеркъ Грузіи и ея положенія съ 1801 по 1831 годъ“.

²⁾ Акты кав. арх. ком., II, № № 599 и 661.

³⁾ „Краткій историческій очеркъ Грузіи“. Князя Чавчавадзе (рукопись).

образомъ, было сдѣлано,---и теперь напряженное состояніе народа ожидало только искры, чтобы разразиться взрывомъ. Вотъ этоюто искрой и послужило появленіе ничтожной шайки Дударукова.

Какъ только слухъ объ осетинскомъ мятежѣ достигъ арагвскаго ущелья, мтіулетцы, двигавшіеся уже на соединеніе съ Эристовымъ въ сел. Коби, остановились не доходя Койшаура и послали сказать, что дальше не тронутся. Жители другихъ ущелій и совсѣмъ отказались отъ повиновенія. Никакія увѣщанія Эристовыхъ не дѣйствовали. «Мы, — говорили мтіулетцы, — просили Бога объ укрѣпленіи въ Грузіи непобѣдимаго воинства всемилостиваго государя, теперь просимъ о томъ, чтобы мы были поглощены какою-либо внезапною напастью.... Мы всѣ до единаго остановились на томъ, что если никакая другая напасть не постигнетъ насъ, дабы избавиться отъ нестерпимой горести, то зажечь своими руками наши дома, вогнать туда женъ и дѣтей и самимъ броситься, и тамъ сгорѣть. Мы предпочитаемъ умереть такъ, чѣмъ мучиться, ждать смерти отъ плетей и видѣть позоръ нашихъ женъ». Въ одной Мтіулетіи умерло 23 человѣка отъ побоевъ, помимо другихъ причинъ¹⁾. Они не скрывали, что ожидаютъ помощи отъ пшавовъ, тушинъ и хевсуровъ, и что послали уже гонцовъ въ Имеретію просить царевичей Юлона и Парнаоза принять надъ ними начальство.

«Если хотите, — говорили они князю Елизбару, — то мы изъ уваженія къ вашей фамиліи не будемъ драться съ вами, но мы все-таки должны разойтись по домамъ, иначе возставшіе уничтожатъ наши дома и семьи». Впрочемъ и эти слова были только дипломатическою вѣжливостію, потому что на слѣдующій же день, 3-го іюня, какъ только передовыя хевсурскія полчища спустились съ горъ, они вмѣстѣ съ ними бросились на Койшаурскій постъ и вырѣзали 17 казаковъ²⁾. Князь Эристовъ находился въ то время съ отрядомъ уже въ Степанъ-цминда. Еще не зная о гибели Койшаурскаго поста, онъ доносилъ 4-го іюня: «Теперь арагвскіе люди

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком. II, 616.

²⁾ Изъ постовыхъ казаковъ спаслись только двое, прибѣжавшіе въ Анануръ буквально голые. Ак. кав. арх. ком. II, № 510 и рап. майора Мелло 8-го іюня 1804 г., № 42.

для меня не годятся, и также трусовскіе люди сомнительны, а со мною только рота одна, да Шаншэ Эристовъ съ 570-ю человѣками» ¹⁾.... Далѣе, онъ просилъ выслать въ Балту изъ Владикавказа еще одну роту съ легкимъ трехъ-фунтовымъ орудіемъ, такъ какъ пушка, находившаяся при немъ, была 12-ти-фунтовая, вѣсила 30 пудовъ, и ее нельзя было взять съ собой въ Тагауръ. «Въ Дарьялѣ,—прибавлялъ онъ,—всѣ мосты снесены и сломаны, и переправъ нѣтъ». Вообще, по мнѣнію его, сперва надо было усмирить арагвской народъ и жителей Трусовскаго ущелья, а затѣмъ уже дѣйствовать противъ тагаурцевъ ²⁾. Пока на этотъ рапортъ ожидали отвѣта изъ Тифлиса, въ Степанъ-цминда пришло извѣстіе, что мятежники взяли Койшауръ, разграбили Коби и, захвативъ перевалъ черезъ главный хребетъ, поставили на немъ редутъ и завалы. Русскій отрядъ былъ отрѣзанъ отъ Грузіи. Эристовъ еще разъ попытался образумить мятежниковъ. «Твои слова будутъ напрасны,—прислали сказать ему мтіулетцы.—Если ты хочешь возвратиться назадъ одинъ или съ братьями, то мы тебя пропустимъ, а если съ русскими, то безпощадно убьемъ» ³⁾. Получивъ такой отвѣтъ, Эристовъ нашелъ необходимымъ прежде всего возстановить сообщеніе съ Тифлисомъ и 9-го іюня, спустившись черезъ Крестовый перевалъ на Адскую поляну (Чортова долина), разогналъ скопища гудскихъ осетинъ, взялъ пресловутый редутъ и, разсѣявъ затѣмъ мтіулетцевъ, по слѣдамъ бѣгущихъ занялъ Койшауръ уже безъ боя. Казалось, что еще одинъ, два энергичныхъ удара и мятежъ потухнетъ. Но въ это время Эристовъ получилъ приказаніе отъ князя Волконскаго бросить Степанъ-цминда и, кратчайшимъ путемъ обойдя Анануръ, обложенный уже мятежниками, стать у горы Ломисы на большой дорогѣ изъ Душета въ Гори, чтобы переградить мятежникамъ путь въ Карталинію.

Столица Грузіи сама была въ то время взволнована тревожными слухами. Съ одной стороны говорили, что толпы мятежни-

---

¹⁾ Акты II, 603.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Акты II, № 602.

ковъ, въ числѣ четырехъ тысячъ, осадили Анануръ, занятый только одною ротой, и что всѣ дороги къ нему завалены срубленнымъ лѣсомъ и укрѣплены завалами; съ другой—что въ Карталинѣ появилась значительная шайка лезгинъ, которая не только напала на дер. Хидистави, лежавшую противъ Гори, но атаковала даже роту 9-го егерскаго полка и была отражена лишь сильнымъ картечнымъ огнемъ. Опасаясь теперь, чтобы мятежники не соединились съ лезгинами, Волконскій поспѣшилъ отозвать Эрстова съ его поста у Степанъ-цминда, а въ Анануръ отправилъ еще одну роту, приказавъ коменданту его маіору Покатаеву немедленно очистить дорогу и разогнать бунтовщиковъ. Рота прибыла 5-го іюня, но такъ какъ въ ней было только 50 человекъ, то комендантъ не рѣшился выступить на встрѣчу мятежникамъ, а предпочелъ ожидать нападенія тѣмъ болѣе, что опасался измѣны въ городѣ, жители котораго въ ожиданіи приступа уже стали выбираться изъ своихъ домовъ ¹⁾). Встревоженный этимъ донесеніемъ, Волконскій самъ поспѣшилъ въ Анануръ, приказавъ слѣдовать за собою баталіону Севастопольскаго полка съ генераль-маіоромъ Талызинымъ. Въ то же время онъ задержалъ въ Тифлисѣ грузинскую конницу, шедшую подъ Эривань, и также направилъ ее къ Анануру. Циціановъ былъ крайне недоволенъ распоряженіями своего помощника.

«Удостоверительно могу донести Вашему Величеству,—писалъ онъ государю,—что все сіе я признаю увеличеннымъ, одними по легковѣрью, другими—потому что изъ гражданскихъ служителей; а генераль-лейтенантъ Волконскій, отъ непривычки къ здѣшнему народу и образу ихъ усмиренія, самъ отправился противъ нихъ съ цѣлымъ баталіономъ и съ генераль-маіоромъ Талызинымъ, да сверхъ того задержалъ наряженныхъ мною въ эриванскую экспедицію грузинскихъ князей и дворянъ» ²⁾).

Послѣднее обстоятельство особенно волновало князя Циціанова. «Ко мнѣ прибыли,—писалъ онъ государю изъ подъ Эри-

---

¹⁾ Рапортъ маіора Покатаева 5-го іюня 1804 г., № 510.

²⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 624.

вани,—только тѣ грузинскіе князья, кои были уже на пути и приглашенію его, Волконскаго, не вняли; такихъ я имѣю здѣсь только 200 человекъ и предаю на справедливое Вашего Величества благоусмотрѣніе, соразмѣрно ли число оныхъ съ 9-ю баталіонами пѣхоты и можетъ ли побѣда, буде бы и была, быть рѣшительною. Въ Ананурѣ же двѣ роты съ пушкою и князья Эристовы-ксанскіе, имѣющіе до 1500 человекъ, могли бы усмирить толпу мужиковъ, не столько царевичами возженную, какъ поведеніемъ капитанъ-исправника изъ приказныхъ служителей, мною опредѣленнаго по приѣздѣ моемъ сюда, за недостаткомъ другихъ» ¹⁾).

Отъ экспедиціи князя Волконскаго Циціановъ не ожидалъ ничего. Волконскій, дѣйствительно, пробылъ въ Ананурѣ только четыре дня. Видя, что попытка его усмирить мятежъ обѣщаніемъ различныхъ льготъ не имѣетъ успѣха, онъ приказалъ Талызину дѣйствовать оружіемъ, и войска быстро разсѣяли мятежниковъ. Къ сожалѣнію, Волконскій этимъ и удовольствовался. Онъ донесъ Циціанову, что мтіулетцы прогнаны, засѣлки ихъ разбросаны, и что онъ съ баталіономъ Талызина возвращается въ Тифлисъ, оставивъ только постъ у Ломисы, дабы оградить отъ нападенія ксанскія владѣнія. Князь Циціановъ отнесся ко всѣмъ этимъ дѣйствіямъ съ нескрываемымъ сарказмомъ.

«Имѣю счастье,—писалъ онъ государю ²⁾),—поднести на высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Величества какъ рапортъ генераль-лейтенанта князя Волконскаго, такъ и обширную реляцію со множествомъ рекомендованныхъ лицъ генераль-маіоромъ Талызинымъ. Вмѣстѣ съ оными представляю и послѣдующій рапортъ князя Волконскаго, изъ коего усмотрѣть соизволите, что, несмотря на побѣды и множество отличившихся, волнующіеся вѣтренники не усмирены, дорога на Койшаурской горѣ завалена, а обѣщанія князя Волконскаго, чтобы заплатитъ за расчищеніе дороги,—чего и при царяхъ не было,—и рекрутъ не брать, только вяще ободренными ихъ сдѣлало, и они доселѣ не покорились, а оба сіи генералы уже въ Тифлисъ съ ратнаго поля возвратились».

---

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же II, № 635.

Онъ не приминуть сдѣлать замѣчаніе и князю Волконскому, упрекая его въ томъ, что «онъ видитъ страхи въ будущемъ при соединеніи всѣхъ карталинскихъ жителей къ мтіулетцамъ». «Но кто же вамъ велѣлъ, — пишетъ ему Циціановъ, — ѣхать самому въ Анануръ за тѣмъ, чтобы, посмотрѣвъ на сраженіе, ту же минуту въ оный городъ возвратиться и терпѣть, чтобы генераль Талызинъ вслѣдъ за вами для компаніи пріѣхалъ въ Анануръ, остави и войско и сраженіе)?...»

Страхъ, на который намекалъ князь Циціановъ, дѣйствительно существовалъ у Волконскаго, получившаго въ Ананурѣ извѣстіе, что царевичи выѣхали изъ Имеретіи. Возможность возбужденія ими народнаго возстанія въ самой столицѣ представлялась въ его воображеніи такъ ясно, что онъ поспѣшилъ возвратиться въ Тифлисъ, чтобы принять всѣ мѣры противъ опасности, которая ему не угрожала. Главная ошибка его, какъ правителя, заключалась въ полномъ недоуверіи къ туземнымъ княжескимъ родамъ, особенно населявшимъ долину Ліахвы, гдѣ, какъ онъ полагалъ, царевичи имѣли много сторонниковъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности ничего подобнаго не было, хотя нѣкоторые знатные князья и получили отъ царевичей письма, приглашавшія ихъ «вспомнить старое время и постоять за Багратидовъ»... «И нынѣ, — говорилось въ одномъ изъ этихъ писемъ, — не пожалѣйте за насъ своей головы. Ваши отцы и дѣды за нашъ домъ много разъ жертвовали головою и проливали кровь, а теперь дошла очередь и до васъ: настала пора показать любовь къ Богу и подданническую намъ вѣрность» ¹⁾... Но никто изъ карталинскихъ князей не откликнулся на эти призывы. Всѣ письма представлены были Волконскому, а горійскіе князья, Георгій Амилахвари и Елизбаръ Эристовъ, вызвались даже захватить царевичей, въ случаѣ появленія ихъ на Ліахвѣ, не предвидя отъ возвращенія ихъ ничего, кромѣ новыхъ смутъ для Грузіи ²⁾. Намѣреваясь переправиться черезъ Куру въ Горійскомъ уѣздѣ, царевичи 23-го іюня остановились но-

---

¹⁾ Ак. кав. арх. к., II, № 626.

²⁾ Тамъ же.

чевать въ селеніи Шагорбели, верстахъ въ сорока отъ имеретинской границы. Казаки, державшіе разѣзды въ той сторонѣ, схватили грузинскій пикетъ и, узнавъ о ночлегѣ царевичей, дали знать штабсъ-капитану Новицкому, стоявшему съ ротой егерей въ Цхинвали. Новицкій въ одну ночь сдѣлалъ сорока-верстный переходъ и передъ самой зарей съ двухъ сторонъ напалъ на Шагорбели. Въ рукопашной схваткѣ, происходившей среди ночной темноты, Новицкій лично взялъ въ плѣнъ царевича Юлона, едва не погибшаго подъ штыками солдатъ, но Парнаозъ успѣлъ бѣжать и скрыться въ лѣсу.

«По доставленіи царевича Юлона въ Тифлисъ, — доносилъ государю князь Циціановъ, — не знаю уже по чьему повелѣнію, определено было отпускать на его содержаніе только по 25-ти коп. въ сутки. Казначей мой, оставленный въ Тифлисъ, видя оное, трактовалъ его моимъ столомъ, и слѣдовательно безразсудная порція не могла отнестись на счетъ начальства. Я же, считая, что несообразно ни съ достоинствомъ Россійской имперіи, ни съ знатностью рода его производить простыхъ арестантовъ порцію, приказалъ производить ему въ сутки по 10-ти рублей, хотя онъ таковой суммы не заслуживаетъ, яко возмутитель общаго спокойствія» ¹⁾. Въ то же время онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы царевича, впредь до рѣшенія его судьбы, содержать, хотя подъ строгимъ надзоромъ, но не иначе, какъ во дворцѣ главнокомандующаго. Таковъ былъ взглядъ и политическій тактъ князя Циціанова.

Между тѣмъ другой царевичъ, Парнаозъ, успѣвшій бѣжать изъ Шагорбели, пробрался въ Осетию, гдѣ съ его появленіемъ возстаніе разгорѣлось съ новою силой. Рота, посланная изъ Ананура усилить Ломисскій постъ, не могла пробиться и вернулась назадъ. Тогда мятежники, не встрѣчая нигдѣ нашихъ войскъ, двинулись въ огромныхъ силахъ на сѣверный склонъ, намѣреваясь соединиться тамъ съ тагаурцами, чтобы захватить въ свои руки всю военно-грузинскую дорогу. Попытка князя Волконскаго, деньгами отвлечь хевсуръ отъ этого скопища, не имѣла успѣха. «Или деньги до

---

¹⁾ Донесеніе Циціанова отъ 16-го іюля 1804 г., № 40.

нихъ не дошли,—иронически замѣчаетъ по этому поводу князь Циціановъ,—или же посланный подарокъ они признали за беспиліе правительства усмирить ихъ военною рукою» ¹⁾. «Я принужденъ былъ употребить сіе средство,—оправдывался впослѣдствіи Волконскій,—ибо по теперешнимъ обстоятельствамъ повсюду нужны войска, въ коихъ ощутительный имѣю недостатокъ» ²⁾. Войскъ дѣйствительно было немного, но главная причина «неустройство», по мнѣнію Циціанова, заключалась въ томъ, что войска прикованы были къ Тифлису и къ горѣ Ломисѣ, «не дѣлая отъ нихъ ни шагу, тогда какъ должны были идти искать бунтовщиковъ тамъ, гдѣ они были, и непрерывнымъ пораженіемъ поселить въ нихъ страхъ, покорность и повиновеніе» ³⁾.

Тагаурцы въ это время заняты были осадю Ларса, запиравшаго входъ въ дарьяльскую тѣснину со стороны Владикавказа. Тамъ стояла рота Казанскаго полка. Комендантъ этой небольшой крѣпосцы, маіоръ Щиголевъ, окруженный со всѣхъ сторонъ мятежниками, мужественно держался болѣе мѣсяца; но у него не было провіанта. Солдаты съ самаго начала блокады вынуждены были питаться однимъ щавелемъ; а хлѣбъ добывали у осетинъ, вымѣнивая его на вещи, одежду и даже на амуницію. Когда же все, что можно было отдать, было отдано, когда въ окрестностяхъ не стало даже съѣдомыхъ травъ, и люди стали пухнуть и умирать отъ голода, Щиголевъ рѣшился бросить постъ и отступилъ во Владикавказъ, чтобы спасти остальныхъ людей отъ голодной смерти. Паденіе Ларса, совпавшее какъ разъ съ появленіемъ въ краѣ царевича Парнаоза, передало въ руки мятежниковъ весьма важное въ военномъ отношеніи Дарьяльское ущелье и безмѣрно затруднило усмиреніе мятежа.

Теперь тагаурцы свободно прошли черезъ Дарьяль къ сел. Степанъ-цминда и обложили замокъ, гдѣ заперлась русская рабочая команда изъ 34-хъ человѣкъ, подъ командой полковника Дре-

---

¹⁾ Донесеніе кн. Циціанова 19-го сентября 1804 г., № 167.

²⁾ Рапортъ кн. Волконскаго 12-го юля, № 95.

³⁾ Донссеніе Циціанова 30-го декабря 1804 г., № 205.

някина. Сюда же съ другой стороны подошли мтіулетцы, хевсуры и осетины. Владѣтель этого замка маіоръ Казбекъ, пользовавшійся въ горахъ большою популярностію, вошелъ въ переговоры съ мятежниками, но тѣ потребовали, чтобы онъ принялъ надъ ними начальство и выдалъ русскихъ, которыхъ иначе возьмутъ силой.—«Я клялся въ вѣрности русскому государю, —отвѣчалъ Казбекъ,—и быть предводителемъ вашимъ не могу; русскихъ не выдамъ, и лучше соглашусь умереть, чѣмъ исполнить ваше требованіе» ¹⁾). Началась осада. Два дня шла перестрѣлка, а на третій, истощивъ всѣ средства обороны, безъ хлѣба и патроновъ, команда должна была положить оружіе. Казбекъ и здѣсь остался вѣренъ своему благородному характеру. «Онъ отдалъ,—доносилъ Циціановъ,—родного племянника и трехъ-лѣтняго сына своего въ аманаты только для того, чтобы русскіе, взятые въ плѣнъ, не были убиты, прибавя къ тому еще и тысячу рублей, кои, быть можетъ, весь капиталъ его составляли» ²⁾).

Критическое положеніе, въ которомъ очутился край, вывело наконецъ изъ бездѣйствія правителя Грузіи. Не рискуя самъ перейти въ наступленіе, онъ рѣшилъ усилить по крайней мѣрѣ Ломисскій постъ, чтобы не пропустить мятежниковъ въ долину Ксанки, и съ этою цѣлью выслалъ еще двѣ роты, подъ начальствомъ генерала Талызина. Талызинъ и на этотъ разъ однако повторилъ ту же ошибку, которую сдѣлалъ подъ Анануромъ. Разгромивъ мятежниковъ 28-го іюля, онъ, вмѣсто того, чтобы неотступнымъ преслѣдованіемъ довершить пораженіе и расфѣяніе шаякѣ,—остановился и послалъ склонить ихъ къ покорности архимандрита Пафнугія. Мятежники, успѣвшіе уже оправиться отъ перваго страха, заковали Пафнугія въ желѣзо, а Талызину послали сказать, чтобы онъ отступилъ къ Анануру и оттуда велъ бы переговоры. Талызинъ снова перешелъ въ наступленіе, снова разбилъ мятежниковъ на голову, сжегъ Млеты, предалъ разграбленію сосѣднія селенія,—но этимъ опять все и кончилось. Слухъ о гибели

---

¹⁾ Акты Кав. ар. к. II, 640.

²⁾ Донесеніе Циціанова 19-го сентября, 1804 г. № 167.

грузинской дружины, возвращавшейся изъ-подъ Эривани, появленіе царевича Александра въ Памбакахъ и бунтъ борчалинскихъ татаръ—до того смутили Волконскаго, что онъ, опасаясь за самый Тифлисъ, поспѣшно отозвалъ Талызина назадъ. Вслѣдъ за Талызинымъ самовольно бросилъ Ломисскій постъ и маіоръ Мелло, считая, что онъ одинъ не въ силахъ уже противостоятъ мятежникамъ. Подъ командою Мелло находился цѣлый баталіонъ въ составѣ 7-ми офицеровъ и 328-ми нижнихъ чиновъ при трехъ полковыхъ орудіяхъ. Казалось бы, что силы по тогдашнему времени были значительны, и тѣмъ не менѣе Мелло отступилъ съ такою поспѣшностью, что бросилъ весь обозъ и три орудія въ добычу непріятеля. Онъ даже обошелъ стороною Анануръ, находившійся въ тѣсной блокадѣ, стараясь пробиться кратчайшею дорогою прямо къ Тифлису. «Не имѣя провіанта и мало патроновъ, я нигдѣ не могъ болѣе остановиться, какъ только во Мцхетѣ,—доносилъ самъ Мелло ¹⁾».—Мтіулетцы преслѣдовали насъ до самого монастыря, но мы прошли отъ нихъ другою дорогою». Съ нашей стороны убито и безъ вѣсти пропало: одинъ офицеръ и 38 нижнихъ чиновъ ²⁾.

«Изъ рапорта маіора Мелло, представляемаго въ подлинникѣ,—доносилъ Циціановъ государю ³⁾»,—Ваше Величество изволите усмотрѣть его трусость и постыдный для войска поступокъ, заслуживающій не только примѣрнаго наказанія, но и обвѣщенія повсемѣстнаго въ осторожность и страхъ другихъ. Сжечь весь обозъ и бросить три орудія для того, что будто бы былъ окруженъ непріателемъ, и потомъ, пробиваясь сквозь всѣ эти опасности, потерять такое малое число изъ столь сильнаго отряда, служить яснымъ доказательствомъ того, что опасность была мнимая».

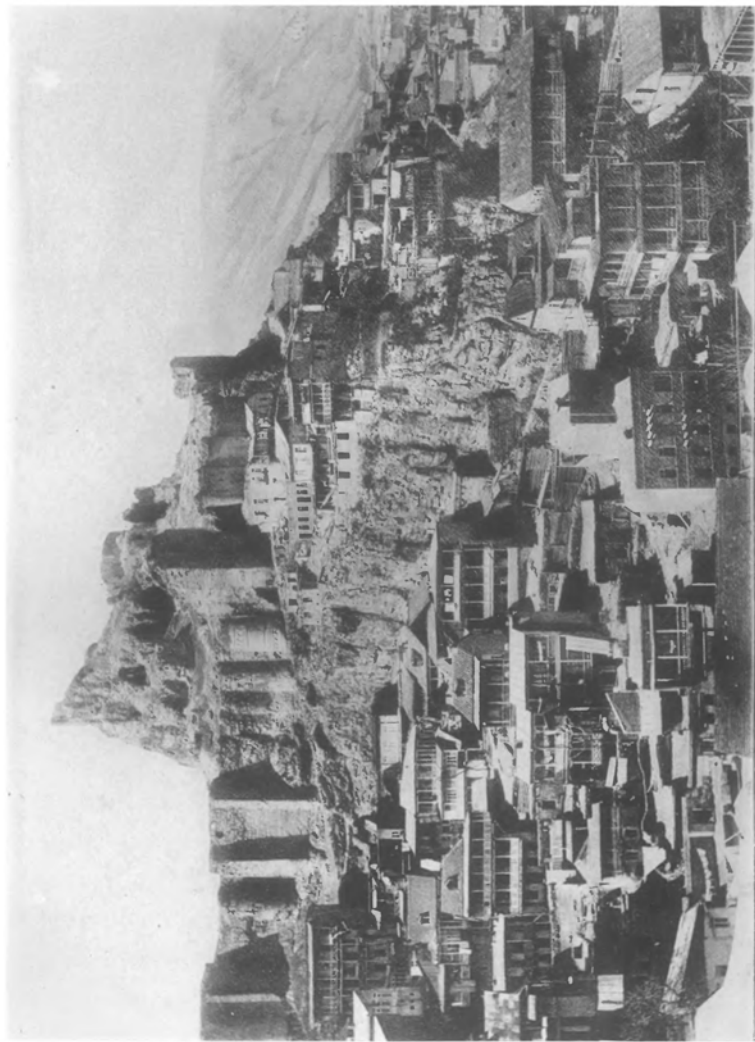
Отступленіе это дѣйствительно было и постыдно и въ высшей степени вредно. Оставленіе Ломисскаго поста открыло осетинамъ Ксанскую долину и путь въ Карталинію. Селенія князей Эристовыхъ были разорены за преданность къ Россіи; мятежники

---

¹⁾ Акты кав. арх. к., II, № 648.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Донесеніе Циціанова 19-го февраля 1804 г., № 167.

Ташкент. Старый город и укрепления.

доходили до Гори; блокада Ананура была стѣснена до послѣдней крайности; Душетъ былъ взятъ; во Мцхетѣ стояли мтіулетцы, и передовыя партіи ихъ показывались на дорогѣ къ Тифлису.

Правитель Грузіи, князь Волконскій, очевидно не былъ человекомъ, который могъ бы найтись въ трудныхъ обстоятельствахъ. «Имѣя въ головѣ распоряженія, удаленныя отъ генеральскихъ» ¹⁾, онъ принималъ за чистую монету всѣ слухи, распространяемые праздными базарными вѣстовщиками, или лицами, находившими свой особый интересъ въ возбужденіи общей тревоги. Въмѣсто рѣшительныхъ мѣръ къ возстановленію спокойствія, онъ занялся укрѣпленіемъ Тифлиса на случай осады его горцами и строилъ батареи, распредѣляя войска для отраженія штурма. Къ этому надо добавить, что недостатокъ кавалеріи исключалъ у насъ всякую возможность производить развѣдки къ сторонѣ непріятеля, и свѣдѣнія о немъ добывались только черезъ лазутчиковъ или путемъ подкупа самихъ же нашихъ противниковъ. Два эскадрона нарвскихъ драгунъ, стоявшіе на сообщеніи Кахетіи съ Тифлисомъ, были бесполезны, ибо служили пѣшими и замѣнить кавалеріи не могли. Съ уходомъ князя Циціанова Волконскій распорядился отобрать отъ нихъ всѣхъ лошадей для перевозки провіанта изъ окрестныхъ селеній въ Тифлисъ,—и ни одна изъ этихъ лошадей въ послѣдствіи не вернулась въ полкъ: всѣ онѣ пали или отъ небрежнаго ухода, или же отъ тяжести перевозимыхъ вьюковъ, достигавшихъ иногда 12-ти пудовъ; жертва, къ сожалѣнію, оказалась напрасною тѣмъ болѣе, что отправлять провіантъ изъ Тифлиса далѣе къ Эривани все-таки было не на чемъ. «Не вижу, какая нужда была оное дѣлать;—жаловался государю князь Циціановъ ²⁾,—развѣ только что объятый страхомъ князь Волконскій уже потерялъ и мысль въ начальствѣ надъ поселянами, ибо, въ замѣну драгунскихъ, въ самомъ городѣ и въ ближайшей окрестности могъ бы легко набрать оное число... Между тѣмъ таки-

---

¹⁾ Такъ отозвался о немъ князь Циціановъ въ своемъ всеподаннѣйшемъ рапортѣ отъ 30-го декабря 1804 г., № 20.

²⁾ Акты Кав. ар. к. Ц, 1248 и Донсеніе Циціанова 3-го декабря, 1804 г., № 200.

ми распоряженіями сей самонужнѣйшей полкъ въ здѣшнемъ краѣ приведенъ въ такое состояніе, что и въ два года не поправится».

Таковы были плоды кратковременнаго командованія Волконскаго въ Грузіи.

Въ столь трудномъ положеніи правитель Грузіи рѣшился вызвать изъ Владикавказа донской казачій Рышкина полкъ и съ нимъ партію рекрутъ, задержанныхъ тамъ по случаю уничтоженія переправъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ. Полку приказано было слѣдовать къ Тифлису форсированнымъ маршемъ, не обычнымъ путемъ черезъ Коби и Анануръ, гдѣ его могли задержать бунтовщики, а «по безопасной куртацкой дорогѣ». Но изъ всѣхъ распоряженій князя Волконскаго это было самое неудачное.

Куртатскимъ или Куртатинскимъ ущельемъ называется ущелье рѣки Фіагодона, извѣстной у русскаго населенія окрестностей Владикавказа подъ именемъ Каменки ¹⁾. Пройдя вверхъ по Фіагдону, казаки перешли въ сосѣднее ущелье и поднялись къ верховьямъ р. Ардона, вытекающаго изъ ледниковъ сѣвернаго склона главнаго Кавказскаго хребта. Нѣсколько горныхъ тропъ идутъ отсюда на южную сторону: черезъ Мамисонскій перевалъ къ истокамъ Ріона и далѣе въ Имеретію; черезъ перевалы Бахъ или Джомагъ и Рокскій къ верховьямъ большой Ліахвы и далѣе въ Карталинію. Полкъ направился къ одному изъ двухъ послѣднихъ переваловъ, вѣроятно къ Джомагскому, который считается болѣе доступнымъ, на что указываетъ и осетинское его названіе *Бахъ-фондакъ*, т. е. дорога для лошадей. Не надо, конечно, слово дорога понимать буквально: для осетина дорога тамъ, гдѣ можно перегнать украденнаго коня. Перебравшись на южную сторону хребта, полкъ прибылъ въ осетинское селеніе Роки, расположенное у самой подошвы перевала. До сихъ поръ все шло благополучно. Кромѣ трудностей горнаго пути, казаки нигдѣ не встрѣчали другихъ препятствій. Правда, Волконскій не жалѣлъ денегъ на пріобрѣтеніе благосклонности осетинскихъ старшинъ «и на политиче-

---

¹⁾ Фіагодонъ течетъ къ западу отъ Терека, параллельно ему, и впадаетъ въ его лѣвый притокъ,—значительную р. Ардонъ.

скіе обороты», какъ доносилъ князь Циціановъ¹⁾, было израсходовано до 500 червонцевъ.

Дальнѣйшій путь отъ сел. Роки къ Цхинвалу не представлялъ уже особыхъ затрудненій, за исключеніемъ первыхъ 5—7-ми верстъ, гдѣ Лиахва мчится въ лѣсистой тѣснинѣ. Отрядъ шель безъ всякихъ военныхъ предосторожностей. Люди безопасно брели въ разсыпную, ведя лошадей въ поводу. Человѣкъ 40 отдѣлились и шли впереди. Вдругъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, бросились на нихъ осетины. Передовые были отрѣзаны и взяты въ плѣнъ. Застигнутые врасплохъ, казаки бились въ одиночку среди густого лѣса и понесли полное пораженіе. Изъ полка въ 7 офицеровъ и 442 человѣка было убито и пропало безъ вѣсти 3 офицера и 158 казаковъ; изъ остальныхъ—1 офицеръ и 100 человѣкъ спаслись безъ лошадей, но съ оружіемъ, а 3 офицера и 184 казака и безъ лошадей и безъ оружія. Изъ числа 69-ти человѣкъ рекрутской партіи спаслось только 38, а завѣдывавшій ими офицеръ и 58 человѣкъ погибли. Пропали также всѣ до одной казачьи лошади и весь вьючный обозъ полка²⁾.

Происшествіе это еще болѣе подняло духъ непріятеля; но къ счастью князь Циціановъ уже возвращался изъ эриванскаго похода. Еще съ дороги онъ писалъ государю³⁾: «Слышу, что распредѣленіе обороны Тифлиса назначено, и дистанціи русскимъ войскамъ и тифлисскимъ жителямъ расписаны; всѣ бумаги, казна и вещи изъ моего дома вывезены въ крѣпость къ совершенному унынію и отчаянію народа.... Съ прибытіемъ моимъ надѣюсь, что съ Божіею помощью все будетъ приведено въ прежній порядокъ и тишину, лишь бы мои помощники своими самовольными распоряженіями не разстроивали то, что мнѣ Богъ помогаетъ устроить, и слѣдовали бы плану моему, основанному на нѣкоторыхъ познаніяхъ о націи, пріобрѣтенныхъ въ младенчествѣ моемъ въ домѣ отца моего»....

---

1) Всеподд. донесеніе отъ 14-го октября 1804 г., № 184.

2) Донесеніе Циціанова 30-го декабря 1804 г., № 106.

3) Донесеніе Циціанова 19-го сентября, № 167.

Ознакомившись въ Тифлисѣ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, онъ убѣдился, что опасность, грозившая городу, вовсе не такъ велика, и что «страхи, видимые Волконскимъ, только въ его глазахъ и его понятіяхъ таковыми были».... «Князь Волконскій,—писалъ онъ государю ¹⁾),—на дѣлѣ показалъ, что ему всякаго войска мало, имѣя распоряженія въ головѣ, удаленныя отъ генеральскихъ. Что въ Сомхетіи и Шамшадилѣ бунтовали татары, тому никто иной причинойъ, какъ онъ самъ, сѣвши въ Тифлисѣ и пребывая въ недвижимомъ состояніи. А если бы онъ взялъ, хотя одинъ баталіонъ съ Алазани, какъ я ему предписывалъ еще 3-го августа, и ударилъ бы въ толпы бунтующихъ татаръ, то тогда ни партія царевичей не смѣла бы собираться, ни персіяне показываться, и даже столько ожидаемый генераломъ Волконскимъ штурмъ не могъ бы имѣть мѣста, ибо кто бы могъ отважиться атаковать городъ Тифлисъ, зная, что со всѣхъ сторонъ войска приспѣтъ могутъ на помощь.... Между тѣмъ, готовясь къ выдержанію мнимаго штурма, устраивая батареи и распредѣляя войска обще съ армянами, онъ привелъ въ уныніе и робость всѣхъ къ намъ приверженныхъ и умножилъ число неблагонамѣренныхъ, которые, видя начальника въ такихъ осторожностяхъ, похожихъ на излишнія, стали гордиться своею надъ нимъ поверхностью»....

Чтобы поправить дѣло, теперь оставалось одно—идти самому, и князь Циціановъ, во главѣ отряда, силою въ 350 штыковъ, двинулся къ Анапу, чтобы освободить его изъ блокады.... «Но пока я шелъ,—пишетъ онъ государю ²⁾),—храбрый генераль-маіоръ Невсѣтаевъ все кончилъ безъ помощи моей, и отъ Владикавказа до сего города по числу сраженій и число побѣдъ опредѣляемо было. Страхъ и ужасъ поселены въ обывателяхъ, мосты построены и дороги исправлены по-прежнему».... Обращая вниманіе государя на столь быстрое усмиреніе, такъ непохожее на все, что дѣлалось здѣсь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, Циціановъ добавлялъ, «что онъ лично ни мало не участвовалъ въ этихъ успѣхахъ, и что

---

¹⁾ Донесеніе кн. Циціанова 29-го октября 1804 г., № 54.

²⁾ Тамъ же и донесеніе Циціанова 30-го декабря № 205.

всѣмъ обязанъ только посѣдѣвшему подъ ружьемъ генералу Несвѣтаеву».

Такимъ образомъ, на сценѣ кавказской войны является новое лицо, которому суждено было оставить крупный слѣдъ въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ за Кавказомъ.

Генераль Несвѣтаевъ былъ шефомъ Саратовскаго пѣхотнаго полка, прибывшаго, какъ было сказано, въ Тифлисъ передъ самымъ эриванскимъ походомъ. Циціановъ доносилъ тогда государю, «что полкъ такъ выправленъ и поставленъ въ такую фигуру, такъ одѣтъ и такой корпусъ офицеровъ имѣетъ, что я мало подобныхъ ему полковъ видывалъ; увѣренъ, что и въ сраженіи не опоздаетъ отличиться. Обозъ и лошади въ удивительно хорошемъ состояніи, несмотря на столь трудный походъ; а потому шефъ онаго полка генераль-маіоръ Несвѣтаевъ, приведшій полкъ съ Бѣлаго моря до Каспійскаго, и сохранившій его въ толико совершенномъ состояніи, достоинъ всемилостивѣйшаго Вашего благоволенія» ¹⁾.

Самого Несвѣтаева въ то время при полку однако не было. Онъ былъ задержанъ служебными дѣлами на линіи, а потомъ не могъ уже проѣхать, такъ какъ сообщеніе Владикавказа съ Грузіей было прервано. Слѣдя изъ Владикавказа за неудачнымъ ходомъ нашихъ военныхъ дѣйствій, Несвѣтаевъ понялъ, что вся сила осетинъ заключается только въ вызванной ими паникѣ, да въ отсутствіи въ дѣйствіяхъ нашихъ единства и распорядительности. Онъ написалъ объ этомъ командующему войсками на кавказской линіи генералу Глазенапу, который отправилъ къ нему двѣ роты Казанскаго полка и приказалъ, присоединивъ къ нимъ во Владикавказѣ еще баталіонъ казанцевъ и два казачьихъ полка Рышкина и Быхалова, идти на мятежниковъ. Одного изъ этихъ полковъ въ то время уже не существовало, но Несвѣтаевъ отозвался, «что наряженный отрядъ и безъ полка Рышкина, почитаетъ достаточнымъ для открытія коммуникаціи съ Грузіей» ²⁾.

---

¹⁾ Тоже отъ 30-го мая 1804 г., № 54.

²⁾ Донесеніе Циціанова отъ 14-го октября, № 184.

Съ шестью казанскими ротами и казаками Быхалова, Несвѣтаевъ 17-го сентября быстро двинулся въ горы и, прежде чѣмъ непріятель опомнился, овладѣлъ Балтою, Ларсомъ, прорвался черезъ Дарьяльское ущелье и захватилъ сел. Степанъ-цминда. Царевичъ Парнаозъ, подоспѣвшій сюда изъ Ананура съ значительными силами, былъ отброшенъ и заперся въ башняхъ Сіона. Сіонъ въ тотъ же день взятъ былъ штурмомъ, и пока Быхановъ со спѣшенными казаками и ротою казанцевъ преслѣдовалъ разбитаго царевича по ущелью Терека, Несвѣтаевъ захватилъ въ свои руки Крестовый перевалъ и, спустившись въ Грузію, быстро пошелъ къ Анануру, имѣя въ виду важное значеніе этого города какъ пункта, въ которомъ сходились дороги изъ Кахетіи и Карталиніи. Объятые страхомъ, мятежники бѣжали, и Анануръ былъ занятъ безъ бою. Въ то же время двѣ роты, стоявшія передъ Мцхетомъ, перешли въ наступленіе, взяли Душетъ и загнали почти трехъ-тысячное скопище горцевъ въ тѣснины Гударети.

Мятежъ былъ усмиренъ однимъ смѣлымъ ударомъ. Изъ Ананура Несвѣтаевъ отправилъ небольшіе отряды по всѣмъ направленіямъ и въ нѣсколько дней не только совершенно возстановилъ сообщеніе по всей военно-грузинской дорогѣ, но и заставилъ жителей строить мосты, очищать и исправлять испорченныя дороги ¹⁾. Покинутый всѣми, царевичъ Парнаозъ пытался бѣжать въ Эривань, но въ 40-а верстахъ отъ Тифлиса, на переправѣ черезъ Куру въ Демурчасалахъ, былъ настигнутъ летучимъ отрядомъ князя Томаса Орбеліани и захваченъ въ плѣнъ.

«Спѣшу донести Вашему Величеству, — писалъ Циціановъ ²⁾, — о томъ, что одна изъ гидръ, раздирающихъ Грузію междуособною войною, поймана и заключена въ благородную неволю». Оба царевича высланы были на жительство: Юлонъ въ Тулу, а Парнаозъ въ Воронежъ.

Осетинскій мятежъ былъ подавленъ. Но князь Циціановъ, не довольствуясь этимъ, въ концѣ 1804 года самъ предпринялъ экс-

---

¹⁾ По представленію князя Циціанова, Несвѣтаеву за эти дѣйствія пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, минуя четвертую.

²⁾ Донесеніе князя Циціанова 31-го октября 1804, № 56.

педицію въ осетинскія горы. Не имѣя особаго значенія въ общемъ ходѣ военныхъ дѣлъ на Кавказѣ, такъ какъ цѣлью движенія было только наказаніе нѣсколькихъ селеній за ослушаніе и своевольство, экспедиція эта заслуживаетъ вниманія, какъ первый опытъ зимняго похода кавказскихъ войскъ въ ущелья снѣгового хребта.

Выше уже было сказано о печальной участи, постигшей Донской казачій Рышкина полкъ и партію рекрутъ при переходѣ ихъ чрезъ главный хребетъ Кавказа. Вѣсть объ этомъ достигла до главнокомандующаго на пути въ Тифлисъ. Циціановъ, огорченный уже неудачей подѣ Эриванью, кипѣлъ отъ негодованія на Волконскаго. Потеря цѣлаго полка въ самое критическое время, потеря не въ сраженіи, а въ стычкѣ «съ мужиками», какъ онъ называлъ осетинъ, выводила его изъ себя. Въ всеподданнѣйшихъ своихъ донесеніяхъ онъ осыпалъ правителя Грузіи горькими укоризнами, обвинялъ его въ трусости и неспособности.

Устроивъ наскоро дѣла въ Тифлисѣ, Циціановъ выѣхалъ 16-го октября 1804 г. въ Анануръ для водворенія порядка на военно-грузинской дорогѣ. Здѣсь, послѣ появленія Несвѣтаева, возмущеніе разомъ прекратилось. Оставалось только наказать главныхъ виновниковъ и принять мѣры къ отвращенію безпорядковъ на будущее время. Затѣмъ настала для ліахвинскихъ осетинъ очередь расплаты за нападенія на донскихъ казаковъ. Циціановъ хотѣлъ сначала поручить поискъ въ Осетію генералу Несвѣтаеву, заслужившему его особое довѣріе своимъ молодецкимъ движеніемъ изъ Владикавказа къ Анануру. Но Несвѣтаевъ оказался необходимымъ для приведенія въ порядокъ Саратовскаго мушкетерскаго полка. Карягинъ и Портнягинъ были заняты въ другихъ частяхъ края, а остальнымъ начальникамъ Циціановъ не довѣрялъ послѣ поданнаго ими голоса противъ штурма Эривани. Вслѣдствіе этого рѣшился онъ лично отправиться для наказанія осетинъ «и выручки отъ нихъ всего полка Рышкина лошадей и части людей, буде остались». «Я предпринялъ начальствовать симъ малымъ отрядомъ, — доносилъ онъ ¹⁾ государю, — не смѣя и не имѣя ввѣ-

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ 13-го декабря 1804 г.

рять иному кому по новому роду войны и для нашихъ войскъ незнакомой, каковую въ сихъ, подобныхъ альпійскимъ, горахъ надлежало вести».

Отрядъ, собранный въ Цхинвалѣ, состоялъ изъ 170-ти человекъ Кавказскаго гренадерскаго полка, 306-ти егерей 9-го егерскаго полка, 200 казаковъ изъ остатковъ полка Рышкина и двухъ легкихъ орудій. Прибывъ въ Цхинвалъ въ первыхъ числахъ ноября 1804 г., Циціановъ занялся приготовленіями къ походу. Изъ частной переписки его видно, что онъ не скрывалъ отъ себя всѣхъ трудностей зимней экспедиціи въ горы, но тѣмъ не менѣе не считалъ возможнымъ отступить отъ рѣшительныхъ требованій, предъявленныхъ имъ ліахвинскимъ осетинамъ. Сверхъ возвращенія всѣхъ плѣнныхъ и лошадей, Циціановъ поставилъ условіемъ: всѣ башни сломать, изъ всякаго селенія дать аманата (заложника) изъ лучшихъ домовъ съ своимъ содержаніемъ, съ тѣмъ, что за всякую доказанную проказу они будутъ высылаться въ Россію въ солдаты или на заводы.

Слухъ о смерти Циціанова подъ Эриванью проникъ и въ глухія горныя ущелья. Осетины не вѣрили, что предъявленные имъ требованія исходятъ отъ грознаго главнокомандующаго и не спѣшили ихъ исполненіемъ. «За новость скажу,—писалъ Циціановъ¹⁾ графу М. С. Воронцову,—что я убить, что нашли солдата, похожаго на меня и наряженнаго въ мое платье, чтобы Грузію пугать. Такъ-то осетинцы думаютъ, и такъ ихъ легковѣріемъ играютъ здѣшніе бояре. Послалъ, чтобъ пришли посмотрѣть. Не знаю, какъ пойду, если не послушаютъ требованія *все возвратить*».

Отрядъ выступилъ изъ Цхинвала 13-го ноября 1804 г. вверхъ по ущелью Ліахвы и въ два перехода, не встрѣтивъ сопротивленія, достигъ сел. Джава. Здѣсь Циціановъ предъявилъ осетинамъ свои требованія. Переговоры длились цѣлыя сутки. Осетинскіе дипломаты умышленно затягивали ихъ, но Циціановъ прервалъ пустые разговоры и 16-го ноября, послѣ полудня, пошелъ къ сел. Крожа, расположенному при соединеніи Чвривскаго ущелья съ

---

¹⁾ Письмо изъ Цхинвала отъ 7-го ноября 1804 г. въ „Архивъ князя Воронцова“, т. 36

Ліахвинскимъ. Разстояніе отъ Джавы до Крожи, хотя не превышаетъ 6-ти или 7-ми верстъ, потребовало отъ войска величайшаго напряженія силъ. Колонна слѣдовала по узкой тропѣ, извивавшейся среди густого лѣса, съ горы въ балку и съ балки въ гору. Осетины, скрываясь за деревьями и скалами, почти безнаказанно стрѣляли по людямъ, занятымъ расчисткою пути для артиллеріи. Циціановъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что войска, имъ предводимыя, не затрудняются и въ непривычной для нихъ обстановкѣ. «Надобно было, — доносилъ онъ, — дорогу расчищать, два орудія и четыре ящика на себѣ тащить и драться при всемъ томъ по горамъ, занятымъ непріателемъ въ такихъ мѣстахъ, имъ извѣстныхъ, а намъ незнакомыхъ, гдѣ и трусь храбраго убивать могъ безопасно. Все сіе исполнено было съ невѣроятнымъ успѣхомъ, и родъ войны, для російскаго войска неизвѣстный, показалъ, что оно и къ ней способно, хотя съ потерей немалою, т. е. 5-ти убитыхъ и 12-ти раненыхъ» ¹⁾).

Послѣ заката солнца Циціановъ подошелъ къ сел. Крожа, расположенному на ровномъ мѣстѣ. Въ лѣсистой части ущелья Ліахвы осетинскія жилища строятся изъ дерева, а для защиты служили каменныя башни. Крожинцы встрѣтили отрядъ выстрѣлами, но «Богъ и ура въ полчаса времени доставили намъ селеніе, изъ коего жители, по маломъ сопротивленіи, бѣжали» ²⁾).

Въ Крожѣ отрядъ простоялъ три дня, занимаясь разрушеніемъ башенъ, составляющихъ, по объявленію Циціанова, всю осетинцевъ силу, какъ противъ начальства, такъ и въ безпрестанныхъ дракахъ между собою. Крожинцы просили помилованія, но отказались дать аманатовъ въ залогъ покорности. Истощивъ всѣ способы словеснаго убѣжденія, Циціановъ приказалъ предать селеніе огню. «Не могу изъяснить, — доносилъ онъ государю, — съ какимъ отвращеніемъ на сію мѣру строгости вынужденъ былъ я рѣшиться, тѣмъ паче, что въ 35-ти лѣтнюю мою службу сія необходимость встрѣтилась со мною въ первый разъ» ³⁾).

¹⁾ Журн. кампаніи въ осетинскихъ горахъ, представленной при всепод. донесеніи отъ 13 го декабря 1804 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же II, № 1665.

Это «знаменіе варварской войны» имѣло полный успѣхъ: при видѣ пылающаго селенія не только крожинцы, но и окрестныя селенія Хвце и Мугутъ поспѣшили представить аманатовъ и обязались выдать имущество, ограбленное у казаковъ.

Верхнія селенія продолжали впрочемъ упорствовать, считывая очевидно на недоступность ихъ въ зимнюю пору. Циціановъ самъ сознавалъ опасность дальнѣйшаго похода и потому медлилъ рѣшительными дѣйствіями. «Три дня,—записано въ его журналѣ,—употреблено было на переговоры, какъ по здѣшнему обычаю, такъ и потому, что я предпочиталъ сію мѣру неминуемой потерѣ нашихъ солдатъ, сколько по затруднительному переходу до селеній Кошки, Чипрани и Роки, столько и потому, что снѣгу напало выше колѣна, а при молодомъ снѣгѣ снѣжные обрывы или аваланши неизбѣжны. Дорога же лежала по лѣсу, во многихъ мѣстахъ пересѣченному засѣками, и надлежало при всемъ томъ четыре раза переходить чрезъ Ліяхву, мѣстами по брюхо лошади».

Переговоры не привели ни къ чему. «Не желая дать осетинцамъ надъ собою поверхности и, дабы доказать силу російскаго оружія тамъ, гдѣ она одна дѣйствуетъ», Циціановъ выступилъ 26-го ноября въ сел. Кошки. Люди шли гуськомъ узкою тропою въ густомъ лѣсу. На протяженіи какихъ-нибудь 10-ти верстъ пришлось столько же разъ отпрягать два 3-хъ-фунтовыхъ единорога и переносить ихъ на рукахъ. Для двукратной переправы пѣхоты чрезъ быструю и холодную Ліяхву собирали лошадей со всего отряда, причемъ Циціановъ не дѣлалъ исключенія и для своего коня. Вести орудія далѣе небольшого селенія Елбакіантъ-кари оказалось невозможнымъ. Циціановъ оставилъ ихъ здѣсь съ прикрытіемъ, а самъ съ отрядомъ прошелъ вверхъ по ущелью еще пять верстъ и остановился ночевать при отселкѣ Хутуантъ-кари. Осетины не оказывали во весь день почти никакого сопротивленія: вся потеря наша ограничилась только однимъ раненымъ казакомъ. Циціановъ, впрочемъ, не обманывалъ себя на этотъ счетъ. Ему было извѣстно, что горцы собрались при засѣкѣ въ густомъ лѣсу въ трехъ верстахъ выше Хутуантъ-кари. Ожидая жаркаго дѣла, онъ съ мѣста

ночлега послалъ команду для вырубкн просѣки, достаточной для доставки единороговъ изъ Елбакіантъ-кари.

Къ утру 27-го ноября орудіе было уже при отрядѣ. Обширная засѣка, защищаемая 700-ми осетинъ, преграждала путь наступленія по обоимъ берегамъ Ліахвы. Обойти ее было нельзя. Раздѣливъ отрядъ на двѣ колонны, по одной съ каждой стороны ущелья, Циціановъ атаковалъ преграду и овладѣлъ ею послѣ упорнаго боя, длившагося цѣлый часъ. Осетины еще два раза тщетно пытались остановить отрядъ при переправахъ черезъ Ліахву. Къ закату солнца колонны подошли къ сел. Кошки, расположенному на высокой горѣ.

Потеря отряда въ этотъ день состояла изъ трехъ убитыхъ и 18-ти раненыхъ, по большей части тяжело, потому что осетины, стрѣляя сверху, дѣлали продольныя раны. Потери горцевъ Циціановъ не приводитъ, справедливо замѣчая, что некому было считать ихъ тѣла въ непроходимомъ лѣсу и на неприступныхъ горахъ. Но явное доказательство значительности понесенной ими потери видѣлъ въ томъ, что на другой же день, т. е. 28-го ноября, изъ всѣхъ окрестныхъ селеній и даже изъ-за главнаго хребта, съ верховьевъ Ардона, явились въ лагерь старшины съ просьбами о пощадѣ. Со всѣхъ сторонъ начали приводить плѣнныхъ казаковъ и рекрутъ, лошадей, ограбленное оружіе и имущество.

Циціановъ былъ очень доволенъ такимъ благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ, такъ какъ онъ избавлялъ его отъ необходимости рискованнаго похода къ верховьямъ Ліахвы. Хотя отъ сел. Кошки до Роки считается не болѣе 10-ти верстъ, но они могли обойтись дороже, чѣмъ весь уже пройденный путь. Снѣгъ, падавшій три дня подъ-рядъ, покрылъ землю на два и болѣе аршина и сдѣлалъ невозможною доставку провіанта изъ Джавы. Самое сел. Роки лежитъ выше пояса лѣсовъ. Здѣсь жилища уже не деревянные, а каменные. Въ случаѣ сопротивленія войскамъ пришлось бы брать штурмомъ каждую отдѣльную саклю, конечно, съ большою потерей. «Здѣшнія мѣста,—писалъ Циціановъ графу М. С. Воронцову,—ни Чардаклу, ни Закаталу, ни Тагаурскимъ мѣстамъ не подобны. Жалѣю, что тебѣ не можно было видѣть здѣшнихъ

мѣсть. Было бы сказать что въ Петербургѣ. Представь себѣ, что я теперь въ четырехъ агажахъ отъ Эльборуса» ¹⁾).

Въ сел. Кошки Циціановъ прожилъ до половины декабря, терпѣливо ожидая возвращенія ограбленныхъ лошадей и оружія. Многое было уже перепродано хищниками въ Имеретію и Рачу. Циціановъ не принималъ никакихъ отговорокъ и требовалъ возвращенія всего сполна. Наконецъ 13-го декабря отрядъ выступилъ въ обратный путь и 17-го декабря прибылъ въ Цхинвалъ. По донесенію Циціанова, на вознагражденіе потери Донского полка и рекрутъ не доставало только немногаго.

---

¹⁾ Письмо изъ сел. Кошки отъ 30-го ноября 1804 г. Архивъ князя Воронцова, т. 36. О близости сел. Кошки къ Эльбрусу говорится и въ военномъ журналѣ Циціанова. Здѣсь явная ошибка, понятная при недостаточномъ познаніи въ то время положенія сѣверныхъ вершинъ Кавказа. Циціановъ принялъ за Эльборусъ гору Брутсабзели, имѣющую по формѣ сходство съ Эльборусомъ.

Глава X.

Пропшествіе въ Шурагельской области въ 1804—1805 гг. Блистательный походъ Несвѣтаева. Присоединеніе къ Россіи Шурагельскаго султанства. Присоединеніе ханствъ Карабагскаго и Шекинскаго

Пока князь Циціановъ громилъ мятежныхъ осетинъ, генераль Несвѣтаевъ прибылъ къ своему полку въ Караклисъ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ сосѣдней Шурагельской области, онъ обратилъ вниманіе главнокомандующаго на полную возможность отторгнуть Шурагель отъ Эриванскаго ханства. Обстоятельства дѣйствительно складывались въ то время весьма благопріятно для выполненія этого плана.

Надо сказать, что еще въ сентябрѣ 1804 года, возвращаясь изъ Эривани, князь Циціановъ склонялъ шурагельскаго правителя Будагъ-султана къ добровольному принятію русскаго подданства. «Бывъ извѣстенъ,—писалъ онъ ему ¹⁾,—что, когда Грузія состояла подъ управленіемъ грузинскихъ царей, почтенные шурагельскіе султаны служили имъ и находились подъ ихъ властію. Теперь, когда Грузія третій годъ уже покоится подъ кроткою и миролюбивою властію великаго моего государя, призываю васъ вступить въ высокое покровительство и подданство всероссійское, бывъ увѣренъ, что подъ кроткимъ ея правленіемъ найдете вы миръ и собственное ваше благо.... Та дань, каковую вы теперь платите хану, будетъ гораздо уменьшена, и вы, обще съ вашими подвласт-

---

¹⁾ Акты кав. арх. к. II, № 1125, письмо отъ 14-го сентября 1804 г.

ными, испытаете сколь неизрѣченно милосердѣ государь императоръ ко всѣмъ ищущимъ его покровительства».

Подданство это тогда не состоялось. Будагъ-Султанъ былъ въ нерѣшимости. Онъ одинаково опасался и русскихъ, и персіанъ, и эриванскаго хана. Правда, отступленіе Циціанова отъ Эривани не подняло во мнѣніи шурагельскаго правителя значенія его сюзерена, въ безсиліи котораго онъ убѣдился въ томъ же самомъ походѣ; но чтобы стереть съ лица земли маленькое султанство, не требовалось и особенной силы. Въ Эривани между тѣмъ стали замѣчать его колебанія. Тогда Будагъ-султанъ, чтобы отклонить отъ себя подозрѣнія, сдѣлалъ набѣгъ на русскія границы и отогналъ скотъ у памбакскихъ армянъ. Партиєю предводительствоваль сынъ его, а потому Циціановъ принялъ это за явное нежеланіе султана быть въ русскомъ подданствѣ и взглянулъ на него уже, какъ на сосѣда-врага, съ которымъ церемониться нечего. Когда Несвѣтаевъ потребовалъ возвращенія отбитаго скота, а между тѣмъ задержалъ десять шурагельскихъ жителей, находившихся по торговымъ дѣламъ въ Караклисѣ, Циціановъ не одобрилъ этого распоряженія. «Я не считаю,—писалъ онъ Несвѣтаеву,—чтобы подобное средство было прилично для непобѣдимыхъ россійскихъ войскъ, а потому предписываю вамъ отпустить задержанныхъ шурагельцевъ, а самому, если только возможно, сдѣлать репрессаль, идти въ самый Артикъ, раззорить имѣніе Будагъ-султана и взять его самого»¹⁾. Это было въ январѣ 1805 года; Саратовскій полкъ, сильно потерпѣвшій въ эриванскомъ походѣ, еще не поправился, и не могъ принять тяжелый зимній походъ черезъ высокій снѣжный хребетъ, не имѣя у себя ни обоза, ни лошадей подъ артиллерію. Въ этомъ смыслѣ Несвѣтаевъ и донесъ главнокомандующему²⁾. Весьма характеренъ отвѣтъ на это князя Циціанова; онъ соглашался отложить набѣгъ на Артикъ³⁾ до болѣе благопріятнаго времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ: «не могу умолчать однако, что я заключаю

1) Всеподданнѣйшее донесеніе Циціанова 22-го мая 1800 г., № 21.

2) Тамъ же

3) Артикъ—главный городъ Шурагельскаго султанства.

о каждомъ офицерѣ, имѣющемъ счастье служить въ войскахъ государя императора, не иначе, что какъ, въ случаѣ востребовавшейся нужды, каждый изъ нихъ для пользы службы и для умноженія славы російскаго оружія охотно отдастъ для подъема и своихъ собственныхъ лошадей» ¹⁾.... Письмо это отправлено было 25-го января, а черезъ два дня Несвѣтаевъ отвѣтилъ, что «сколь ни трудно въ скорости привести артиллерію и обозъ въ положеніе, способное къ дѣйствию, но за всѣмъ тѣмъ онъ не уедлитъ поспѣшить, собравъ подъ артиллерію артельныхъ лошадей и отдавъ своихъ собственныхъ» ²⁾.

Непредвидѣнные обстоятельства однако задержали этотъ походъ. Случилось, что въ это самое время Будагъ-султанъ былъ вызванъ въ Эривань и тамъ задержанъ вѣроломнымъ образомъ. Ханъ потребовалъ за него выкупъ въ 30 тысячъ рублей, угрожая въ противномъ случаѣ выселить всѣхъ его подвластныхъ въ Эриванское ханство. Шурагельцы, не желая платить такой контрибуціи, въ свою очередь обратились за помощію къ русскимъ, и Несвѣтаевъ поспѣшилъ воспользоваться столь благопріятнымъ оборотомъ дѣла для присоединенія Шурагельской области къ нашимъ владѣніямъ. Въ письмѣ къ Циціанову онъ настаивалъ на важности ея пріобрѣтенія какъ страны, издревле славившейся своимъ хлѣбородіемъ, и необходимой для насъ потому, что она прикрывала Грузію не только со стороны Эривани, но и со стороны турецкихъ крѣпостей Карса и Ардагана ³⁾. Весь успѣхъ предпріятія онъ принималъ на личную отвѣтственность и брался выполнить его съ тѣми незначительными средствами, которыя находились у него подъ руками. Желая однако обезпечить себѣ успѣхъ, Несвѣтаевъ потребовалъ, чтобы шурагельцы выдали ему аманатовъ и заготовили провіантъ. Между тѣмъ войска эриванскаго хана уже спѣ-

---

¹⁾ Донесеніе Циціанова 22-го мая 1805 г. № 21. Акты кав. арх. к., II, № 1128.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Шурагелемъ называется возвышенная равнина по берегамъ западнаго Арпачая, входящая нынѣ въ составъ Шурагельскаго округа Карсской области и Александропольскаго уѣзда Эриванской губерніи. Въ древней исторіи Арменіи Шурагель извѣстенъ подъ именемъ Ширака, который славился своими житницами. Селеніе Артикъ расположено при сѣверо-западной подошвѣ Алагеза.

шили занять владѣнія султана. Шурагельцы молили о помощи, соглашаясь на всѣ наши условія и даже выставили 800 самарь пшеницы безденежно. Несвѣтаевъ не сталъ болѣе медлить. Съ частію Саратовскаго полка (250 штыковъ) онъ 27-го марта 1805 года выступилъ изъ Караклиса, а 30-го уже занялъ Артикъ, гдѣ сынъ Будагъ-султана, а за нимъ старшины и народъ безпрекословно присягнули на подданство русскому государю. Условія подданства были изложены въ особомъ постановленіи.

«Какъ Шурагельское владѣніе, — сказано въ этомъ актѣ, — отнынѣ и навсегда присоединяется къ Грузіи, а слѣдовательно и къ Всероссийской имперіи, то султанъ обязуется отказаться отъ всякой другой зависимости, кромѣ Россійской имперіи, и признавать надъ собою и владѣніемъ своимъ одно только Всероссийское самодержавіе; въ знакъ своего вѣрноподданческаго усердія онъ обязуется платить ежегодно дань въ 2000 рублей серебряною монетою и отбывать всѣ тѣ повинности, которыя отбываемы были эриванскому хану. Кромѣ того, по азійскому обычаю онъ обязуется дать въ аманаты одного изъ своихъ сыновей и принять къ себѣ русскаго моурава для представленія черезъ него своихъ нуждъ и просьбъ къ высшему начальству. Съ своей стороны главнокомандующій священнымъ именемъ государя императора обѣщаетъ сказанному султану, что онъ останется навсегда владѣтелемъ шурагельскимъ, и достоинство сіе сохранится на вѣчныя времена въ его колѣнѣ; что доходы съ его владѣній, также какъ судъ и расправа, представлены будутъ въ полную его волю на прежнихъ правахъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, по коимъ сужденіе будетъ производиться въ Тифлисъ, потому что смертная казнь и увѣчье въ кроткомъ російскомъ правленіи не существуютъ»¹⁾.

Эриванскій ханъ, приведенный въ уныніе (какъ выражается Циціановъ) потерей богатой Шурагельской области, выставилъ на границѣ ея трехъ-тысячное войско, которое своими непрерывными набѣгами вынудило наконецъ Несвѣтаева идти въ Эриванское

---

¹⁾ Постановленіе это окончательно утверждено было только 29-го октября 1805 г. по освобожденіи Будагъ-султана изъ плѣна. Акты кав. арх. к. II, № 1142.

ханство и разорить ближайшія селенія, служившія притономъ для нашихъ бѣглыхъ татаръ. Несвѣтаевъ выступилъ изъ Артика перваго мая, но пограничныя селенія оказались пустыми: ханское войско, татары, мирные жители—все искало спасенія за крѣпкими стѣнами Эчміадзина. Посланный за ними въ погоню казачій Агѣва полкъ настигъ, однако, бѣгущихъ и отбилъ у нихъ весь скотъ и имущество.

«Послѣ такого успѣха,—доносилъ Циціановъ²⁾),—сей генераль, не зная для себя опасностей и не измѣряя силы своей съ силою непріятеля, хотя и писалъ мнѣ, что намѣренъ идти къ самому Эчміадзинскому монастырю, въ 18-ти верстахъ только лежащему отъ Эриванской крѣпости, но я, дабы не подвергнуть опасности небольшой отрядъ, состоящій всего изъ 180 человекъ пѣхоты, да 220 казаковъ, приказалъ ему возвратиться назадъ и ограничиться только защитою нашихъ границъ». Но пока писалось это предписаніе, Несвѣтаевъ уже былъ въ Эчміадзинѣ. Гоня передъ собою бѣгущія толпы, онъ по ихъ слѣдамъ занялъ первопрестольный монастырь и появился даже подъ самыми стѣнами Эриванской крѣпости, вызвавъ страшную панику во всемъ населеніи края.

Несвѣтаевъ нашель монастырь пустымъ: всѣ драгоценныя иконы, утварь и мощи святыхъ угодниковъ были изъ него вывезены частію Циціановымъ при возвращеніи изъ эриванскаго похода, частію похищены лже-патріархомъ Давидомъ, намѣревающимся бѣжать съ ними въ Турцію. Только передъ иконою Спасителя теплилась большая, украшенная драгоценными камнями лампада, возбуждавшая къ себѣ благоговѣйныя чувства даже въ мусульманахъ¹⁾). Несвѣтаевъ оставилъ ее въ храмѣ, но взялъ съ собою

---

²⁾ Донесеніе его 22-го мая, № 21.

¹⁾ Лампада эта—памятникъ пребыванія здѣсь Шахъ-Надира, принесшаго ее въ даръ христіанскому Богу послѣ чудеснаго исцѣленія своего отъ тяжкой болѣзни. Легенда говоритъ, что во время страданій онъ слышалъ во снѣ невѣдомый голосъ, повелѣвавшій ему идти въ Эчміадзинъ и тамъ передъ иконою Спасителя помолиться о своемъ исцѣленіи. Онъ видѣлъ во снѣ даже самую икону, которая глубоко запечатлѣлась въ его памяти. Рассказываютъ далѣе, что шахъ, никогда прежде не бывавшій въ Эчміадзинѣ, сразу узналъ въ иконѣ Спасителя ту, которую онъ видѣлъ во снѣ. Пораженный, онъ палъ передъ нею въ молитвѣ и выздоровѣлъ. Благодарный шахъ подарилъ тогда монастырю 12 селеній и прислалъ лампаду съ повелѣніемъ, чтобы она и день и ночь

кусокъ дерева, оставшійся по преданію отъ ноева ковчега, святое копье, которымъ былъ прободенъ Спаситель, и десницу св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, разысканныя имъ подъ горами камней и мусора. Всѣ эти святыни доставлены были имъ въ Тифлисъ, гдѣ армянское духовенство, съ цѣлымъ сонмомъ архіереевъ во главѣ, встрѣтило ихъ и съ подобающею торжественностью внесло въ каедральный Ванскій соборъ. Въ то же время князь Циціановъ для успокоенія армянскаго народа издалъ прокламацію, въ которой говорилось, «что вся святыня забрана имъ единственно для сбереженія отъ лже-патріарха Давида, расхитившаго уже сокровища Эчміадзинскаго монастыря, но что, когда Богу угодно будетъ возстановить на патріаршій престолъ патріарха Даніила, или Эчміадзинъ будетъ подъ русскимъ правленіемъ,—тогда все сіе будетъ возвращено въ цѣлости оному монастырю, яко собственность, никѣмъ не отъемлемая».

Такимъ образомъ, вліянію эриванскаго хана на всѣ сосѣднія племена нанесенъ былъ вѣскій ударъ, и Шурагельская область осталась за Россією навсегда залогомъ будущаго присоединенія къ ней и всей Эриванской области.

«Имѣю счастье донести Вашему Императорскому Величеству, — писалъ Циціановъ, — что богатѣйшая, хлѣбородная Шурагельская провинція, жители которой нерѣдко своими набѣгами беспокоили памбакскія селенія, теперь пала къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и присоединена къ обширнѣйшей Всероссійской имперіи» ¹⁾.

Блистательная осетинская экспедиція минувшаго года доставила Несвѣтаеву уже орденъ св. Георгія 4-й степени, пожалованный ему лично государемъ, а потому Циціановъ въ представленіи своемъ писалъ: «Такъ какъ пріобрѣтеніе богатой Шурагельской провинціи есть дѣло во всемъ пространствѣ смысла генералъ-маіора Несвѣтаева, который, умѣвъ во время воспользоваться притѣсненіемъ,

---

горѣла передъ иконою. Шахскія грамоты и самый фирманъ, свидѣтельствующіе о чудѣ, сохраняются донинѣ въ серебряномъ ковчегѣ, подъ мраморною плитою у подножія чудотворнаго образа. Несвѣтаевъ не взялъ ее съ собою, опасаясь, что персіяне, не найдя въ храмѣ этой лампы, разрушатъ самый монастырь.

¹⁾ Акты кав. арх. к., II, № 1128.

дѣлаемымъ дѣтямъ Будагъ-султана, содержавшагося въ заточеніи у эриванскаго хана, предложилъ мнѣ оное приобрѣтеніе, и тогда, когда въ концѣ зимы у него не болѣе 400 человекъ было подъ ружьемъ, представилъ мнѣ во всей ясности возможность занять Артикъ (столицу сей провинціи) и дѣтей султанскихъ взять подъ защиту. А потому дерзаю испрашивать сказанному генералу въ справедливую награду орденъ св. Владиміра 2-й степени, минуя анненскую ленту. Сіе одно можетъ сего посѣдѣвшаго въ службѣ офицера поощрить къ будущему времени на большіе подвиги, яко извѣстнаго у нашихъ сосѣдей, потому что штыками открылъ путь прошлаго года въ Грузію черезъ горы, и называютъ его *горскій генералъ*»¹⁾).

Почти одновременно съ присоединеніемъ Шурагельской области послѣдовало также присоединеніе къ Россіи ханствъ Карабагскаго и Шекинскаго.

Враждебное положеніе Персіи напомнило князю Циціанову объ отложенномъ на время дѣлѣ о подданствѣ Карабаха и Шеки. Весною 1805 года получилъ онъ достовѣрное извѣстіе о сосредоточеніи въ Тавризѣ значительныхъ силъ, назначенныхъ для вторженія въ Закавказьѣ. Въ виду этого представлялось очень важнымъ заручиться присягою на вѣрность правителей областей, лежавшихъ на пути вторженія, такъ какъ она обязывала ихъ принять дружески русскія войска и оказывать имъ посильное вспоможеніе.

Выше уже было сказано, что переговоры объ этомъ начались съ обоими правителями вслѣдъ за покореніемъ Ганжи и что Ибрагимъ-ханъ карабагскій, послѣ небольшого сопротивленія, выразилъ готовность подчиниться требованіямъ главнокомандующаго. Но Мамедъ-Гасанъ-ханъ шекинскій, несмотря на слѣланное ему Циціановымъ грозное предостереженіе, продолжалъ упорствовать, рассчитывая на свои связи съ сосѣднимъ Дагестаномъ. Циціанову не пришлось, однако, приводить въ исполненіе свои угрозы: правитель Нухи былъ низвергнутъ братомъ его Селимъ-ханомъ.

---

¹⁾ Всепол. рапортъ Циціанова отъ 29-го октября 1805 г., № 45. Акты кав. арх., Ц, № 1142.

Братья издавна враждовали между собою. Въ ноябрѣ 1795 г., когда Ага-Магомедъ-шахъ персидскій стоялъ на Муганской степи, Мамедъ-Гасанъ-ханъ находился при немъ со своими войсками. Селимъ-ханъ, скрывавшійся въ Дагестанѣ, воспользовался этимъ случаемъ для овладѣнія Нухинскимъ ханствомъ. Въ слѣдующемъ году, когда корпусъ графа Валеріана Зубова находился въ прикаспійскомъ краѣ, Селимъ-ханъ присягнулъ даже на русское подданство, конечно, съ единственною цѣлью укрѣпить этимъ за собою ханскую власть. Но вскорѣ русскія войска должны были покинуть завоеванныя области, и Мамедъ-Гасанъ-ханъ при помощи персіанъ сѣлъ снова на ханство въ Нухѣ. Изгнанный Селимъ нашель убѣжище въ Шушѣ у своего тестя Ибрагимъ-хана.

Послѣ паденія Ганжи, онъ обратился къ князю Циціанову съ письмомъ ¹⁾, въ которомъ, напомнимъ о принятіи имъ подданства въ 1796 г., просилъ возстановить его на ханствѣ, причемъ обязывался ежегодно платить въ видѣ дани 7000 червонцевъ и принять постоянный русскій гарнизонъ. Предложеніе это вполне соотвѣтствовало видамъ Циціанова. Мать Селимъ-хана была грузинка и чрезъ нее состоялъ онъ въ родственныхъ связяхъ съ грузинскими княжескими фамиліями. Знаменитый герой Бородина, Петръ Ивановичъ Багратіонъ, приходился ему роднымъ дядей ²⁾. Циціановъ рассчитывалъ при помощи этихъ родственниковъ направлять поведеніе Селимъ-хана. Съ другой стороны, бракъ претендента на Шекинское ханство съ дочерью Ибрагимъ-хана карабагскаго давалъ надежду на то, что они будутъ вліять другъ на друга въ благопріятномъ для видовъ главнокомандующаго смыслѣ.

Всѣ эти соображенія побудили князя Циціанова обѣщать Селимъ-хану поддержку въ его честолюбивыхъ замыслахъ. Дѣло устроилось однако само собою, безъ вмѣшательства русской власти въ распрю между братьями. Въ началѣ 1805 г. Селимъ уже сидѣлъ въ Нухѣ съ званіемъ хана шекинскаго. Донося ³⁾ государю объ этомъ успѣхѣ въ исполненіи предназначеннаго плана, князь

---

¹⁾ Акты кав. арх. к. II, №№ 1248 и 1278.

²⁾ Акты кавк. арх. ком., II, №№ 1285, 1289, 1314.

³⁾ Всепод. рапортъ 28-го февраля 1805 г. № 5. Акты кав. арх. к. II, № 1291.

Циціановъ приложилъ къ своему рапорту особую записку о подробностяхъ дѣла, чтобы дать понятіе «объ адской хитрости и вѣроломствѣ» народовъ, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Подробности эти, дѣйствительно, очень характерны. Получивъ отъ Циціанова только обѣщаніе помощи, Селимъ-ханъ обратился съ просьбою о содѣйствіи къ Мустафѣ-хану ширванскому. Этотъ послѣдній, изъявивъ полную готовность помочь ему, пригласилъ его къ себѣ и выступилъ съ своими войсками къ Нухѣ. Мамедъ-Гасанъ-ханъ приготовился было къ сопротивленію, но, видя несоразмѣрность силъ своихъ и явное нежеланіе своего народа сражаться противъ Селимъ-хана, снялъ съ себя саблю, повѣсилъ ее на шею въ знакъ покорности и приказалъ отвести себя къ ширванскому хану. Селимъ считалъ цѣль свою достигнутою, но Мустафа-ханъ объявилъ, что не поставитъ его на ханствѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ въ залогъ дружбы своего сына и дочь. Селимъ поспѣшилъ исполнить это требованіе, а Мустафа-ханъ тайно отправилъ въ Нуху наибовъ для управленія ханствомъ отъ своего имени и для захвата имущества Мамедъ-Гасанъ-хана. Селимъ, провѣдавъ объ этомъ, послалъ нухинскому народу увѣщаніе не слушаться ширванскихъ наибовъ. Въ Нухѣ находился въ то время братъ Селима, Фетъ-Али-бекъ, лишенный зрѣнія Мамедъ-Гасанъ-ханомъ. Мустафа предложилъ ему ханство, если дастъ ему въ заложники своего сына. Когда тотъ подчинился требованію, Мустафа, имѣя въ своей власти дѣтей обоихъ братьевъ, отказалъ Селиму въ ханствѣ и предложилъ ему владѣніе въ Ширванѣ. Селимъ выразилъ притворно согласіе, а между тѣмъ отправился тайно въ Нуху, гдѣ братъ, беки и народъ признали его ханомъ и дали присягу.

Такимъ образомъ завѣтное желаніе Селима исполнилось. Сознавая однако, что безъ поддержки русской власти ему не удержаться на ханствѣ, онъ обратился къ Циціанову съ увѣреніями въ своей преданности. Главнокомандующій отвѣчалъ ему ¹⁾: «увѣряю васъ словомъ моимъ, коему я никогда не измѣнялъ, что про-

---

1) Письмо отъ 13-го февраля 1805 г., № 72. Акты кав. арх., II, № 1289.

симья вами помощь и защита не будутъ отъ васъ изъяты. Но прежде, нежели вы вступите въ высокое всероссійское покровительство и подданство, нужно между нами сдѣлать постановленіе, долженствующее быть утвержденнымъ всемилостивѣйшимъ моимъ Государемъ. Къ составленію же того постановленія потребно, чтобы вы приняли отъ меня предложенія, состоящія въ слѣдующемъ: 1) дать сына вашего въ аманаты; 2) въ знакъ подданства давать ежегодно по 7000 червонцевъ; 3) пятьсотъ человѣкъ россійскаго войска, долженствующаго защищать владѣніе ваше, довольствоваться провіантомъ, и 4) построить земляную крѣпость на избранномъ моими офицерами мѣстѣ и по ихъ плану, давая для сего потребное число работниковъ. Бude вы на все сіе согласитесь и меня о томъ извѣстите, тогда я, сдѣлавъ проектъ постановленія, пошлю оный къ вамъ, такъ какъ и къ Ибрагимъ-хану шушинскому я отправилъ съ офицеромъ россійскихъ войскъ, и коль скоро буду я извѣщенъ, что все въ томъ постановленіи описанное вы принимаете и на все согласны, то я, считая въ будущемъ мѣсяцѣ быть въ Елизаветполѣ, буду ожидать васъ къ себѣ для подписки постановленія и для принятія по обряду вашему присяги на вѣрно-подданство».

Въ началѣ мая 1805 г. Циціановъ прибылъ съ отрядомъ въ Елизаветпольскій округъ и, ставъ лагеремъ на Куракъ-чаѣ, пригласилъ къ себѣ обоихъ хановъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ уклониться отъ свиданія подъ разными предлогами, они должны были въ концѣ концовъ подчиниться требованію главнокомандующаго.

Трактатъ ¹⁾, заключенный съ Ибрагимъ-ханомъ 14-го мая 1805 г., состоялъ изъ одиннадцати артикуловъ. Первымъ изъ нихъ ханъ карабагскій, отъ имени своего и наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ, навсегда отрицался отъ всякаго вассальства или, подъ какимъ бы то титуломъ не было, отъ всякой зависимости отъ Персіи или иной державы и признавалъ надъ собою и своими преемниками самодержавную власть всероссійскаго государя. Въ

---

¹⁾ Акты кав. ар. ком., II, № 1436.

силу этого признанія Ибрагимъ-ханъ обязывался безъ предварительнаго согласія главноуправляющаго въ Грузіи не имѣть сношеній съ окрестными владѣльцами (артикулъ четвертый): снабжать русскія войска, пребывающія въ ханствѣ, провіантомъ за установленную цѣну и давать рабочихъ для устройства дорогъ (артикулъ шестой); сохраняя пользованіе обыкновенными доходами ханства, платить въ видѣ дани 8000 червонныхъ и, по обычаю азіатскому, сверхъ присяги на вѣрность, дать въ заложники своего внука на всегдашнее пребываніе въ Тифлисъ (артикулъ восьмой).

Съ своей стороны князь Циціановъ, по высочайше предоставленной ему полной мочи и власти, отъ имени государя поручился за сохраненіе цѣлости владѣній Ибрагимъ-хана (артикулъ второй) и за преемство ханской власти въ его нисходящемъ потомствѣ, причемъ достоинство каждаго хана подлежало каждый разъ утвержденію (артикулъ третій). Жители карабагскаго владѣнія, какъ вѣрноподданные, признавались наравнѣ съ прочими, населяющими обширную Россійскую имперію; власть, сопряженная съ внутреннимъ управленіемъ, судъ, расправа и доходы предоставлялись въ полную волю правящаго хана; для охраненія же его и всего владѣнія вводился въ Шушинскую крѣпость русскій гарнизонъ въ составѣ 500 человекъ съ артиллеріей; въ случаѣ надобности оборонять ханство военною рукою, отрядъ этотъ могъ быть усиленъ, смотря по обстоятельствамъ и нуждѣ (артикулъ пятый). Наконецъ, въ силу артикула седьмого, Ибрагимъ-хану и его преемникамъ жаловалось знамя съ гербомъ Всероссійской имперіи; на войну, если бы потребовалось, никто, кромѣ самого хана, не могъ выѣзжать съ этимъ знакомъ ханскаго достоинства и власти.

Трактатъ ¹⁾, заключенный съ Селимъ-ханомъ 21-го мая 1805 г. въ томъ же лагерѣ на Куракъ-чаѣ, отличался отъ карабагскаго только размѣромъ ежегодной дани, опредѣленной въ 7000 червонныхъ, и мелкими подробностями относительно количества и сроковъ поставки провіанта и пр. Русскій гарнизонъ, въ составѣ 500 ч.,

¹⁾ Акты кав. арх. к., II., № 1301. Высочайшая утвердительная грамота на имя Селимъ-хана послѣдовала 10-го іюня 1805 года. Акты кав. арх. к., II., № 1315.

съ пушками предполагалось поставить не въ Нухѣ, а въ крѣпости, построенной на мѣстѣ по указанію главнокомандующаго.

Князь Циціановъ былъ очень обрадованъ достигнутымъ успѣхомъ. Безкровное присоединеніе двухъ ханствъ давало Россіи неисчислимыя выгоды и политическія и матеріальныя, значенія которыхъ должно, конечно, цѣнить съ точки зрѣнія тогдашняго положенія нашего за Кавказомъ.

Представляя императору Александру ключи Шушинской крѣпости и трактатъ, заключенный съ Ибрагимъ-ханомъ, Циціановъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ¹⁾ изобразилъ выгоды этого акта: «1) Карабагъ по своему мѣстоположенію можетъ быть почитаемъ воротами въ Азербейджанъ, слѣдовательно и въ Персію, а потому и будетъ держать ихъ въ страхѣ; 2) Карабагомъ сближается Грузія съ г. Баку, предположеннымъ къ занятію сею осенью; 3) когда въ Сальянѣ возведено будетъ укрѣпленіе и Джеватъ—мѣсто, гдѣ Кура съ Араксомъ соединяется, будетъ отъ ширванскаго хана отнятъ, яко мѣстечко, всегда принадлежавшее карабагскому хану, тогда изъ Астрахани суда могутъ приходить въ Джеватъ или Сальянъ съ товарами, ничего незначущими, и получать взаменъ оныхъ изъ Карабага и Шемахи шелкъ, а изъ Елизаветполя квасцы».

Польза пріобрѣтенія Шекинскаго ханства заключалась, по мнѣнію²⁾ князя Циціанова, въ томъ, что «часть войска російскаго, тамъ расположеннаго, будетъ служить предкновеніемъ лезгинцамъ для набѣговъ и хищничествъ. А вѣроломные джарцы симъ расположеніемъ войскъ, такъ сказать, блокированы, и при первой какой-либо ихъ шалости Алазанскій постъ можетъ одновременно ударить на нихъ спереди, а шекинскій отрядъ во флангъ и тѣмъ, держа ихъ въ страхѣ, заставить ихъ быть покорными. Сіе я почитаю главнѣйшею пользою для Грузіи и вообще для здѣшняго края, а второю, не менѣе важною, то, что дорога въ Баку изъ Елизаветполя лежитъ чрезъ оное владѣніе, слѣдовательно караваны съ товарами могутъ быть всегда обезпечены».

---

1) Всеподд. рапортъ отъ 22-го мая 1805 года, № 19. Акты кав. арх. ком., II, № 1436.

2) Всеподд. рапортъ отъ 22-го мая 1805 г., № 20. Акты кав. арх. ком., II, № 1301.

Начавшаяся вслѣдъ за присоединеніемъ ханствъ война съ Персіей вполне оправдала ту поспѣшность, съ которою Циціановъ велѣло о принятіи въ русское подданство хановъ карабагскаго и шекинскаго. Хотя русскій отрядъ, дѣйствовавшій противъ персіянъ, какъ увидимъ, не получилъ отъ нихъ прямой и существенной помощи, тѣмъ не менѣе пребываніе въ Шушѣ и въ шекинскомъ владѣніи нашихъ гарнизоновъ удержало жителей ханствъ отъ открытаго перехода на сторону непріятеля.

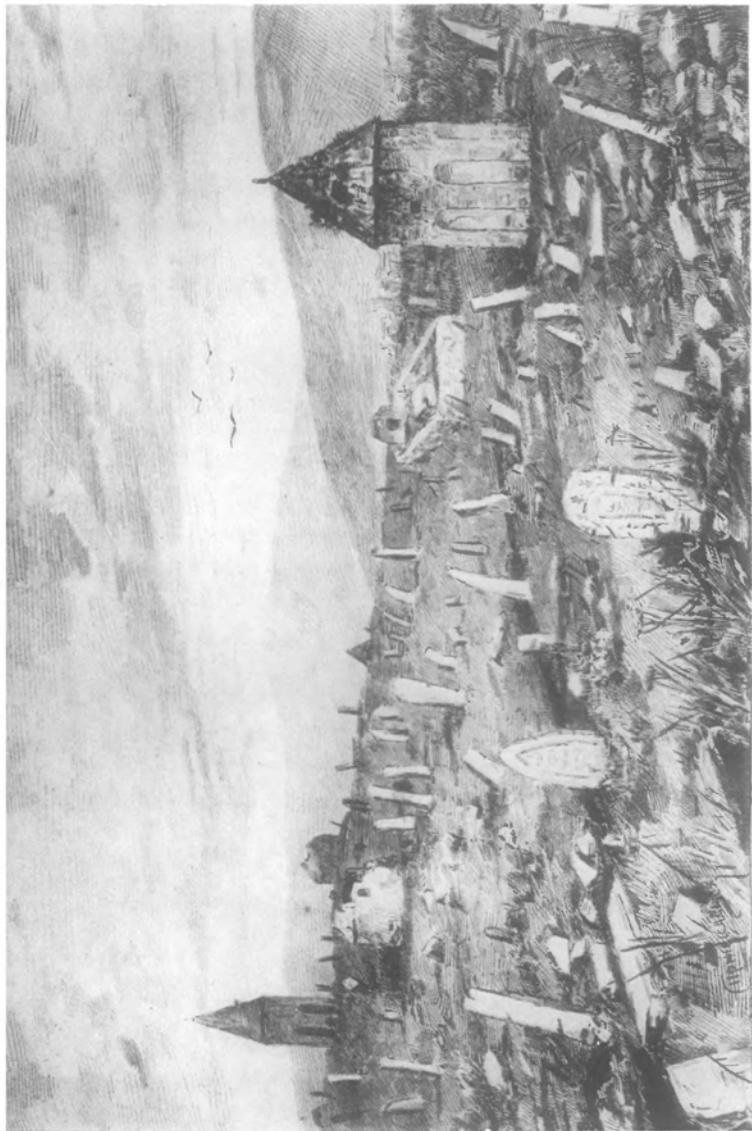

Предвѣстниками персидской войны явились волненія среди джарскихъ лезгинъ, возбужденныя эмисарами Баба-хана. Еще задолго до открытія военныхъ дѣйствій, джарцы стали собираться въ партіи, намѣреваясь повторить прошлогодніе набѣги, доходившіе въ то время, когда князь Циціановъ находился подъ Эриванью, почти до самаго Тифлиса. Казалось бы, что два полка, стоявшіе на урочищѣ Пейкаро, должны бы были представлять собой достаточно внушительную силу противъ такого непріятеля, какъ джарцы; но, какъ писалъ Циціановъ, эти полки были грозны непріятелю развѣ только своими именами, но никакъ не численностью. Некомплектъ былъ такъ великъ, что во всѣхъ трехъ баталіонахъ Кабардинскаго полка считалось подъ ружьемъ 680 человекъ: изъ нихъ 215 числились больными, 125 находились въ Александровскомъ редутѣ и 125 стояли въ Тіонетахъ, гдѣ еще не совсѣмъ потухъ хевсурскій мятежъ, возженный въ 1804 году царевичемъ Парнаозомъ. Такимъ образомъ, въ лагерѣ оставалось всего 215 штыковъ ¹⁾. Другой полкъ, 15-й егерскій, находился еще въ худшемъ состояніи. Князь Орбеліани настойчиво просилъ подкрѣплений, указывая на опасность, которой могли подвергнуться и небольшой отрядъ, стоявшій въ Тіонетахъ, и Александровскій редутъ, выдвинутый за Алазань и отдѣленный отъ лагеря

---

1) Исторія Кабардинскаго полка, Зиссермана.

почти пятиверстнымъ лѣсомъ. Циціановъ отправилъ на усиленіе его часть баталіона Тифлисскаго полка, снятаго съ борчалинской дистанціи и, надо сказать, подкрѣпленіе это явилось какъ нельзя болѣе кстати. Двадцать шестого марта 1805 г. девять т. лезгинъ, предводимыхъ Халиль-бекомъ, сыномъ Сурхая казикумыкскаго, скрытно подобрались, пользуясь лѣсистою мѣстностью, къ самому форту и кинулись на приступъ. Крѣпостной форштадтъ былъ занятъ ими сразу, и толпы полѣзли на валъ. Ночная тревога подняла на ноги весь гарнизонъ. Къ счастью, 125 кабардинцевъ и 25 солдатъ Тифлисскаго полка, застигнутые почти врасплохъ, не дрогнули подъ натискомъ тысячной массы. Штурмъ былъ отбитъ, лезгинское знамя взято и непріятель, выбитый изъ форштадта, отступилъ, оставивъ вокругъ редута болѣе 150 тѣлъ. Побѣда стоила намъ однако же 52-хъ человѣкъ, слѣдовательно цѣлой трети отряда. Въ виду возможности подобныхъ предпріятій со стороны лезгинъ, ослабить постъ на Алазани было бы крайне рисковано, и Циціановъ, выдвигая войска на персидскую границу, не могъ взять оттуда ни одного человѣка. Такимъ образомъ, сотнямъ нашихъ солдатъ предстояла борьба съ десятками тысячъ враговъ.

УРОЧИЩЕ КАРАГАДЖИ-БАБА
съ мусульманскимъ кладбищемъ.

Глава XI.

Приготовленія къ кампаніи 1805 г. затруднительное положеніе князя Циціанова. Вторженіе персіянь въ Карабагъ. Дѣйствія маіора Лисаневича. Бой близъ Аскарана. Безпримѣрная оборона полковника Карягина и отступленіе его къ Шахъ-булаху и потомъ къ Мухрату. Дѣйствія князя Циціанова. Нападеніе персіянь на Елизаветполь.

Геройская защита транспорта. Пораженіе персидской арміи подъ Дзегамомъ.

Въ половинѣ мая 1805 года, когда Ибрагимъ-ханъ карабагскій торжественно присягнулъ на русское подданство, въ Шушу былъ введенъ русскій гарнизонъ въ составѣ шести ротъ 17-го егерскаго полка, подъ командою маіора Лисаневича. Выборъ Циціанова палъ именно на него, потому что «сей отличной храбрости офицеръ» пользовался полнымъ довѣріемъ татаръ, въ два года выучившись совершенно ихъ языку, велъ всѣ переговоры съ карабагскимъ ханомъ и приобрѣлъ на него такое вліяніе, что ханъ, по его убѣжденію, три раза отсылалъ обратно шахскихъ пословъ, не слушая ни угрозъ, ни щедрыхъ ихъ обѣщаній ¹⁾).

Персидская армія находилась въ это время уже въ полномъ наступленіи къ нашимъ границамъ. Баба-ханъ остановился въ Султаніи, а Аббасъ-мирза, занимавшій Тавризъ значительными силами, выдвинулъ два сильныхъ авангарда: одинъ къ сторонѣ Эривани, другой къ худа-аферинскому мосту на Араксѣ.

Положеніе князя Циціанова, не знавшаго—на какой изъ этихъ пунктовъ непріятель направитъ свой главный ударъ, являлось крайне затруднительнымъ. Пятидесятитысячная персидская армія

---

1) Акты кав. арх. к., II, № 1436.

легко могла подавить своею численностью и здѣсь и тамъ тѣ незначительныя силы, которыми располагалъ Циціановъ, имѣвшій во всемъ Закавказьѣ не болѣе 7000 штыковъ. ¹⁾ Если бы эти силы возможно было сосредоточить, то при испытанной доблести нашихъ войскъ успѣхъ ихъ надъ персіянами въ открытомъ бою былъ бы несомнѣнемъ. Но Циціанову предлежала трудная задача расположить эти войска такъ, чтобы они могли поддерживать внутреннее спокойствіе на пространствѣ обширнаго края, въ которомъ много было элементовъ враждебныхъ русской власти, и въ то же время были готовы отразить ударъ, откуда бы онъ не послѣдовалъ.

✓ Нельзя не сказать, что занятіе Карабагскаго ханства, вызывавшее новыя военныя дѣйствія со стороны Персіи, и крайнее напряженіе всѣхъ нашихъ силъ именно въ такое время, когда въ виду европейскихъ войнъ нельзя было рассчитывать ни на какія подкрѣпленія—считалось многими несвоевременнымъ. Циціановъ однако думалъ иначе: онъ полагалъ, что отказать карабагскому хану въ принятіи его въ подданство было не возможно какъ потому, что Россія явнымъ признаніемъ недостаточности своихъ силъ могла бы потерять вліяніе въ краѣ, такъ и потому, что тогда открылись бы ворота персіянамъ черезъ Карабагъ къ Дагестану и Елизаветполю ²⁾.

✓ «Остановить войну,—писалъ онъ ³⁾,—разъ она началась уже въ минувшемъ году изъ-за того, чтобы не допустить вторженія въ Грузію, теперь уже не въ моей власти. Для прекращенія ея есть только два способа: заключить миръ или же довести непріятеля до невозможности продолжать оную; первое не можетъ имѣть мѣста, потому что Баба-ханъ не захочетъ, чтобы его именовали въ трактатѣ не шахомъ, а Баба-ханъ сардаремъ, а послѣднее не можетъ быть по недостатку силъ; слѣдовательно, мнѣ остается, узнавъ о движеніи баба-хановыхъ войскъ, распорядить моими».

¹⁾ Дубровинъ, IV, 437.

²⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова отъ 17-го іюня 1805 года № 23 и отношеніе его къ князю Чарторыйскому отъ того же числа № 392.

³⁾ Тамъ же.

Положеніе дѣлъ вскорѣ выяснилось: персидская армія двинулась къ границамъ Карабага. Со стороны же Эривани дѣйствія ея ограничились только тѣмъ, что Мехти-ханъ кадджарскій 13-го іюня ввелъ въ крѣпость трехъ-тысячный персидскій гарнизонъ и, арестовавъ стараго правителя Мамеда, самъ принялъ званіе эриванскаго хана ¹⁾).

Почти одновременно съ этимъ 11-го іюня 1805 года передовой отрядъ персидской арміи, въ числѣ 10-ти тысячъ, подъ начальствомъ Пиръ-Кули-хана, перешелъ Араксъ, миновавъ худа-аферинскій мостъ, гдѣ стоялъ Лисаневичъ, и потянулся къ джебраильскимъ садамъ. Лисаневичъ отступилъ въ Шушу. Онъ правильно оцѣнилъ въ этомъ случаѣ важное значеніе для насъ Шушинской крѣпости, лежавшей только въ 80-ти верстахъ отъ персидской границы и дававшей непріятелю возможность сосредоточить подъ ея прикрытіемъ значительныя силы для дѣйствія противъ Грузіи. Въ Шушѣ уже начались беспорядки, вспыхнувшіе, конечно, не безъ участія персидской политики, и Лисаневичъ видѣлъ ясно, что въ отсутствіе войскъ измѣна легко могла отворить крѣпостныя ворота и впустить персіанъ. А если бы персіане заняли Шушу прежде насъ, то мы надолго потеряли бы Карабагское ханство и вынуждены были бы вести войну на собственной своей территоріи. Сознавалъ это и самъ Циціановъ.

«Когда вы допустили уже персидскія войска переправиться черезъ Араксъ,—писалъ онъ Лисаневичу,—то теперь главнѣе всего должно заботиться о заготовленіи провіанта, а потому употребите все стараніе, чтобы хлѣбъ съ полей былъ снятъ, дабы непріятель не успѣлъ оный истребить, и заготовьте достаточное количество онаго для войска. Относительно возвращенія вашего въ Шушинскую крѣпость *не могу не сказать*, что это есть лучшее изъ вашихъ дѣйствій, ибо по крайней мѣрѣ теперь не могутъ быть пущены въ оную персидскія войска, какъ сдѣлалъ то эриванскій ханъ, въ чемъ сомнѣвался я и отъ Ибрагимъ-хана, ибо онъ, доселѣ не при-

---

1) Отзывъ князя Циціанова князю Чарторыйскому 1-го іюля 1805 г. № 464.

славъ аманатовъ, не исполнилъ ни одной изъ своихъ обязанностей»¹⁾).

Не надѣясь, однако, чтобы Ибрагимъ-ханъ, среди всеобщаго волненія, могъ выставить конное татарское ополченіе, Циціановъ обратился съ воззваніемъ къ карабагскимъ армянамъ.

«Неужели вы, армяне Карабага,—писаль онъ,—доселѣ славившіеся своею храбростью, сдѣлались женоподобными... Воспримите прежнюю свою храбрость, будьте готовы къ побѣдамъ и покажите, что вы и теперь тѣ же храбрые карабагскіе армяне, какъ были прежде страхомъ для персидской конницы»²⁾). Но въ опустошенной странѣ не было теперь ни старыхъ бойцовъ, ни отважныхъ предводителей ихъ—меликовъ. Одни лежали въ могилахъ, другіе были разорены самимъ Ибрагимъ-ханомъ, а большинство и совсѣмъ покинуло родину, разбредясь по сосѣднимъ владѣніямъ. Въмѣсто уважаемыхъ старыхъ фамилій поставлены были старшинами люди изъ простаго званія, не имѣвшіе въ глазахъ народа ни малѣйшаго авторитета и называвшіеся въ отличіе отъ первыхъ «меликами ханскими». Повсюду, гдѣ недавно еще были цвѣтуція земли, теперь виднѣлись только развалины селъ, остатки обширныхъ шелковичныхъ садовъ, да запущенныя и брошенныя поля.

Такимъ образомъ, наши войска предоставлены были однимъ своимъ собственнымъ силамъ.

Персіяне, перейдя черезъ Араксъ, быстро распространились по Карабагу, истребляя повсюду посѣвы и предавая грабежу селенія. Въ половинѣ іюня передовыя войска ихъ находились уже въ Аскаранѣ и готовились ворваться въ Елизаветпольскій округъ. Донося объ этомъ князю Циціанову³⁾, Лисаневичъ просилъ подкрѣпить его отрядъ на случай возможныхъ покушеній противъ Шушинской крѣпости.

1) Акты кав. арх. ком., II, № 1714. Подчеркнутыя въ текстѣ слова напечатаны въ актахъ съ пропускомъ второй частицы *не*, такъ что выходитъ, будто Циціановъ порицалъ Лисаневича за занятіе Шушинской крѣпости. Между тѣмъ изъ смысла всего предписанія совершенно ясно, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ Циціановъ находилъ поступокъ Лисаневича вполне правильнымъ.

2) Ак. кав. арх. к., II, № 1714.

3) Рапортъ отъ 16-го іюня 1805 г. № 13. Акты кав. арх. ком., II, № 1704.

Какъ ни были слабы силы, оставшіяся въ Елизаветполѣ, князь Циціановъ исполнилъ просьбу Лисаневича. Онъ немедленно отправилъ въ Шушу одинъ баталіонъ 17-го егерскаго полка съ маіоромъ Котляревскимъ, роту Тифлискаго полка и два орудія, всего 493 чел., подъ общимъ начальствомъ шефа 17-го егерскаго полка полковника Карягина ¹⁾). Извѣщая объ этомъ Лисаневича, Циціановъ предписывалъ ему снестись съ Карягинымъ и ударить на персіянь при Аскаранѣ съ тыла въ то время, какъ Карягинъ нападетъ на нихъ съ фронта. «Вотъ все, что можете сдѣлать,— писалъ главнокомандующій,—только конницу соберите» ²⁾).

Полковникъ Карягинъ выступилъ съ отрядомъ 18-го іюня 1805 г. ³⁾. До Шуши считалось отъ Елизаветполя 133 версты. Дорога

---

¹⁾ 354 егеря, 113 мушкетеровъ, 26 артиллеристовъ и 68 лошадей. П. О. Бобровскій История Эриванскаго полка. Спб. 1893 г., III, стр. 224 и Приложение, стр. 309.

²⁾ Предписаніе 21-го іюня 1805 г. № 434. Акты кав. арх. ком., II, № 1715.

³⁾ Приступая къ разсказу о дѣйствіяхъ Карягина, неизгладимыми чертами вписанныхъ въ исторію кавказской войны, необходимо замѣтить, что въ тифлисскихъ архивахъ почти не имѣется документальныхъ свѣдѣній объ этомъ знаменитомъ походѣ. Еще въ 1843 г. изъ архива канцеляріи главноуправляющаго въ Грузіи были взяты дѣла, относившіяся до персидской войны въ царствованіе Александра I, и отправлены въ Петербургъ къ г.-л. Михайловскому-Данилевскому, на котораго по высочайшему повелѣнію было возложено описаніе упомянутой войны. Въ числѣ этихъ дѣлъ находились, между прочими, „донесеніе полковника Карягина и маіора Котляревскаго о дѣйствіяхъ противъ персидскихъ войскъ подъ предводительствомъ Пирь-Кули-хана, и объ измѣнѣ поручика Лысенко и нижнихъ чиновъ его командъ“. (См. предисловіе къ II тому Актовъ кавказской археографической комиссіи). Въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба хранится нѣсколько копій съ рапортовъ Карягина князю Циціанову, относящихся къ этому походу. Ими пользовались академикъ Н. Э. Дубровинъ и П. О. Бобровскій въ своихъ описаніяхъ дѣйствій Карягина. Но имѣются ли въ упомянутомъ архивѣ копіи всѣхъ или только нѣкоторыхъ документовъ, отправленныхъ къ Михайловскому-Данилевскому и гдѣ находятся эти послѣдніе—неизвѣстно.

При такой скудости официальныхъ извѣстій о подвигѣ Карягина и его отряда очень цѣнными являются показанія участника похода, напечатанныя въ первомъ выпускѣ сочиненія: „Быть русскаго дворянина въ разныхъ эпохахъ и обстоятельствахъ его жизни“ (Москва 1851). Книга эта вышла безъ имени автора, но извѣстно, что она написана Д. Н. Бегичевымъ. Включенный въ нее подробный разсказъ о походѣ Карягина приписывается П. А. Ладинскому, бывшему въ 1805 г. поручикомъ 17-го егерскаго полка и служившему въ баталіонѣ, которымъ командовалъ маіоръ Котляревскій. Къ сожалѣнію, авторъ книги подвергъ разсказъ Ладинскаго литературной обработкѣ и тѣмъ въ значительной мѣрѣ ослабилъ его значеніе, какъ первоисточника.

Сохранилось показаніе еще и другого очевидца, именно мелика Ованеса или Вани, оказавшаго большія услуги отряду Карягина при отступленіи его изъ Шахъ-булаха въ Мухратъ. Разсказъ мелика Вани былъ напечатанъ въ «Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ» 1830 г., № 69, и перепечатанъ въ приложеніи ко второй части перваго тома сочиненія Платона Зубова: „Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ закавказскихъ“ (Спб. 1835).

Многіе пункты, игравшіе достопамятную роль въ дѣйствіяхъ Карягина, какъ напр. кладбище Кара-гаджи-баба и кр. Мухратъ, не означены на нашихъ картахъ, и потому

идеть сначала на востокъ и потомъ постепенно уклоняется къ югу, вдоль восточной подошвы Карабагскихъ горъ, сбѣгающихъ пологими холмами на куро-аракскую равнину. Путь пересѣкался нѣсколькими большими и малыми рѣчками, вытекающими изъ Кыркъ-кизскаго хребта. Многоводныя и шумныя въ ущельяхъ, онѣ, по выходѣ на плоскость, разбѣгаются по оросительнымъ каналамъ и только немногія достигаютъ Куры.

Миновавъ большое сел. Агдамъ, дорога вступаетъ въ ущелье р. Каркаръ-чая или Аскаранъ-чая. Здѣсь, верстахъ въ 25-ти недоходя Шуши, путь по ущелью преграждается стѣнами Аскаранскаго замка. Укрѣпленія, расположенныя по обѣимъ сторонамъ рѣки, состоятъ изъ башенъ, связанныхъ между собою высокими (до 3-хъ саж.) стѣнами. Скалистые берега Аскаранъ-чая такъ круты и обрывисты, что обойти укрѣпленіе невозможно. Даже въ руслѣ рѣки стоятъ двѣ башни. Въ новѣйшее время, при проложеніи шушинскаго шоссе, строители его были вынуждены сдѣлать проломъ въ стѣнахъ и провести дорогу чрезъ самую крѣпость ¹⁾.

Отправляя Карягина на подкрѣпленіе шушинскаго гарнизона, Циціановъ предвидѣлъ, что Аскаранскій замокъ, въ случаѣ занятія его персіянами, можетъ остановить движеніе отряда. Поэтому

движеніе отряда, за неимѣніемъ точныхъ топографическихъ указаній, не вполне понятно въ подробностяхъ.

Для опредѣленія положенія всѣхъ пунктовъ, упоминаемыхъ въ донесеніяхъ Карягина, начальникомъ штаба кавказскаго военного округа г.-л. Бѣлявскимъ, въ февралѣ текущаго 1901 г., было предложено командиру квартирующаго въ г. Елизаветполѣ Асландузскаго резервнаго баталіона, послать офицера съ охотничьей командой для обозрѣнія всего пути слѣдованія отряда Карягина. Поручикъ Горшковъ, на котораго было возложено это порученіе, выполнилъ его очень внимательно и умѣло. Онъ составилъ чертежъ всего пройденнаго пути въ полуверстномъ масштабѣ, сдѣлалъ фотографическіе снимки наиболѣ замѣчательныхъ пунктовъ (кладбища Кара-гаджи-баба, кр. Аскаранъ, оврага, гдѣ погибъ Сидоровъ, и пр.), изготовилъ планы и разрѣзы укрѣпленій, въ которыхъ защищался отрядъ Карягина (Шахъ-булахъ, Мухратъ) и пр.

Среди мѣстныхъ жителей поручикъ Горшковъ нашелъ стариковъ, которые сохранили въ памяти нѣкоторыя происшествія 1805 г. Если рассказы ихъ не всегда согласны съ твердо установленными фактами, то они во всякомъ случаѣ любопытны, какъ доказательство глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго на мѣстное населеніе героическою борьбою ничтожнаго по численности отряда съ цѣлой персидской арміей. Такъ, одинъ изъ стариковъ сообщилъ поручику Горшкову, что Карягинъ, несмотря на значительныя потери, понесенныя въ сраженіи при Кара-гаджи-бабѣ, два раза успѣшно штурмовалъ Аскаранскій замокъ. Легенда эта, не подтверждаемая исторіей, свидѣтельствуетъ, что для Карягина все считалось возможнымъ.

¹⁾ Описание и снимки поручика Горшкова.

Лисаневичу было предписано поспѣшить на встрѣчу Карягина и поставить въ Аскаранѣ хотя сто человекъ. Лисаневичъ не исполнилъ однако даннаго ему приказанія. Опасенія Циціанова оправдались: персіяне заняли Аскаранскій замокъ и отрѣзали Карягина отъ Шуши ¹⁾.

На седьмой день послѣ выступленія изъ Елизаветполя, т. е. 24-го іюня утромъ, отрядъ Карягина переправился чрезъ р. Шахъ-булахъ. Здѣсь окружили его передовыя персидскія войска. Отрядъ, свернувшись въ каре, продолжалъ движеніе, отбиваясь на ходу отъ насѣдавшей на него конницы. Въ 14-ти верстахъ отъ Шахъ-булаха, когда Карягинъ приближался уже ко входу въ ущелье Аскаранъ-чая, показались главныя силы персидскаго авангарда подъ начальствомъ Пиръ-Кули-хана. Численность его Карягинъ опредѣлялъ въ 10 тысячъ человекъ ²⁾.

День склонялся уже къ вечеру. До Аскаранскаго замка оставалось еще около пяти верстъ. Карягинъ, конечно, рѣшился бы пробиться къ нему, если бы имѣлъ увѣренность въ томъ, что укрѣпленіе не занято неприятелемъ. Но неполученіе извѣстія о выступленіи Лисаневича изъ Шуши доказывало, что персіяне утвердились въ Аскаранѣ. При такихъ условіяхъ двинуться вглубь ущелья значило добровольно идти въ ловушку, такъ какъ неприятель не замедлил бы занять выходъ изъ тѣснины и тѣмъ преградить возможность отступленія. Оставалось искать на мѣстѣ наиболѣе удобнаго пункта для обороны. Отрядъ находился на урочищѣ Кара-гаджи-баба, при началѣ Аскаранскаго ущелья. Здѣсь находится обширное мусульманское кладбище ³⁾. На холмистой площади разбросаны многочисленныя надгробныя камни и постройки (гюмбетъ или дарбазъ), представляющія нѣкоторую защиту отъ выстрѣловъ. Карягинъ рѣшился устроить здѣсь укрѣпленный лагерь на одномъ изъ пригорковъ, увѣнчанномъ гюмбетомъ ⁴⁾. Сол-

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком. II, № 1721.

²⁾ Рапортъ Циціанову отъ 26-го іюня 1805 г. у П. О. Бобровскаго, Исторія Эриванскаго полка, III, Прилож., стр. 308.

³⁾ Описаніе поручика Горшкова.

⁴⁾ Въ сочиненіи „Бытъ русскаго дворянина“, I, стр. 31, могильный памятникъ этотъ названъ мечетью.

даты наскоро окопались и, оградившись повозками, приготовились къ бою. Персіяне, ободренные ничтожностью отряда, не замедлили броситься въ атаку. Ожесточенные приступы ихъ слѣдовали одинъ за другимъ до наступленія ночи. Карягинъ удержалъ за собою кладбище, но это стоило ему почти половины отряда ¹⁾).

Надо думать, что и персіянамъ попытка взять русскій отрядъ открытою силою обошлась недешево. По крайней мѣрѣ, на слѣдующій день (25-го іюня) Пиръ-Кули-ханъ ограничился одной канонадой. Очевидно, онъ не допускалъ мысли, чтобы осажденные могли продержаться долѣе одного дня. Но сутки прошли, а парламентаръ изъ лагеря не являлся. Тогда персидскій сардаръ, желая ускорить развязку, задумалъ лишить осажденныхъ воды. Съ этою цѣлью онъ поставилъ надъ рѣкою четыре фальконетныхъ батареи, которыя цѣлый день громили русскій лагерь.

Съ этой минуты потери отряда стали быстро расти. Самъ Карягинъ, контуженый уже три раза въ грудь и въ голову, былъ раненъ пулею въ бокъ; Котляревскій получилъ также рану въ ногу, большинство офицеровъ выбыло изъ строя, а нижнихъ чиновъ не осталось въ строю и полутораста человекъ. Если прибавить къ этому нестерпимый зной и затрудненія въ добываніи воды, то нельзя не преклониться предъ тою нравственною силою, которою держался отрядъ,—и не только держался, а дѣлалъ еще и смѣлыя вылазки. Одна изъ нихъ, предпринятая въ ночь съ 26-го на 27-е іюня противъ батарей, преграждавшихъ доступъ къ водѣ, совершилась съ полнымъ успѣхомъ. Горсть солдатъ овладѣла всѣми фальконетами, сбросила ихъ въ рѣку и уничтожила насыпи.

Успѣхъ этотъ, впрочемъ, не улучшилъ существеннымъ образомъ положенія осажденныхъ. Число ихъ ежечасно уменьшалось, порохъ и снаряды приходили къ концу. Надежда на выручку исчезла окончательно. Лисаневичъ не рѣшался покинуть Шушу, гдѣ его присутствіе одно только и удерживало жителей отъ явнаго перехода на сторону Персіи. Князь Циціановъ, ожидавшій въ

---

¹⁾ Убито 33, ранено 163 ч. Рапортъ Карягина 26-го іюня 1805 г.; Бобровскій, III, Прилож., стр. 311.

Елизаветполѣ прибытія войскъ изъ Тифлиса, въ порывѣ скорби осыпалъ Лисаневича упреками. «Не удивляюсь я тому,—писалъ онъ 26-го іюня¹⁾),—что Ибрагимъ-ханъ карабагскій не содѣйствуетъ своею конницею, но весьма странно мнѣ то, что вы остаетесь, какъ прикованный къ крѣпости, въ то время, когда полковникъ Карягинъ находится въ опасности: онъ у Аскарана имѣлъ сраженіе съ персіянами, а Аскаранъ не далѣе трехъ агачей, и вы съ нимъ не соединились, чтобы подать ему помощь,—тогда не былъ бы отрѣзанъ и свободно прибылъ бы въ Шушу». Черезъ два дня Лисаневичъ получилъ новое посланіе²⁾ отъ Циціанова: «Рапортъ вашъ о томъ, что Карягинъ отрѣзанъ отъ Шуши и дойти до оной, какъ и подать ему помощь, не можно, я получилъ, и ежели вы допустили персіянъ занять Аскаранскую крѣпость, не занявъ ее прежде хотя ста человѣками, то по крайней мѣрѣ постарайтесь доставить какимъ-нибудь образомъ Карягину провіанта и пороху, чтобы онъ могъ стоять,—въ немъ же увѣренъ я, что онъ не отдастся. А я, лишь только прибудутъ изъ Тифлиса войска, тотчасъ самъ пойду на выручку его; причемъ долженъ замѣтить вамъ, что отправленію отъ меня Карягина была поводомъ излишняя ваша торопливость, и ежели что съ нимъ случится, то вы въ томъ причиною, ибо вамъ, бывши съ отрядомъ въ крѣпости, опасаться было нечего».

«Не нужны мнѣ ваши пустыя извѣстія,—писалъ онъ ему въ другой разъ³⁾),—когда отъ излишнихъ вашихъ страховъ я послалъ несчастнаго, но въ храбрости себѣ равнаго не имѣющаго, полковника Карягина на жертву, чтобы васъ подкрѣпить, сидящаго въ крѣпости той, которую Ага-Маметъ-ханъ не могъ взять и безъ русскаго гарнизона, а у васъ 300 человекъ и три пушки... Не могу вообразить отъ ужаса о его положеніи... Самъ жду войскъ изъ Тифлиса и думаю, уже будетъ поздно—къ важнѣйшему моему несчастію, въ теченіе 35-ти-лѣтней моей службы случавшемуся»...

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 1718.

²⁾ Тамъ же, № 1721.

³⁾ Тамъ же № 1726.

Но Лисаневичъ имѣлъ мужество, несмотря на явное неудовольствіе главнокомандующаго, не послушаться голоса сердца, призывавшаго его подать помощь товарищамъ. Взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, онъ пришелъ къ убѣжденію, что передача Шушинской крѣпости въ руки персіянъ будетъ имѣть болѣе гибельныя послѣдствія, чѣмъ истребленіе отряда Карягина. Самъ Циціановъ писалъ ¹⁾ послѣдному: «Сколько ни тревожно и ужасно мнѣ извѣстіе, отъ васъ полученное, но въ отчаяніи неслыханномъ прошу васъ подкрѣпить солдатъ уговорами. Я бы, конечно, по первымъ извѣстіямъ о вашей опасности полетѣлъ бы на выручку васъ, но, не дождавшись изъ Тифлиса, съ чѣмъ выйти? Вы знаете. А потому подвергнусь тому же жребію, какъ вашъ отрядъ.... Ожидаемая же войска изъ Тифлиса опять бы подверглись равной участи, и такъ раздѣльно всѣ бы пострадали». Пострадалъ бы, конечно, болѣе всѣхъ Лисаневичъ: посылка къ Карягину 50-ти и даже 100 человекъ не принесла бы ему никакой пользы, если бы они даже и успѣли пробиться къ нему чрезъ персидскую армію; при выходѣ же со всѣмъ гарнизономъ приходилось отдать Шушу во власть непріятеля и тѣмъ уничтожить плоды всѣхъ предшествовавшихъ лѣтъ. Послѣдствія, какъ увидимъ, доказали—насколько былъ правленъ взглядъ Лисаневича. Впрочемъ, самъ Циціановъ поступилъ также, какъ и Лисаневичъ, оставшись въ Елизаветполѣ, и, разсуждая спокойно, сознавалъ, что иначе ему поступить и нельзя было.

Въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ ²⁾ отъ 1-го іюля 1805 года главнокомандующій доносилъ, что «карабагскіе жители, обольщенные обѣщаніями Баба-хана, держатъ его сторону, но, имѣя въ крѣпости Шушѣ нашъ гарнизонъ, остаются въ молчаніи».

День 27-го іюня былъ самымъ тягостнымъ для Карягина. Утромъ къ Пиръ-Кули-хану присоединилась 30-ти-тысячная армія Аббаса-Мирзы. Единодушіе, которымъ до сихъ поръ держались осажденные, поколебалось: поручикъ Лысенко и 55 нижнихъ чиновъ бѣжали къ непріятелю. Такъ, по крайней мѣрѣ, донесъ Ци-

---

¹⁾ Отъ 1-го іюля 1805 г. № 471. Акты кав. арх. ком., II, № 1725.

²⁾ Акты кав. арх. ком. II, № 1723.

ціанову Карягинъ ¹⁾). Но объ этомъ печальномъ событіи имѣется еще и другое, быть можетъ, болѣе достовѣрное извѣстіе. По свидѣтельству участника обороны, Лысенко, посланный съ командою на фуражировку, неожиданно передался непріятелю, при чемъ солдаты были предательски умерщвлены, и только фельдфебель Петровъ съ пятью егерями возвратился къ отряду ²⁾).

Какъ бы то не было, но участь отряда висѣла теперь, можно сказать, на волоскѣ. Правда, приступъ, поведенный Аббасъ-Мирзою 27-го іюня, былъ отбитъ, но затѣмъ у осажденныхъ не оставалось почти никакихъ средствъ къ сопротивленію. Изъ 493 человекъ, за вычетомъ убитыхъ и бѣжавшихъ, находилось на лицо только 347 человекъ, изъ нихъ половина раненыхъ ³⁾). Запасы пороха и сухарей приходили къ концу.

Аббасъ-Мирза зналъ о безнадежномъ положеніи отряда и ожидалъ отъ Карягина предложенія условій сдачи. Но начальникъ от-

---

1) Рапортъ 28-го іюня 1805 г. изъ Шахъ-булаха; Бобровскій, III, № 226.

2) „Быть русскаго дворянина“, I, 34—42. Измѣнившій офицеръ не названъ здѣсь по имени. Рассказчикъ увѣряетъ, что это былъ иностранецъ исповѣданія происхожденія, одинъ изъ числа многихъ французскихъ шпионовъ въ Россіи. Но документальныя свѣдѣнія, приведенныя у Бобровскаго (III, 227), опровергаютъ это извѣстіе, подсказанное, вѣроятно, вполне понятнымъ желаніемъ скрыть отъ читателя позорный поступокъ русскаго офицера. Поручикъ Лысенко, изъ малороссійскихъ дворянъ, вступилъ въ службу въ 1801 г. и въ слѣдующемъ году произведенъ въ прапорщики. Это былъ храбрый офицеръ, отличившійся при штурмѣ Ганжи и въ бою 24 іюня 1805 г. при отраженіи Пиръ-Кули-хана, когда самъ Карягинъ рекомендовалъ его „особливо“, всего за два дня до измѣны. Въ виду этого вѣроятіе, кажется, допустить со стороны Лысенко просто безпечность, ту роковую безпечность, отъ которой и въ послѣдствіи погибало много, очень много людей въ такой войнѣ, какъ кавказская. Замѣчательно, что такой грѣхъ всегда случался съ людьми самыми храбрыми: только ихъ натурѣ, какъ выразился одинъ писатель, свойственъ „шибокъ на авось“. Очень можетъ быть, что фуражиры наши расположились оплошно, персіяне напали внезапно,—и люди погибли, не успѣвъ даже схватиться за оружіе. Предположеніе это находить себѣ въ которое подтвержденіе въ томъ, что рассказы очевидцевъ противорѣчатъ рапорту Карягина. По показаніямъ израненныхъ солдатъ, возвратившихся въ лагерь, команда погибла съ честью, а измѣнилъ только офицеръ. Но кому же изъ бывавшихъ въ дѣлѣ неизвѣстно, что при всякой неудачѣ ничто такъ легко не срывается съ языка солдата, какъ слово *измѣна*. Иначе онъ не умѣетъ объяснить свою неудачу. Въ горячей схваткѣ, не видя среди себя офицера, который могъ быть раненъ и взятъ въ плѣнъ изъ первыхъ,—солдаты и заключили о бѣгствѣ его къ непріятелю. Замѣчательно, что о дальнѣйшей судьбѣ Лысенко не имѣется никакихъ положительныхъ свѣдѣній. П. О Бобровскій говоритъ въ своемъ трудѣ (III, 229), не указывая источника, что онъ былъ въ послѣдствіи инструкторомъ персидскихъ войскъ въ Нахичевани. Если извѣстіе это справедливо, то оно все-таки не можетъ служить доказательствомъ измѣны Лысенко 27-го іюня 1805 г.

3) П. О. Бобровскій, III, Прилож., стр. 309, 311, 312.

ряда не считалъ еще свое дѣло окончательно проиграннымъ. О принятомъ имъ рѣшеніи скажемъ его собственными словами: «Поспѣшая донести вашему сіятельству,—писалъ онъ князю Циціанову 27-го іюня,—сколь можно кратчае о прибытіи Аббаса-Мирзы и о послѣднемъ его сраженіи, доношу, что я, дабы не подвергнуть совершенной и очевидной гибели остатокъ отряда и спасти людей и пушки, предпринялъ твердое рѣшеніе пробиться съ отважною сквозь многочисленнаго непріятели, окружившаго со всѣхъ сторонъ; исполняю сіе теперь въ намѣреніи занять на Шахъ-булахѣ крѣпость, и какъ въ отрядѣ весьма мало остается патроновъ и артиллерійскихъ зарядовъ, а также невозможно взять болѣе трехдневнаго провіанта, потому что всѣ оставшіяся неубитыми казенныя, артельныя и офицерскія лошади употреблены подъ обозъ артиллеріи и раненыхъ людей, то смѣю убѣдительноше просить о скорой присылкѣ всего, а особливо провіанта, а также и лѣкаря съ медикаментами, въ коемъ я и всѣ раненыя имѣемъ великую нужду ¹⁾). Что же случится при отступленіи и занятіи Шахъ-булахской крѣпости, о томъ донести не замедлю».

Шахъ-булахскій замокъ, мимо котораго Карягинъ проходилъ 24-го іюня, направляясь къ Шушѣ, находится на берегу рѣчки того-же имени. Онъ былъ построенъ однимъ изъ правителсей Карабага, Панахъ-ханомъ, для зимней резиденціи, когда холодъ и вьюги господствуютъ на вершинѣ шушинскихъ скалъ. Остатки замка, сравнительно мало пострадавшаго отъ времени, еще и теперь видны на вершинѣ холма, рядомъ съ многоводными родниками, давшими сооруженію свое имя ²⁾). За его высокими стѣнами отрядъ могъ держаться до прибытія выручки, лишь бы только хватило продовольствія. Сомнѣніе возбуждала только возможность пробиться къ Шахъ-булаху при недостаткѣ лошадей и огромномъ числѣ раненыхъ.

Два обстоятельства благоприятствовали Карягину. Персидскія войска еще и теперь не знаютъ правильной сторожевой службы,

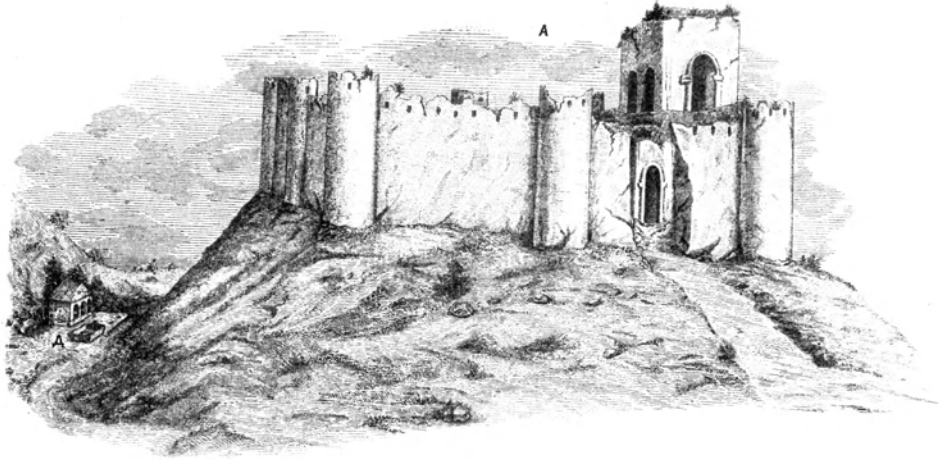
---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 1719.

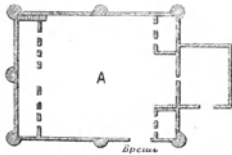
²⁾ Описаніе пор. Горшкова. Шахъ-булахъ значитъ шахскій родникъ. (См. чертежъ.)

ЗАМОКЪ ШАХЪ-БУЛАХЪ

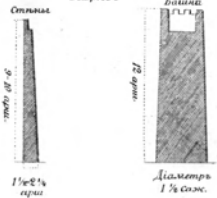
Современный видъ замка съ южной стороны

ПЛАНЪ
Замка Шахъ-Булахъ

Разрѣзь

Масштабъ плана

КРОКИ

Близости Шахъ-Булахъ.

Масштабъ крѣпки

а тогда съ наступленіемъ ночи лагерное расположеніе ихъ никогда не охранялось бодрствующими постами и секретами. Разсчитывая на эту восточную безпечность, Карягинъ рѣшилъ покинуть свою позицію послѣ заката солнца. Но темная, южная ночь, скрывая отъ непріятеля отступленіе отряда, могла вмѣстѣ съ тѣмъ замедлить его движеніе и подвергнуть опаснымъ случайностямъ среди пересѣченной мѣстности. Къ счастью, въ отрядѣ находился молодой армянинъ меликъ Ованесь ¹⁾, сердечно преданный Карягину. Какъ мѣстный уроженецъ, хорошо знавшій всѣ дороги и тропы, онъ взялся скрытно провести отрядъ чрезъ персидскую армію къ Шахъ-булаху.

Выступленіе совершилось въ ночь съ 27-го на 28-е іюня 1805 года. Обозъ оставили на разграбленіе персіанамъ, фальконеты, взятые съ боя, зарыли въ землю, немногія свободныя лошади отданы тяжело раненымъ. Уходъ отряда былъ замѣченъ только тогда, когда онъ случайно столкнулся съ какою-то конною партіею. Раздавшіеся выстрѣлы всполошили непріятеля. Поднялась тревога. Аббасъ-Мирза, догадавшись вѣроятно о намѣреніи Карягина, послалъ Абуль-Фетъ-хана къ Шахъ-булаху для усиленія тамошняго гарнизона. Но персіане неохотники до ночныхъ экспедицій; ханъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, съ половины дороги возвратился въ свой лагерь. Ночная тревога только на время задержала отрядъ, не причинивъ ему никакой потери.

Къ разсвѣту Карягинъ подошелъ къ Шахъ-булаху и, разбивъ ядрами крѣпостныя ворота ²⁾, бросился на приступъ. Котляревскій, шедшій впереди, получилъ двѣ раны пулями, но солдаты по его слѣдамъ ворвались въ замокъ. Гарнизонъ, состоявшій изъ 150 человѣкъ, бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ 30 убитыхъ. Въ числѣ ихъ находился и близкій родственникъ Аббасъ-Мирзы, Ифіаль-ханъ, тѣло котораго, брошенное бѣгущими, осталось въ нашихъ рукахъ.

---

¹⁾ Онъ извѣстенъ болѣе подъ уменьшительнымъ именемъ мелика Вани. Отецъ его былъ старшиною сел. Касапетъ, въ 20-ти вер. къ с.-з. отъ Шахъ-булаха.

²⁾ Такъ говорилъ меликъ Ваня. По разсказамъ же мѣстныхъ старожилъ, записанныхъ поручикомъ Горшковымъ, солдаты проникли въ крѣпость чрезъ брешь, пробитую въ южной стѣнѣ. Показаніе это не заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ полевыми пушками нельзя пробить толстыя стѣны Шахъ-булахскаго замка.

«Крѣпость мною взята, непріятель изъ оной прогнанъ,—доносилъ Карягинъ Циціанову,—ожидаю повелѣній вашего сіятельства».

Не прошло и двухъ часовъ, какъ персидская армія показалась въ виду Шахъ-булаха. Аббасъ-Мирза сдѣлалъ попытку овладѣть замкомъ открытою силою, но, потерпѣвъ неудачу, отошелъ назадъ и ограничился тѣсною блокадою. Къ вечеру прибылъ персидскій парламентаръ. Наслѣдный принцъ обращался къ великодушію Карягина и просилъ о выдачѣ тѣла своего убитаго родственника.

— Съ удовольствіемъ исполню желаніе его высочества,—отвѣчалъ Карягинъ,—но съ тѣмъ, чтобы и намъ были выданы всѣ наши бѣглецы.

— Шахъ-заде (наслѣдникъ) это предвидѣлъ,—возразилъ парламентаръ,—и поручилъ мнѣ передать его искреннее сожалѣніе: русскіе солдаты, всѣ до послѣдняго человѣка, легли на мѣстѣ сраженія, а офицеръ, взятый въ плѣнъ, умеръ на другой день отъ раны.

Карягинъ приказалъ выдать тѣло убитаго хана и только прибавилъ:

— Скажите принцу, что я ему вѣрю, но что у насъ есть старая пословица: кто солжетъ, тому да будетъ стыдно.

Переговоры этимъ и кончились.

За крѣпкими и высокими стѣнами Шахъ-булахскаго замка отрядъ могъ считать себя въ безопасности отъ персіянъ. Но ему грозилъ другой, болѣе опасный врагъ,—голодъ, противъ котораго безсилны самыя мужественныя войска. Съ позиціи при Кара-гаджи-баба былъ взятъ провіантъ только на три дня. Въ Шахъ-булахѣ побѣдители нашли нѣсколько съѣстныхъ припасовъ ¹⁾, но продовольствіе это быстро пришло къ концу, и осажденные питались травою и лошадинымъ мясомъ. Меликъ Ованесъ и тутъ пришелъ на помощь отряду: по ночамъ онъ выходилъ изъ замка для сбора припасовъ въ ближайшихъ армянскихъ селеніяхъ. Однако и этотъ скудный источникъ вскорѣ изсякъ, такъ какъ окрестности были опустошены персіянами.

---

¹⁾ „Быть русскаго дворянина“, I. 47.

Аббасъ-Мирза изъ перехваченныхъ донесеній Карягина зналъ объ отчаянномъ положеніи отряда. Онъ предложилъ ему сдаться на капитуляцію. Карягинъ, желая выиграть время, отвѣчалъ, что долженъ предварительно снести съ главнокомандующимъ и для этого просилъ пропустить его посланца въ Елизаветполь. Аббасъ-Мирза не только согласился на это, но и взялъ на себя продовольствіе отряда до полученія отвѣта.

Письмо Карягина отъ 5-го іюля ¹⁾, написанное латинскими буквами на случай захвата его персіянами, далеко не соотвѣтствовало надеждамъ Аббаса-Мирзы. Въ немъ было сказано: «смѣю доложить вашему сіятельству, поспѣшайте сюда. Баба-ханъ непременно будетъ въ Аскаранъ въ понедѣльникъ и намѣренъ, оставя для атаки Лисаневича и моего отряда войска, съ 30-ю тысячами идти къ Елизаветполю, что вѣрно извѣстно изъ фирмана его къ сыну. Мой отрядъ отъ провіанта въ крайности совершенной. Четыре дня употребляли траву, а теперь, когда усилены по лѣсу и вездѣ персидскіе пикеты, ѣдятъ лошадей. Аббасъ-Мирза съ войсками расположенъ недалеко отъ крѣпости и почитаетъ отрядъ мой своимъ, надѣясь и полагая, вѣрно, что скоро сдамся. Я же стараюсь не допустить его до формальной осады тѣмъ только, что тогда на все могу ему отвѣчать, когда получу отъ васъ повелѣніе. И если ваше сіятельство не поспѣшите, то отрядъ можетъ погибнуть не отъ сдачи, къ коей не приступлю до послѣдней капли крови, но отъ крайности въ провіантѣ, о которомъ сколько ни писалъ Лисаневичу и къ Ибрагимъ-хану, но ничего не получилъ. Еще доношу, что ганжинцы каждый день пишутъ къ Аббасъ-Мирзѣ, что у васъ войскъ не болѣе 600 человекъ и что вы съ ними выступить никуда не смѣете. Аббасъ-Мирза отдѣлилъ три тысячи персіянъ къ Елизаветполю. Мнѣ отсюда ни шагу сдѣлать нельзя, потому что нѣсколько лошадей израненныхъ издохло, а нѣкоторыя уже употреблены въ пищу; люди же всѣ ослабѣвши, и словомъ — я неподвиженъ».

Къ сожалѣнію, ганжинцы сообщали правду о малочисленности войскъ у князя Циціанова. Ожидаемое подкрѣпленіе изъ

---

¹⁾ Н. О. Дубровинъ, IV. 453.

Грузіи еще не приходило. «Сколько больно мнѣ,—отвѣчалъ Циціановъ Карягину 6-го іюля ¹⁾),—столько и отчаянъ я о вашемъ положеніи; молю Бога поддержать и укрѣпить васъ. Десять разъ писалъ о присылкѣ войскъ форсированнымъ маршемъ, но едва въ субботу будутъ, а въ воскресенье, несмотря, что у меня сильная лихорадка, выступлю, что бы давно сдѣлалъ, ежели бъ ранѣе прибыли оныя».

Изъ этого письма, полученнаго 7-го іюля, Карягинъ убѣдился, что немедленной помощи отъ главнокомандующаго ожидать невозможно. Между тѣмъ прибытіе Баба-хана съ новыми силами ожидалось не позже 9-го іюля. Лазутчики сообщали, что тогда онъ отниметъ у осажденныхъ воду и принудитъ ихъ къ сдачѣ. Аббасъ-Мирза, узнавъ о прибытіи посланца съ письмомъ князя Циціанова, требовалъ отъ Карягина положительнаго отвѣта на предложеніе капитуляціи. «Я согласенъ,—отвѣчалъ Карягинъ,—пускай его высочество завтра утромъ займетъ Шахъ-булахъ». И Карягинъ сдержалъ свое слово.

Не видя выхода изъ своего положенія, Карягинъ рѣшился еще разъ прибѣгнуть къ ночному отступленію. Но куда? Идти къ Елизаветполю по большой дорогѣ было невысказимо, такъ какъ отрядъ былъ бы немедленно открытъ и окруженъ на равнинѣ, не представлявшей никакихъ способовъ къ оборонѣ. Состоя на половину изъ раненыхъ, изнуренный голодомъ и лишениями, онъ конечно и одного дня не продержался бы противъ превосходныхъ силъ. Вслѣдствіе этого, выборъ Карягина остановился на Мухратѣ, небольшомъ каменномъ замкѣ, расположенномъ верстахъ въ двадцатипяти къ с.-з. отъ Шахъ-булаха, близъ праваго берега р. Тертера, у подошвы лѣсныхъ Карабагскихъ горъ ²⁾).

Стоянка въ Мухратѣ представляла значительныя преимущества для отряда. Переходя въ него, отрядъ нѣсколько приближался къ Елизаветполю, откуда ожидалось прибытіе подкрѣпленія. Затѣмъ,

---

¹⁾ Акты кав. арх. к., II, № 1728.

²⁾ На нашихъ картахъ Мухратскіи замокъ не показанъ. Онъ находится близъ сел. Уллу-Карабекъ, означеннаго на 5-ти-верстной картѣ. По описанію поручика Горшкова, зданіе сохранилось, но сильно повреждено.

въ Мухратѣ можно было разсчитывать на полученіе продовольствія, такъ какъ онъ расположенъ ближе къ нагорнымъ селеніямъ, менѣе доступнымъ для хищничества персидской конницы. Наконецъ и самое отступленіе къ Мухрату казалось болѣе обезпеченнымъ отъ всякихъ случайностей: отрядъ, слѣдуя вдоль подошвы горъ, могъ въ случаѣ опасности найти удобную позицію для защиты.

Остановивъ свой выборъ на Мухратѣ, Карягинъ сдѣлалъ немедленно всѣ распоряженія къ выходу изъ Шахъ-булаха. Нельзя было терять ни минуты времени въ виду ожидавшагося прибытія арміи Баба-хана.

Въ десять часовъ вечера 7-го іюля отрядъ вышелъ изъ Шахъ-булаха. Проводникомъ служилъ опять меликъ Ваня. На стѣнахъ замка были оставлены часовые, которые своими окликаками ввели въ заблужденіе персидскіе караулы. Когда отрядъ нѣсколько отдалился, меликъ Ваня возвратился къ замку и снялъ часовыхъ.

На пути къ сел. Кабарту, въ ночной темнотѣ, отступающіе наткнулись на персидскій развѣздъ. Выстрѣлы подняли тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ. Къ счастью, какъ потомъ оказалось, Пиръ-Кули-ханъ не угадалъ направленія отряда и бросился преслѣдовать его по другой дорогѣ къ с. Мардагиръ. Карягинъ продолжалъ движеніе, но вскорѣ остановился предъ новымъ препятствіемъ: дорогу пересѣкала широкая канава или промоина, чрезъ которую не было возможности перетащить орудій ¹⁾. Общее недоумѣніе разрѣшилъ своею находчивостью рядовой Гаврила Сидоровъ. По его предло-

---

¹⁾ По описанію поручика Горшкова, это была не канава и не промоина, а русло р. Кабарту-чая, имѣющее и нынѣ до 5-ти арш. ширины и 6-ти арш. глубины, съ отвѣсными берегами. Подвигъ рядового Гаврила Сидорова, пожертвовавшего своею жизнью для спасенія орудій, описывается различно. Меликъ Ваня говоритъ только, что „четыре солдата согласились добровольно лечь въ канаву и чрезъ нихъ перевезли орудіе, — двое изъ нихъ умерли, а двое уплѣзли“. Въ книгѣ „Бытъ русскаго дворянина“ (I. 56—59) очевидецъ происшествія прямо указываетъ на рядового 17-го егерскаго полка Гаврилу Сидорова, какъ на изобрѣтателя способа переправы орудій. Нашъ разсказъ основанъ на показаніи этого очевидца. Въ донесеніяхъ Карягина ничего не сказано о происшествіи. Возможно, что для него, свидѣтеля цѣлаго ряда жертвъ, принесенныхъ подчиненнымъ ему отрядомъ для спасенія чести русскаго оружія, подвигъ Сидорова не представлялъ ничего выдающагося, и онъ забылъ о немъ, будучи всецѣло поглощенъ заботами о судьбѣ вѣрннаго ему отряда.

женію нѣсколько ружей было воткнуто штыками въ дно промоины; на нихъ положили другія ружья въ видѣ перекладинъ, концы которыхъ солдаты поддерживали своими плечами,—и мостъ былъ готовъ. Первая пушка прошла благополучно, а вторая сорвалась и ударила Сидорова колесомъ въ високъ. Онъ тутъ же скончался, успѣвъ только сказать: «прощайте, братцы, не поминайте лихомъ и молитесь за меня грѣшнаго».

Къ утру 8-го іюля отрядъ расположился въ садахъ сел. Касапетъ, родины мелика Вани. До Мухрата оставалось около пяти верстъ. По свѣдѣніямъ онъ не былъ занятъ непріателемъ. Карягинъ немедленно отправилъ туда маіора Котляревскаго съ больными и ранеными. Между тѣмъ Пиръ-Кули-ханъ, не найдя въ Мардагирѣ русскихъ, догадался, что отрядъ пошелъ на Мухратъ, и двинулся черезъ Кичикъ-Карабекъ къ этому замку, съ цѣлью предупредить Карягина. Въ это время Аббасъ-Мирза подошелъ съ главными силами къ рѣчѣ Кягрызь-чай. Получивъ здѣсь донесеніе о движеніи русскихъ на Мухратъ, онъ бросился въ этомъ направленіи и обрушился на нашъ отрядъ въ касапетскихъ садахъ. Къ счастью Котляревскій уже успѣлъ занять замокъ, но не такъ дешево отдѣлался Карягинъ. Онъ выдержалъ рядъ атакъ персидской кавалеріи, едва не потерялъ своихъ орудій, которыя пришлось вырывать штыками изъ рукъ персіанъ, и только къ полудню пробился наконецъ къ Котляревскому.

Только теперъ онъ отправилъ отвѣтъ Аббасъ-Мирзѣ, сдѣлавшему ему предложеніе еще въ Шахъ-Булахѣ перейти въ персидскую службу: «Въ письмѣ своемъ изволите говорить,—писалъ онъ наслѣдному принцу,—что родитель вашъ имѣетъ ко мнѣ милость; а я васъ имѣю честь увѣдомить, что, воюя съ непріателемъ, милости не ищутъ, кромѣ измѣнниковъ; а я, посѣдѣвшій подъ ружьемъ, за счастье сочту пролить мою кровь на службу Его Императорскаго Величества».

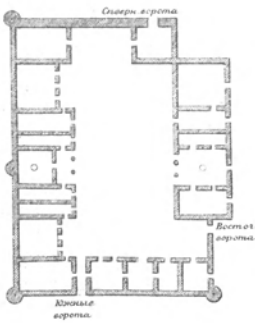
Въ Мухратѣ отрядъ пользовался сравнительнымъ спокойствіемъ и довольствомъ. Меликъ Ваня каждую ночь выходилъ изъ крѣпости и доставалъ съѣстные припасы изъ окрестныхъ армянскихъ селеній. Аббасъ-Мирза, вѣроятно изъ опасенія быть атакован-

ЗАМОКЪ МУХРАТЪ

Современный видъ замка

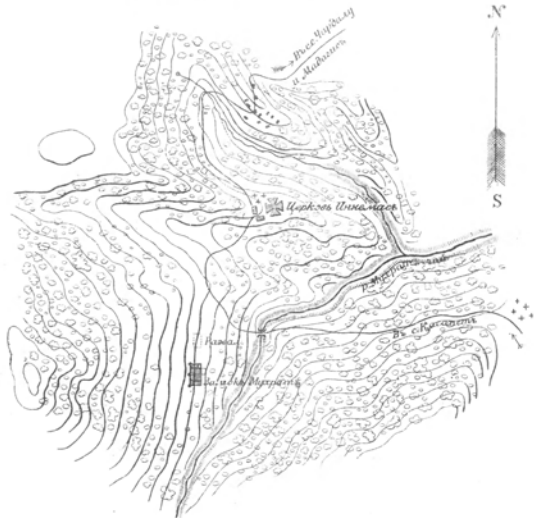
П Л А Н Ъ
Замка Мухрата

Высота стѣнъ 7-Ю арш.
Толщина „ 1 1/2 „
Диаметръ башенъ до 2 1/2 арш.
Масштабъ плана

См. стр. 11

К Р О К И
Окрестностей Мухрата

Масштабъ кроки

нымъ княземъ Циціановымъ, ушелъ къ Аскарану, оставивъ подъ Мухратомъ и около моста Кара-керпи на р. Тертерѣ только небольшой отрядъ для наблюденія за дѣйствіями русскихъ.

«Теперь я отъ атакъ Баба-хана совершенно безопасенъ, — писалъ Карягинъ Циціанову 9-го іюля ¹⁾), — по причинѣ, что здѣшнее мѣстоположеніе не позволяетъ ему быть съ многочисленнымъ войскомъ. Команду послалъ въ армянскую деревню для сысканія провіанта, а если же и не сыщутъ, то можно отыскать скота ²⁾). У Циціанова какъ камень свалился съ плечъ. «Съ безмѣрною радостью, — отвѣчалъ онъ ³⁾), — получилъ я вашъ рапортъ, извѣщающій меня, что вы пробились въ безопасное мѣсто, и въ такое, гдѣ лучше продовольствоваться можете, хотя переходъ тотъ и дорого стоилъ. Для сближенія съ вами я намѣренъ остановиться за Тертерою при разоренной деревнѣ Мардашти, которая, какъ говорятъ, отъ занимаемой вами крѣпости только два агача. Дайте мнѣ скорѣе знать, могу ли я васъ ожидать въ оную деревню съ 14-го на 15-е число ночью, если непріятель мнѣ не помѣшаетъ туда дойти».

Циціановъ, когда писалъ это письмо, уже имѣлъ въ своемъ распоряженіи войска, которая съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ изъ Грузіи. Онъ выступилъ съ ними 11-го іюля и съ дороги писалъ Карягину радостную вѣсть о своемъ приближеніи. Сильной зной не позволялъ ему дѣлать большихъ переходовъ. Несмотря на всѣ мѣры къ сбереженію людей, каждый день заболѣвало по нѣсколько человекъ отъ жгучаго солнца ⁴⁾). Только 15-го іюля, отбросивъ при р. Тертерѣ персіянъ, пытавшихся помѣшать переправѣ, Циціановъ прибылъ въ с. Мардашти (Мардагысъ). На слѣдующее утро присоединился къ нему и Карягинъ съ остатками ⁵⁾ своего доблестнаго отряда. Главнокомандующій встрѣтилъ его съ большимъ

---

¹⁾ Дубровинъ, IV. 456.

²⁾ Отъ 12-го іюля 1805 г. № 491 Акты Кав. арх. к., II, № 1729.

³⁾ Дубровинъ IV. 458.

⁴⁾ Изъ 493 чел., выступившихъ съ Карягинимъ, возвратилось 346 чел., изъ нихъ половина раненыхъ. Убыль убитыми и бѣжавшими составляла почти одну треть всего отряда. П. О. Бобровскій, III. Прилож., стр. 309.

⁵⁾ „Быть русскаго дворянина“, I, 62.

торжествомъ. Онъ велѣлъ выстроиться обоимъ отрядамъ и при всѣхъ, передъ фронтомъ, обнималъ и цѣловалъ Карягина и Котляревскаго, потомъ ходилъ по фронту, благодарилъ офицеровъ и солдатъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ¹⁾.

На другой день Циціановъ двинулся дальше къ Шушѣ, а отрядъ Карягина направленъ былъ на отдыхъ въ Елизаветполь. Но отдыхать въ то трудное время никому не приходилось.

Надо сказать, что лишь только Циціановъ вышелъ изъ Елизаветполя, Аббасъ-Мирза, рассчитывая на слабость оставленнаго тамъ гарнизона, ворвался въ Елизаветпольскій округъ и бросился на городъ. Татары, жившіе въ предмѣстьѣ, перешли явно на его сторону. Они отвели у гарнизона воду, заняли всѣ пригородные сады и, укрѣпившись въ караванъ-сараѣ, массивномъ каменномъ зданіи, два дня бомбардировали городъ изъ своихъ фальконетовъ; на третій, 10-го іюля, изъ крѣпости замѣтили, что персидскія войска уводятъ съ собою армянскія и татарскія семьи, — и сдѣлали вылазку. Двѣсти человекъ пѣхоты, 50 казаковъ и 300 армянъ смѣло ворвались въ предмѣстье, заняли мечеть, взяли караванъ-сарай, но не могли выбить непріятели изъ городскихъ садовъ. При этомъ удалось отбить только 25 семей, а остальныхъ персіяне увели съ собою.

Слухъ о приближеніи Карягина къ Елизаветполю заставилъ Аббасъ-Мирзу уклониться отъ встрѣчи съ русскими войсками. Онъ отступилъ къ Шамхорамъ и, возбудивъ мятежъ среди шамшадильскихъ татаръ, готовился вмѣстѣ съ ними идти на Тифлисъ, оставшійся почти безъ войска. Опасность, дѣйствительно, грозила большая. Карягинъ, больной, страдавшій отъ ранъ, тѣмъ не менѣе рѣшился разстроить планы наслѣднаго принца. Съ отрядомъ, не превышавшимъ шестисотъ штыковъ, 25-го іюля выступилъ онъ изъ Елизаветполя. Къ счастью, случайное обстоятельство задержало Аббасъ-Мирзу у Шамхоръ и дало возможность Карягину нанести ему пораженіе. Шедшій изъ Тифлиса, небольшой транспортъ наткнулся 23-го іюля на дзегамской равнинѣ, близъ Шамхоръ, на

---

¹⁾ „Бытъ русскаго дворянина“, I, 62.

передовыя войска подъ начальствомъ Пиръ-Кули-хана. Прикрытіе, состоявшее изъ 300 человѣкъ, устроивъ каре изъ аробъ, защищалось отчаянно, не смотря на то, что къ Пиръ-Кули-хану подошли главныя силы Аббасъ-Мирзы, и на каждаго изъ нашихъ солдатъ приходилось непріятелей по крайней мѣрѣ по сто человѣкъ. Персіяне, обложивъ транспортъ и грома его изъ орудій, требовали сдачи, угрожая въ противномъ случаѣ истребить всѣхъ до единого. Начальникъ транспорта поручикъ Нарвскаго драгунскаго полка Донцовъ, одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, имена которыхъ невольно врѣзываются въ память, отвѣчалъ одно: «умремъ, а не сдадимся!» Но положеніе отряда становилось отчаяннымъ. Донцовъ, служившій душою обороны, былъ убитъ; другой офицеръ, прапорщикъ Платковскій, черезъ свою запальчивость попалъ въ плѣнъ. Солдаты остались безъ начальниковъ, но, давая другъ другу клятву держаться до послѣдней капли крови, стойко сопротивлялись четыре страшныхъ дня. Наконецъ, вечеромъ 27-го іюля показался Карягинъ, спѣшившій сюда форсированными маршами,—и картина боя мгновенно перемѣнилась. На другой день баталіонъ въ 600 человѣкъ стремительно атаковалъ главный лагерь наслѣднаго принца, ворвался въ его окопы и овладѣлъ батареями. Не давая непріятелю сплотиться, солдаты поворотили отбитыя пушки на лагерь,—и персіяне обратились въ бѣгство, лишь только въ рядахъ ихъ пронеслось имя Карягина. Трофеями этой неслыханной побѣды, одержанной горстью солдатъ надъ цѣлою персидскою арміею, былъ весь непріятельскій лагерь, обозъ, нѣсколько орудій, знамена и множество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ захваченъ и раненый царевичъ Теймуразъ Ираклевичъ. Таковъ былъ финалъ, закончившій персидскую кампанію 1805 года, начатую тѣми же людьми и почти при тѣхъ же условіяхъ на берегахъ Аскарана.

Разбитый при Дзегамѣ, Аббасъ-Мирза рассчитывалъ еще найти себѣ опору въ казахскихъ татарахъ. Но казахцы, вмѣсто помощи, нанесли ему новое пораженіе въ тѣсномъ Делижанскомъ ущельѣ, отбили множество катеровъ, оружія, даже фальконетовъ и затѣмъ преслѣдовали его до самыхъ границъ Эриванскаго хан-

ства. Паника среди персіянъ была такъ велика, что одинъ изъ татаръ, пользуясь ею, успѣлъ выкрасть изъ плѣна генераль-маіора князя Ивана Орбеліани, бывшаго грузинскаго сардаря, захваченнаго подъ Эриванью. Такимъ образомъ, тѣ самые татары, которые въ прошломъ году бунтовали и даже грозили Тифлису, теперь служили отлично даже безъ помощи русскаго войска. И все это произошло, какъ откровенно доносилъ Циціановъ, только отъ перемѣны одного моурава другимъ, безкорыстнымъ и справедливымъ ¹⁾).

Что касается до князя Циціанова, то онъ окончилъ кампанію безъ выстрѣла. Какъ только извѣстіе о приближеніи самого главнокомандующаго дошло до Фетъ-Али-шаха, онъ тотчасъ очистилъ Карабагское ханство и ушелъ за Араксъ. Нельзя не сказать, что этимъ счастливымъ результатомъ мы болѣе всего обязаны были Лисаневичу, удержавшему за собою Шушу.

Такъ окончилась кампанія 1805 года, ознаменованная подвигами по истинѣ легендарными, казавшимися чудесными даже въ глазахъ самихъ современниковъ. «У васъ совершаются дѣла баснословныя,—писалъ Циціанову графъ Растопчинъ,—слыша о нихъ, дивишься имъ и радуешься, что имя русскихъ и Циціанова гремитъ въ странахъ отдаленныхъ».....

Государь пожаловалъ Карягину золотую шпагу, а армянинъ меликъ Ваня, котораго Карягинъ признавалъ «спасителемъ отряда», получилъ чинъ прапорщика, золотую медаль и пожизненную пенсію въ 200 руб. сер.

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 1118.

Г л а в а XII.

Присоединеніе къ Россіи Ширванскаго ханства. Причины, вызвавшія бакинскій походъ. Каспійская флотилія. Гилянская экспедиція генерала Завалишина и неудачныя дѣйствія его противъ бакинскаго хана. Выступленіе въ походъ Циціанова. Переговоры его съ Гуссейнъ-Кули-ханомъ бакинскимъ. Вѣроломное убійство князя Циціанова. Заключеніе.

Для окончательнаго обезпеченія пути изъ Тифлиса къ Каспійскому морю оставалось еще привести въ подданство хана ширванскаго, правителя наиболѣе обширной и богатой области восточнаго Закавказья, и затѣмъ хана бакинскаго, владѣнія котораго прилегали къ берегамъ Каспія.

Переговоры съ ширванскимъ владѣтелемъ о подданствѣ начались, какъ и съ прочими ханами, вслѣдъ за паденіемъ Ганжи ¹⁾. Мустафа-ханъ не отказывался, но и не спѣшилъ исполнить требованіе Циціанова, уклоняясь подъ разными предлогами отъ рѣшительнаго отвѣта. Условія ²⁾, предложенныя ширванскому хану, заключали въ себѣ тѣ же пункты, которые уже извѣстны намъ изъ трактатовъ, подписанныхъ владѣтелями Шеки и Карабага. Но Мустафа-ханъ считалъ себя знатнѣе своихъ сосѣдей. Онъ требовалъ признанія власти его почти надъ всѣмъ восточнымъ Закавказьемъ, которымъ нѣкогда правили его предки съ титуломъ ширванъ-хановъ. Будучи извѣстенъ своею скупостью, онъ не только отказывался платить ежегодную дань, но просилъ назначенія себѣ постояннаго жалованія.

---

¹⁾ Письмо кн. Циціанова къ Мустафа-хану отъ 8 го января 1804 г.; Акты. кав. арх. к., П., № 1341.

²⁾ Тамъ же, № 1342.

Въ теченіе лѣта 1805 г. переговоры подвинулись, однако, настолько, что Мустафа-ханъ принялъ всѣ условія князя Циціанова и только не соглашался пріѣхать для свиданія съ нимъ въ лагерь на Куракъ-чаѣ. Всѣ убѣжденія и увѣренія въ полной безопасности оставались тщетными: ничто не могло поколебать недовѣрчивости ширванскаго хана и заставить его покинуть свое неприступное горное жилище на Фитъ-дагѣ.

Циціановъ, съ своей стороны, охраняя достоинство власти, врученной ему императоромъ, всего менѣе признавалъ возможнымъ сдѣлать какую-либо уступку именно въ этомъ отношеніи. «Ни въ какомъ государствѣ, — писалъ онъ ¹⁾ Мустафѣ-хану 8-го октября 1805 г., — заочно трактатовъ не заключаютъ, да и въ третьемъ пунктѣ трактата сказано, что вы должны присягу учинить въ присутствіи главнокомандующаго Грузіею, т. е. меня; слѣдовательно, не мнѣ ѣхать для свиданія съ вами въ Шириванъ и прилично ли бы то было, — я отдаю на собственное ваше сужденіе. Я заключилъ таковой самъ лично съ царемъ Соломономъ имеретинскимъ на землѣ великому моему государю принадлежащей; я заключилъ таковыя на Куракъ-чаѣ съ вашими сосѣдями Ибрагимъ-ханомъ и Селимъ-ханомъ, также на землѣ російской. Сіе необходимо для почести и достоинства Россійской имперіи. Я три года здѣсь: всѣ знаютъ, умѣю ли я держать свое слово безъ присяги. Вѣрьте мнѣ, буде бы вы осмѣлились отъ азійскаго вѣроломства, вамъ по опытамъ извѣстнаго, пріѣхать ко мнѣ на Куракъ-чай съ двумя челоувѣками служителей, то вы были бы и тогда въ такой же безопасности, какъ въ своемъ гаремѣ. Кого я обманулъ? — скажите мнѣ. И на что тому обманъ, у кого сила въ рукахъ?.... Кто ищетъ подданства, тотъ повинуется тому, въ комъ ищетъ; вы отъ Баба-хана принимаете подарки, а со мною заключаете трактатъ, — слѣдовательно двумъ господамъ разомъ по-персидски служить намѣрены — Россіи зимою, а зайцу Баба-хану лѣтомъ».

Желая «заставить Мустафа-хана думать и поступать такъ, какъ онъ, Циціановъ, хочетъ», главнокомандующій призналъ по-

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 1354.

лезнымъ подвинуться съ нѣсколькими баталіонами къ границамъ Ширвана подъ предлогомъ осмотра Арешской крѣпости въ Шекинскомъ ханствѣ, въ которой, по трактату съ Селимъ-ханомъ, предполагалось поставить русскій гарнизонъ ¹⁾.

Но и эта мѣра не имѣла желаннаго успѣха. Тогда Циціановъ рѣшился вступить съ войсками въ ширванское владѣніе. Короткимъ письмомъ ²⁾ увѣдомилъ онъ объ этомъ Мустафа-хана: «я долженъ вамъ сказать,—писалъ онъ ему 9-го ноября 1805 г.,— что съ миромъ на Гарни-чаѣ, а съ войною и въ Фитъ-дагѣ я съ вами видѣться могу и буду; по чужой дудкѣ я никогда не плясалъ, а по вашей еще менѣе плясать буду».

Въ послѣдній день ноября 1805 г. Циціановъ со всѣмъ отрядомъ переправился при Мингичаурѣ чрезъ Куру и въ семь переходовъ дошелъ 11-го декабря до водопроводной канавы Бурумъ-архъ, въ пяти верстахъ отъ новой Шемахи ³⁾. Посланное отсюда Мустафѣ-хану приглашеніе прибыть въ лагерь для подписанія трактата не имѣло, какъ и прежнія, никакого успѣха. Ханъ упорно отказывался покинуть свое убѣжище на Фитъ-дагѣ. Циціановъ потерялъ, наконецъ, терпѣніе. Подозрѣвая, что Мустафа-ханъ умышленно тянетъ переговоры въ ожиданіи подкрѣпленій, онъ написалъ ⁴⁾ ему 15-го декабря: «Противъ воли объявляю вамъ войну и иду встрѣтить васъ въ самомъ Фитъ-дагѣ, когда вы непреклонны къ миру и не даете мнѣ удовлетворительнаго отвѣта; вы же защищайтесь и побѣждайте меня,—въ томъ воля ваша». Одновременно съ отправленіемъ этого вызова, Циціановъ перевелъ отрядъ на гору Чартму, въ 15-ти верстахъ отъ Фитъ-дага.

Мустафа-ханъ поколебался. Онъ позволилъ, наконецъ, посланному къ нему маіору Тарасову убѣдить себя отправиться на свиданіе съ главнокомандующимъ. На первый разъ, по желанію осторожнаго хана, оно состоялось въ отдаленіи отъ русскаго лагеря,

---

¹⁾ Предписаніе Циціанова маіору Ребиндеру отъ 8-го октября 1805 г., № 737. Акты кав. арх. к., II, № 1352.

²⁾ Тамъ же, № 1357.

³⁾ Пынь сел. Ахъ-су, Шемахинскаго уѣзда.

⁴⁾ Акты кавк. арх. ком., II, № 1362.

на открытомъ полѣ, безъ палатки и съ назначеннымъ числомъ конвоя съ каждой стороны.

«Въ день Рождества Христа, Спасителя нашего, помощію Его святою, Мустафа-ханъ ширванскій, со всѣми его владѣніями и потомствомъ, заключеннымъ съ нимъ трактатомъ и данною присягою на вѣрность, вступилъ въ счастливое подданство Вашего Императорскаго Величества на вѣчныя времена». Такъ начинается всеподданнѣйшій рапортъ ¹⁾ князя Циціанова отъ 27-го декабря 1805 г. о заключеніи трактата съ Мустафа-ханомъ. «Главнѣйшая польза,— писалъ онъ въ томъ же донесеніи,—могущая истекать отъ присоединенія къ Россіи сего богатѣйшаго владѣнія, есть та, что онымъ чрезъ Баку между Грузіею и Астраханью возстановится торговая связь и изъ сей послѣдней приходящіе товары въ Баку будутъ, на отчетѣ Мустафа-хана ширванскаго, препровождаемы со всею безопасностью до шекинскаго владѣнія, гдѣ встрѣчать будутъ уже подобные караваны отрядъ войскъ, въ ономъ квартирующій. Наконецъ, о богатствѣ жителей Ширванскаго ханства можно судить по тому, что въ самыхъ пустыхъ деревняхъ наши фуражиры находили въ простыхъ мужичьихъ домахъ англійскую фаянсовую посуду и другія вещи, доказывающія о ихъ изобиліи и даже роскоши».

Трактатъ, подписанный ханомъ ширванскимъ, отличается отъ такихъ же актовъ, заключенныхъ съ владѣтелями Карабага и Шеки, только тѣмъ, что въ немъ прямо не обусловленъ обязательный вводъ русскаго гарнизона въ ханство. Косвенно же такое право предоставлено Россіи артикуломъ шестымъ, коимъ правительству нашему предоставлено, буде благоугодно будетъ, возвести укрѣпленіе при устьѣ р. Куры и въ Джебатѣ. За то тѣмъ же артикуломъ Мустафа-ханъ обязался отвѣчать за безопасность каравановъ, слѣдующихъ чрезъ Ширванъ въ Грузію, и для препровожденія ихъ давать отъ себя вѣрнаго чиновника и конвой. Размѣръ дани опредѣленъ въ 8000 червонцевъ.

---

¹⁾ Акты кав. арх. к., II, № 1366. Здѣсь же и трактатъ, заключенный съ Мустафа-ханомъ.

Такимъ образомъ, благодаря несокрушимой энергіи, настойчивости и искусству Циціанова, состоялось подчиненіе русской власти надменнаго потомка гордыхъ ширванъ-шаховъ. Принятіе въ подданство Ширвана было труднѣйшимъ пунктомъ въ предлежавшей Циціанову задачѣ проложенія свободнаго пути изъ Грузіи къ берегамъ Каспія. Послѣднее звено на этомъ пути—ханство бакинское—не могло оказать серьезнаго сопротивленія, такъ какъ дѣйствія противъ него могли быть направлены одновременно и съ суши и съ моря. Такъ думалъ и Циціановъ. Но судьба судила иначе. Подлая измѣна ожидала пылкаго главнокомандующаго подъ стѣнами Баку.

Для объясненія бакинской драмы необходимо сказать нѣсколько словъ о событіяхъ, предшествовавшихъ послѣднему походу Циціанова.

Передъ открытіемъ персидской кампаніи 1805 года, желая помѣшать наступательнымъ замысламъ шаха и отвлечь его силы отъ главнаго театра военныхъ дѣйствій, Циціановъ приказалъ каспійской флотиліи отправиться къ персидскимъ берегамъ для захвата богатой Гилянской провинціи. Эскадра должна была отплыть изъ Астрахани возможно раньше, чтобы десантныя войска успѣли высадиться у Энзели, взять городъ Рештъ и оттуда направиться къ Казвину, угрожая Тегерану ¹⁾). Предполагалось также, что флотилія на обратномъ пути изъ Гиляна, займетъ городъ Баку и, оставивъ въ немъ гарнизонъ, утвердить такимъ образомъ русское владычество на Каспійскомъ морѣ. Начальство надъ экспедиціею Циціановъ поручилъ шефу Астраханскаго гарнизоннаго полка генераль-маіору Завалишину, «сколько по отѣнной его дѣятельности и заботливости,—писалъ онъ государю,—столько и по осмотрительности, мною въ немъ открытой». Но, не довѣряя вполнѣ боевой опытности этого генерала, онъ назначилъ въ помощники ему 16-го егерскаго полка подполковника Асѣва, «посѣдѣвшаго въ службѣ, опытнаго въ боевомъ ремеслѣ и не разъ оказавшаго храбрость въ военныхъ

---

¹⁾ Акты кав. археогр. ком. т. II, 1720.

дѣйствіяхъ»... «При семъ назначеніи,—писалъ онъ далѣе,—я руководствовался священной волею Вашего Величества, чтобы не по старшинству, а по достоинству ввѣрялъ я важные посты и команды» ¹⁾... Самый составъ десантнаго корпуса вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію, хотя и состоялъ всего изъ 1155 штыковъ при четырехъ полевыхъ орудіяхъ ²⁾. Циціановъ самъ назначилъ въ него шесть ротъ Казанскаго и двѣ роты 16-го егерскаго полковъ, изъ числа тѣхъ, которыя прошли боевую школу, однѣ на Кавказской линіи, гдѣ заслужили отъ горцевъ почетное названіе «зеленаго войска» ³⁾, другія въ Осетіи, подъ руководствомъ тако-го генерала, какъ Несвѣтаевъ, и «пріобыкли уже пріобрѣтать поверхность надъ непріателемъ и наводитъ на него страхъ» ⁴⁾. Съ такимъ составомъ войскъ и съ такими начальниками Циціановъ, какъ выражается самъ, не имѣлъ причинъ сомнѣваться въ успѣхѣ,—и тѣмъ не менѣе экспедиція обманула самых скромныхъ его ожиданія. Эскадра, прежде всего, опоздала выходомъ въ море: она подняла паруса лишь 23-го іюня, когда персіяне уже были въ Карабагѣ, и полковникъ Карягинъ послѣ аскаранскаго дѣла вынужденъ былъ начать свое знаменитое отступленіе. Извѣстія объ этихъ событіяхъ, которыя персіяне выставляли побѣдами, пришли въ Гилянъ одновременно съ появленіемъ русской эскадры и, конечно, могли только поднять духъ непріателя. Однако персіяне не рѣшились защищать Энзели и отдали его безъ боя. Тогда подполковникъ Асѣевъ съ частію десантнаго отряда направился къ городу Пери-базару, взялъ его приступомъ, но тутъ же получилъ извѣстіе, что далѣе, у города Решта, стоитъ семитысячное персидское войско, которое само намѣрено перейти въ наступленіе и отрѣзать отрядъ отъ моря. Чтобы предупредить ударъ, Завалишинъ, по совѣту Асѣева, рѣшился атаковать непріателя и

¹⁾ Акты кав. арх. к., т. II, № 1643.

²⁾ Дубровинъ, т. V, стр. 466.

³⁾ Егеря 16-го полка считались грозой кабардинцевъ, которые по цвѣту мундировъ прозвали ихъ *зеленымъ войскомъ*. (Импер. пуб. бібліотека, отдѣлъ рукописей, записка С. В. Броневскаго).

⁴⁾ Акты кав. арх. к., т. II, 1515.

5-го іюля выступилъ съ частію отряда (800 штыковъ при трехъ орудіяхъ) къ Решту. Отъ Пери-базара до Решта считалось всего 14 верстъ, но трудный путь этотъ нужно было проходить при безпрерывномъ и ожесточенномъ боѣ.

Пользуясь узкимъ лѣснымъ дефиле, прегражденнымъ завалами, непріятель наносилъ намъ большія потери и вывелъ изъ фронта всѣхъ лошадей. Не смотря на это, русскіе энергически продолжали наступленіе, таща на себѣ тяжелыя пушки; но скоро подъ однимъ изъ орудій сломалась ось, и его принуждены были бросить. Между тѣмъ сопротивленіе персіянъ становилось съ каждымъ шагомъ упорнѣе. Самъ Асѣевъ былъ раненъ, но, пренебрегая страданіемъ, не хотѣлъ выйти изъ строя. Наконецъ отрядъ дошелъ до широкой канавы, на которой каменный мостъ былъ разломанъ, и, очутившись подъ перекрестнымъ огнемъ съ обоихъ его береговъ, остановился. Далѣе идти было некуда, люди изнемогли, патроны были израсходованы. Видя, что отрядъ съ 8-ми часовъ утра до трехъ пополудни прошелъ только семь верстъ и что до Решта оставалось еще такое же разстояніе, Завалишинъ приказалъ начать отступленіе. Непріятель преслѣдовалъ насъ съ такою горячностью, что пѣхотѣ не одинъ разъ приходилось штыками вырывать свои орудія изъ рукъ персіянъ. Удержаться въ Пери-базарѣ было нельзя изъ опасенія, что персіяне отрѣжутъ наши сообщенія съ флотиліей, и Завалишинъ отошелъ въ Энзели. Здѣсь онъ простоялъ до августа мѣсяца. Между тѣмъ получены были извѣстія, что Баба-ханъ, вернувшись изъ Карабага, отправилъ въ Гиліанъ новыя значительныя силы. Завалишинъ, отчаявшись въ успѣхѣ экспедиціи, сѣлъ на суда и отплылъ къ бакинскому рейду, рассчитывая исполнить по крайней мѣрѣ вторую половину своей задачи. Но неудача и тутъ преслѣдовала его. Когда на вопросъ Гуссейнъ-Кули-хана о причинѣ прихода эскадры, Завалишинъ далъ знать, что присланъ по повелѣнію русскаго императора занять Баку, и потребовалъ ея безусловной сдачи, бакинцы вмѣсто отвѣта отправили въ горы свое имущество и приготовились къ отчаянной защитѣ. Переговоры не привели ни къ чему, и 15-го августа русская эскадра от-

крыла канонаду по городу. Непрiятель отвѣчалъ тѣмъ же и да же съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ на нашихъ судахъ морская качка мѣшала вѣрному прицѣлу, да и обѣ мортиры скоро разорвались. Видя, что однимъ бомбардированiемъ съ моря ничего достигнутъ нельзя, Завалишинъ высадилъ войска на берегъ и обложилъ Баку. Гарнизонъ, вышедшiй изъ крѣпости, былъ разбитъ подполковникомъ Асѣвымъ и бѣжалъ, потерявъ двѣ пушки и три знамени. Ничто однако же не показывало, чтобы бакинцы думали о сдачѣ, а частыя вылазки ихъ свидѣтельствовали, что ханъ не терялъ бодрости духа и вѣрилъ въ успѣхъ обороны. Стойкость его, очевидно, поддерживалась надеждою на чью-либо близкую помощь. И, дѣйствительно, вскорѣ получилось извѣстiе, что Шихъ-Алиханъ дербентскiй идетъ на выручку.

Неблагопрiятныя обстоятельства, которыя возможны и даже неизбежны при каждой войнѣ и которыя вождямъ, подобнымъ Карягину и Котляревскому, дали бы только случай къ новымъ блистательнымъ подвигамъ, смутили Завалишина. Не смотря на убѣжденiя Асѣва, ему казалось невозможнымъ въ одно и то же время вести блокаду и отражать толпы дагестанцевъ; онъ даже не сталъ ожидать ихъ прибытiя, и 3-го сентября отрядъ, снявъ блокаду, отступилъ отъ крѣпости, а 5-го—дербентскiй ханъ и хамбутайскiй владѣлецъ ¹⁾ вступили въ городъ съ торжествомъ побѣдителей. Дѣло было совершенно потеряно, даже безъ попытки бороться съ тяжелыми обстоятельствами.

Въ такомъ затрудненiи Завалишинъ рѣшилъ оставить бакинскiй рейдъ. Эскадра отплыла къ острову Сари близъ Ленкорани, гдѣ стала на якорѣ въ ожиданiи дальнѣйшихъ повелѣнiй главнокомандующаго ²⁾. Цициановъ былъ чрезвычайно огорченъ дѣйствiями Завалишина. «Скажу вашему превосходительству,—писалъ онъ къ нему изъ Тифлиса,—что если бы я не ходилъ по гор-

---

¹⁾ Это былъ Сурхай-ханъ казикумыкскiй. Въ старости получилъ онъ прозвище *кунъ-буттай*, т. е. большой отецъ или дѣдъ, которое у насъ нерѣдко принималось за титулъ и писалось *хамбутай*, *хомутай*, *ханъ-буттай* и т. д.

²⁾ Материаломъ къ этому описанiю служилъ журналъ дѣйствiй каспiйской флотилiи. Арх. кав. окр. шт. Дѣло 1806 г. № 33.

ницѣ на костыляхъ отъ изнурившей меня болѣзни, то я полетѣлъ бы самъ на выручку славы русской и скорѣе легъ бы подъ стѣнами Баку, нежели далъ бы кичиться Гуссейнъ-Кули-хану тѣмъ, что онъ отбилъ русскія войска и что они ничего ему не сдѣлали.... Долженъ замѣтить и то, что лучше бы вамъ было совсѣмъ не свозить десанта, тогда бы ханъ счелъ, что вы прїѣзжали его постращать, а войска назначены были противъ Решта; сіе заключеніе было бы для насъ гораздо полезнѣе, чѣмъ взятіе двухъ пушекъ и трехъ знаменъ храбрѣйшимъ изъ храбрѣйшихъ Асфевымъ» ¹⁾.... Къ самымъ знаменамъ онъ отнесся съ нескрываемымъ презрѣніемъ. «Съ полученіемъ знаменъ, взятыхъ вами у бакинскаго хана,—писалъ онъ,—я устыдился, и еще сто кратъ стыднѣе бы мнѣ было отправить ихъ къ высочайшему двору, ибо одно изъ нихъ сдѣлано изъ бахчи (платокъ, въ который товары завертываютъ), другое изъ онучи, которой персіане обертываютъ ноги вмѣсто чулка, а третье—холстинное, лезгинскаго покроя, но самаго низкаго. Знамена я здѣсь бралъ, но ни одного такого не видѣлъ» ²⁾....

Вмѣстѣ съ тѣмъ Циціановъ, стараясь загладить дурное впечатлѣніе, созданное въ Закавказьѣ нерѣшительными дѣйствіями Завалишина, предписалъ ему снова идти съ эскадрою въ Баку, сдѣлать десантъ и, укрѣпившись, предложить хану условія подданства.

Проектъ трактата ³⁾, предложеннаго Гуссейнъ-Кули-хану, отличается отъ извѣстныхъ уже намъ актовъ этого рода тѣмъ, что всѣ доходы ханства предполагалось обратить въ казну, а хану назначить годовое содержаніе въ 10 тыс. рублей. Внутреннее управленіе въ гор. Баку должно было подчиниться особымъ правиламъ, такъ какъ это городъ приморскій, и Россія всегда покровительствуетъ торговлѣ. Въ Бакинскую крѣпость вводился гарнизонъ въ составѣ 800—1000 человѣкъ съ пушками.

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком. II, № 1511. Предписаніе отъ 24-го сентября 1805 г. № 681.

²⁾ Тамъ же № 1514. Предписаніе отъ 13-го октября 1805 г. № 742.

³⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 1511.

Завалишинъ исполнилъ приказаніе; но такъ какъ переговоры не имѣли успѣха, то онъ просилъ Циціанова прибыть лично, считывая, что его присутствіе побѣдитъ, наконецъ, упорство кичливаго хана. Такимъ образомъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, совершенно неожиданно рѣшена была для насъ роковая бакинская экспедиція.

Оставить Завалишина стоять подъ стѣнами Баку до наступленія весны, разумѣется, было нельзя, и Циціановъ, еще не оправившійся отъ тяжкой болѣзни, рѣшилъ идти «на выручку русской славы», не смотря на зимнее время, стужу и ненастье. Впрочемъ онъ именно и хотѣлъ воспользоваться зимою, такъ какъ большіе снѣга, выпавшіе отъ Тавриза до Карабага, отнимали у персіянъ всякую возможность дать помощь бакинскому хану. Съ другой стороны, онъ писалъ государю ¹⁾, что если ему удастся взять Баку, присоединить Ширванское ханство и затѣмъ заключить зимнюю кампанію покореніемъ Эривани, тогда можно будетъ объявить Баба-хану, что Россія даетъ ему миръ, поставляя своею границею Куру и Араксъ.

Какъ всегда дѣятельный и энергичный, но на этотъ разъ полный мрачныхъ предчувствій, Циціановъ занялся приготовленіями къ походу. На всемъ однако лежала печать его тяжелаго расположенія духа. Точно онъ предвидѣлъ свою кончину. Незадолго передъ тѣмъ онъ писалъ своему другу Василию Николаевичу Зиновьеву: «Государь ко мнѣ милостивъ и обѣщаетъ отсель меня взять къ себѣ... Помолись, чтобы я выѣхалъ цѣлъ или живъ. Я выведу тебѣ славную лошадь, подъ именемъ Заидъ-ханъ, росту большого, ѣзды прекрасной, и тебѣ она по завѣщанію назначена, хотя бы я здѣсь умеръ или *убитъ* былъ. Я считаю тебя ѣздокомъ и охотникомъ, а она моя любимая лошадь, и я всегда на ней бывалъ въ сраженіяхъ».

Генераль Ладинскій рассказываетъ такжс странный случай, котораго былъ очевидцемъ. Когда Циціановъ, собираясь въ походъ,

---

¹⁾ Рапортъ князя Циціанова 27-го ноября 1805 г., № 46. Акты кав. арх. ком., II, № 1518.

жилъ въ Елизаветполѣ, на крышѣ его дома каждую ночь появлялась собака и страшно выла. Ее убили, но на ея мѣсто стали являться другія, и зловѣщія завыванія по ночамъ не прекращались, тревожа и не давая покоя больному князю. Загадочный фактъ вызвалъ у всѣхъ суевѣрные ожиданія,—и ожиданія эти, къ несчастію, исполнились.

Изъ Елизаветполя князь Циціановъ могъ взять съ собою только два баталіона Севастопольскаго полка, шесть ротъ егерей 9-го полка и команду тифлисцевъ, всего 1050 штыковъ и 10 орудій; конницу составляли 332 человекъ татаръ и казаковъ. «Буде же, Ваше Величество, — писалъ онъ государю,—соизволите признать ополченіе, со мною выступившее, недостаточнымъ, то сколько ни пороченъ образъ укомплектованія здѣшнихъ полковъ, но, зная непріятеля и имѣя въ виду до 1500 человекъ карабагской конницы, которая должна соединиться со мною на переправѣ черезъ Куру, я надѣюсь на помощь Божію и увѣренъ, что весь Дагестанъ не въ силахъ побѣдить мой отрядецъ»¹⁾.

Войска выступили изъ Елизаветполя 23-го ноября 1805 года. Пароксизмы изнурительной лихорадки, повторявшіеся по нѣскольکو разъ въ день, окончательно добивали здоровье Циціанова. Во время похода, его нерѣдко снимали съ лошади и клали на землю; подъ снѣгомъ и дождемъ онъ выдерживалъ сильные припадки и потомъ догонялъ отрядъ на привалахъ.

Объ успѣшномъ ходѣ переговоровъ съ ханомъ ширванскимъ, законченныхъ заключеніемъ трактата 25-го декабря 1805 г., мы уже говорили. Перейдемъ теперь къ сношеніямъ съ ханомъ бакинскимъ.

Пройдя Ширванъ, Циціановъ письмомъ извѣстилъ Гуссейнъ-Кули-хана, что идетъ съ твердымъ намѣреніемъ или взять городъ или умереть подъ его стѣнами. 30-го января 1806 года русскія войска остановились лагеремъ при урочищѣ Нахаръ-булахъ, и здѣсь соединился съ ними отрядъ Завалишина. Князь Циціановъ потребовалъ сдачи города. Гуссейнъ-Кули-ханъ, послѣ недолгихъ пере-

---

¹⁾ Тамъ же.

говорить, отвѣчалъ, что безусловно отдается милосердію русскаго государя. Наступилъ, наконецъ, и день, назначенный для сдачи Баку.

8-го февраля утромъ,—говорить въ своихъ запискахъ Броневскій ¹⁾),—главнокомандующій вышелъ къ собравшемуся генералитету въ полной парадной формѣ, объясняя, что ему слѣдуетъ быть такъ одѣтымъ, ибо онъ принимаетъ городъ и его ключи въ лицѣ государя императора. По тогдашнему обычаю поданъ былъ завтракъ, пили водку, и князь, противъ обыкновенія, налилъ себѣ большую рюмку; затѣмъ, всѣ поѣхали въ пустой форштадтъ, предварительно занятый нашимъ отрядомъ, назначеннымъ для занятія крѣпости. Князь былъ, повидимому, бодръ и спокоенъ. Ровно въ 9 часовъ онъ выѣхалъ изъ форштадта верхомъ и направился къ назначенному пункту, къ колодцу, остоявшему отъ города не болѣе какъ въ ста саженьяхъ. Съ нимъ былъ только подполковникъ князь Елизбаръ Эристовъ-ксанскій да пѣшій гребенской казакъ, который долженъ былъ принять отъ нихъ лошадей. Ворота города были заперты, а по стѣнамъ стояло войско. Ханъ не показывался. Князь приказалъ Эристову съѣздить и напомнить хану, что ему, князю, какъ дѣйствующему въ лицѣ императора, неприлично ожидать его долѣе. Въ этотъ моментъ изъ крѣпости выѣхали почетные беки и комендантъ съ ключами города и съ хлѣбомъ-солью, объявивъ, что ханъ опасается нашихъ войскъ и самъ быть не можетъ. Главнокомандующій отвѣчалъ, что если ханъ сомнѣвается, то пусть выѣзжаетъ съ тысячнымъ конвоемъ, а онъ будетъ одинъ съ княземъ Эристовымъ. Князь Циціановъ замѣтилъ кромѣ того, что вернется опять къ хану, не иначе какъ съ штурмовыми лѣстницами; при этомъ онъ возвратилъ ключи и хлѣбъ-соль, прибавивъ, что приметъ ихъ только изъ рукъ самого хана. Въ это время отворилась калитка, и ханъ вышелъ въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ нукеровъ. Онъ подалъ ключи отъ города и дружески облобызался съ княземъ.... Далѣе рассказъ Броневского расходится

---

¹⁾ Записка С. В. Броневского. Императорская публичная бібліотека, отдѣлъ рукописей. Историческій Вѣстникъ 1889 г. № 12.

съ офіціалнымъ донесеніемъ Завалишина. Броневскій говоритъ, что «едва Циціановъ освободился изъ объятій хана, какъ два всадника, подѣхавшіе въ это время изъ города, разомъ выстрѣлили въ князя и мгновенно обезглавили его кинжаломъ. Толпа конницы съ крикомъ выскочила изъ города и, окруживъ хана и убитаго, бросилась въ крѣпостныя ворота. Князь Эристовъ преслѣдовалъ хана, осыпая его укоризнами, но ханъ велѣлъ пристрѣлить и его. Съ крѣпости загремѣла пальба по форштадту, и русскій отрядъ отступилъ въ лагерь»....

Завалишинъ же доноситъ, что предательское убійство совершилось въ то время, когда князь сидѣлъ на войлокѣ, дружески бесѣдуя съ ханомъ¹); передъ ними стояли два персіянина, а позади ихъ Ибрагимъ-бекъ, приближенный хана. Когда, по азіятскому обычаю, Гуссейнъ передалъ князю кальянъ, то по условію, сдѣланному раньше, Ибрагимъ пистолетнымъ выстрѣломъ убилъ Циціанова; другая пуля поразила на смерть и князя Эристова, сопровождавшаго главнокомандующаго. Голову князя Циціанова Ибрагимъ-бекъ отвезъ въ Тавризь къ Аббасъ-Мирзѣ, пожаловавшему ему за это званіе хана. Въ день пріѣзда Ибрагима Тавризь былъ иллюминированъ. Вслѣдъ за убійствомъ съ крѣпостныхъ стѣнъ былъ открытъ огонь, и наши войска отступили, не успѣвъ выручить тѣло своего главнокомандующаго²).

Есть еще третья версія, можетъ быть, самая достовѣрная. Вотъ рассказъ бакинца, 83-хъ лѣтняго старика, по имени Хаджи-Урбана, бывшаго въ ханской свитѣ во время самаго происшествія³).

Въ день, назначенный для свиданія съ княземъ Циціановымъ, — говорилъ онъ, — Гуссейнъ-Кули-ханъ вышелъ за городскія ворота пѣшкомъ; ключи отъ крѣпости не выносили, а шли только для переговоровъ; ключи же были отданы уже послѣ того черезъ годъ генералу Булгакову. Съ одной стороны хана шель Каземъ-бекъ, другъ и сподвижникъ его, съ другой — Керимъ-бекъ. Всѣ трое

---

1) Князь Циціановъ лично зналъ Гуссейнъ-Кули-хана, когда, во время похода Зубова въ 1796 году, былъ командированъ въ Баку.

2) Дубровинъ, IV, 490.

3) Путевыя записки по Закавказью Ховена, „Иллюстрація“ 1861 года.

имѣли съ собой вооруженныхъ нукеровъ. Я былъ тогда нукеромъ у Каземъ-бека и сопровождалъ его на это свиданіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ дороги расходятся, разостланы были бурки. Всѣ трое сѣли на нихъ и стали ожидать прибытія князя Циціанова. Князь ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи конвоя, который остановился на дорогѣ, а князь отдѣлился отъ него съ своимъ адъютантомъ и двумя казаками. Подѣзжая къ хану, онъ и князь Эристовъ, сошли съ лошадей, а казаки приняли ихъ и отвели къ конвою.

Въ то время жили у насъ въ Баку два персидскихъ хана; они присланы были шахомъ какъ будто бы провести воду изъ моря въ крѣпостной ровъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы наблюдать за Гуссейнъ-ханомъ и не допускать его до сближенія съ русскими. У Гуссейна былъ двоюродный братъ, Ибрагимъ-бекъ, который съ малолѣтства его не навидѣлъ, старался ему вредить и самъ домогался власти. Онъ-то и вошелъ въ тайные переговоры съ персіанами и взялся убить Циціанова, чтобы разъ навсегда поссорить бакинцевъ съ русскими. Гуссейнъ-Кули-ханъ ничего объ этомъ не зналъ.

Увидя съ крѣпостной стѣны, что Циціановъ сѣлъ на разостланную бурку, Ибрагимъ вышелъ изъ крѣпости съ двумя своими нукерами. Одного звали Амиръ-Амза, другого Сеидъ. Дѣлая видъ, что идутъ безъ цѣли, они держались влѣво отъ дороги, и вдругъ быстро повернули въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Циціановъ. Ханъ самъ былъ пораженъ ихъ внезапнымъ появленіемъ и дѣлалъ головою знаки, чтобы они удалились. Но Ибрагимъ и его нукеры въ одинъ моментъ выхватили ружья, выстрѣлили разомъ,—и Циціановъ упалъ убитымъ. Убитъ и находившійся съ нимъ офицеръ-переводчикъ. Ничего не знавшій объ этомъ намѣреніи, ханъ былъ потрясенъ этимъ убійствомъ. «Дай Богъ, чтобы домъ твой провалился!»—крикнулъ онъ Ибрагиму; но ибрагимовскіе нукеры, не обращая вниманія на брань и угрозы хана, бросились на трупъ убитого, отрѣзали ему голову, а самое тѣло унесли въ Баку. Въ ту же ночь Ибрагимъ, вмѣстѣ съ Сеидомъ, бѣжалъ въ Гавризь, гдѣ и представилъ голову наслѣдному принцу. Ибрагимъ-бекъ былъ принятъ за это въ персидскую службу и сдѣланъ началь-

никомъ отряда. На томъ мѣстѣ, гдѣ русскіе поставили теперь памятникъ, тогда у насъ былъ городской оврагъ, въ который свозили нечистоты. Въ этотъ грязный оврагъ жители бросили трупъ Циціанова и зарыли его землю.

Когда пораженный всѣмъ случившимся Гуссейнъ-ханъ вернулся домой, оба персидскіе хана явились къ нему съ поздравленіями. «Дай Богъ, чтобы лицо Ибрагима сдѣлалось чернымъ,—отвѣчалъ имъ ханъ,—онъ поссорилъ меня на вѣкъ съ русскими, и я удивляюсь, съ чѣмъ вы меня поздравляете»....

Таковъ рассказъ очевидца.

Со смертью Циціанова наступила критическая минута, въ которую рѣшался вопросъ о достоинствѣ, чести и славѣ русскаго имени. Къ сожалѣнію, оставшійся старшимъ въ отрядѣ генерал-маіоръ Завалишинъ оказался ниже своей задачи и вмѣсто того, чтобы немедленнымъ и грознымъ штурмомъ, на которомъ настаивалъ полковникъ Асѣевъ, отомстить за смерть главнокомандующаго, онъ малодушно, подъ предлогомъ недостатка провіанта и большого числа больныхъ, отступилъ отъ крѣпости. Смерть Циціанова видимо сразила Завалишина: онъ посадилъ весь отрядъ на суда и отплылъ съ нимъ въ море, написавши государю: .... «Однимъ словомъ, Всемилостивѣйшій Государь, мы заведены въ такую западню, изъ которой развѣ только единая десница Божія вывести насъ можетъ».

Такимъ образомъ, не осталось никого, кто бы могъ, какъ очевидецъ, извѣстить Тифлисъ о случившейся катастрофѣ. О смерти Циціанова прошли лишь темные народные слухи, а войска какъ бы пропали безъ вѣсти. Только черезъ мѣсяцъ на линіи получено было извѣстіе отъ Завалишина, что онъ на островѣ Сары бѣдствуетъ безъ продовольствія. Ему оказали помощь, и еще черезъ мѣсяцъ отрядъ его добрался наконецъ до Кизляра и былъ оставленъ на линіи.

Такъ окончился этотъ несчастный походъ, въ которомъ восточное вѣроломство погубило одного изъ лучшихъ русскихъ людей и военачальниковъ.

«Голова Циціанова, полная отваги и предприимчивости, и руки

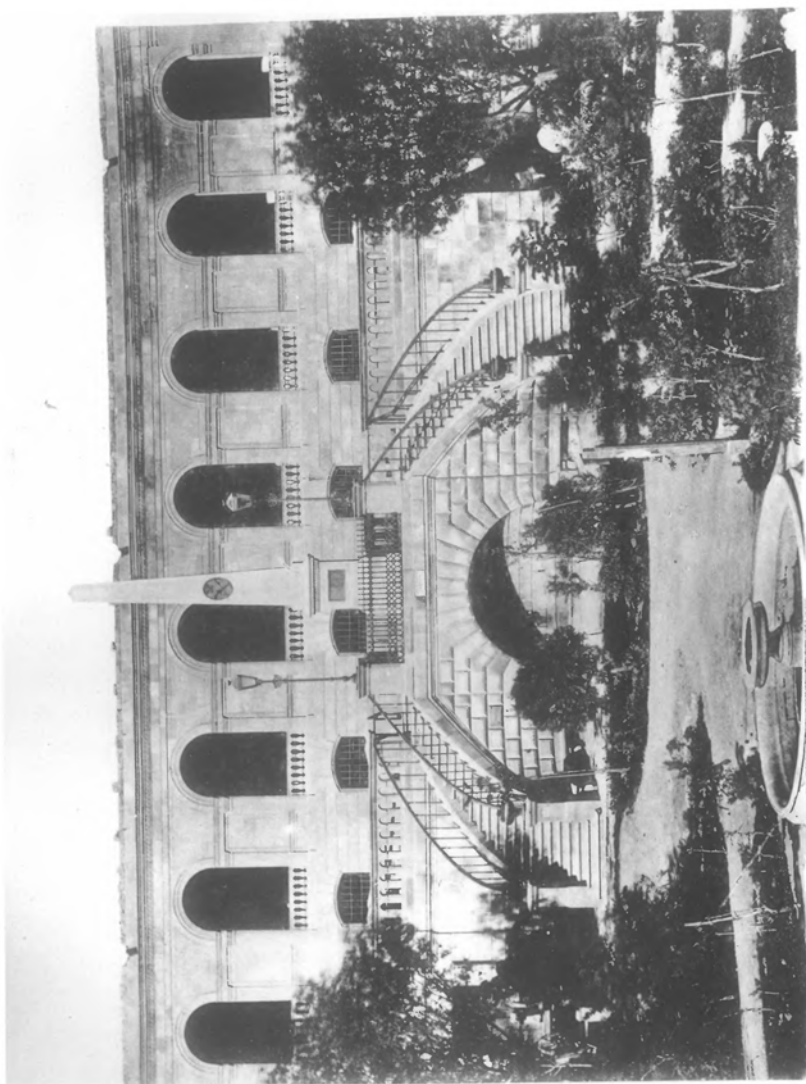
его, крѣпкія мышцами, распространявшія власть,—говорить персидскій историкъ,—были отсѣчены отъ труппа и отправлены въ Ардебиль, а оттуда съ большимъ торжествомъ препровождены въ столицу».... И долго еще у воротъ Бакинской крѣпости, въ грязномъ оврагѣ, виднѣлся небольшой холмъ земли—могила грознаго русскаго главнокомандующаго.

Въ князѣ Циціановѣ Закавказье понесло невознаградимую утрату. Онъ находился здѣсь только три года, но въ это короткое время совершенно измѣнилъ карту края и, принявъ въ свое управленіе маленькое Грузинское царство, раздвинулъ границы его отъ Чернаго до Каспійскаго морей, оставивъ намъ Закавказье почти въ теперешнихъ его предѣлахъ. И все это совершено было имъ въ такое время, когда Россія, занятая приготовленіями къ великимъ войнамъ, ничего не могла удѣлить Кавказу, и прибытіе одного какого нибудь полка, въ 800 штыковъ, считалось уже значительнымъ подкрѣпленіемъ. Присоединеніе Гуріи, Мингреліи, Имеретіи, Шурагельской области, ханствъ: Карабагскаго, Шекинскаго и Ширванскаго, покореніе Ганжи и джаро-белоканскихъ лезгинъ, и затѣмъ, какъ послѣдній уже отголосокъ этого славнаго времени, составяющаго собою цѣлую эпоху,—занятіе Дербента, Кубы и Баку, вотъ памятники его заслугъ государству. Имя Циціанова никогда не умретъ въ исторіи русскаго владычества на Кавказѣ.

Для характеристики его управленія, носившаго на себѣ печать необыкновеннаго ума и обширныхъ соображеній, довольно сказать, что знаменитый намѣстникъ Кавказа, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, не разъ говорилъ, что считаетъ себя только продолжателемъ плановъ Циціанова и исполнителемъ его предначертаній.

Московский Государственный Дворец.

Глава XIII.

1806 годъ въ Закавказьѣ. Трудное положеніе края послѣ смерти князя Циціанова Генераль Глазенапъ въ роли командующаго войсками. Пораженіе персіянь генераломъ Небольсинымъ, Бунтъ въ Шекинскомъ ханствѣ. Дѣйствія Глазенапа и покореніе имъ Дербента.

Когда извѣстіе о смерти князя Циціанова облетѣло все Закавказье, мятежные элементы, которые таились въ краѣ, разомъ подняли голову, не слерживаемые болѣе его умѣлою рукою и твердою волею. Всюду началось броженіе умовъ, и надо было ожидать волненій. Имеретинскій царь Соломонъ первый потребовалъ, чтобы русскія войска оставили Кутаисъ, а до тѣхъ поръ прекратилъ имъ доставку провіанта. Имеретинскіе князья подстрекали народъ къ открытому возстанію, обѣщая ему различныя льготы; кое-гдѣ формировались уже отряды, и сообщенія наши съ Мингрелією были прерваны. Эриванскій ханъ готовился отнять Шурагельскую область. Персидскія войска стягивались къ нашимъ границамъ, а въ мусульманскихъ провинціяхъ ханы шекинскій, ширванскій и карабагскій думали воспользоваться смутнымъ временемъ, чтобы отложиться отъ Россіи и возстановить свою независимость. Не полагаясь однако на собственныя силы, они пригласили къ себѣ лезгинъ и ждали помощи отъ хановъ аварскаго, дербентскаго и казикумыкскаго. Все поднималось почти поголовно. Составленъ былъ весьма остроумный планъ, по которому предполагалось посредствомъ демонстрацій и ложныхъ слуховъ отвлечь наши войска

отъ Елизаветполя къ Нухѣ, а отъ Алазани къ Джарамъ—и затѣмъ, отрѣзавъ имъ всѣ пути къ отступленію, истребить прежде, чѣмъ успѣютъ дать помощь изъ Тифлиса. Джарцамъ долженъ былъ помогать аварскій ханъ, а ханы дербентскій и ширванскій—Нухѣ. Въ то же время Сурхай казикумыкскій, какъ человѣкъ болѣе рѣшительный и смѣлый, рассчитывалъ вмѣстѣ съ царевичемъ Александромъ, находившимся въ Эривани, захватить Ганжу и тѣмъ подготовить успѣхъ персіянамъ. Отсюда союзники предполагали вторгнуться въ Грузію, чтобы овладѣть Тифлисомъ, предоставивъ эриванскому хану опустошить Шурагель и Сомхетію. Планъ задуманъ былъ хорошо и могъ надѣлать намъ много хлопотъ, такъ какъ положеніе Грузіи въ данную минуту было въ высшей степени критическое. Войска, и безъ того малочисленные, были значительно ослаблены тѣмъ, что отрядъ, выступившій въ походъ съ княземъ Циціановымъ, назадъ не возвратился, и въ первое время его считали даже погибшимъ. Главнаго начальника въ краѣ не было. Смерть Циціанова застала всѣхъ врасплохъ, и приказанія, исходившія отъ лицъ, не облеченныхъ оффиціальною властью, или не исполнялись совсѣмъ, или же, противорѣча другъ другу, производили путаницу. При такомъ положеніи дѣлъ, командовавшій войсками на Кавказской линіи генераль-лейтенантъ Глазенапъ, какъ старшій въ чинѣ, не испрашивая ничьихъ распоряженій, принялъ на себя временное командованіе краемъ, а войска, расположенныя въ Закавказьѣ, поручилъ генералу Несвѣтаеву, оставивъ за собою право давать ему общія указанія изъ Георгіевска.

Предвидя, что всѣ дагестанскія племена, воспользовавшись случаемъ, обрушатся на Грузію, Глазенапъ немедленно отправилъ съ Кавказской линіи Троицкій пѣхотный полкъ и 6 орудій, подъ начальствомъ генераль-маіора Небольсина, въ Тифлисъ, а самъ собралъ значительный отрядъ въ Кизлярѣ, и, перейдя съ нимъ за Терекъ, сталъ на кумыкской плоскости. «Хочу,—доносилъ онъ государю,—держать дагестанцевъ въ сомнѣніи, на кого изъ нихъ будетъ нашествіе». Это угрожающее положеніе и помощь, вовремя отправленная въ Грузію, разстроили всѣ замыслы нашихъ противниковъ, и союзъ ихъ распался.

Получивъ предписаніе Глазенапа, Несвѣтаевъ сдѣлъ начальство надъ памбакскимъ отрядомъ полковнику Симоновичу и прибылъ въ Тифлисъ 8-го марта, въ то время, когда заговоръ, направленный къ ниспроверженію русскаго владычества въ краѣ, сталъ мало-по-малу принимать уже осязательныя формы. Сурхай первымъ открылъ военныя дѣйствія, спустившись съ горъ въ Джарскую область и распуская слухъ, что идетъ для низложенія нухинскаго хана. Джарцы тотчасъ пристали къ нему и произвели цѣлый рядъ мелкихъ нападений на наши пограничныя посты на Алазани. Между тѣмъ джарскіе старшины, во исполненіе ранѣ задуманнаго плана, коварно писали къ Орбеліани, что волненія, зажженныя Сурхаемъ, угрожаютъ принять серьезныя размѣры и просили его, какъ можно поспѣшнѣ прибыть къ нимъ съ войсками, чтобы въ самомъ началѣ подавить возстаніе, съ которымъ они, яко бы, справиться не могутъ. Въ то же время Селимъ-ханъ шекинскій настойчиво требовалъ помощи со стороны Карягина, ссылаясь на трактатъ, которымъ мы обязались защищать его владѣнія. Карягинъ, не подозрѣвая измѣны Селима, тотчасъ приказалъ двумъ ротамъ, стоявшимъ на Курѣ у мингичаурской переправы, вступить въ Шекинское ханство, а между тѣмъ писалъ Несвѣтаеву, что «признаетъ необходимымъ наступательныя дѣйствія, дабы не дать хамбугайскому Сурхай-хану, купно съ джарскими лезгинами, усилиться и сдѣлать сильное впаденіе въ наши границы». Тоже самое писалъ и князь Орбеліани. Для наступательныхъ дѣйствій требовалось однако усилить оба отряда, а такъ какъ войскъ подъ рукою не было, то Несвѣтаевъ передалъ этотъ вопросъ на рѣшеніе военнаго совѣта, который журнальнымъ постановленіемъ опредѣлилъ слѣдующее: ¹⁾

«Военный совѣтъ, собранный въ Тифлисъ сего 30-го марта 1806 года, выслушавъ рапорты генераль-маіора князя Орбеліани и полковника Карягина и взявъ въ соображеніе число и расположеніе нашихъ войскъ, внутреннее и наружное расположеніе на-

---

¹⁾ Арх. шт. кавк. воен. окр. Журналъ по части военной генерала Несвѣтаева. Дѣло 1806 г. № 484. Кто участвовалъ на этомъ совѣтѣ—изъ журнала не видно.

шихъ границъ, разстояніе мѣстъ, нынѣшнее время происшествій, равномѣрно обстоятельства и способы, какъ наши, такъ и непріятеля, постановилъ: до прибытія войскъ, ожидаемыхъ съ Кавказской линіи въ Грузію, дистанціи, какъ генераль-маіору князю Орбеліани, такъ и полковнику Карягину ввѣренныя, содержать въ *оборонительномъ* положеніи. На сей предметъ, относительно усиленія алазанскаго отряда войсками для обезпеченія Кахетіи и Кизика, снять двѣ роты съ Тіонетскаго поста и перевести ихъ на Алазань, поощряя тамошнихъ жителей къ собственной осторожности и защитѣ противъ хищническихъ партій. Что же касается полковника Карягина, то, за отсутствіемъ свободныхъ войскъ, военный совѣтъ не сомнѣвается, что возьметъ онъ всѣ мѣры къ удержанію своей дистанціи, равно и соблюдетъ на положенномъ разстояніи свободное сношеніе Елизаветполя съ Тифлисомъ».

Къ этому рѣшенію военнаго совѣта надо прибавить, что Несвѣтаевъ, какъ-то инстинктивно не довѣряя шекинскому хану и видя въ его поступкахъ нѣчто загадочное, писалъ Карягину:

«Изъ писемъ къ вамъ Селимъ-хана вижу я, что заключеніе въ оныхъ есть политичное, противъ коего слѣдуетъ намъ быть весьма осторожнымъ, ибо азійскіе народы въ увѣреніяхъ своихъ часто себя перемѣняютъ по обстоятельствамъ. Селимъ-ханъ для меня сумнителенъ, и прошу съ онымъ обходиться по политичнѣ, ибо онъ требуетъ, дабы наши войска, находящіяся въ его владѣніи, ему повиновались и выполняли его приказанія. При таковыхъ обстоятельствахъ прошу васъ взять всѣ мѣры осторожности» ¹⁾. Князю Орбеліани Несвѣтаевъ писалъ ²⁾, чтобы, по прибытіи двухъ кабардинскихъ ротъ изъ Тіонетъ, онъ усилилъ бы ими оборону Александровскаго редута, а самъ, «дабы облегчить отрядъ и держать его на походной ногѣ, немедленно отправилъ госпиталь, обозы и всѣ отрядныя тяжести подъ защиту Сигнахской крѣпости»... «Такою готовностью и осторожностью,—писалъ онъ къ нему,—не только отнимите у непріятеля желаніе собраться и покуситься

¹⁾ Тамъ же, отношеніе 30-го марта 1806, № 368.

²⁾ Тамъ же, № 367.

учинить впаденіе въ наши границы, но вѣще обезпечите сей край; въ противномъ же случаѣ непріятель можетъ миновать занимаемые вами посты и устремиться во внутренность Грузіи».

Пока дѣлались эти распоряженія, Сурхай уже приближался къ Курѣ, рассчитывая захватить переправу у Мингичаура; но здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что дагестанскіе ханы въ виду положенія, занятаго отрядомъ Глазенапа, собираютъ войска для защиты собственныхъ владѣній, и что на помощь ихъ рассчитывать нельзя. Видя, что онъ остался одинъ, Сурхай не рискнулъ начать борьбу только съ одними казикумыкцами и, повернувъ назадъ, распустилъ свое скопище. Тучи, такимъ образомъ, разсѣялись, а вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе, что значительная персидская партія, вторгнувшаяся изъ Эривани въ Шурагельскую область, была разбита полковникомъ Симоновичемъ. Дѣло произошло у Сухинъ-Верды 29-го апрѣля и замѣчательно тѣмъ, что шурагельская конница, не смотря на общее волненіе среди закавказскихъ татаръ, служила отлично, и самъ наслѣдникъ Шурагельскаго султанства, сынъ Будагъ-султана, предводительствуя ею, былъ раненъ саблею въ рукопашной схваткѣ. Шурагельцы вмѣстѣ съ казаками взяли большое персидское знамя.

Такъ наступилъ май мѣсяцъ. Въ Тифлисъ, между тѣмъ, прибылъ Троицкій пѣхотный полкъ, высланный Глазенапомъ съ Кавказской линіи, что дало возможность значительно усилить передовые отряды: два баталіона его, тотчасъ отправленные къ полковнику Карягину, стали лагеремъ на Куракъ-чаѣ, въ одномъ переходѣ отъ Елизаветполя къ Карабагу; двѣ роты 3-го баталіона назначены были въ передовой отрядъ Симоновича, а остальные двѣ—въ Демурчасалы для наблюденія за шамшадильскою дистанціею. Всѣ войска, расположенныя въ Елизаветпольскомъ округѣ, въ Карабагѣ, Шекѣ и Ширвани, подчинены шефу Троицкаго полка генераль-маіору Небольсину,—одному изъ тѣхъ людей, которые заложили основаніе славныхъ традицій кавказскихъ войскъ.

Прибытіе Троицкаго полка было какъ нельзя болѣе кстати. Персіяне уже приближались къ нашимъ границамъ, и карабагскій ханъ, давно замыслившій измѣну, велъ тайные переговоры съ пер-

сидскимъ дворомъ, общая сдать Шушу и выдать отрядъ Лисаневича. Трудно объяснить причины, заставившія стараго, 80-ти-лѣтняго Ибрагима сдѣлать такой рискованный шагъ. Сторонники его говорятъ¹⁾, что онъ вынужденъ былъ къ этому суровымъ обращеніемъ Лисаневича и непрерывнымъ вмѣшательствомъ его въ дѣла внутренняго управленія. Что Лисаневичу приходилось вмѣшиваться—это не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ ханъ, жестокой по натурѣ и привыкшій къ самовластію, нерѣдко превышалъ тѣ полномочія, которыя предоставлены были ему Россіей; но относительно суровости обращенія можно усомниться: оно противорѣчитъ показаніямъ другихъ свидѣтелей, какъ напр. родного внука Ибрагимъ-хана, Джафаръ-Кули-аги, и предписаніямъ покойнаго князя Цицианова, не разъ упрекавшаго Лисаневича не въ строгости, а напротивъ «въ потворствѣ и послабленіи татарамъ». Вѣрнѣе предположить, что карабагскому хану просто наскучила опека русскаго правительства, на каждомъ шагу сковывавшая его властный характеръ, и онъ рѣшилъ, что добровольная сдача Шуши примиритъ его съ шахомъ. И вотъ, какъ только персидскія войска стали подходить къ Карабагу, ханъ покинулъ Шушу и выѣхалъ въ лагерь, на мѣстность, называемую «Мирза-Али-бековъ сангаръ» (т. е. укрѣпленіе мирзы Али-Бекова), верстахъ въ четырехъ отъ города. Съ нимъ были его нукеры, жена, два малолѣтнихъ сына и двѣ дочери, предназначенныя имъ въ замужество за двухъ сыновей шаха, «дабы болѣе связать Карабагъ и Персію родственными узами». Затѣмъ къ нему присоединился другой его сынъ Магметъ-Касымъ-ага съ своими нукерами, явилась большая часть шушинскихъ бековъ и вызваны были жители изъ сосѣднихъ кочевій, такъ что всего собралось отъ четырехъ до пяти сотъ вооруженныхъ татаръ, расположившихся лагеремъ. Наскоро построены были даже кое-какія укрѣпленія. Лисаневичъ потребовалъ, чтобы ханъ возвратился въ Шушу. Ибрагимъ отказался, ссылаясь, «что хочетъ съ семьею пользоваться свѣжимъ воздухомъ»²⁾. «Такое положеніе, занятое

---

1) Дѣло шт. кав. в. окр. 1808 г. № 277 Показанія карабагскихъ татаръ, очевидцевъ смерти Ибрагима.

2) Арх. шт. кав. воен. окр. Журналъ графа Гудовича за 1807 годъ.

Ибрагимомъ въ то время, когда персидская конница находилась уже только въ одномъ переходѣ отъ крѣпости и могла легко захватить его въ плѣнъ, возбуждало сильное подозрѣніе. Для Лисаневича измѣна хана представлялась ясною. Тоже подтверждалъ и внучатный племянникъ хана Джафаръ-Кули-ага, ѣздившій въ лагерь уговаривать дѣда и возвратившійся назадъ безъ успѣха. Между тѣмъ, Лисаневичъ, получивъ извѣстіе, что ночью или на разсвѣтѣ Ибрагимъ долженъ соединиться съ персіанами, рѣшился арестовать его въ лагерь и взять съ собою сто егерей. Карабагцы, однако, не дали захватить себя врасплохъ и встрѣтили нашъ отрядъ ружейнымъ огнемъ; тогда лагерь взятъ былъ штурмомъ, и, къ сожалѣнію, въ числѣ убитыхъ оказались самъ Ибрагимъ-ханъ, его жена, сынъ и любимая дочь ¹⁾). Такъ совершилась роковая судьба стараго хана. Пятьдесятъ два года властвовалъ онъ въ Карабагѣ и 52 года отстаивалъ свою независимость отъ Персіи. Геройская оборона Шуши противъ полчищъ Ага-Магометъ-шаха безспорно составляетъ одну изъ лучшихъ минутъ его жиз-

---

¹⁾ Арх. шт. кав. воен. окр. за 1807 г., дѣло № 277. Объ убіеніи подполковникомъ Лисаневичемъ Ибрагимъ-хана.

Впослѣдствіи, съ прибытіемъ въ край новаго главнокомандующаго графа Гудовича, Лисаневичъ былъ преданъ военному суду, и въ обвиненіе его поставлены три главныхъ пункта: намѣренное убійство ханскаго семейства, разграбленіе его имущества и вымогательство отъ хана хлѣба и денегъ на продовольствіе баталіона, стоявшаго въ Шушѣ. Лисаневичъ отвѣчалъ, что „какъ самъ Ибрагимъ, такъ сынъ его, дочь и жена, умершіе отъ ранъ, не иначе могли быть ранены, какъ только случайными солдатскими пулями, когда, смѣшавшись съ общею толпой, бѣжали въ кусты, и въ темнотѣ не могли быть узаны. Вещи ихъ, оставшіяся въ палаткахъ, яко добычу черезъ оружіе взятую, я отдалъ въ пользу солдатъ; но лучшія вещи были унесены при началѣ дѣла ханскими служителями, у которыхъ впослѣдствіи они разысканы и отобраны самимъ наслѣдникомъ карабагскаго ханства Мехти-Кули-агою. Что касается вопроса — получалъ ли я отъ хана на содержаніе себя и команды деньги и хлѣбъ, то получалъ; но дѣлалъ это по настоятельнымъ требованіямъ хана, яко гость его и пріятель, дабы, по тамошнимъ обычаямъ, не нанести ему стыда и обиды. Но за то всѣ деньги, отпускаемая на содержаніе мое и команды, находятся въ дѣлості, и изъ нихъ не израсходовано ни одной копейки“... „Сверхъ того, — прибавлялъ Лисаневичъ, — долгомъ поставлю упомянуть, что ежели бы Ибрагимъ-ханъ въ ту ночь не получилъ должнаго возмездія, то на другой же день Шушинская крѣпость была бы въ осадѣ: Аббасъ-Мирза, переправившійся черезъ Араксъ, могъ прислѣть сюда въ два марша, а въ гарнизонѣ провіанта совсѣмъ не было“.

Судъ оправдалъ Лисаневича, такъ какъ было выяснено, что всѣ навѣты на него распространялись только враждебными намъ беками и самимъ Мехти-Кули-агою, который, добываясь ханскаго достоинства, боялся, чтобы Лисаневичъ не обнаружилъ двуличнаго его поведенія.

ни. Но онъ погибъ, какъ только измѣнилъ своей полувѣковой традиціонной политикѣ и перешелъ на сторону Персіи. Смерть хана произвела въ Карабагѣ сильное впечатлѣніе и прекратила начавшіяся было въ немъ волненія. Персидская конница, опоздавшая только на два-три часа, поспѣшно отступила назадъ, и Лисаневичъ съ частію шушинскаго гарнизона по слѣдамъ ся занялъ Аскаранскую крѣпость, рѣшившись удерживать ее за собой, пока не подойдутъ подкрѣпленія. Кампанія 1805-го года показала важное значеніе этого замка, лежащаго на пути къ Елизаветполю, и Лисаневичъ какъ нельзя лучше воспользовался минувшимъ урокомъ.

Между тѣмъ генералъ Небольсинъ, получивъ извѣстіе о происшествіи въ Карабагѣ, тотчасъ собралъ отрядъ, изъ двухъ баталіоновъ Троицкаго полка, стоявшаго на Куракъ-чаѣ, баталіона егерей и роты тифлисцевъ, прибывшихъ изъ Елизаветполя, подъ командой Карягина. Небольшой отрядъ этотъ, всего 1100 человекъ пѣхоты, сотня казаковъ и восемь орудій, бодро двинулся къ Шушѣ, на встрѣчу 20-ти тысячной персидской арміи.

8-го іюня, на пути между Шахъ-Булахомъ и Аскараномъ, войска наши были окружены персидскою конницею и также, какъ за годъ передъ тѣмъ, должны были прокладывать себѣ дорогу огнемъ и штыками. Но на этотъ разъ Аскаранскій замокъ, запиравшій входъ въ тѣсное ущелье, ведущее къ Шушѣ, былъ занятъ Лисаневичемъ, и отрядъ за крѣпкими стѣнами его могъ ночевать спокойно. Небольсинъ 10-го іюня оставилъ въ замкѣ весь свой обозъ и налегкѣ продолжалъ движеніе къ рѣчкѣ Ханатинъ, гдѣ ожидала его вся персидская армія.

Построившись въ каре, два баталіона Троицкаго полка и рота тифлисцевъ медленно, но неуклонно, подъ непрерывными ударами персидской конницы, двигались впередъ, пробиваясь сквозь цѣлый рядъ тѣснинъ, прикрывавшихъ непріятельскую позицію съ фронта. Егеря и спѣшенные казаки въ то же время очищали окрестныя высоты, съ которыхъ непріятель поражалъ наши войска фланговымъ огнемъ. Карягинъ командовалъ переднимъ фасомъ каре, составленнаго изъ баталіоновъ Троицкаго полка, впервые вступавшихъ въ бой. Небольсинъ потому то и назначилъ туда

Карягина, одно присутствіе котораго могло замѣнить сильнѣйшій резервъ. Кромѣ того, впереди «яко добрый пастырь стада Христова,—какъ говорилось въ донесеніи объ этомъ сраженіи ¹⁾»,—шелъ священникъ Троицкаго полка Миловидовъ, высоко поднявъ надъ головою животворящій крестъ, и осѣнялъ имъ воиновъ. Онъ придавалъ силу храбрымъ, предупреждалъ погрѣшности слабосильныхъ, ободрялъ устрашенныхъ, возвращая имъ мужество, утѣшалъ раненыхъ, напутствовалъ умирающимъ»... И еще необкуренные пороховымъ дымомъ солдаты, видя эти примѣры хладнокровнаго мужества, бодро и смѣло шли впередъ на много разъ сильнѣйшаго противника. Послѣ пяти-часового, непрерывнаго наступленія, тѣсныи были наконецъ пройдены, и войска увидѣли передъ собою весь лагерь Аббасъ-мирзы. Персіяне открыли беспорядочный огонь со всѣхъ батарей, но нашъ отрядъ, не оставиваясь, ударилъ въ штыки, и «съ помощію Бога, покровительствующаго непобѣдимому російскому оружію, смялъ и опрокинулъ всю непріятельскую пѣхоту». Она не выдержала стремительнаго удара и поспѣшно отступила за Араксъ, очистивъ такимъ образомъ совершенно Карабагъ. Только на самой границѣ Нахичеванскаго ханства, еще держались измѣнчившіе намъ беки, вмѣстѣ съ сыновьями погибшаго хана. Туда былъ посланъ баталіонъ Лисаневича съ карабагской конницей Джафаръ-Кули-аги и 200 пѣшихъ армянъ мелика Джемшида. Отрядъ этотъ достигъ непріятеля 20-го іюня и послѣ боя въ верховьяхъ рѣчки Мигри прогналъ его за Араксъ.

За эти блистательныя побѣды, имѣвшія громадное вліяніе на общій ходъ дѣлъ, государь императоръ пожаловалъ Небольсину орденъ св. Георгія 3-го класса.

Этотъ разгромъ персидской арміи не замедлилъ отразиться и на другомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ со стороны Эривани появился сильный отрядъ царевича Александра. Онъ шелъ на Тифлисъ со стороны шамшадильской дистанціи, гдѣ у насъ стояли только двѣ слабыя роты Троицкаго полка. Къ счастью, генераль

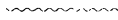
¹⁾ Дѣло 1807 года № 323. Журналъ графа Гудовича. Донесеніе отъ 10-го марта 1807 года, № 49.

Несвѣтаевъ вовремя успѣлъ присоединить къ нимъ еще двѣ кабардинскія роты, возвращавшіяся изъ Тіонетъ подъ командой подполковника князя Эристова, и этому небольшому отряду изъ шестисотъ человѣкъ при трехъ полевыхъ орудіяхъ поручилъ охрану всего района между Тифлисомъ и Елизаветполемъ. Распоряженіе это удержало татаръ отъ измѣны, а полученное вслѣдъ затѣмъ извѣстіе о поражениі Аббасъ-Мирзы заставило царевича поспѣшно отступить въ Эривань. Эристовъ настигъ его въ горахъ около Гокчи и нанесъ ему значительное поражение.

Но едва успокоился Карабагъ, и Небольсинъ, возвратившись на Куракъ-чай, распустилъ свой отрядъ, какъ вспыхнулъ бунтъ въ Шекинскомъ ханствѣ. Въ это время верстахъ въ 20-ти отъ Нухи стояли двѣ роты Тифлискаго полка, около трехъ сотъ человѣкъ при двухъ орудіяхъ, подъ командой маіора Парфенова, а потому Небольсинъ справедливо полагалъ, что на первое время для удержанія порядка въ ханствѣ этихъ силъ будетъ вполне достаточно. Вышло однако иначе. Получивъ извѣстіе о смерти своей сестры, карабагской ханши, погибшей вмѣстѣ съ Ибрагимомъ въ стычкѣ съ русскими войсками, Селимъ, въ порывѣ мщенія, рѣшилъ захватить въ свои руки начальника русскаго отряда и съ этою цѣлью пригласилъ маіора Парфенова къ себѣ подъ видомъ какого-то совѣщанія. Парфеновъ, не подозрѣвая вѣроломства, отправился къ нему въ сопровожденіи только 15-ти казаковъ. Подъѣзжая къ городу, онъ увидѣлъ, что все шекинское войско стоитъ посреди открытой равнины. На вопросъ—почему ханъ вышелъ изъ города?—ему отвѣчали, что ханъ собирается въ походъ, такъ какъ персіяне подходятъ уже къ нашей границѣ. Парфеновъ удовольствовался этимъ отвѣтомъ. Но едва онъ вошелъ въ ханскую ставку, какъ шесть вооруженныхъ татаръ мгновенно повергли его на землю. Обезоруженный, избитый и связанный Парфеновъ пѣшкомъ отправленъ былъ въ Нухинскую крѣпость, гдѣ его забили въ колодки и бросили въ глухое подземелье. Казаки, находившіеся въ его конвоѣ, частью были изрублены, а частію взяты въ плѣнъ и также разсажены по тюрьмамъ. Цѣлый день томили узниковъ страхомъ казни, но къ вечеру ханъ при-

слалъ сказать, что возвратитъ Парфенову свободу, если тотъ согласится вывести русскія войска изъ его владѣній. Парфеновъ, въ виду безвыходности своего положенія, принялъ это условіе и на слѣдующій день вышелъ изъ Шекинскаго ханства.

Отступленіе Парфенова, даже безъ попытки удержаться въ ханствѣ, было неумѣстно и несообразно со славою русскаго оружія. Недостатокъ въ немъ стойкости и твердости духа имѣли дурныя послѣдствія, которыя не скоро могли быть поправлены,— и наказаніе Селима пришлось отложить на долгое время.

Такъ какъ дальнѣйшія дѣйствія въ Грузіи происходили уже подъ непосредственнымъ руководствомъ новаго главнокомандующаго графа Гудовича, то мы вернемся назадъ къ отряду Глазенапа, все еще стоявшему на кумыкской плоскости, и скажемъ о томъ, что происходило на Кавказской линіи.

✓ Цѣль Глазенапа—отвлечь дагестанскіе народы отъ вторженія въ Грузію, была имъ достигнута. Но передъ нимъ лежала теперь другая, еще болѣе трудная задача—наказать бакинскаго хана за смерть князя Циціанова. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ виду затруднительнаго положенія дѣлъ, оставленнаго на Кавказѣ княземъ Циціановымъ, министръ иностранныхъ дѣлъ князь Чарторыйскій составилъ всеподданнѣйшій докладъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ послужить программой для новаго начальника кавказскаго края. По этой программѣ предполагалось ограничить, даже совсѣмъ прекратить военныя дѣйствія въ Грузіи и воздерживаться отъ новыхъ завоеваній впредь до удобнѣйшаго времени; исключеніе дѣлалось только для занятія Баку, «яко лучшей гавани на Каспійскомъ морѣ, и дабы не оставить смерти князя Циціанова не наказанной»... «Въ виду этого,—говорилось далѣе,—новому главному начальнику, который имѣетъ быть назначенъ на мѣсто князя Циціанова, поручить сдѣлать экспедицію въ Баку, не отлагая оную далѣе какъ до настоящаго лѣта, предписавъ ему по взятіи города навсегда лишить Гуссейнъ-Кули-хана и его наслѣдниковъ бакинскаго ханства, въ наказаніе за злодѣйскій его поступокъ. Послѣ чего при-

ступить къ учрежденію новой линіи по Курѣ, связывая оную военными постами и укрѣпленіями даже до Елизаветполя. Городъ Сальяны, при устьѣ Куры лежащій, и урочище Джеватъ, при слияніи Куры и Аракса, занять войсками и построить тамъ укрѣпленія, дабы открыть свободное плаваніе по Курѣ мелкимъ и плоскодоннымъ судамъ»...

Такимъ образомъ, петербургскій кабинетъ, съ одной стороны, соображаясь съ политическимъ положеніемъ Россіи относительно европейскихъ державъ, твердо рѣшилъ не подкрѣплять войска, находившіяся въ Грузіи и на Кавказѣ, а съ другой—желая сохранить вліяніе, уже приобрѣтенное въ Персіи, настаивалъ на такихъ предпріятіяхъ, которыя требовали значительнаго усиленія войскъ. Для примиренія этихъ двухъ трудно примиримыхъ условій предполагалось, что новый главнокомандующій будетъ дѣйствовать «соразмѣрно съ военными силами и съ мѣстными удобствами, которыя замѣняютъ иногда военныя силы».

Программа эта, ясно намѣчавшая цѣль правительства относительно покоренія Баку, получена была Глазенапомъ въ концѣ мая мѣсяца. Ожидать для ея выполненія новаго главнокомандующаго, который еще не былъ назначенъ, и которому предстояло бы предварительно ознакомиться съ общимъ положеніемъ дѣлъ и сообразить средства и способы края,—значило, по мнѣнію Глазенапа, отложить экспедицію до глубокой осени, когда обстоятельства могли перемѣниться и создать такія затрудненія, какихъ теперь не было. Къ тому же необходимо было покончить все дѣло и возвратиться на линію до наступленія зимы, чтобы избѣгнуть тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя постигли войска графа Зубова при возвращеніи ихъ въ Россію изъ того же Бакинскаго ханства въ 1796 году. Стояло уже лѣто, а потому Глазенапъ рѣшилъ не откладывать экспедицію далѣе.

√ Изъ двухъ главнѣйшихъ путей, которые вели въ Закавказіе, одинъ, пролежавшій черезъ главный Кавказскій хребетъ, находился уже въ нашихъ рукахъ; другой, шедшій по побережью Каспійскаго моря, принадлежалъ болѣе или менѣе независимымъ вассаламъ Персіи. У гор. Дербента путь суживалася отрогами горъ и

моремъ до нѣсколькихъ десятковъ саженой. Здѣсь именно находились извѣстныя въ древней исторіи Кавказа «Каспійскія ворота», черезъ которыя знаменитѣйшіе иранскіе завоеватели двигали свои полчища, направляясь къ сѣверу. Въ огражденіе отъ этихъ нашествій владѣтели земель сѣвернаго Кавказа воздвигли въ этомъ мѣстѣ подобіе китайскаго сооруженія, — громадную оборонительную стѣну, шедшую поперекъ прибрежной низменности отъ высокихъ горныхъ утесовъ до самого моря и далѣе, на нѣкоторое разстояніе по дну послѣдняго. Укрѣпленный городъ Дербентъ владѣлъ этими воротами, и этимъ опредѣлялось его стратегическое значеніе. Со взятіемъ этой крѣпости, мы открывали собѣ второй путь къ Закавказію, правда болѣе кружный, но за то болѣе доступный во всякое время года.

Генералу Глазенапу предстояло овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ, стоявшимъ на пути къ Баку — цѣли экспедиціи. Но въ отрядѣ его находилось только 1400 человекъ пѣхоты, столько же кавалеріи (въ томъ числѣ четыре эскадрона драгунъ) и девять орудій. Силъ этихъ, конечно, было недостаточно, а потому Глазенапъ приказалъ Суздальскому полку, предназначавшемуся къ походу въ Грузію, слѣдовать за собою въ Дербентъ, рассчитывая отправить его впослѣдствіи въ Тифлисъ черезъ Баку и Ширванское ханство. Въ то же время каспійской флотиліи приказано было выступить въ море, чтобы доставить въ Баку провіантъ и вообще содѣйствовать успѣху экспедиціи десантомъ ¹⁾. И вотъ, 2-го іюня, въ тотъ самый день, когда въ Петербургѣ состоялось назначеніе главнокомандующаго графа Гудовича, Глазенапъ прибылъ къ войскамъ и въ тотъ же день повелъ отрядъ въ далекій походъ. Цѣль этого похода сохранялась однако въ глубокой тайнѣ и, кромѣ двухъ-трехъ приближенныхъ къ Глазенапу лицъ, никому не была извѣстна. Никто не могъ предположить, что

---

¹⁾ Для охраны Кавказской линіи остались: Херсонскій гренадерскій полкъ, два баталіона Вологодскаго и по шести ротъ отъ Казанскаго пѣхотнаго, 16-го и 9-го егерскихъ полковъ. Кавалеріи: драгунскіе полки Таганрогскій и Владимірскій, по три эскадрона отъ полковъ Нижегородскаго и Борисоглѣбскаго, поселенные линейные казаки и 10 донскихъ казачьихъ полковъ.

горсть русскихъ войскъ идетъ покорять Дербентъ, который Петръ Великій и Зубовъ шли осаждать съ цѣлыми арміями. Отрядъ между тѣмъ переправился черезъ Сулакъ и остановился передъ Тарками. Шамхаль тарковскій, недовѣрчивый, какъ всѣ азіятцы, хотя и былъ смущенъ внезапнымъ появленіемъ русскаго отряда, но тѣмъ не менѣе выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ русскомъ генераль-адъютантскомъ мундирѣ, съ александровской лентой черезъ плечо. Тактичный и умный Глазенапъ представился съ почетнымъ рапортомъ. Этимъ расчетливымъ вниманіемъ онъ такъ расположилъ къ себѣ тщеславнаго владѣльца, что тотъ охотно согласился принять участіе въ походѣ, особенно послѣ того, какъ Глазенапъ указалъ ему на возможность сдѣлаться въ будущемъ дербентскимъ ханомъ ¹⁾. Такимъ образомъ, русскій отрядъ выступилъ изъ Тарковъ значительно усиленный шамхальскою милиціей.

Глазенапъ между тѣмъ зналъ, что въ Дербентѣ господствуетъ вообще неудовольствіе противъ Шихъ-Али-хана, извѣстнаго своею развратною жизнью, и на этомъ обстоятельствѣ главнымъ образомъ основывалъ весь успѣхъ экспедиціи.

Шамхаль тарковскій съ своей стороны искусно поддерживалъ народное волненіе и подстрекалъ всѣхъ къ открытому возстанію противъ жестокаго правителя. И вотъ, какъ только русскій отрядъ сталъ приближаться къ границамъ ханства,—въ городѣ вспыхнулъ мятежъ, и растерявшійся ханъ долженъ былъ бѣжать изъ него подъ защиту Сурхая казикумыкскаго. Депутація изъ почетныхъ дербентскихъ бековъ встрѣтила русскія войска на пути и просила Глазенапа отправить впередъ хоть часть кавалеріи для скорѣйшаго занятія города, опасаясь, чтобы Шихъ-Али не вернулся съ наемными лезгинами. Не зная еще достовѣрно, что происходитъ въ Дербентѣ, но помня несчастный жребій князя Цицианова, Глазенапъ колебался. Тогда генераль Лихачевъ ²⁾, вызвался

---

¹⁾ Жена Шамхала, Чпганъ-Ханумъ, дочь умершаго дербентскаго владѣтеля Фетъ-Али-хана, дѣйствительно являлась прямою наследницей своего отца. Она была законная дочь, тогда какъ Шихъ-Али, управлявшій ханствомъ, былъ рожденъ отъ рабыни-наложницы.

²⁾ Лихачевъ — впослѣдствіи знаменитый защитникъ Раевского редута при Бородинѣ. Сидя на походномъ креслѣ въ переднемъ углу укрѣпленія подъ цѣлою тучей не-

ѣхать въ Дербентъ и просилъ позволенія взять съ собою только шесть сотенъ казаковъ и одно орудіе. «Честь—мой Богъ,—сказалъ онъ, прощаясь съ офицерами,—я умру охотно, если должно, чтобы я умеръ для пользы моего отечества» ¹⁾).

Быстро перейдя въ одну ночь болѣе 60-ти верстъ, Лихачевъ подь утро явился подь стѣнами Дербента и, не вѣзжая въ городъ, послалъ приказаніе, чтобы весь народъ вышелъ къ нему на встрѣчу. Жители повиновались, и Лихачевъ въ сопровожденіи ихъ вѣхалъ въ городскія ворота. Дербентъ сдался безъ боя. На слѣдующій день, 22-го іюня, подошли остальныя войска, и Глазенапъ торжественно принялъ серебряныя ключи отъ города, поднесенные ему тѣмъ же самымъ столѣтнимъ старцемъ, который подносилъ уже ихъ Петру Великому и графу Зубову ²⁾). Въ тотъ же день надъ цитаделью Дербента, Нарынъ-Кале, развилось русское знамя, и весь народъ приведенъ къ присягѣ на вѣчное подданство русскому государю.

«Зная важность и силу Дербента, съ одной стороны, и слабость русскаго отряда, съ другой,—говоритъ одинъ очевидецъ,—трудно было повѣрить, что покореніе Дербента совершившійся фактъ. И какъ пріятно было смотрѣть на нашего почтеннаго начальника Григорія Ивановича (Глазенапа), принимавшаго съ добродушною улыбкой общія поздравленія и удивленія». Это окончательное покореніе Дербента, составляетъ наилучшій памятникъ, который Глазенапъ воздвигъ себѣ на Кавказѣ.

Въ Дербентѣ пришлось однако простоять болѣе мѣсяца. Съ одной стороны Глазенапъ поджидалъ каспійскую флотилію, а съ другой—Шихъ-Али-ханъ и Сурхай собирали значительныя силы,

---

пріятельскихъ снарядовъ, больной и слабый, но несокрушимый духомъ, онъ спокойно говорилъ солдатамъ: «Стойте, ребята, —и помните за нами Москва!» Когда французы ворвались въ редутъ, онъ былъ израненъ штыками и взять въ плѣнъ. Наполеонъ самъ возвратилъ ему шпагу. Лихачевъ не принялъ ее. «Благодарю, Ваше Величество,—отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ—плѣнъ лишилъ меня шпаги, и я могу принять ее обратно только отъ моего государя». Его отправили во Францію, но по дорогѣ онъ умеръ отъ тяжкихъ ранъ и былъ похороненъ на чужбинѣ.

¹⁾ Извѣстіе о взятіи Дербента. С. Петербургъ. Изд. 1806 г. (Имп. публич. биб.)

²⁾ Записки С. Б. Броневскаго. Отдѣлъ рукописей, 4 Имп. пуб. биб.

чтобы напасть на Дербентъ и вытѣснить оттуда русскихъ. По слухамъ, на помощь къ нимъ прибылъ даже персидскій отрядъ въ двѣ тысячи человекъ съ четырьмя орудіями, и скоро передовыя партіи ихъ появились даже въ окрестностяхъ города. Глазенапъ тотчасъ выслалъ два небольшихъ отряда, подъ начальствомъ генераловъ Мейера и Дехтярева, которые быстро разсѣяли всѣ собиравшіяся шайки и даже заставили персидскій отрядъ поспѣшно отступить на Муганскую степь. Замыслы союзниковъ такимъ образомъ рушились. Между тѣмъ Куба и Баку, устрешенные паденіемъ Дербента, уже засылали депутатовъ съ просьбою о принятіи ихъ въ подданство. Надо было пользоваться минутой, и Глазенапъ рѣшилъ продолжать экспедицію, не ожидая уже ни Суздальскаго полка, ни каспійской флотиліи. «Я иду отсюда съ отрядомъ сухимъ путемъ въ Баку, - писалъ онъ 25-го іюля генералу Несвѣтаеву ¹⁾, — и надѣюсь съ помощію Божіею и храбростію русскихъ войскъ наказать бакинскаго хана за его вѣроломство. По взятіи города, оставлю въ немъ гарнизонъ, а самъ пойду черезъ ширванскія владѣнія въ Нуху, и буду, ежели позволятъ обстоятельства, въ Тифлисѣ».... Но въ то время, какъ писалась эта бумага, въ Георгіевскѣ 27-го іюля прибылъ уже графъ Гудовичъ и первое распоряженіе, сдѣланное имъ, было предписаніе Глазенапу остановиться и ждать въ Дербентѣ его приказаній.

---

¹⁾ Журналъ генерала Глазенапа. Дѣло арх. шт. к. воен. ок. 1806 г. № 483.

Глава XIV.

- Назначеніе главнокомандующимъ графа Гудовича. Первые распоряженія его на сѣверномъ Кавказѣ и въ Грузіи. Покореніе Баку и Кубы. Пораженіе шекпінскаго хана Небольсинимъ и джардцевъ - княземъ Орбеліани. Полѣтика Гудовича относительно закавказскихъ хановъ.

Новый главнокомандующій графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ уже не въ первый разъ появлялся на Кавказѣ¹⁾. Преклонные годы (ѣму было около 70-ти лѣтъ) и время, проведенное имъ въ бездѣйствіи, значительно ослабили въ немъ прежнія способности, но еще болѣе развили тѣневые стороны его характера—гордость, тщеславіе и самонадѣянность. Онъ былъ своенравенъ, раздражителенъ и не допускалъ постороннихъ мнѣній, полагая, что знаетъ Кавказъ лучше всѣхъ, хотя зналъ только одну Кавказскую линію, не простиравшуюся въ его командованіе далѣе Георгіевска.

Относясь съ полнымъ предубѣжденіемъ къ дѣятельности своего знаменитаго предмѣстника князя Циціанова, онъ говорилъ открыто, что ѣдетъ не продолжать его дѣло, а, напротивъ, исправлять его ошибки. Правительственную программу онъ также отвергнулъ, и вообще обѣщалъ государю слѣлать гораздо болѣе, чѣмъ могъ исполнить.

Въ Георгіевскѣ Гудовича постигли однако первые разочарованія. Обиженный тѣмъ, что Глазенапъ не только не встрѣтилъ

---

¹⁾ Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Глава XIII и XIV. Изданіе военно-историческаго отдѣла при штабѣ Кавказскаго военнаго округа.

его на линіи съ подобающими почестями, а, напротивъ, предпринялъ экспедицію, которую предназначалось исполнить лично ему, графу Гудовичу, онъ счелъ за нужное выставить передъ государемъ обстоятельство это, какъ самовольный и безразсудный поступокъ Глазенапа.

«По прїѣздѣ моемъ на Кавказскую линію,—писалъ онъ ¹⁾,—нахожу оную не въ томъ положеніи, въ какомъ, отъѣзжая отсюда, ее оставилъ. Всѣ зданія обвалились и рушились, и даже мирные сосѣди кордоновъ стали непокорными. Отъ генерала Глазенапа, со времени опредѣленія моего, я не получилъ ни какого увѣдомленія, хотя онъ давно уже извѣстенъ о назначеніи меня главнокомандующимъ. Къ вящему изнуренію затасканныхъ войскъ и расточенію казны, генералъ сей самовольно нарядилъ, сверхъ того отряда, о которомъ онъ доносилъ, что пошелъ съ онимъ, будто бы, для наказанія чеченцевъ, еще отборныя команды для посаженія на суда, нарядилъ флотилію изъ Астрахани, взялъ съ собою всю казну, вещи для подарковъ, и чины, его распоряженію не принадлежашіе, словомъ все, не оставивши къ прїѣзду моему никакой слачи».... «Предпріятія сего, на которое онъ не имѣлъ высочайшаго Вашего Величества повелѣнія,—писалъ Гудовичъ далѣе,—я, видѣвши все, не допустилъ бы въ столь неудобное въ жаркомъ климатѣ время, такъ какъ можно много потерять людей отъ болѣзней и привести полки въ вящій некомплектъ и разстройку, и безъ того уже существующіе. Посему я писалъ генералу Глазенапу остановиться при Дербентѣ, который, стороною слышу, что занять имъ безъ сопротивленія, и который безъ того бы, по взятіи Баки, долженъ былъ самъ собою войти въ подданство Вашего Величества. Я требую отъ него о семъ увѣдомленія, дабы, по соображеніи обстоятельствъ, можно было хотя сколько нибудь поправить дѣло. Принужденъ буду призвать генерала Глазенапа сюда, препоручивъ отрядъ другому, для истребованія отчета во всемъ, что въ его вѣдомствѣ находилось»...

---

¹⁾ Архивъ воен. уч. ком. Матеріалы къ персидской войнѣ, часть I. Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича 27-го іюля 1806 г.

Императоръ Александръ не согласился, однако, съ мнѣніемъ Гудовича. Онъ приказалъ «дать Глазенапу время и способы окончить начатое, и потомъ, если будетъ нужно, потребовать его для личнаго представленія главнокомандующему отчетовъ за время управленія имъ Кавказской линіей ¹⁾. Гѣмъ не менѣе Гудовичъ успѣлъ исходатайствовать о назначеніи на мѣсто Глазенапа командующимъ войсками на Кавказской линіи генераль-отъ-инфантеріи Булгакова, стараго своего соратника, вызваннаго имъ изъ отставки. Въ ожиданіи его пріѣзда прошло однако же болѣе мѣсяца. Отрядъ стоялъ въ Дербентѣ безъ всякой пользы, а время шло и наступила осень. Только тогда Гудовичъ рѣшился, наконецъ, поручить экспедицію Глазенапу, снабдивъ его однако самую подробною инструкціею: «По прибытіи флотилии,—писалъ онъ ему,— прежде всего обезпечьте Дербентъ, оставивъ въ немъ баталіонъ Севастопольскаго полка, какъ можно комплектнѣе; поставьте 8 орудій на приличныхъ мѣстахъ; оставьте надобное число казаковъ для разъѣздовъ; запаситесь нужнымъ провіантомъ и предпримите сперва покореніе Хамбутаея, а затѣмъ Кубы, ибо, не приведши ихъ въ подданство, трудно предпринять дѣйствіе на Баку силою оружія.... Идучи впередъ, надо все сообразить, дабы, сдѣлавши одинъ разъ, поставить твердую ногу и потомъ съизнова не начинать. Братся нужно за важнѣйшіе пункты, изъ которыхъ теперь—Баку; прочіе сами падутъ.... Въ походѣ войска водите густою колонной, которую гдѣ тѣсно и вздвоятъ можно. Колонна должна быть построена изъ середины, дабы вездѣ и тотчасъ можно было, ежели надобно, построить каре продолговатый.... Всѣ распоряженія на будущее время оставьте мнѣ, ибо я долженъ сообразить ихъ съ высочайшими намѣреніями, и для того всемилостивѣйше къ сему случаю избранъ» ²⁾....

Предписанія эти не дошли еще по своему назначенію, какъ въ Георгіевскѣ прибылъ генераль Булгаковъ, и Гудовичъ приказалъ ему немедленно ѣхать въ Дербентъ и вступить въ командованіе

---

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же. Предписанія Глазенапу отъ 1-го и 12-го августа № 1 и 8.

экспедиціоннымъ отрядомъ. Только теперь Гудовичъ далъ полную волю своему негодованію на Глазенапа. Извѣщая его о назначеніи Булгакова, онъ писалъ: «Теперь побуждаюсь вамъ объяснить, что я васъ остановилъ при Дербентѣ для того, что предпріятіе ваше не соображено было со всѣми надобными приготовленіями для дальнихъ поисковъ, безъ которыхъ отрядъ вашъ пришелъ бы въ такое же изнуреніе, какъ прежде подъ Бакою было. Да и какъ, уменьшивши войска оставленіемъ гарнизона въ Дербентѣ, не дождавшись флотиліи, идти подъ Баку, которая если бы сама не покорилась, то не надежно, что бы вы оную безъ флотиліи покорили? Гдѣ же гарнизонная артиллерія, для Дербента необходимо надобная? Гдѣ запасъ провіанта, безъ котораго воевать не можно, не переморивши войска?»... Онъ ставилъ Глазенапу въ упрекъ даже то, что, взявъ съ собою войска, онъ ослабилъ линію и подвергъ опасности коммуникацію съ Грузіей¹⁾... Взятые сами по себѣ, приказы Гудовича, какъ выраженія общихъ принциповъ, заключали въ себѣ, конечно, долю научныхъ истинъ, но отданныя имъ издалека и не соображенныя ни съ временемъ, ни съ обстоятельствами, ни даже со взаимнымъ положеніемъ сторонъ, они подготовили войскамъ не успѣхъ, а страшныя бѣдствія, о которыхъ сказано будетъ дальше.

Новый начальникъ экспедиціоннаго отряда, герой анапскаго штурма²⁾, Сергѣй Алексѣевичъ Булгаковъ заслуженно пользовался въ войскахъ репутациею храбраго, энергичнаго и въ высшей степени правдиваго человѣка. Не смотря на свои преклонныя лѣта (ему было далеко за 60), онъ до конца сохранилъ за собою способность увлекать всѣхъ своею отвагой и чисто юношескимъ пыломъ. Прибывъ къ отряду 25-го августа, онъ засталъ его въ полной готовности къ движенію и, не смотря на то, долженъ былъ простоять здѣсь еще 12 дней, ожидая каспійскую флотилію. Дѣло въ томъ, что весь запасъ провіанта, котораго хватило бы съ избыткомъ на всю бакинскую экспедицію, если бы она началась только раньше, теперь

---

1) Предписаніе Глазенапу 16-го августа 1806 г. № 19.

2) За штурмъ Анапы въ 1791 году Булгаковъ получилъ Георгія 3-го класса.

былъ уже съѣденъ войсками въ теченіе мѣсячной стоянки, — и тронуться дѣйствительно было не съ чѣмъ. Пришлось потерять еще цѣлыхъ двѣ недѣли. За то Булгаковъ, оставивъ въ сторонѣ соображенія Гудовича, рѣшилъ идти уже прямо на Баку, не отвлекаясь побочными дѣйствіями противъ Кубы и Хамбута. О походномъ движеніи войскъ густою колонной, съ ежеминутною готовностью строить каре, разумѣется не было и рѣчи.

Одновременно съ тѣмъ, какъ дѣлались приготовленія къ бакинской экспедиціи, Гудовичъ знакомился съ положеніемъ дѣлъ въ Грузіи и, находя, что тамъ все идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало, писалъ Несвѣтаеву¹⁾: «Вижу изъ рапортовъ вашихъ генералу Глазенапу, что вы то въ большомъ опасеніи находитесь, то потомъ пишете о большихъ побѣдахъ, — въ чемъ рекомендую впредь употреблять умѣренныя выраженія, то, наконецъ, снова опасаетесь Баба-хана въ большихъ силахъ... Искусство въ военномъ ремеслѣ состоитъ въ томъ, чтобы умѣть занять посты самые важныя въ маломъ числѣ, а вы раздробляете войска, и безъ того не комплектныя, ибо, занявъ многіе пункты, вездѣ оныя будутъ слабы и теряютъ уваженіе, что и доказано съ постомъ нашимъ у измѣнника, хана шекинскаго, который осмѣлился оный выслать изъ своихъ владѣній... Старайтесь войсками, у васъ находящимися, удерживать въ цѣлости границы наши, а я къ вамъ скоро буду. Шекинскаго хана-измѣнника нужно пока держать въ неизвѣстности, что съ нимъ послѣдуетъ, о чемъ отъ меня въ свое время предписаніе будетъ. Между тѣмъ стороною, дабы провести его, внушите, что я уже въ дорогѣ и скоро буду въ Тифлисѣ. Онъ мое имя знаетъ, что я тотъ самый, который Анапу взялъ».

Мало знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Грузіи, Гудовичъ колебался признать виновность Селима, «ибо, — какъ писалъ онъ Несвѣтаеву, — изъ писемъ его вижу, что онъ не отказывается отъ

---

¹⁾ Предписанія Несвѣтаеву отъ 1-го и 2 августа 1806 года.

подданства». Обвиняя во всемъ поступки Лисаневича, онъ старлся даже оправдать Селима въ глазахъ государя и писалъ въ Петербургъ, что напрасная смерть карабагскаго хана и вмѣстѣ съ нимъ жены его, родной сестры Селима, огорчивъ послѣдняго, дала ему мысль, что и онъ можетъ подвергнуться той же участи отъ російскихъ войскъ. Самый поступокъ его съ маіоромъ Парфеновымъ онъ извинялъ пылкостью азіятскаго характера, склоннаго къ мщенію, а въ высылкѣ войскъ изъ его владѣній видѣлъ даже заслугу, такъ какъ малочисленный отрядъ нашъ могъ подвергнуться опасности отъ взволновавшейся черни, которую ханъ, будто бы, удержать не могъ ¹⁾.

Несвѣтаевъ однако не раздѣлялъ такихъ убѣжденій новаго главнокомандующаго и хлопоталъ, чтобы ему дозволено было прежде всего расправиться съ шекинскимъ ханомъ за оскорбленіе, нанесенное имъ русскому оружію, а потомъ идти и взять Эривань, то-есть исполнить то, чего не успѣлъ исполнить при жизни князь Циціановъ. Возможность овладѣть Эриванью онъ основывалъ на томъ, что персіяне не оставили въ ней гарнизона, а сама по себѣ крѣпость не могла оказать серьезнаго сопротивленія, такъ какъ сами жители просили Несвѣтаева о скорѣйшемъ занятіи города. Несвѣтаевъ опасался упустить столь удобный моментъ тѣмъ болѣе, что ни Аббасъ-мирза, находившійся въ то время далеко на Муганской степи, ни Баба-ханъ, отступившій къ самому Тегерану, не могли подоспѣть своевременно. Онъ сознавалъ, что впоследствии, когда персіяне поймутъ свою ошибку и снова займутъ Эривань войсками, взять ее будетъ уже трудно. Онъ написалъ объ этомъ Гудовичу ²⁾, но получилъ строгій приказъ оставить всѣ постороннія предпріятія и прежде всего содѣйствовать покоренію Баку не только диверсіей, но, на случай требованій Булгакова, и отправленіемъ къ нему войскъ изъ Грузіи. Гудовича сильно озабочивала мысль, что Аббасъ-Мирза, вторгнувшійся въ то время со стороны Муганской степи въ Ширванскую область, мо-

¹⁾ Отношеніе Гудовича барону Будбергу 26-го августа 1806 года, № 21.

²⁾ Рапортъ Несвѣтаева 9-го августа 1806 года.

жетъ пройти на помощь къ бакинскому хану и тѣмъ остановить успѣхъ Булгакова. Опасеній этихъ никто не раздѣлялъ въ Тифлисѣ, но тѣмъ не менѣе, согласно волѣ главнокомандующаго, сформированы были два отряда, изъ которыхъ одинъ, генерала Небольсина, долженъ былъ идти на помощь къ ширванскому хану и въ случаѣ надобности содѣйствовать Булгакову, другой—полковника Карягина, занять Джеватъ, при сляніи Куры и Аракса, съ тѣмъ, чтобы отрѣзать Аббасъ-Мирзѣ отступленіе изъ Ширванскаго ханства. Войска, задержанныя формированіемъ вьючнаго обоза, котораго они не имѣли, но безъ котораго нельзя было двигаться по путямъ, ведущимъ въ Ширвань, выступили съ мѣста только въ половинѣ сентября мѣсяца,—«и по разнымъ причинамъ и дѣльнымъ и не дѣльнымъ,—какъ доносилъ Гудовичъ,—не успѣли только нѣсколькими днями придти къ Джевату, дабы отрѣзать переправу Баба-ханову сыну, бывшему во владѣніи ширванскомъ, и перетопить онаго со всею его сволочью въ Куръ»¹⁾... Сѣтованія Гудовича на опозданіе нашихъ войскъ едва-ли были основательны. Онъ самъ говоритъ въ томъ же донесеніи, «что сынъ Баба-хановъ, свѣдавъ съ двухъ сторонъ приближающіяся войска, скоропостижно успѣлъ бѣжать за Куру и далѣе во внутрь Персіи»... Слѣдовательно, если-бы наши войска и прибыли въ Джеватъ нѣсколькими днями ранѣе, то разница заключалась бы только въ томъ, что Аббасъ-Мирза также нѣсколькими днями раньше очистилъ Ширвань, но никогда, конечно, не далъ бы отрѣзать себѣ отступленія. Отъ Елизаветполя до Джевата 24 большихъ перехода, и Аббасъ-Мирза, разумѣется, имѣлъ всѣ средства заблаговременно узнать о нашемъ приближеніи. Въ Ширвани войска получили извѣстіе о покореніи Бакинскаго ханства и стали готовиться въ обратный путь. Такъ закончился этотъ бесполезный походъ, ничѣмъ не содѣйствовавшій успѣху бакинской экспедиціи, а между тѣмъ отвлекшій русскія войска совершенно въ противоположную сторону отъ Эривани, гдѣ должна бы была рѣшиться участь кампаніи.

---

¹⁾ Всепод. донесеніе Гудовича 19 октября 1806 г., № 105

Теперь возвратимся къ отряду Булгакова.

Выступивъ изъ Дербента 5-го сентября, Булгаковъ отправилъ въ Баку прокламацію, приглашая жителей отдаться на милосердіе русскаго государя и угрожая въ противномъ случаѣ «потрясти самыя основанія города». Съ отвѣтомъ на это прибылъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ ханствѣ, Каземъ-бекъ, который объявилъ, что если ханъ не получитъ прошенія, то городъ будетъ защищаться до послѣдней крайности, ибо народъ безъ воли хана ни къ чему не приступитъ. «Передайте хану,—сказалъ Булгаковъ,—что ему нечего беспокоиться за свою участь»,—и въ знакъ довѣрія отправилъ въ Баку, вмѣстѣ съ Каземъ-бекомъ, сына своего, служившаго подполковникомъ въ Борисоглѣбскомъ драгунскомъ полку. Подъѣзжая къ городу ночью, 2-го октября, молодой Булгаковъ узналъ, что ханъ бѣжалъ, и что въ городѣ происходитъ большое волненіе. Всю ночь, рискуя на каждомъ шагу своею жизнью, Булгаковъ ѣздилъ верхомъ по улицамъ, объявляя всѣмъ, что присланъ успокоить народъ и объявить ему прошеніе. Бакинцы съ недоумѣніемъ глядѣли на русскаго офицера, ѣздившаго среди нихъ безъ всякаго конвоя, и мало-по-малу успокоились.

На слѣдующей день, 3-го октября, какъ только русскій отрядъ сталъ приближаться къ городу, весь народъ, предшествуемый армянскимъ духовенствомъ, муллами и почетными беками, вышелъ къ нему на встрѣчу. Каземъ-бекъ сказалъ привѣтственную рѣчь. Поднося затѣмъ крѣпостные ключи и девять городскихъ знаменъ, «съ уклоненіемъ ихъ до земли», онъ объявилъ, что ханъ бѣжалъ и просилъ еще разъ о пошадѣ народа. Бакинцы стояли густыми толпами, молча, съ опущенными внизъ головами, и съ чисто азійскимъ фатализмомъ ожидали рѣшенія своей участи. Булгаковъ объявилъ имъ помилованіе и, сопровождаемый народомъ, при громѣ пушекъ и крикахъ: «Да здравствуетъ великій русскій государь!» въѣхалъ въ цитадель, надъ которою тотчасъ развилось русское знамя. На крѣпостныхъ стѣнахъ найдено 20 орудій, и въ томъ числѣ два нашихъ единорога ¹⁾. Въ тотъ же день ханъ объявленъ былъ низложеннымъ со всѣмъ его потомствомъ, народъ приведенъ

---

¹⁾ Донесеніе Гудовича 22-го октября 1806 г., № 106.

къ присягѣ, и Бакинское ханство, навсегда утративъ свою самостоятельность, обратилось въ простую русскую провинцію.

Смерть князя Циціанова была отомщена. Тѣло его, зарытое до сихъ поръ въ оврагѣ за крѣпостными воротами, было разыскано и съ подобающимъ торжествомъ, въ присутствіи войскъ и всего народа, перенесено въ армянскую церковь, находившуюся въ самомъ центрѣ покореннаго города. Церковь эта и предназначена была служить ему усыпальницей. Булгаковъ донесъ обо всемъ Гудовичу, но, по всей вѣроятности, изъ Тифлиса не было сдѣлано по этому поводу никакого распоряженія, потому что, спустя два года, мы встрѣчаемъ въ дѣлахъ того времени слѣдующій рапортъ бакинскаго коменданта генераль-лейтенанта Репина. «По прибытіи моемъ къ новой должности,—писаль онъ Гудовичу,—я нашель, что въ армянской церкви Аствадцъ-Заздна въ засмоленномъ гробѣ лежитъ тѣло убитаго князя Циціанова, обезглавленное, и не учинено еще оному до сей поры по христіанскому закону со священнослуженіемъ погребенія. Испрашиваю повелѣній, съ какою церемоніей тѣло должно быть предано землѣ»? Отвѣта на это не послѣдовало ¹⁾).

Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Паулуччи перенесъ тѣло Циціанова въ Тифлисъ въ Сіонскій соборъ, а въ Баку, за городскими воротами, гдѣ оно было зарыто врагами «безъ почестей бранныхъ», князь Воронцовъ воздвигнулъ памятникъ, каменный обелискъ, обнесенный желѣзною рѣшеткой. На передней сторонѣ памятника—медальонъ, на голубомъ полѣ котораго рельефно выдаются два золоченные ключа—эмблема покоренія крѣпости, и сложенные на крестъ кинжалъ и пистолетъ—орудія мученической смерти Циціанова.

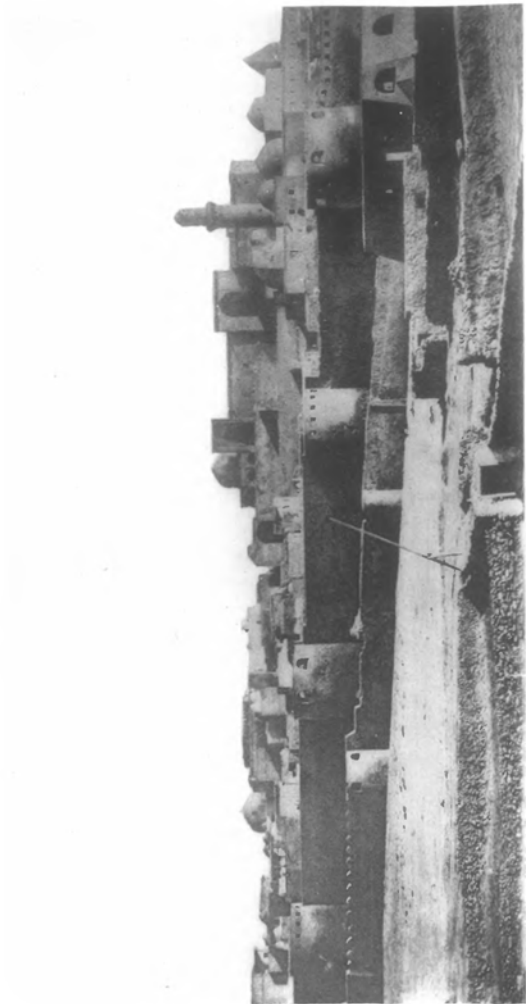
Оставивъ въ Баку баталіонъ Севастопольскаго полка, подъ командою генераль-маіора Гурьева, Булгаковъ съ остальными войсками двинулся въ Кубинское ханство, покореніе котораго являлось естественнымъ послѣдствіемъ занятія Баку. Пока Куба оставалась въ рукахъ Шихъ-Али, нельзя было ручаться за безопасность дорогъ отъ Дербента къ Баку, такъ какъ пути между этими дву-

---

¹⁾ Арх. кав. в. окр. Дѣло 1809 г. № 11. О погребеніи князя Циціанова. Рапортъ ген.-лейт. Репина графу Гудовичу 19-го декабря 1808 года.

мя городами лежали через кубинскія владѣнія. Куба занята была безъ боя, и Булгаковъ торжественно объявилъ народу, что Шихъ-Али-ханъ навсегда устраняется отъ правленія, и что Кубинское ханство присоединяется къ Россійской имперіи. Самъ Шихъ-Али успѣлъ однако бѣжать и, скрывшись въ горы, продолжалъ оттуда волновать населеніе. Чтобы водворить порядокъ въ странѣ, надо было прежде всего сломить упрямую энергію хана, и генераль Лихачевъ опять вызвался ѣхать въ горы съ тѣмъ, чтобы добиться мирнаго рѣшенія вопроса. Дерзкая попытка его увѣнчалась нѣкоторымъ успѣхомъ. Онъ видѣлъ Шихъ-Али-хана, бесѣдовалъ съ нимъ и въ концѣ концовъ уговорилъ его присягнуть на подданство русскому государю. Ханъ исполнилъ этотъ обрядъ въ присутствіи Лихачева, но выговорилъ себѣ право остаться на жительствѣ въ одной изъ деревень бывшаго своего ханства. Гудовичъ принялъ это условіе и тѣмъ приготовилъ въ будущемъ цѣлый рядъ смуть, съ которыми пришлось считаться и ему и его пріемникамъ.

Сурхай казикаумыкскій, вслѣдъ за Шихъ-Али-ханомъ, также присягнулъ на подданство, но отказался отъ всякаго наружнаго знака своей зависимости: онъ не хотѣлъ платить дани, не соглашался дать въ аманаты сына и не допускалъ постройки на своей землѣ русской крѣпости. Принудить его къ этому силой оружія по позднему времени года, когда въ горахъ уже наступила зима, было невозможно,—и Гудовичъ пошелъ на уступки. Онъ уничтожилъ совершенно пунктъ относительно крѣпости и сбавилъ подать до трехъ тысячъ червонцевъ, «зная,—какъ писалъ онъ Сурхаю,—что не только сія, но и всякая дань не составляетъ ничего для всероссійскаго государя императора, а взимается она единственно для означенія зависимости и подданства». Торопясь привести это дѣло къ концу, Гудовичъ подписалъ трактатъ даже ранѣе хана и въ этомъ видѣ послалъ его къ Сурхаю. Сурхай возвратилъ трактатъ назадъ не подписаннымъ. Пришлось поневолѣ довольствоваться одною присягой, которая ровно ни къ чему не обязывала Сурхая, такъ эта была его уже четвертая присяга, даваемая имъ русскимъ государямъ.

Tripoli, Libya.

Походъ Булгакова былъ оконченъ.

«Имѣю счастье донести Вашему Величеству,—писаль Гудовичъ,—что теперь весь Дагестанъ по Куру покоренъ высокой державѣ Вашей.... Наипаче счастливъ я тѣмъ, что высочайшая, чело-вѣколюбивая воля Ваша исполнена не только безъ потерянія побѣдоносныхъ войскъ Вашего Величества, но и безъ малѣйшаго оныхъ изнуренія» ¹⁾.... Къ сожалѣнію, дѣйствительность совершенно расходится съ этимъ донесеніемъ Гудовича, и безкровное завоеваніе Баку и Кубы оплатилось слишкомъ тяжелыми жертвами при обратномъ движеніи войскъ на линію. Это движеніе, напомнившее такой же походъ и по тѣмъ же самымъ мѣстамъ въ 1797 году, когда войсками на Кавказской линіи командовалъ тотъ же Гудовичъ, было въ полномъ смыслѣ слова бѣдственное. Зима застала солдатъ безъ теплаго платья, безъ обуви, даже безъ шинелей, износившихся въ походѣ, а между тѣмъ на шамхальской равнинѣ изо дня въ день бушевали страшныя снѣговыя метели. Чтобы укрыться отъ вѣтра, и сколько нибудь согрѣть окоченѣлыя члены, люди вырывали ямы въ родѣ могилъ, варили въ нихъ пищу, и затѣмъ, погасивши огни, укладывались спать въ эти теплыя, но губительныя для здоровья логовища, становившіяся для многихъ дѣйствительными могилами. Обозъ почти весь бросили, и отрядъ добрался до Кизляра 31-го декабря 1806 года въ такомъ разстроенномъ видѣ, что двигаться дальше не могъ. Пришлось остановиться и здѣсь ожидать прибытія свѣжихъ частей, назначенныхъ для его укомплектованія ²⁾. Документы того времени, не передаютъ общую цифру потери, но изъ тѣхъ же документовъ видно, что въ одномъ Нижегородскомъ полку, только въ двухъ эскадронахъ его, находившихся въ походѣ еще въ сравнительно лучшихъ условіяхъ, умерло 38 нижнихъ чиновъ и пало 30 лошадей отъ голода и стужи ³⁾. Такъ дорого заплатили войска за потерянное время въ Дербентѣ.

~~~~~

¹⁾ Журналь Гудовича 1806 г. Донесеніе его 19-го октября № 105.

²⁾ Записки Броневского. Импер. пуб. биб. (отдѣлъ рукописей).

³⁾ Исторія Нижегородскаго драгунскаго полка. Томъ II.

Пока совершались всѣ описываемыя нами событія, въ теченіе 1806 года послѣдовало новое административное дѣленіе войскъ, по которому всѣ полки, находившіеся на Кавказской линіи, образовали 19-ю, а войска, расположенныя въ Грузіи, 20-ю пѣхотную дивизію. Начальникомъ первой изъ нихъ назначенъ былъ генераль-отъ-инфантеріи Булгаковъ, а второй — генераль-лейтенантъ баронъ Розенъ, вызванный графомъ Гудовичемъ изъ Россіи. Онъ прибылъ въ Тифлисъ въ концѣ сентября 1806 года и принялъ начальство надъ войсками отъ генерала Несвѣтаева. Человѣкъ новый въ краѣ, Розенъ однако вполнѣ раздѣлялъ мнѣнія опытныхъ кавказскихъ генераловъ о необходимости теперь же взять Эривань, чтобы пріобрѣсти всѣ земли, лежавшія по лѣвую сторону Аракса, и положить естественную границу между Россією и Персіей. Онъ написалъ объ этомъ Гудовичу, находившемуся тогда на пути къ Тифлису, но Гудовичъ видимо остался недоволенъ вмѣшательствомъ Розена. «Зная такъ давно уже похвальное служеніе ваше и опытность по военной службѣ, — отвѣчалъ онъ ему изъ Владикавказа, — непріятно мнѣ было, что вы довѣряете тамошнимъ, въ военномъ ремеслѣ не дальновиднымъ внушеніямъ и не сообразнымъ съ обстоятельствами; считаете, что я распоряженіями моими могу упустить удобный случай къ дальнѣйшимъ поискамъ на Эривань... Надѣюсь, что вы, конечно, сдѣлаете разницу между суетливостію и дѣятельностію, изъ которыхъ послѣднюю я никогда изъ виду не выпускалъ» ¹⁾. Несвѣтаеву онъ выговаривалъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ: «При семъ и то вамъ скажу, что войска въ Грузіи такъ затасканы, что едва-ли изъ настоящаго регулярства не вышли» ²⁾...

Откладывая экспедицію на Эривань до возвращенія своего въ Тифлисъ, Гудовичъ приказалъ барону Розену направить отрядъ Небольсина, возвращавшійся изъ Ширванскаго ханства, въ Нуху для наказанія Селимъ-хана, въ явной измѣнѣ котораго главнокомандующій, наконецъ, убѣдился. По взятіи Нухи Небольсинъ дол-

¹⁾ Акты кав. археогр. к., III, № 167.

²⁾ Тамъ же, № 423.

женъ былъ отдѣлить часть своего отряда для совмѣстныхъ дѣйствій съ княземъ Орбеліани противъ джарскихъ лезгинъ, дабы такимъ образомъ поставить ихъ между двумя огнями.

Небольсинъ, имѣя съ собою весь Троицкій полкъ (800 штыковъ), сотню казаковъ и пять орудій, подошелъ къ Нухѣ 22-го октября и въ тотъ-же день на голову разбилъ Селима, встрѣтившаго его съ шекинскимъ войскомъ въ двухъ верстахъ отъ города. Нуха была обложена. Осажденные прибѣгли однако къ самымъ отчаяннымъ средствамъ защиты. Они окружили городскія стѣны горючими матеріалами и зажгли ихъ въ тотъ самый моментъ, когда на зарѣ 23-го октября русскіе начали приступъ. Войска, охваченныя внезапно цѣлымъ огненнымъ моремъ, прорвались черезъ огонь, и Нуха взята была штурмомъ. Бѣжавшій Селимъ объявленъ былъ лишеннымъ ханскаго достоинства, и Небольсинъ учредилъ временное правительство, подъ предсѣдательствомъ двухъ почетнѣйшихъ бековъ, избранныхъ изъ партіи враждебной Селиму.

Съ водвореніемъ порядка въ Шекинскомъ ханствѣ, Небольсинъ немедленно отправилъ часть своего отряда, подъ командой маіора Соловьева, для дѣйствій въ Джарской области, гдѣ къ этому времени на берегахъ Алазани уже сосредоточились два полка, Кабардинскій и 15-й егерскій, (всего 1446 штыковъ), сотня казаковъ и двѣ тысячи конной грузинской милиціи. Съ послѣдней прибылъ самъ губернскій предводитель грузинскаго дворянства князь Шаншэ Эристовъ ксанкскій, вызвавшійся, какъ писалъ Гудовичъ, изъ особливаго усердія идти на сію экспедицію. Общее начальство порученно было генераль-маіору князю Димитрію Орбеліани, который распорядился «столь дѣятельно и расторопно, что заперъ въ Чарахъ все лезгинское войско и съ конницею аварской, такъ что лезгинцы не смѣли ни одного выстрѣла сдѣлать и, будучи стѣснены съ двухъ сторонъ, пришли въ такую робость, что находившійся тамъ аварскій султанъ Ахметъ-ханъ просилъ позволенія князя Орбеліани пріѣхать къ нему на переговоры, что и было ему дозволено»... Султанъ началъ съ того, что просилъ выпустить аварцевъ, такъ какъ онъ прибылъ съ ними въ Чары не для вѣдомствованія лезгинамъ, а дабы просить Гудовича о выдачѣ ему

родной его тетки съ дѣтьми, живущей въ Карабагѣ, и чтобы испросить себѣ прежнее жалованье, неправильно отнятое у него Циціановымъ. Орбеліани замѣтилъ ему на это, что, ища милостей Государя, не должно бы ему быть у людей, не повинующихся волѣ Его, и что для этого есть другіе пути, надежнѣйшіе, а не такіе, какіе имъ начаты. Султанъ просилъ извинить ему незнаніе нашихъ порядковъ и, получивъ разрѣшеніе, ушелъ съ своею конницею въ горы. Джарцы, покинутые своими союзниками, остались одни, и, какъ говоритъ Гудовичъ, «доведены были до такой покорности, что тутъ же внесли 6228 червонцевъ, въ счетъ слѣдуемой съ нихъ дани, и просили позволенія послать въ Тифлисъ 12 почетнѣйшихъ старшинъ, которые, будучи присланы ко мнѣ, явились въ знакъ раскаянія и крайняго смиренія съ повѣшенными на шеяхъ саблями. Грузинскій народъ былъ при семъ позорищѣ въ восхищеніи, видя своихъ коренныхъ враговъ въ такой порабощенной покорности, въ каковой онъ никогда еще ихъ не видѣлъ. Я же, видя таковое ихъ смиреніе, покорность и раскаяніе и зная неизрѣченное милосердіе Вашего Величества, по довольномъ ихъ увѣщаніи, простилъ съ тѣмъ, однако, что сіе въ послѣдній разъ».

«Особливое для меня счастье доносить о семъ успѣхѣ Вашему Величеству, когда при ономъ ни одинъ человекъ изъ войскъ не потерянь, тогда какъ князю Циціанову экспедиція въ тамошнихъ мѣстахъ стоила одного генерала и болѣе 600 другихъ чиновъ убитыми и въ пропасть ущелья попадавшими» ¹⁾...

Вслѣдъ за джарскими старшинами въ Тифлисъ явился елисейскій султанъ и не только привезъ въ аманаты старшаго сына, но первый изъ лезгинъ просилъ о помѣщеніи его въ Благородное училище для совмѣстнаго образованія съ грузинскимъ юношествомъ. Просьба эта, какъ знаменіе того, что вѣковая рознь и вражда двухъ народовъ, постепенно должна прекратиться, безусловно заслуживала вниманія, и Гудовичъ, обласкавъ султана, исходатайствовалъ ему чинъ русскаго полковника.

Покореніемъ джарцевъ заключились военныя дѣйствія 1806 г.,

¹⁾ Донесеніе Гудовича 21-го декабря 1806 г. № 150.

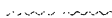
Эривань взята не была. Гудовичъ, опираясь на успѣхи нашего оружія, былъ убѣжденъ, что достигнетъ одними переговорами того, что ему предлагали взять силой, и отложилъ всѣ предпріятія противъ Эривани до будущей весны. Но весною обстоятельства уже измѣнились: новая война отвлекла всѣ наши силы къ турецкимъ границамъ, а персіяне тѣмъ временемъ укрѣпили Эривань, усилили ея гарнизонъ и назначили правителемъ эриванскимъ Гуссейнъ-хана, человѣка талантливаго, храбраго и энергичнаго. Впослѣдствіи, мы увидимъ, что Гудовичу горько пришлось раскаяться въ томъ, что онъ не послѣдовалъ совѣтамъ опытныхъ генераловъ.

Относясь съ необъяснимымъ предубѣжденіемъ ко всему, что дѣлалось его предмѣстникомъ, онъ шелъ и въ дѣлѣ водворенія русской власти наперекоръ цѣлесообразной политикѣ Циціанова; вмѣсто того, чтобы вводить во вновь покоренныхъ ханствахъ русское управленіе, какъ это сдѣлано было съ Ганжею, онъ ставилъ вездѣ правителей—туземцевъ. Такъ, Дербентское и Кубинское ханства присоединены были къ владѣніямъ Шамхала тарковскаго ¹⁾; въ Нуху, на мѣсто бѣжавшаго Селима, поставленъ былъ Джафаръ, выходецъ изъ Персіи, человѣкъ, чуждый шекинцамъ по вѣрѣ и національности; наконецъ, въ Карабагѣ, гдѣ по смерти Ибрагима явилось два претендента, Гудовичъ отстранилъ законнаго наслѣдника Джафаръ-Кули-агу, юношу, преданнаго русскимъ, и предпочелъ ему Мехти-Кули-хана, человѣка двуличнаго, запятнавшего себя ложными извѣтами на Лисаневича, но счумѣвшаго снискать покровительство сильныхъ лицъ, окружавшихъ главнокомандующаго. Еще рѣзче политика эта выразилась по отношенію къ различнымъ дагестанскимъ владѣльцамъ; такъ, уцмію каракайтагскому и табасаранскому кадю, еще недавно сражавшимся противъ Глазенапа, пожалованы были чины: уцмію—генераль-маіора, а кадю—бригадира, «ибо признаю ихъ,—какъ писалъ Гудовичъ,—людьми нужными: перваго—потому что онъ знатный и сильный владѣлецъ, а втораго—по смежности его владѣній съ Дербен-

¹⁾ Русское управленіе введено было только въ одномъ Дербентѣ.

томъ» ¹⁾). Даже аварскому хану, приходившему съ трехъ-тысячной конницей къ джарцамъ, Гудовичъ, хотя и писалъ, «что сомнѣвается въ истинѣ объясняемой имъ причины, для коей онъ съ войсками приходилъ на границу Грузіи» ²⁾, —но и ему испросилъ чинъ генераль-маіора и возвращеніе пяти-тысячнаго жалованья, отнятаго княземъ Циціановымъ. Такимъ образомъ, мы сами стали въ положеніе данниковъ, покупая золотомъ сомнительную вѣрность хановъ.

Такова была политическая система, созданная на Кавказѣ графомъ Гудовичемъ.

¹⁾ Акты кав. археогр. ком., II, № 733.

²⁾ Тамъ же, №№ 702 и 704.

Графъ С. Гудовичъ

(Графъ Гудовичъ.)

Глава XV.

Переговоры съ Персїей о мирѣ. Разрывъ съ Турціей. Боевое распisanіе войскъ 20-й дивизіи. Нападеніе турокъ на Редуть-кале. Штурмъ Карса и Ахалкалакъ. Блокада Потти. Переходъ турокъ въ наступленіе и оборона Несвѣтасвымъ Гумръ. Арпачайское сраженіе.

~~~~~

Окончательное покореніе Баку, Нухи и Джарской области ознаменовало первые успѣхи новаго главнокомандующаго въ Грузіи—графа Гудовича. Но въ отношеніи важнѣйшаго противника нашего въ Закавказьи—Персіи не было пока достигнуто рѣшительно никакихъ существенныхъ результатовъ.

Сама судьба, въ лицѣ Несвѣтаева и Розена, какъ бы указывала Гудовичу на Эривань, какъ на путь, по которому сразу надлежало направить всѣ усилія. . . Но своенравный, не терпѣвшій посторонняго мнѣнія главнокомандующій видѣлъ въ дѣлавшихся ему относительно Эривани представлѣніяхъ «внушенія, не дальновидныя въ военномъ ремеслѣ и не сообразныя съ обстоятельствами». А между тѣмъ, не прошло и нѣскольکو мѣсяцевъ, какъ эти-то самыя «обстоятельства» поставили на первую очередь вопросъ объ улаженіи отношеній нашихъ въ Персіи, при чемъ въ возникшихъ по этому поводу искательствахъ мы уже явились не въ роли побѣдителей, категорически предписывающихъ свою волю, а въ качествѣ дипломатическихъ прельстителей, старающихся выторговать себѣ то, что не хватило способностей взять властной рукой.

Пожаръ, охватившій въ это время Европу, зловѣщимъ отблескомъ озарилъ и далекое Закавказье. Подстрекаемая Наполеономъ Турція къ началу 1807 года заняла въ отношеніи насъ положеніе, ежеминутно грозившее полнымъ разрывомъ.

Въ предвидѣніи войны на два фронта—со стороны Балканъ и Кавказа—для насъ становилось рѣшительно необходимымъ покончить на время всѣ счеты въ Закавказьѣ и сосредоточить силы, расположенныя тамъ, на турецкую границу. «Я долженъ открыть вамъ,—писалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Будбергъ, графу Гудовичу 14-го ноября 1806 г.,—что миръ съ Баба-ханомъ весьма нуженъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ, чтобы имѣть развязанныя руки на случай войны съ Портою Оттоманскою» ¹⁾.

Но не одного только мира съ Персіей искало теперь наше правительство. Оно имѣло въ виду даже самихъ персіянъ обратиться противъ турокъ. «Какъ скоро,—продолжалъ Будбергъ,—разрывъ съ турками у насъ рѣшительно воспослѣдуетъ, кажется, не бесполезно было бы отправить къ Баба-хану довѣренную особу, съ обнадеживаніемъ нашей помощи противъ турокъ... чтобы возвратить Персіи завоеванныя отъ нея турками провинціи» ²⁾. Поэтому графъ Гудовичъ, отправляя своего адъютанта, майора Степанова, въ Тегеранъ для веденія переговоровъ, снабдилъ его инструкціей, въ которой, между прочимъ, говорилось: «внушите секретно визирю, чтобы они спѣшили дѣлать съ нами миръ, ибо, будучи въ войнѣ, теряютъ только людей, а сдѣлавши съ нами миръ, могутъ въ одно лѣто пріобрѣсти отъ турокъ знатныя, прежде бывшія персидскія провинціи, какъ на примѣръ: Эрзерумъ, Баязетъ, а я имъ помогу» ³⁾.

Комбинація эта, долженствовавшая однимъ почеркомъ пера обратить заклятаго нашего врага въ вѣрнаго союзника, пріобрѣтала тѣмъ болѣе грандіозный характеръ, что мира и союза съ Персіей мы искали не путемъ хотя бы временныхъ уступокъ и снисхожденій, а наоборотъ—Гудовичъ категорически настаивалъ на томъ, чтобы перемиріе было заключено не иначе, какъ подъ условіемъ проведенія демаркаціонной линіи по рѣкамъ Куръ и Араксу, до впаденія въ него Арпачая; другими словами: за миръ, безусловно необходимый намъ, мы требовали отъ Персіи уступки

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., т. III, № 795.

²⁾ Тамъ же, отъ 7-го января 1807 г.

³⁾ Тамъ же.

последняго оплота ея въ Закавказьѣ—ханствѣ Эриванскаго и Нахичеванскаго, овладѣть которыми, не смотря на дѣлавшіяся къ тому попытки, намъ до сихъ поръ еще не удалось.

Понятно, что персіяне, давшіе уже намъ однажды отпоръ подъ Эриванью, не имѣли никакого повода добровольно разставаться съ нею. Но въ то же время, заманчивая перспектива возвратить отъ турокъ Эрзерумъ и Баязеть, а такъ же обычный пріемъ азіатской политики—выжидать результатовъ борьбы двухъ могущественныхъ сосѣдей—были, повидимому, причиной тому, что персіяне, хотя и пріостановили противъ насъ дѣйствія, но затягивали начатые переговоры и, не давая окончательнаго отвѣта на наши предложенія, втихомолку, однако, придвигали свои войска къ Араксу и Эривани.

Тѣмъ временемъ война съ Турціей была объявлена, и Императоръ Александръ, «признавая прекращеніе военныхъ дѣйствій съ персіанами началомъ будущихъ успѣховъ противъ турокъ»¹⁾, требовалъ отъ Гудовича вторженія въ предѣлы Турціи, дабы тѣмъ самымъ отвлечь по возможности больше турецкихъ силъ отъ главнаго Балканскаго театра.

«Къ успѣшному выполненію сего намѣренія,—писалъ государь Гудовичу²⁾,—весьма могутъ способствовать наступательныя ваши дѣйствія, устремленныя на азіатскія владѣнія Порты, отвлекая для защищенія оныхъ часть анатольскихъ войскъ, назначаемыхъ въ Европу».

Въ Закавказьѣ въ это время была лишь одна 20-я дивизія, на подкрѣпленіе которой не позволялось рассчитывать, пока Наполеонъ не будетъ отраженъ отъ Вислы. Силъ этихъ было далеко недостаточно для развитія наступательныхъ операцій, въ мѣрѣ высочайшей воли. Но Гудовичъ, вопреки академическимъ принципамъ, самоувѣренно преподаннымъ Глазенапу по поводу Бакинской экспедиціи, раздробилъ свои и безъ того слабыя силы не только на заслоны, но и на различныя направленія дѣйствій.

---

¹⁾ Высочайшій рескриптъ 7 января 1807 года.

²⁾ Отъ 7-го января 1807 г.

Генераль Небольсинъ, съ отрядомъ изъ 3-хъ баталіоновъ Троицкаго полка, 6-ти ротъ 17-го егерскаго полка и 4-хъ сотенъ казаковъ, оставленъ былъ на р. Тертерѣ, въ видѣ заслона со стороны Персіи. Ему предписывалось, въ случаѣ приближенія персидской арміи къ Араксу, перейти самому въ наступленіе и, при содѣйствіи милиціонной конницы хановъ карабахскаго, ширванскаго и шекинскаго, отбросить противника отъ нашихъ границъ ¹⁾.

Войска, предназначавшіяся для вторженій въ предѣлы Турціи, были раздѣлены на 3 отряда:

Лѣвый отрядъ, генерала Несвѣтаева (Саратовскій полкъ, по баталіону отъ полковъ Кавказскаго гренадерскаго, Троицкаго и 15-го егерскаго и 2 казачьихъ полка) сосредоточился въ Бамбакской провинціи и предназначался дѣйствовать противъ Карса.

Центральный отрядъ, подъ начальствомъ самого главнокомандующаго, собранъ былъ къ Тифлису и имѣлъ цѣлью дѣйствовать противъ Ахалкалакъ, а затѣмъ — противъ Ахалцыха. Въ отрядъ этотъ вошли: Херсонскій гренадерскій полкъ, по 2 баталіона отъ полковъ Кавказскаго гренадерскаго, 9-го и 15-го егерскаго, 2 полка казаковъ, 3 эскадрона Нарвскаго драгунскаго полка и линейный казачій конвой главной квартиры.

Правый отрядъ—изъ Бѣлевскаго полка и баталіона 9-го егерскаго, подъ общимъ начальствомъ генерала Рыкгофа, предназначался дѣйствовать въ Имеретіи и Мингреліи, и «въ возможномъ случаѣ овладѣть крѣпостью Поти» ²⁾.

Въ приведенномъ расписаніи военачальниковъ, долженствовавшихъ съ малыми силами свершить дѣла великія, не встрѣчается имени легендарнаго героя кавказскихъ войскъ—Карягина. Судьба не попустила этому любимѣйшему сподвижнику Циціанова украсить яркимъ листкомъ лавровый вѣнокъ Гудовича. Многочисленные походы, раны и въ особенности утомленіе въ зимнюю кампанію 1806 г. окончательно разстроили желѣзное здоровье Карягина; онъ заболѣлъ лихорадкой, которая вскорѣ развилась въ желчную,

---

1) Дѣло штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса 1807 г. № 106.

2) Тамъ же.

гнилую горячку, и 7-го мая 1807 года героя не стало. Бренные останки его съ скромными воинскими почестями немногочисленного Елизаветпольскаго гарнизона были преданы вѣчному упокоенію на мѣстномъ военномъ кладбищѣ.

Всесокрушающее время нашло себѣ дѣятельнаго помощника въ небрежной памяти людей. Могильный холмъ съ годами сгладился, а украшавшая его плита, съ безсмертнымъ именемъ героя, по всей вѣроятности, вмазана теперь краеугольнымъ камнемъ въ сакль какого-нибудь ганжинскаго бѣдняка, и никому ужъ не найти мѣста послѣдняго упокоенія героя Шахъ-булаха и Шамхора! Невольно вспоминается встрѣча Карягина съ Циціановымъ въ с. Марданши... Затерянная на чужбинѣ голова Циціанова какъ бы отмѣтила тогда сердечнымъ поцѣлуемъ достойнѣйшаго и любезнѣйшаго соратника, праху котораго, также какъ и ей, суждено было затеряться для потомства...

Исторія относится съ благоговѣніемъ къ памяти Карягина, этого кристально-чистаго героя кавказской войны, оставившаго по себѣ не только громкое имя, но и цѣлую плеяду богатырей, вышедшихъ изъ его славной боевой школы: Котляревскій, Лисаневичъ, Абхазовъ и много другихъ. Но у ближайшаго цѣнителя боевыхъ заслугъ Карягина—у главнокомандующаго кавказскими войсками не нашлось теплаго слова почтить заслуги почившаго.

«Шефъ 17-го егерскаго полка полковникъ Карягинъ, бывъ одержимъ гнилою желчною горячкой, 7-го числа сего мѣсяца умре. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу»¹⁾. И только!.. Будто все значеніе Карягина въ рядахъ кавказскихъ войскъ заключалось лишь въ томъ, что онъ былъ «шефъ 17-го егерскаго полка»...

Первый выстрѣлъ въ начавшейся войнѣ былъ сдѣланъ турками. Въ 17-ти верстахъ отъ турецкой крѣпости Потти, среди дремучихъ лѣсовъ, непрерывно тянувшихся здѣсь вдоль восточнаго бе-

---

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича 25-го мая 1807 г. № 99.

рега Чернаго моря, одиноко располагалось небольшое наше укрѣпленіе — Редуть-кале, возведенное еще въ 1804 году, въ цѣляхъ обезпеченія нашихъ десантовъ въ прибрежной полосѣ Мингреліи.

Гарнизонъ укрѣпленія этого состоялъ изъ трехъ ротъ Бѣлевскаго полка, подъ начальствомъ маіора Лыкошина.

Придавая особенное значеніе Редуту-кале и въ то же время зная свойства окружавшей его мѣстности, весьма способствовавшей производству внезапныхъ нападений, — Гудовичъ «еще прежде объявленія формальной войны Портою предписалъ заблаговременно, въ началѣ января, принять всю строгую военную осторожность и наипаче въ Редуть-кале. А потомъ, еще 19-го числа, строжайше подтвердилъ о семъ же предписаніемъ генераль-маіору Рыкгофу»¹⁾).

Однако, «оплошностью и упущеніемъ военной осторожности маіора Лыкошина»²⁾, туркамъ удалось 8-го фѣвраля 1807 года произвести неожиданное нападеніе на ненавистное имъ укрѣпленіе, служившее намъ оплотомъ въ странѣ, которую турки считали своею.

Тихо, подъ покровомъ темной ночи и дремучаго лѣса, непріятель подкрался къ самому редуту и бросился на валы съ такой стремительностью, что часовой едва успѣлъ дать сигнальный выстрѣлъ. Ударили тревогу. Дежурный карауль встрѣтилъ врага у самыхъ воротъ, но былъ опрокинутъ, и турки, окруживъ казарму, стали стрѣлять въ окна и въ двери. Люди застигнуты были врасплохъ, но защищались отчаянно. Пока одни отбивались всѣмъ, что попадало подъ руку, другіе успѣли схватиться за ружья и штыками отгѣснили турокъ, уже вламывавшихся въ казармы. Жестокая свалка завязалась внутри укрѣпленія. Комендантъ его, маіоръ Лыкошинъ, въ началѣ дѣла былъ раненъ въ голову двумя сабельными ударами, но принявшій отъ него команду капитанъ Денисьевъ продолжалъ дѣло обороны съ тою же упорною энергіею. Ожесточеніе сражавшихся доходило до того, что три турецкія знамени нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, пока окон-

---

1) Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича, дѣло 1807 г. № 323 стр. 41.

2) Тамъ же.

чательно не были отбиты нами. Къ 7-ми часамъ утра, послѣ почти пятичасового отчаяннаго боя, непріятель былъ опрокинутъ повсюду и штыками выброшенъ изъ укрѣпленія. Но это не былъ еще конецъ кроваваго утра. Устроившись въ лѣсу, турки дважды бросались на редутъ и оба раза были отбиваемы съ огромнымъ урономъ. Наконецъ, ободрившійся гарнизонъ самъ перешелъ въ наступленіе и преслѣдовалъ бѣгущихъ турокъ нѣскольکو верстъ, пока не увидѣлъ спѣшившихъ къ нимъ изъ Поті свѣжихъ подкрѣплений. Однако, недешево достался гарнизону этотъ блестящій успѣхъ. Изъ трехъ ротъ Бѣлевскаго полка вышло убитыми и ранеными 4 офицера и 145 нижнихъ чиновъ. Турки потеряли 4 знамени и оставили болѣе 100 человекъ убитыми ¹⁾). Лазаретъ, цейхаузы, соляные и провіантскіе магазины, офицерскіе флигели, словомъ, все то, что находилось внѣ стѣнъ укрѣпленія, было сожжено до тла. Вмѣстѣ съ лазаретомъ сгорѣли и находившіеся въ немъ всѣ трудно больные нижніе чины, не бывшіе въ состояніи покинуть своихъ кроватей.

Главную отвѣтственность за этотъ кровавый эпизодъ Гудовичъ возлагалъ на маіора Лыкошина, но, отдавая должное мужеству гарнизона, доносилъ государю: «за всѣмъ тѣмъ, безпримѣрною храбростью войскъ Вашего Императорскаго Величества и капитана Денисьева, принявшаго команду за полученными тяжелыми ранами маіоромъ Лыкошинымъ, непріятель отбитъ» ²⁾).

Нападеніе турокъ на Редутъ-кале служило явнымъ объявленіемъ войны и давало намъ поводъ немедля приступить къ выполненію высочайшей воли—внести оружіе наше въ предѣлы Азіатской Турціи.

Ближайшими къ турецкой границѣ войсками былъ отрядъ Несвѣтаева, расположенный, какъ сказано выше, въ Бамбакской провинціи и предназначавшійся дѣйствовать противъ Карса.

Еще задолго до начала военныхъ дѣйствій ходили упорные слухи, что карскій паша, находившійся не въ ладахъ съ своимъ

---

¹⁾ Дѣло 1807 года № 323, стр. 41.

²⁾ Всепопд. рапортъ Гудовича. Дѣло 1807 г. № 323.

начальникомъ—эрзерумскимъ сераскиромъ, искалъ покровительства русскихъ и даже обѣщаль сдать намъ Карсъ, подь благовиднымъ предлогомъ невозможности отстоять его ¹⁾).

Трудно сказать, насколько искренни были искательства карскаго паши, но Несвѣтаевъ повѣрилъ имъ и, не желая упускать удобнаго, по его мнѣнію, случая для овладѣнія Карсомъ, перешелъ 16-го марта Арпачай у сел. Гумры и вступилъ въ предѣлы Турціи.

Въ тотъ же день онъ встрѣтилъ у дер. Башь-Шурагели турецкій отрядъ въ тысячу человекъ, подь начальствомъ Карабека, брата карскаго паши. Разсчитывая, что появленіе этого отряда не болѣе какъ уловка, долженствовавшая оправдать поведеніе карскаго паши въ глазахъ турецкаго правительства, Несвѣтаевъ послалъ Карабеку извѣщеніе о цѣли своего прибытія и предлагалъ ему сдать укрѣпленное селеніе. Въ отвѣтъ на это турки открыли огонь. Оставалось одно—ударить въ штыки. Дружно, какъ одинъ человекъ, бросились передовыя колонны на селеніе и черезъ нѣсколько минутъ турки были выбиты, оставивъ трофеями 2 знамени и болѣе 400 человекъ плѣнныхъ. Наши потери состояли изъ 43 человекъ убитыми и ранеными ²⁾).

Дѣло подь Башь-Шурагелемъ въ достаточной мѣрѣ выяснило истинное настроеніе турокъ и далеко не обѣщало того легкаго успѣха, на который разсчитывалъ Несвѣтаевъ, переходя турецкую границу. Но не таковъ былъ «горскій генераль», чтобы падать духомъ отъ перваго встрѣтившагося препятствія. И Несвѣтаевъ все-таки пошелъ на Карсъ.

Это была первоклассная крѣпость, правильно снабженная оборонительными средствами, обнесенная гигантскими стѣнами, за которыми стоялъ двадцати-тысячный гарнизонъ, а внутри этихъ стѣнъ, на высокой скалѣ, командовавшей всею окрестностью, устроена была цитадель, обильно вооруженная пушками. Шестидесять орудій, грозно смотрѣвшихъ съ передовыхъ валовъ и фор-

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., т. III, № 1009.

²⁾ Тамъ же, № 1031.

товъ азіатской твердыни, не смутили однако Несвѣтаева. Произведя рекогносцировку, онъ нашель положеніе Карса «еще не со всѣмъ недоступнымъ» и рѣшилъ штурмовать его со стороны Карадага.

Штурмъ начался 25-го марта, въ самый день Благовѣщенія. Несмотря на страшный огонь съ крѣпостныхъ батарей, два баталіона, подъ командой подполковника Печерскаго, овладѣли передовыми высотами и, ворвавшись въ городской форштадтъ, взяли турецкую пушку. Несвѣтаевъ съ остальными войсками готовился уже поддержать своихъ смѣльчаковъ, какъ въ это самое время получило предписаніе графа Гудовича «не предпринимать экспедиціи на самую Карсскую крѣпость, ежели не увѣренъ будетъ о сдѣлѣ, дабы при рѣшительномъ дѣлѣ, каковъ есть штурмъ, не потерпѣть большой потери въ людяхъ»¹⁾).

Достойна вниманія постоянная заботливость Гудовича объ уменьшеніи жертвъ боевыхъ предпріятій. Принципъ этотъ онъ настойчиво рекомендовалъ частнымъ начальникамъ подвѣдомственныхъ ему войскъ и неукоснительно поминалъ объ этомъ во всеподданнѣйшихъ рапортахъ... Глазенапъ, Булгаковъ, Несвѣтаевъ, Розень, Небольсинъ,—всѣ были неоднократно поучаемы главнокомандующимъ беречь солдатскую жизнь. Но, къ сожалѣнію, узко понимаемая Гудовичемъ священная обязанность эта сплошь и рядомъ приводила къ совершенно обратнымъ результатамъ. Баку, Ахалкалаки, Гумры, Эривань, Нахичевань, все это—проценты на несвоевременную ратную бережливость. Да и вся боевая слава Гудовича, отъ Анапы до Эривани, кровью вписана въ лѣтописи російскихъ войнъ.

Исполняя предписаніе главнокомандующаго, Несвѣтаевъ прервалъ начатый штурмъ и на другой день отступилъ къ селенію Полдырванъ, написавъ карсскому коменданту: «не считайте, ваше высокостепенство, чтобы я не могъ взять вашего Карса. На сіе я только не имѣлъ повелѣнія. Я взялъ форштадтъ, но, получа приказаніе отступить, долженъ былъ повиноваться».

---

¹⁾ Всепод. рапортъ Гудовича. Акты кав. арх. ком., т. III, № 1034.

Трудно сказать, въ чемъ болѣе проявилась необычайная сила воли славнаго вождя кавказскихъ богатырей—Несвѣтаева: въ рѣшеніи ли съ ничтожными силами взять грозный Карсъ, или въ заstopореніи, по волѣ Гудовича, уже начатаго и много общавшаго штурма....

Въ это время самъ главнокомандующій, со своимъ отрядомъ, пребывалъ еще у Тифлиса. Сознавая затруднительность положенія Несвѣтаева въ Карскомъ пашалыкѣ и въ то же время желая предупредить возможное вторженіе турокъ со стороны Ахалцыха въ Имеретію и Мингрелію ¹⁾, Гудовичъ рѣшилъ двинуться въ предѣлы Турціи и овладѣть Ахалцыхскимъ пашалыкомъ. Выступивъ изъ подъ Тифлиса 17-го апрѣля, съ отрядомъ въ 4 тысячи человекъ, Гудовичъ двинулся къ турецкой границѣ черезъ Триалеты, по горамъ, по единственной дорогѣ, проходимой, хотя и съ трудомъ, для обозовъ. При выступленіи изъ Тифлиса стояла сильная жара. Но, пройдя всего лишь верстъ 70, войска встрѣтили въ горахъ снѣгъ, морозы и непрестанныя бури. Труденъ былъ этотъ походъ. Люди, не имѣвшіе теплой одежды, сильно страдали отъ холода. Плохая дорога до крайности изнуряла лошадей. Отрядъ быстро пришелъ въ такое разстройство, что главнокомандующій вынужденъ былъ остановиться у самой границы Ахалцыхскаго пашалыка, чтобы дать здѣсь своимъ измученнымъ войскамъ продолжительный отдыхъ. Наконецъ, послѣ двадцати-дневнаго похода, отрядъ 6-го мая подошелъ къ Ахалкалакамъ. Это была небольшая, но сильная по тогдашнему времени крѣпость, имѣвшая 1¹/₂ тысячи гарнизона и до 50-ти пушекъ на вооруженіи. Высокая, толстая каменная стѣна вѣнчалась двумя ярусами бойницъ съ зубчатыми закрытіями на верху. По угламъ ограда и надъ воротами, заваленными на половину камнями, возвышались массивныя башни, вооруженныя сильною артиллерією и дававшія продольную оборону крѣпостнымъ рвамъ. Всѣ гарнизонныя постройки, въ видахъ безопасности отъ бомбардированія, были на три четверти своей высоты врыты въ землю, а остававшаяся надъ горизонтомъ часть прикрывалась толстою, непробиваемою насыпью.

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., т. II, № 1033.

Расположившись въ 2-хъ верстахъ отъ крѣпости, главнокомандующій послалъ требованіе о сдачѣ. На это не послѣдовало никакого отвѣта. Раздраженный Гудовичъ вторично послалъ коменданту письмо, въ которомъ говорилось: «Въ послѣдній разъ со-вѣтую вамъ и требую, чтобы вы сдали мнѣ крѣпость не медля, иначе васъ ожидаетъ неминуемая гибель. Представляю въ примѣръ то, что многія турецкія крѣпости съ ихъ многочисленными гарни-зонами и артиллеріей не могли устоять противъ высокославныхъ російскихъ войскъ, коими я тогда начальствовалъ и теперъ коман-дую. Я взялъ ихъ штурмомъ, гдѣ отъ одного упорства кровь ва-шихъ собратій пролита рѣками. Анапа, Суджукъ-кале и Хаджи-бей примѣрные тому свидѣтели. Показавъ вамъ то, что воевать я умѣю, я еще разъ обращаюсь къ вашему человѣколюбію и увѣ-ряю васъ моимъ словомъ, что въ случаѣ вашей покорности, вы будете отпущены, а гарнизонъ получить пощаду» ¹⁾).

Но и это письмо паша оставилъ безъ отвѣта. Гудовичъ при-казалъ приступить къ бомбардированію крѣпости. Два дня грѣ-мѣла канонада, не нанося рѣшительно никакого вреда зарытому въ землю гарнизону. Блокировать крѣпость не было средствъ, и Гудовичъ рѣшилъ штурмовать ее.

Съ этой цѣлью войска были раздѣлены на три колонны: Ти-това, Портнягина и Гудовича (сына главнокомандующаго), каждая въ 400 штыковъ, съ частнымъ резервомъ въ 150 человѣкъ. Об-щимъ резервомъ, въ 700 человѣкъ пѣхоты и три эскадрона Нарв-скаго драгунскаго полка, командовалъ генералъ Розень ²⁾. Кромѣ

¹⁾ Акты кав. арх. ком., т. III, № 995.

²⁾ Распредѣленіе

войскъ по колон-

намъ

Титова—500 челов. Херсонскаго гренадер. и 50 челов. 9-го егерскаго полковъ и одно орудіе.

Портнягина—400 челов. 15-го и 9-го егерскихъ полковъ и и 150 челов. Кавказск. гренадерск. полка.

Гудовича—500 челов. Кавказск. гренад. полка, 50 челов. еге-рей и одно орудіе.

Розень—три эск. Нарвскихъ драг., 500 челов. Херсон. гренад. полка, 200 егерей и 4 орудія.

Для прикрытія батареи оставлено: 120 чел. Херсонскаго, 100 челов. Кавказскаго полковъ и 80 челов. егерей, подъ командою маіора Жменскаго. Въ деревнѣ находились 100 челов. Херсонскаго полка и два орудія, а въ вагенбургѣ—80 челов. Кавказскаго полка, 35 челов. Хер-сонскаго полка и 37 егерей, подъ командою маіора Калатузова.

того, были оставлены команды для прикрытія тыла и вагенбурга. Войскамъ надлежало дѣйствовать по подробнѣйшей диспозиціи, написанной самимъ главнокомандующимъ ¹⁾). Штурмъ имѣлось въ виду приготовить устройствомъ бреши въ крѣпостной стѣнѣ, для чего въ разстояніи 250-ти саж. отъ послѣдней возвели 8-го мая брешь-батарею изъ 6-ти орудій. Но полевая пушки оказались безсильными пробить толщю ахалкалакской стѣны.

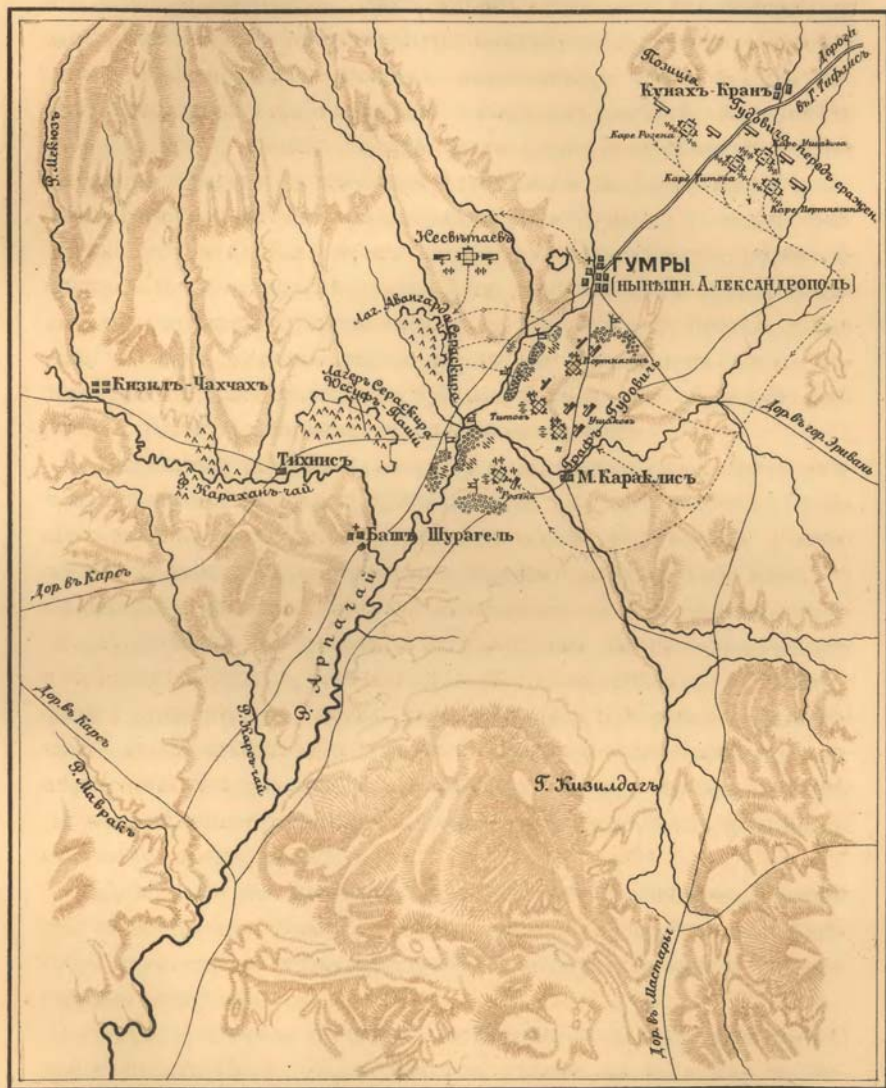
9-го мая, чуть началъ заниматься день Святителя Николая Чудотворца, съ русскихъ батареей раздался пушечный выстрѣлъ: то былъ условленный диспозиціей сигналъ къ началу штурма. Въ сумракѣ разсвѣта безмолвно двинулись русскія колонны къ крѣпости: Титовъ и Гудовичъ на предмѣстье, а Портнягинъ на цитадель. Таинственная тишина еще не пробудившагося утра нарушалась лишь бойкимъ шагомъ штурмовыхъ колоннъ. Предъ ними въ мгlistомъ полумракѣ грозно вырисовывались громады неприятельскихъ стѣнъ. Зловѣщее спокойствіе царило на нихъ. Съ каждымъ шагомъ казалось, что вотъ-вотъ блеснутъ по зубчатому гребню смертоносныя молніи, и сердце сжималось въ томительномъ ожиданіи этой страшной минуты. . . . Не выдержали молодые, не бывшіе еще въ огнѣ солдаты и подняли пальбу. Проснулась крѣпость. . . . Градъ картечи сразу отбросилъ колонны Гудовича и Титова, но Портнягинъ сквозь адскій огонь дошелъ до крѣпостного рва и началъ взбираться на стѣну. Лѣстницы оказались, однако же, коротки, и егеря вмѣстѣ съ ними были сброшены въ ровъ. Находившійся впереди штабсъ-капитанъ графъ де-Монтъ былъ убитъ при этомъ наповаль, полковникъ Головачевъ и маіоръ Аксеновъ—ранены, и самъ Портнягинъ ушибленъ камнемъ въ голову. Не смотря на это, онъ снова устроилъ свою колонну, и когда остальные войска уже отступили, Портнягинъ, ставъ съ раненымъ Головачевымъ во главѣ егерей, снова бросился на приступъ. На этотъ разъ стремительность атаки была такъ велика, что колонна взобралась на стѣну, овладѣла башней и захватила тамъ пушку и знамя. Отсюда горсть смѣльчаковъ спустилась даже

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., т. III, № 997.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ Р. АРПАЧАѢ

18 Іюня 1807 г.

0 5 10 15 20 25 30 35 40 45 50 55 60 65 70 75 80 85 90 95 100
10 верстъ

въ самую крѣпость, но, не поддержанная никѣмъ, она была окружена и потеряла двѣсти человѣкъ убитыми, трупы которыхъ были мгновенно обезглавлены. Пять часовъ держался Портнягинъ на занятой имъ стѣнѣ, тщетно ожидая поддержки, и отступилъ только потому, что непріятель взорвалъ находившійся подъ башней пороховой складъ и она взлетѣла на воздухъ вмѣстѣ съ горстью занимавшихъ ее егерей. Тщетны были усилія главнокомандующаго поддержать резервомъ колонны, терпѣвшія неудачу. Силы истощались; потери достигли громадныхъ размѣровъ, и Гудовичъ рѣшилъ отступить. Въ рукахъ непріятеля остались три русскихъ пушки. Турки не преслѣдовали. Лишь 700 человѣкъ турецкой кавалеріи, стоявшей во время штурма за рѣкой Кирхъ-булакъ, пытались овладѣть нашимъ вагенбургомъ, но полковникъ Отто, съ тремя эскадронами Нарвскихъ драгунъ и казачьимъ полкомъ, атакой во флангъ отбросилъ турокъ снова за рѣку.

Несчастный штурмъ Ахалкалакъ стоилъ намъ 34-хъ офицеровъ и 846 нижнихъ чиновъ ¹⁾. Оправдываясь въ своей неудачѣ, Гудовичъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ: «въ войскѣ у меня почти половина прошлогоднихъ рекрутъ, да и войскъ мало.... Подвижнаго магазина нѣтъ.... Артиллерія не имѣетъ комплекту въ служителяхъ. Генеральнаго штаба у меня одинъ только маіоръ и при немъ офицеръ, который недавно только пріѣхалъ» ²⁾. Забыты были Гудовичемъ на этотъ разъ поученія, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ преподанныя имъ же Глазенапу, и собственнымъ примѣромъ на Ахалкалакахъ онъ показалъ своимъ сподвижникамъ сколь рискованно предпочитать личную самонадѣянность истинному искусству «умѣть воевать».

Простоявъ два дня подъ Ахалкалаками, главнокомандующій отступилъ въ сел. Цалки, пославъ приказаніе Несвѣтаеву и Рыкгофу ограничиться только обороной и прекратить всякія наступательныя дѣйствія.

Отрядъ генерала Рыкгофа былъ занятъ въ это время блокадой крѣпости Поті. Желая наказать турокъ за нападеніе на Ре-

---

¹⁾ Акты кавк. арх. ком. т. II, № 947.

²⁾ Тамъ же, № 998.

дуть-кале, Рыкгофъ предпринялъ движеніе въ Поті и 7-го мая расположилъ свой отрядъ лагеремъ въ 4-хъ верстахъ отъ крѣпости. На другой день отрядъ полковника Тарасова, изъ 5 ротъ пѣхоты при одномъ орудіи, высланный для рекогносцировки расположенія противника и расчистки лѣсныхъ подступовъ къ крѣпости, увлекся возложенной на него задачей, взявъ штурмомъ передовое турецкое укрѣпленіе и на плечахъ бѣжавшихъ защитниковъ его прорвался къ воротамъ самой крѣпости. Но глубокіе водяные рвы приостановили дальнѣйшій успѣхъ Тарасова. Прибывшій на поддержку его Рыкгофъ пришелъ къ заключенію о невозможности взять крѣпость штурмомъ и приступилъ съ своимъ отрядомъ къ блокадѣ ея. Въ этомъ-то положеніи нашло Рыкгофа помянутое выше предписаніе Гудовича, прекратившее, такимъ образомъ, почти въ самомъ началѣ одно изъ наиболѣе сомнительныхъ военныхъ предпріятій— блокаду приморской крѣпости лишь съ суши.

19-го мая Рыкгофъ отошелъ къ Редуть-кале ¹⁾).

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ съ начала военныхъ дѣйствій, какъ Гудовичъ пришелъ уже къ убѣжденію въ невозможности выполнить ясно выраженную ему высочайшую волю и со всѣми своими силами, разбросанными по фронту болѣе чѣмъ на 400 верстѣ, отошелъ обратно за наши границы. Такой оборотъ дѣла не замедлил сказаться самымъ невыгоднымъ для насъ образомъ. Турки, заботившіеся доселѣ лишь о пассивной оборонѣ своихъ крѣпостей, перешли въ наступленіе и приняли тонъ, рѣшительно несомвѣстимый съ достоинствомъ русскаго оружія.

Эрзерумскій сераскиръ Юсуфъ-паша спѣшно собралъ анатолийскія войска и двинулся съ ними къ Карсу, написавъ Несвѣтаеву небывало дерзкое письмо: «нынѣ наряжается противъ васъ достаточный отрядъ войска, храбраго какъ соколы, и вслѣдъ за нимъ также отправлено многочисленное войско карскаго вали Мамедъ-паши, состоящее изъ молодецвъ львообразныхъ, а черезъ нѣсколько

---

¹⁾ Дѣло окружного штаба 1807 года № 323, стр. 93—94.

дней я и самъ выступлю съ многочисленною армією, волнующеюся какъ море и отличающеюся мужествомъ. А потому я васъ пробуждаю отъ сна и объявляю вамъ, генералу Несвѣтаеву, расположенному съ русскимъ отрядомъ въ верхней Шурагели, если вы на поприщѣ жизни желаете еще нѣсколько времени собирать зернышки спокойствія и спасти отъ пролитія крови бѣдныхъ и несчастныхъ вашихъ солдатъ, то поспѣшите сдать ваши пушки и снаряды; сами же со всѣмъ войскомъ прибѣгните подъ покровительство Мамедъ-паши. . . . Вы, будучи извѣщены мною обо всемъ этомъ, прежде чѣмъ сами и находящіяся при васъ войска, съ офицерами, маіорами и семействами, сдѣлаются плѣнными въ рукахъ мусульманскихъ хабрецовъ и львовъ, подобно тому, какъ ваши собратія сдѣлались плѣнными на той сторонѣ у французовъ, должны пожелать себѣ счастья и уйти въ свое отечество, сдать всѣ пушки, ружья и снаряды выше названному Мамедъ-пашѣ»¹⁾).

Само собою разумѣется, что письмо это ничего не доставило Несвѣтаеву, кромѣ нѣкотораго развлечения, тѣмъ не менѣе онъ не могъ не сознавать затруднительности своего положенія, угрожавшаго четыремъ неполнымъ баталіонамъ его въ недалекомъ будущемъ встрѣтиться съ двадцати-тысячнымъ корпусомъ турокъ, ободренныхъ къ тому же нашими неудачами. Желая занять болѣе сосредоточенное положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ приблизиться къ отряду Гудовича, стоявшему въ это время у Цалки, Несвѣтаевъ отошелъ къ сел. Гумры (нынѣшній Александрополь).

Между тѣмъ, эрзерумскій сераскиръ прибылъ къ Карсу и выслалъ впередъ, противъ Несвѣтаева, семи-тысячный отрядъ отборнаго войска. 19-го мая турки бросились на Гумры. Стремительной атакой ихъ войска наши были скоро выбиты изъ передовыхъ укрѣпленій и ожесточенный бой завязался въ улицахъ города. Съ удивительнымъ мужествомъ выдерживали слабые баталіоны Несвѣтаева бѣшенныя атаки янычаръ, принимая ихъ въ картечь и переходя въ наступленіе при всякомъ удобномъ къ тому случаѣ. Только къ вечеру удалось выбить окончательно изъ города турокъ, по-

---

¹⁾ Петровъ „Война Россіи съ Турціей 1806—1812 г.“, стр. 310—312.

несшихъ при этомъ огромныя потери. «Стремленіе непріятеля въ первомъ жару,—доносилъ Гудовичъ ¹⁾,—было чрезвычайно, но храбрый и подъ ружьемъ побѣдѣвшій генералъ-маіоръ Несвѣтаевъ, не смотря на то, что имѣлъ у себя только 1200 человекъ всѣхъ войскъ, благоразумными распоряженіями своими удержалъ стремительность превосходной непріятельской силы, подпустя ихъ на картечный выстрѣлъ».

На слѣдующее утро подошли главныя силы сераскира. Расположившись верстахъ въ семи отъ русскихъ позицій, онъ послалъ сказать Несвѣтаеву, чтобы тотъ выходилъ съ нимъ драться въ открытое поле. Несвѣтаевъ отвѣчалъ, что будетъ защищаться въ окопахъ. «Угроза вашего высокостепенства истребить отрядъ,—писалъ онъ къ сераскиру,—беззаконна, ибо вы идете, объявляя, что у васъ безчисленныя силы и артиллерія, а я могу вамъ сказать на это, что имѣю подъ ружьемъ только три тысячи войска. Теперь извольте на меня нападать, а Богъ свою справедливость покажетъ».

Двѣнадцать дней готовился десяти-тысячный корпусъ сераскира къ атакѣ ничтожнаго русскаго отряда и 2-го іюня обрушился на него всѣми силами. Тяжелъ былъ этотъ день. Десять часовъ сряду гремѣлъ жестокій, неравный бой и кончился совершеннымъ пораженіемъ турокъ, потерявшихъ сераскирское знамя и болѣе 400 человекъ убитыми ²⁾.

Донесеніе объ этой славной побѣдѣ застало Гудовича на пути къ Гумрамъ. Получивъ еще 25-го мая извѣстіе о приближеніи сераскира, главнокомандующій немедля двинулся форсированнымъ маршемъ на помощь Несвѣтаеву, отправивъ впередъ на казачьихъ лошадяхъ снаряды, недостатокъ которыхъ сильно ощущался въ Гумрахъ. Опасеніе за участь Несвѣтаева было такъ сильно, что Гудовичъ не скрывалъ отъ государя отчаяннаго положенія отряда и поэтому поводу доносилъ: «храбрость и замѣченная мною опытность въ военномъ ремеслѣ генералъ-маіора Несвѣтаева удостовѣ-

---

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича. Акты кав. арх. ком., т. III, № 945.

²⁾ Акты кав. арх. ком., т. III, № 946.

ряетъ меня, что онъ до соединенія со мною удержитъ свое мѣсто и устоитъ противъ всѣхъ покушеній сераскира» ¹⁾).

Въ то же время, по поводу побѣды 2-го іюня, Гудовичъ писалъ Несвѣтаеву: «каждый рапортъ вашего превосходительства даетъ мнѣ доказательство, что въ выборѣ васъ я не ошибся. Я видѣлъ уже опыты вашей храбрости и вашихъ благоразумныхъ распоряженій, а потому увѣренъ, что вы удержитесь въ Гумри до моего прибытія».

Между тѣмъ, главныя силы Гудовича были задержаны переправой черезъ рѣку Лори. Опасаясь, что каждый день промедленія можетъ повлечь гибель отряда Несвѣтаева, Гудовичъ 4-го іюня, изъ Беканъ, отправилъ впередъ всю конницу, подъ начальствомъ Портнягина, написавъ ему: «сейчасъ я получилъ извѣстіе, что Несвѣтаевъ снова атакованъ въ Гумри всѣми сераскирскими силами. Спѣшите на помощь. Не теперь надлежитъ намъ думать о выгодахъ людей и лошадей, когда долгъ и служба велятъ спасать товарищей» . . .

Дѣйствительно, въ это самое время турки, увѣдомленные о приближеніи Гудовича, напрягли послѣднія усилія, чтобы смять отрядъ Несвѣтаева. Весь день 5-го іюня одна за другой слѣдовали бѣшенныя атаки ихъ на изнуренную и обезсиленную горсть русскихъ богатырей. Но все было напрасно. И когда къ вечеру на рысяхъ подходилъ къ Гумрамъ Портнягинъ, то Несвѣтаевъ встрѣтилъ его короткой запиской: «крайне сожалѣю, что вы не подоспѣли къ сегодняшнему дѣлу. Я былъ такъ сильно и со всѣхъ сторонъ атакованъ Юсуфъ-пашей, что бой продолжался съ 10-ти часовъ утра до 6-ти пополудни. Турки ворвались было въ Гумри, но были выбиты оттуда штыками кавказскихъ гренадеръ. Долженъ благодарить Всевышняго, который хранилъ меня, и за скоростью ничего вамъ болѣе писать не могу, а скажу только безъ лести, что Юсуфъ-паша въ третій разъ уже отъ меня со стыдомъ отступаетъ — не моими распоряженіями, но угодно Всевышнему меня хранить» ²⁾).

---

¹⁾ Всенеподданнѣйшій рапортъ Гудовича. Акты кав. арх. ком., т. III, № 945.

²⁾ Акты кав. арх. ком., III, № 951.

Такъ печально кончилось надмѣнное бахвальство эрзерумскаго сераскира, получившаго жестокой отпоръ отъ горсти скромныхъ богатырей. «Признательность моя,—писалъ Несвѣтаеву Гудовичъ,—ко всѣмъ вашимъ дѣйствіямъ, достойнымъ опытнаго и предусмотрительнаго начальника отряда, вамъ порученнаго, есть совершенная»¹⁾. Съ высоты же Престола подвигъ Несвѣтаева былъ отличенъ орденомъ Св. Георгія 3-го класса.

8-го іюня, наконецъ, подошелъ къ Гумрамъ Гудовичъ. Несмотря на то, что 250 верстъ пройдены были имъ въ 15 дней, войска оказались настолько утомленными и разстроенными, что дать имъ отдыхъ являлось настоятельной потребностью. Временемъ этимъ воспользовался сераскиръ для того, чтобы укрѣпиться на правомъ берегу Арпачая, у дер. Технисъ, и притянуть сюда анатолийскія ополченія, увеличившія армію его до 25-ти тыс. человѣкъ. У Гудовича, вмѣстѣ съ отрядомъ Несвѣтаева, было не болѣе шести тысячъ. Несмотря на такую несоразмѣрность силъ, онъ все-таки рѣшилъ атаковать сераскира, рассчитывая на превосходство русскихъ войскъ въ полевомъ бою. Планъ Гудовича состоялъ въ томъ, чтобы главными силами обойти турокъ съ праваго фланга и отрѣзать ихъ отъ Карса. Маневръ этотъ долженъ былъ маскироваться фронтальной демонстраціей Несвѣтаева, которому для этой цѣли оставлялось три баталіона пѣхоты и два полка казаковъ.

Атака непріятельскаго лагеря назначена была на 18-е іюня. Наканунѣ съ утра поднялась буря и цѣлый день шелъ проливной дождь, прекратившійся лишь къ вечеру. Почва размякла, дороги испортились; тѣмъ не менѣе, съ наступленіемъ темноты, Гудовичъ, оставивъ обозы у Гумръ, повелъ главныя свои силы внизъ по лѣвому берегу Арпачая, въ обходъ турецкаго лагеря. Войска двигались построеными въ четыре каре, одно въ затылокъ другому²⁾.

Первое каре—генераль-лейтенанта барона Розена, состояло

---

¹⁾ Тамъ же № 953.

²⁾ Весподдан. рапортъ. Дѣло штаба Кавказ. окр. № 323, стр. 99.

изъ двухъ баталіоновъ Кавказскаго и Херсонскаго гренадерскихъ полковъ.

Второе—генераль-маіора Титова—изъ двухъ баталіоновъ херсонскихъ гренадеръ.

Третье—генераль-маіора Портнягина—изъ четырехъ баталіоновъ 9-го и 15-го егерскихъ полковъ.

И четвертое—резервное каре, маіора Ушакова—состояло изъ баталіона кавказскихъ гренадеръ и 3-хъ эскадроновъ нарвскихъ драгунъ.

Русскія колонны, словно сказочныя чудовища, тихо ползли въ темнотѣ мрачной ночи по берегу Арпачая, то шлепая тысячами ногъ въ размокшихъ заросляхъ густыхъ камышей, то карабкаясь по скользкимъ каменистымъ тропинкамъ. Всю ночь шелъ отрядъ. Утомленіе людей было настолько велико, что, пройдя верстъ 10-ть, остановились на отдыхъ. До непріятельскаго лагеря было не болѣе пяти верстъ, и Гудовичъ, отказавшись отъ первоначальнаго своего намѣренія—выйти въ тылъ турокъ, на карскую дорогу,—рѣшилъ выждать разсвѣта на мѣстѣ отдыха и отсюда уже атаковать непріятели.

Между тѣмъ Юсуфъ-паша, получивъ отъ развѣздовъ извѣстіе о движеніи русскихъ по лѣвому берегу Арпачая, вознамѣрился самъ перейти въ наступленіе, съ тѣмъ, чтобы неожиданно атаковать ихъ на маршѣ. Оставивъ часть войскъ для охраны лагерей, турки выступили изъ Техниса и начали переправляться черезъ Арпачай, противъ того мѣста, гдѣ отдыхали утомленныя русскія войска. Поднялась тревога. Намѣренія главнокомандующаго были раскрыты. Починъ въ дѣйствіяхъ упущенъ. Приходилось роль наступающаго перемѣнить на оборону, въ сторонѣ отъ пути отступленія. . . . Гудовичъ повернулъ свои войска фронтомъ къ рѣкѣ, выдвинулъ въ первую линію три головныхъ каре, а четвертое помѣстилъ въ резервѣ, и ожидалъ въ такомъ положеніи нападенія турокъ.

Густыя пѣхотныя колонны непріятели, устроившагося на лѣвомъ берегу Арпачая, стремительно атаковали лѣвофланговое каре Розена; въ то же время массы конницы налетѣли на сред-

нее каре Титова. Опасаясь за прорывъ своего центра, Гудовичъ двинулъ впередъ резервное каре Ушакова. Мѣткій и дружный огонь отбросилъ турокъ. Но, быстро устроившись, они повернули влѣво и всѣми силами обрушились на правофланговое каре Портнягина, стараясь отрѣзать русскихъ отъ Гумръ. Резерва уже не было. Гудовичъ повелъ на поддержку праваго фланга среднее каре и нарвскихъ драгунъ. Но силъ этихъ все-таки было мало для того, чтобы отбить энергичную, сосредоточенную атаку турокъ. Двадцать пять непріятельскихъ орудій громили въ это время главную опору нашего боевого порядка— каре Портнягина. Положеніе становилось критическимъ. Казалось, что на берегахъ Арпачая повторяется Аустерлицъ: тотъ же дальній обходъ всѣми силами, дождь, слякоть, неожиданный переходъ противника въ наступленіе, ударъ въ самую чувствительную точку... Побѣду вырвалъ Несвѣтаевъ. Исполняя предписаніе главнокомандующаго, Несвѣтаевъ со своимъ отрядомъ медленно наступалъ на фронтъ непріятельской позиціи, стараясь отвлечь этимъ на себя вниманіе турокъ отъ главныхъ силъ Гудовича. Но вотъ онъ видитъ, что бѣльшая часть войскъ Юсуфъ-паши переправляется черезъ Арпачай и настойчиво атакуетъ застигнутыя въ невыгодномъ положеніи каре Гудовича. Представлялась удачная минута ударить въ тылъ турокъ. И Несвѣтаевъ, не колеблясь, не страшась отвѣтственности передъ своимъ нравнымъ главнокомандующимъ за самовольное уклоненіе отъ диспозиціи, бросаетъ возложенную на него задачу и рѣшительно двигаетъ свой отрядъ на слабо прикрытый непріятельскій лагерь. Маневръ этотъ рѣшилъ участь всего сраженія. Чувствительные къ своимъ лагерямъ турки моментально прекратили атаку на правый флангъ Гудовича и поспѣшно начали переправляться обратно за Арпачай. Но здѣсь ихъ встрѣтилъ Несвѣтаевъ. Паника овладѣла турецкими полчищами. Бросивъ лагерь, они въ полномъ безпорядкѣ бѣжали по эрзерумской дорогѣ, горячо преслѣдуемые Несвѣтаевымъ. Исключительно ему принадлежатъ всѣ трофеи этого дня: 10-ть орудій, 2 мортиры, знамена и оба турецкихъ лагеря, со множествомъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ... Болѣе тысячи труповъ отмѣчали путь бѣгства арміи Юсуфъ-паши. Наши

потери состояли изъ: 2-хъ штабъ-офицеровъ и 12-ти нижнихъ чиновъ убитыми и 1 генерала (Розень), 4-хъ офицеровъ и 66-ти нижнихъ чиновъ ранеными ¹⁾.

Во время начавшагося бѣгства турецкихъ войскъ Гудовичу снова пришла мысль отрѣзать имъ путь отступления къ Карсу. Съ этой цѣлью онъ, отрядивъ часть силъ для поддержки Несвѣтаева, съ остальными войсками двинулся опять внизъ по Арпаचाю. Однако, пройдя верстъ 10, Гудовичъ убѣдился въ невозможности предупредить быстро отступающаго непріятели и остановилъ свои утомленные войска, выславъ небольшой отрядъ, въ 500 человекъ пѣхоты и 300 казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Печерскаго, для захвата находившагося въ 12-ти верстахъ отъ Карса турецкаго укрѣпленія Магасбертъ, въ которомъ, по слухамъ, были собраны большіе запасы продовольствія. Пользуясь общей паникой турецкихъ войскъ, Печерскій безъ выстрѣла занялъ Магасбертъ и нашель въ немъ: 6 пушекъ, 2 фальконета, 300 четвертей пшеницы и большой запасъ соли ²⁾.

Арпачайское сраженіе, за которое Гудовичъ былъ возведенъ въ санъ фельдмаршала, рѣшило участь всей кампаніи. Турецкая армія, состоявшая изъ наиболѣе воинственныхъ контингентовъ Анатолиі курдовъ и аджарцевъ, была разсѣяна, и лишь незначительные остатки ея, въ общемъ не болѣе 2-хъ т. человекъ, съ самимъ Юсуфъ-пашею, заперлись въ Карсѣ. Разстроенные матеріально и нравственно турки не помышляли уже о наступательныхъ предпріятіяхъ и едва-ли были увѣрены въ достаточной безопасности своей за стѣнами Карса. Казалось бы, что представлялся особенно благоприятный случай овладѣть этимъ важнымъ оплотомъ турокъ въ Малой Азіи, а съ нимъ и сосѣдними намъ пашалыками: Карскимъ и Ахалцыхскимъ. Но Гудовичъ создалъ себѣ призракъ въ лицѣ Персіи и цѣлый мѣсяцъ оставался на р. Арпачаѣ въ полномъ бездѣйствіи. Въ концѣ іюля получено было извѣстіе о заключеніи тильзитскаго трактата и о начавшихся переговорахъ съ турками.

---

¹⁾ Акты кав. арх. ком., II, № 957.

²⁾ Тамъ же, № 960.

Гудовичъ воспользовался этими обстоятельствами для того, чтобы войти въ личное соглашеніе съ Юсуфъ-пашею о перемиріи. Последнее было заключено 2-го сентября, при чемъ воюющія стороны обязывались предупредить одна другую за три недѣли до открытія военныхъ дѣйствій.

Это перемиріе стоило Юсуфъ-пашѣ головы, а Гудовичу дало возможность расположить свои войска на зимнія квартиры по лѣвому берегу Арпачая и, поручивъ начальствованіе надъ ними генералу Несвѣтаеву, самому уѣхать въ Тифлисъ, гдѣ ожидались пріятныя ощущенія для остраго тщеславія новаго фельдмаршала.

Глава XVI.

Расположеніе войскъ 20-й дивизіи на зимнія квартиры. Смуты въ Имеретіи. Переговоры съ Персіей. Приготовленія къ войнѣ. Осада Эривани. Дѣйствія Небольсина у Нахичевани. Обратный походъ въ Грузію. Назначеніе генерала-отъ-кавалеріи Торماسова главнокомандующимъ въ Грузіи и на Кавказской линіи.

Войска, оставленныя Гудовичемъ на лѣвомъ берегу Арпачая, въ Шурагельской области, сильно нуждались въ продолжительномъ отдыхѣ. Большой некомплектъ людей, разстроенная матеріальная часть, натруженные силы молодыхъ солдатъ, изъ коихъ состояла передъ войной бѣльшая половина 20-й дивизіи—все это вынуждало главнокомандующаго воспользоваться предстоящимъ зимнимъ періодомъ для приведенія въ порядокъ своихъ войскъ. Въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе пріобрѣталъ вопросъ о выборѣ болѣе удобныхъ зимнихъ квартиръ. Но затянувшіеся переговоры съ Турціей о мирѣ не позволяли убрать всѣ наши силы съ границъ ея въ Грузію. Поэтому главнокомандующій, оставивъ въ Бамбакской области (у Гумръ и Амамловъ), въ видѣ заслона противъ турокъ, отрядъ Несвѣтаева изъ трехъ полковъ: Саратовскаго, Тифлискаго и казачьяго, остальные войска перевелъ къ Тифлису. Отрядъ Небольсина, изъ полковъ Троицкаго, 17-го егерскаго и двухъ казачьихъ, расположенъ былъ по прежнему заслономъ противъ Персіи—на Тертерѣ. Бѣлевскій-же полкъ оставался у Кутаиса и въ Редуть-Кале.

Сосредоточивъ, такимъ образомъ, главныя силы къ Тифлису и выставивъ авангарды, какъ сказано, къ Елисаветполю, Гумрамъ

и Кутаису, главнокомандующій собирався покойно провести наступавшую зиму и посвятить ее устройству 20-й дивизіи.

Но продолжительный отдыхъ не былъ, повидимому, удѣломъ славныхъ кавказскихъ войскъ.

Среди зимы получились въ Тифлисъ свѣдѣнія, что имеретинскій царь Соломонъ вошелъ въ тайныя сношенія съ Селимъ-пашою ахалцхскимъ и спѣшно собралъ свои ополченія. Свѣдѣнія эти подтвердились и оффиціальнымъ донесеніемъ командовавшего въ Имеретіи войсками генерала Рыкгофа ¹⁾).

Желая поддержать расположенныя въ Кутаисѣ части Бѣлевскаго полка, главнокомандующій немедленно двинулъ къ Сураму баталіонъ егерскаго полка съ однимъ орудіемъ и занялъ двумя ротами гренадеръ посты на границахъ Имеретіи.

Мѣры эти произвели на мятежнаго царя Соломона столь внушительное дѣйствіе, что уже 8-го февраля 1808 года Гудовичъ доносилъ государю ²⁾): «Получилъ рапортъ полковника Тарасова, что царь Соломонъ, вдругъ перемѣня образъ своихъ мыслей, прислалъ къ нему князя Зураба Церетели съ объясненіемъ, что онъ оставляетъ всю недовѣрчивость и недоброжелательство противу Россіи, общается со всѣми своими подвластными быть вѣрнымъ подданнымъ Вашего Императорскаго Величества и дѣлать нужныя пособія для войскъ во всѣхъ требованіяхъ».

Внутренняя смута была, такимъ образомъ, заглушена въ самомъ началѣ. Но на сцену снова выступалъ давнишній призракъ открытаго разлада съ Персіей. Болѣе года тянулись уже переговоры съ Баба-ханомъ о мирѣ, не приводя ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Правда, арпачайское сраженіе не осталось безъ вліянія и на персидскаго шаха, успѣвшившаго поздравить Гудовича съ побѣдой и приславшаго ему въ подарокъ рѣдкаго верхового коня съ богатымъ восточнымъ уборомъ; однако въ это-же самое время войска эриванскаго хана стояли въ полной готовности всего въ 12-ти верстахъ отъ поля сраженія...

---

¹⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. III., № 283.

²⁾ Тамъ же.

Прибывъ въ Тифлисъ съ театра турецкой войны, Гудовичъ снова возобновилъ на прежнихъ условіяхъ переговоры съ Персіей о мирѣ, для чего тогда же посланъ былъ имъ къ Аббасъ-Мирзѣ подполковникъ Вреде. Но персидское правительство, находившееся подъ вліяніемъ французскихъ агентовъ, предлагало заключить «перемиріе на годъ съ тѣмъ, чтобы самый трактатъ о мирѣ постановить въ Парижѣ, при посредничествѣ императора Наполеона ¹⁾). Конечно, Гудовичъ «рѣшительно отклонилъ таковое предложеніе» ²⁾ и началъ готовиться къ возможному разрыву съ Персіей, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія, получавшіяся со стороны Аракса, съ каждымъ днемъ пріобрѣтали все болѣе и болѣе тревожный характеръ. Доносили, что въ Эривани дѣлаются большія приготовленія и что туда отправлено изъ Персіи 10 тыс. войскъ подъ начальствомъ Гассана, брата эриванскаго хана; что самъ Баба-ханъ съ 15-ю тысячами выступилъ въ Султанію и что въ Тавризѣ французскіе инструкторы дѣятельно готовятъ 6 баталіоновъ регулярной пѣхоты и 5 тысячъ конницы.

Всѣ эти свѣдѣнія не оставляли никакого сомнѣнія во враждебныхъ намъ намѣреніяхъ персіянъ, почему Гудовичъ, предписавъ начальникамъ своихъ авангардовъ—Небольсину и Несвѣтаеву—крайнюю осторожность, самъ съ главными силами выступилъ 14-го мая къ Соганлугу, «какъ такому мѣсту, откуда лежатъ всѣ дороги къ турецкимъ и персидскимъ границамъ, дабы быть въ совершенной готовности двинуться туда, гдѣ будетъ настоящая надобность» ³⁾.

Выдвигаясь къ Соганлугу, Гудовичъ едва-ли имѣлъ главною цѣлью занять тѣмъ самымъ болѣе выгодное положеніе, такъ какъ Соганлугъ, лежащій всего въ 12-ти верстахъ отъ Тифлиса и составляющій какъ-бы предмѣстье послѣдняго, конечно, не могъ замѣтно приблизить Гудовича къ границамъ Персіи или Турціи. Скорѣе, въ этомъ сказывалось желаніе—сборомъ и сосредоточені-

---

¹⁾ Письмо Гудовича къ Румянцеву. Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 851.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Всепоп. рапортъ Гудовича. Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 841.

емъ своихъ силъ подѣйствовать на персіянь, несомнѣнно зорко слѣдившихъ за всѣмъ, что происходило въ нашихъ предѣлахъ.

Главные силы, сосредоточившіяся къ Соганлугу подѣ начальствомъ самого фельдмаршала, состояли изъ Херсонскаго полка, баталіона Кавказскаго гренадерскаго, двухъ баталіоновъ 15-го егерскаго, Донскаго казачьяго и Нарвскаго драгунскаго полковъ. 18-го мая прибылъ сюда Борисоглѣбскій драгунскій полкъ, съ высочайшаго разрѣшенія вытребованный главнокомандующимъ на усиленіе своихъ войскъ изъ состава 19-й дивизіи. Полкъ этотъ прибылъ въ столь плачевномъ состояніи, что Гудовичъ по этому поводу даже писалъ военному министру: «въ Борисоглѣбскомъ драгунскомъ полку лошади въ худомъ состояніи отъ неприлежнаго за ними присмотра и отъ переходовъ самовольныхъ и не по маршруту; касательно до ссадинъ, то оныя могли произойти какъ отъ худобы лошадей и неприсмотра и отъ того, что потники малы... принятые изъ комиссаріата таковыя передъ самымъ выступленіемъ его въ походъ... лошади до такой были доведены худобы и столько много было съ ссадинами, что непрерывно падали».

Такое состояніе Борисоглѣбскаго драгунскаго полка обращало его только въ обузу отряду, для усиленія котораго онъ былъ вызванъ съ линіи. Не легко, конечно, былъ этотъ походъ, но полкъ все же могъ прибыть въ лучшемъ порядкѣ. Пять лѣтъ тому назадъ, при тѣхъ же условіяхъ, въ такое же время года съ Кавказской линіи пришли въ Тифлисъ Нарвскіе драгуны въ столь блестящемъ состояніи, что Циціановъ, этотъ строгій судья воинскаго порядка, не находилъ словъ достаточно нахвалиться ими и увѣренно доносилъ: «буде нужда настояла бы въ движеніи, то могъ бы полкъ сей предпринять и дальнѣйшіе походы, не подвергаясь опасности довести лошадей до худобы»¹⁾.

Полкъ этотъ приведенъ былъ Портнягинымъ. Лихой боецъ Ганжи, Ахалкалакъ и Эривани показалъ себя тогда и отмѣннымъ администраторомъ, до мелочей заботливымъ командиромъ. Теперь, передъ началомъ втораго уже для Портнягина похода въ Эривань

---

¹⁾ См. выше, стр. 81.

на него выпала грустная обязанность замѣнить по командованію бамбакскимъ авангардомъ своего ратнаго товарища — Несвѣтаева. Желчная горячка безвременно свела въ могилу «горскаго генерала» и 17-го іюня въ Караклисѣ не стало «храбрѣйшаго изъ храбрыхъ», сподвижника Циціанова, героя Гумръ и Арпачая. Велика была утрата эта для кавказскихъ войскъ, но еще тяжелѣе было любимому дѣтищу Несвѣтаева — Саратовскому полку на вѣки разставаться со своимъ отцомъ-командиромъ. Простой, безкорыстный, ограничивавшій личныя потребности лишь самымъ необходимымъ, Несвѣтаевъ все, что имѣлъ, обращалъ на помощь солдатамъ и бѣднымъ офицерамъ; послѣдніе всегда были обмундировываемы и снабжаемы всѣмъ нужнымъ на его счетъ. При этомъ онъ былъ настолько тактиченъ и деликатенъ, что умѣлъ обходить острия стороны благодѣяній; все давалось имъ только взаймы и даже записывалось въ долговую книгу; но затѣмъ въ возвратъ отъ офицеровъ уже никто, ничего и никогда не требовалъ. Когда же должникъ по какому-нибудь случаю выбывалъ изъ полка, Несвѣтаевъ своею рукою вычеркивалъ въ книгѣ долгъ и, прощаясь, говорилъ только: «Христось съ тобой! Прощай, братъ, не поминай насъ лихомъ, а мы съ тобой совсѣмъ квиты». Глубоко-религіозный, во всемъ полагавшійся на волю Всевышняго, Несвѣтаевъ укоренялъ это могучее чувство и въ сердцахъ своихъ подчиненныхъ. Въ отрядѣ его передъ всякимъ сраженіемъ громко читались предъ фронтомъ молитва «Отче нашъ» и псалмы: «Живый въ помощи Вышняго» и «Да воскреснетъ Богъ». Каждаго солдата, поступавшаго въ Саратовскій полкъ, Несвѣтаевъ собственноручно снабжалъ особой ладонкой, съ зашитымъ въ ней рукописнымъ псалмомъ: «Живый въ помощи Вышняго», строго наказывая носить эту ладонку на крестѣ и ни въ какомъ случаѣ не разставаться съ нею. Врагъ сухой формалистики, Несвѣтаевъ, однако, не терпѣлъ упущеній по службѣ, что еще болѣе привязывало къ нему сердца его подчиненныхъ. Можно ли послѣ этого представить себѣ такой подвигъ, на который беззавѣтно не пошли бы саратовцы за своимъ командиромъ! И такого-то военачальника въ самую нужную минуту лишились слабыя числомъ войска Гудовича!

«За умертвіемъ минувшаго іюня 17-го числа генераль-маіора Несвѣтаева, который былъ бригаднымъ командиромъ и содержалъ Бамбакскій постъ, отрядилъ я туда генераль-маіора Портнягина» ¹⁾). Такъ доносилъ государю о тяжелой потерѣ, понесенной кавказскими войсками, тотъ, кто обязанъ былъ Несвѣтаеву своимъ фельдмаршальскимъ жезломъ. . .

Цѣлый мѣсяцъ простоялъ Гудовичъ въ Соганлугѣ, все еще разсчитывая на благополучное окончаніе переговоровъ съ Персіей. Но 15-го іюня получилось извѣстіе, что Гуссейнъ-Кули-ханъ эриванскій передвинулъ свои войска къ урочищу Абаранъ, находящемуся всего въ 40 верстахъ отъ нашей границы. Это обстоятельство уже не оставляло никакого сомнѣнія въ томъ, что персіяне дѣятельно готовятъ вторженіемъ въ наши предѣлы. Желая воспрепятствовать этому, главнокомандующій рѣшилъ приблизиться самъ къ границамъ Персіи, для чего 9-го іюля выступилъ изъ Соганлуга въ Бамбакскую провинцію, пославъ въ то же время Небольсину приказаніе: «буде персіяне не согласятся на требованіе фельдмаршала, то со вѣреннѣмъ ему отрядомъ выступить по дорогѣ къ Нахичевани и сколько можно стараться приблизиться къ границамъ онаго».

Этой диверсіей имѣлось въ виду повліять на уступчивость персіянъ. Но главнокомандующій, продолжая настаивать на требованіяхъ, предъявленныхъ имъ Персіи еще въ самомъ началѣ переговоровъ, не былъ достаточно освѣдомленъ насколько готово правительство наше выказать въ этомъ отношеніи необходимую твердость. Недоумѣнія эти, однако, вскорѣ были разсѣяны высочайшимъ повелѣніемъ, коимъ государь императоръ, весьма довольный категорическимъ отказомъ Гудовича на предложеніе Персіи заключить миръ при посредничествѣ Наполеона, предоставлялъ фельдмаршалу полную свободу дѣйствій: «Я поспѣшаю—говорилось въ этомъ повелѣніи—изъявить вамъ полное Мое одобреніе поступка вашего оказаніемъ несогласія на слѣдующее вамъ со стороны персидскаго правительства предложеніе заключить перемиріе на годъ. . . и если бы

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавк. воен. окр., дѣло 1808 г. № 323, стр. 345.

персіане вынудили васъ къ принятію оружія, Я представляю вашему соображенію какъ время начатія военныхъ дѣйствій, такъ и производство оныхъ, смотря по обстоятельствамъ» ¹⁾).

Монаршее довѣріе, облакавшее Гудовича широкими полномочіями, придало планамъ его столь энергичный характеръ, что фельдмаршалъ рѣшилъ немедля силою взять то, что персіане не желали уступить намъ добровольно. Съ этою цѣлью Гудовичъ, присоединивъ къ своимъ войскамъ бамбакскій авангардъ, и, оставивъ въ Гумрахъ и Амамлахъ всего два баталіона Саратовскаго полка, двинулся 26-го сентября черезъ Бамбакское ущелье въ предѣлы Эриванскаго ханства. Въ то же время стоявшему на Тертерѣ генералу Небольсину было предписано: «дабы онъ черезъ Карабагъ немедленно двинулся прямо по дорогѣ къ Нахичевани и старался бы занять оной въ то время, когда я (фельдмаршалъ) подойду къ Эривани, дабы сими дѣйствіями развлечь персіанъ и поставить ихъ въ невозможность подать извнутри Персіи помощь Эриванской крѣпости» ²⁾).

Узнавъ о приближеніи Гудовича, Гуссейнъ-Кули-ханъ эриванскій выступилъ на встрѣчу ему съ 4-хъ тысячнымъ коннымъ отрядомъ, но, разбитый 29-го сентября у дер. Аштаракъ, спѣшно отошелъ къ Эривани, сжигая по пути деревни, хлѣбъ и фуражъ.

На слѣдующій день русскія войска, не тревожимыя уже непріателемъ, подошли къ Эчміадзину. Монастырь этотъ, памятный жестокимъ сопротивленіемъ, оказаннымъ князю Циціанову, теперь былъ занятъ безъ боя и Гудовичъ воспользовался крѣпкими стѣнами его для того, чтобы подъ защитою ихъ оставить больныхъ, раненыхъ, тяжелый обозъ и двигаться далѣе уже налегкѣ.

Наканунѣ Покрова русскіе перешли р. Зангу въ шести верстахъ ниже Эривани и стали бивакомъ въ виду самой крѣпости. Отсюда Гудовичъ отправилъ прокламацію ³⁾, въ которой обращался къ защитникамъ Эривани, между прочимъ, съ слѣдующими словами: «Не берите въ примѣръ прежней неудачной блокады Эриванской

---

¹⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 857.

²⁾ Всепод. донесеніе гр. Гудовича. Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 857.

³⁾ Всепод. рапортъ Гудовича. Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 443.

крѣпости. Тогда были одни обстоятельства, а теперь совсѣмъ другія. Тогда предводительствовалъ войсками князь Циціановъ—изъ молодыхъ генераловъ, не столько еще опытный въ военномъ искусствѣ, а теперь командуя я, привыкшій уже водить болѣе 30-ти лѣтъ сильныя російскія арміи... ».

На эту прокламацію, въ которой Гудовичъ для устрашенія противника прибѣгалъ по обычному своему аргументу—напоминанію о собственныхъ боевыхъ подвигахъ—не получилось, какъ и всегда, никакого отвѣта. Ни Куба, ни Ахалкалаки, ни Эривань упорно не желали приходить въ смятенный трепетъ предъ именемъ Гудовича... Гуссейнъ-Кули-ханъ рѣшилъ оборонять Эривань во что бы то ни стало. Оставивъ въ стѣнахъ ея, подъ начальствомъ брата своего, Гассанъ-хана, отборный гарнизонъ изъ двухъ тысячъ регулярной пѣхоты, самъ Гуссейнъ со всею конницею вышелъ изъ крѣпости и расположился за р. Гарни-чай, у сел. Верды, съ тѣмъ, чтобы отсюда угрожать нашимъ сообщеніямъ и противо-дѣйствовать блокадѣ и штурму крѣпости. Планъ этотъ былъ столь опасенъ для насъ, что Гудовичъ 4-го октября послалъ Портнягина съ отрядомъ изъ баталіона Троицкаго, двухъ баталіоновъ 15-го егерскаго полковъ, Нарвскихъ драгунъ и 300 линейныхъ казаковъ отбросить Гуссейнъ-Кули-хана отъ Эривани. Но послѣдній, преслѣдуя первоначальную свою цѣль, не принялъ боя и укрылся за Араксомъ.

Тѣмъ временемъ Гудовичъ приступилъ къ обложенію крѣпости. Съ этою цѣлью 8-го числа были двинуты изъ главнаго лагеря колонны: полковника Симоновича, маіора Бухвостова и маіора Борщова ¹⁾. Симоновичъ долженъ былъ обойти Эривань по грузинской дорогѣ и, занявъ форштадтъ Топи-баши и караванъ-сарай, обложить крѣпость съ сѣвера.

Борщову надлежало переправиться черезъ р. Зангу и занять курганъ Махтапа, лежащій къ юго-западу отъ крѣпости.

---

¹⁾ Въ составъ колонны Симоновича входили по одному баталіону отъ полковъ Кавказскаго, Тифлискаго, 9-го и 15-го егерскихъ и 6 орудій.

Колонна Бухвостова состояла изъ баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка, а Борщова—изъ баталіона Саратовскаго полка.

Бухвостовъ же долженъ былъ атаковать лежащій къ юго-востоку отъ Эривани курганъ Муханатъ съ сосѣдними садами и тѣмъ отвлечь вниманіе персіянъ отъ колоннъ Борщова и Симоновича, а затѣмъ связать послѣднюю съ лагеремъ главныхъ силъ.

Задолго до разсвѣта выступилъ Симоновичъ изъ лагеря и, незамѣченный персіянами, скрылся въ горныхъ ущельяхъ, по которымъ грузинская дорога обходитъ Эривань съ юга. Также скрытно переправилась черезъ р. Зангу и колонна Борщова и, укрываясь садами и неровностями мѣстности, направилась къ кургану Махтапа.

Между тѣмъ Бухвостовъ съ восходомъ солнца энергично повелъ херсонскій баталіонъ на Муханатъ. Персіяне, не замѣтившіе колоннъ Симоновича и Борщова, предположили, что начинается атака крѣпости со стороны Муханата и быстро сосредоточили сюда превосходныя силы. Херсонцамъ предстоялъ неравный бой; но во время поддержанные ротою 15-го егерскаго полка, линейными казаками и грузинской конницей, высланными Гудовичемъ изъ главнаго лагеря, херсонцы дружно ударили въ штыки, сбили персіянъ и овладѣли курганомъ съ прилегавшими къ нему садами. Но тутъ разгорѣлся упорный бой. Персіяне, устроившись, снова перешли въ наступленіе, чтобы выбить русскихъ изъ садовъ. Каждая пядь земли по нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Наконецъ, Бухвостовъ, поддержанный еще баталіономъ кавказскихъ гренадеръ, вогналъ непріятеля въ крѣпость и окончательно утвердился въ прилегавшихъ къ ней съ юга садахъ и на курганѣ Муханатъ.

Тѣмъ временемъ Борщовъ занялъ Махтапу и немедля приступилъ къ возведенію на немъ мортирной батареи, которая и была совершенно окончена въ теченіе слѣдующей ночи. Симоновичъ же, утромъ 9-го числа, неожиданно для персіянъ появившись передъ форштадтомъ, занялъ его безъ большихъ потерь, тотчасъ же возвелъ здѣсь батарею и началъ постройку моста черезъ Зангу для связи съ саратовскимъ баталіономъ, занимавшимъ Махтапу. Такимъ образомъ, къ полудню 9-го октября, Эривань была со всѣхъ сторонъ обложена войсками Гудовича: Борщовъ стоялъ съ юго-запада, Симоновичъ—съ сѣвера, Бухвостовъ—съ юго-востока и главныя силы—съ юга. Но безопасность нашей блокадной линіи не

была обезпечена, пока Гуссейнъ-Кули-ханъ находился за Гарни-чаемъ. Задавшись цѣлью мѣшать блокадѣ, онъ то подходилъ къ Эривани со своею кавалеріей и безпокоилъ нашихъ фуражировъ, то снова скрывался въ Ведисскомъ ущельѣ. Гудовичъ рѣшилъ прогнать его за Араксъ, для чего сформировалъ отрядъ подполковника Подлуцкаго изъ 200 человекъ 15-го егерскаго полка, четырехъ эскадроновъ нарвскихъ драгунъ и 200 линейныхъ казаковъ. Къ отряду этому присоединены были 700 челов. татарской конницы, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Орбеліани. Предвидя, что Гуссейнъ-Кули-ханъ уклонится отъ боя, Гудовичъ предписалъ Подлуцкому произвести нечаянное нападеніе на персіанъ, во что бы то ни стало разсѣять ихъ и прогнать за Араксъ. Предписаніе Гудовича было исполнено въ точности. На разсвѣтѣ 17-го октября Подлуцкій, какъ снѣгъ на голову, обрушился на лагерь Гуссейнъ-Кули-хана. Къ сожалѣнію, нападеніе это не было произведено одновременно со всѣхъ сторонъ, почему персіане, хотя и съ большими потерями, но все-таки успѣли бѣжать за Араксъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ весь лагерь, обозъ и даже собственную канцелярію Гуссейна ¹⁾).

Полагая, что пораженіе, нанесенное персіанамъ Подлуцкимъ, сдѣлаетъ защитниковъ Эривани болѣе сговорчивыми, Гудовичъ вторично послалъ въ крѣпость требованіе о сдачѣ, при чемъ обѣщаль коменданту утвердить его ханомъ эриванскимъ со всѣми правами, преимуществами и почестями, приличными ханскому званію ²⁾).

Но и эти обольщенія не произвели желательнаго эффекта. Комендантъ Эривани отвѣчалъ фельдмаршалу Гудовичу: «... если поступокъ такой можетъ быть похваленъ, то и я имѣю отъ великаго моего государя волю на то, что если вы согласитесь служить персидскому государю, то во взаимность получите ханство Эриванское, Тавризское и еще много чего» ³⁾).

Въ это самое время получились свѣдѣнія, что Фараджъ-Улахъ-ханъ съ 3½ тысячами кавалеріи присоединился къ отряду Гуссейнъ-

---

¹⁾ Донесеніе Подлуцкаго графу Гудовичу 17-го октября 1808 г. Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 874.

²⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 447.

³⁾ Военно-учен. арх. Дѣло № 2419. (А).

Кули-хана и намѣревается или пробиться въ крѣпость, или, по крайней мѣрѣ, беспокоить осаждающихъ. Намѣренія эти, снова угрожавшія безопасности нашей блокадной линіи, вынудили Гудовича усилить стоявшій на Гарни-чаѣ обсерваціонный отрядъ Подлущкаго баталіономъ Кавказскаго гренадерскаго полка, сотней егерей 9-го и 15-го полковъ и 50-ю казаками.

Общее начальство надъ всѣми этими войсками было возложено на генераль-маіора Портнягина ¹⁾, которому поручалось разсѣять непріятеля и обезпечить со стороны Аракса нашу блокадную линію. Не встрѣтивъ нигдѣ противника, упорно уклонявшагося отъ боя, Портнягинъ расположилъ свой отрядъ у дер. Шады, какъ у пункта, наиболѣе удобнаго для надзора за персіянами, укрывшимися за рѣку Кара-су.

Донося о результатѣ своихъ дѣйствій, Портнягинъ между прочимъ сообщалъ главнокомандующему какъ слухъ, что Нахичевань уже взята отрядомъ генерала Небольсина.

Дѣйствительно, исполняя предписаніе главнокомандующаго, Небольсинъ выступилъ изъ Карабага еще въ началѣ октября съ отрядомъ въ 3 тысячи человекъ при 9-ти орудіяхъ. Позднее время года, непрестанные осенніе дожди, заваленные уже снѣгомъ горные перевалы—все это настолько затрудняло движеніе отряда, что авангардъ его, подъ начальствомъ Лисаневича, изъ одного егерскаго баталіона и казачьяго полка, только 27-го октября достигъ деревни Кара-баба, находящейся въ 18-ти верстахъ отъ Нахичевани. Этому слабому авангарду пришлось здѣсь выдержать нападеніе цѣлаго корпуса Аббасъ-мирзы, у котораго было свыше 3 тысячъ пѣхоты, 10 тыс. конницы, 12 орудій и 60 фальконетовъ ²⁾. Но въ рядахъ русскихъ были Лисаневичъ, Котляревскій, и участь боя была рѣшена... Аббасъ-мирза, желая отрѣзать авангардъ отъ главныхъ силъ, повелъ атаку въ обходъ обоихъ его фланговъ. Этимъ неудачнымъ маневромъ, какъ нельзя быть лучше, воспользовался Лисаневичъ. Видя ослабленный центръ противника и въ то же время съ минуты на минуту ожидая подхода Неболь-

¹⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 453.

²⁾ Тамъ же, № 895.

сина, Лисаневичъ самъ перешель въ наступленіе и стремительно атаковалъ наиболѣе слабый центральный участокъ боевого расположенія персіянъ. Послѣдніе оказались сами поставленными между двухъ огней. Съ одной стороны ихъ громили: Лисаневичъ — въ центрѣ и Котляревскій — на лѣвомъ флангѣ, а съ другой, со стороны праваго фланга, уже виднѣлся Небольсинъ. Паника объѣяла персидскія полчища, обратившіяся въ безпорядочное бѣгство къ Нахичевани. Небольсинъ неотступно преслѣдовалъ ихъ и 1-го ноября, при содѣйствіи преданнаго намъ сына нахичеванскаго хана Шихъ-Али-бека, занялъ безъ боя Нахичевань, гдѣ и остановился, занявшись обезпеченіемъ своего отряда необходимымъ продовольствіемъ и возстановленіемъ порядка въ Нахичеванской области.

Первая часть программы Гудовича была, такимъ образомъ, исполнена: Нахичеванское ханство было занято нами, при чемъ главнокомандующій поручилъ Небольсину объявить жителямъ, что не только городъ, но и вся область поступаютъ на вѣчныя времена въ подданство русскаго императора и просилъ старшинъ, духовенство и народъ, какъ новыхъ подданныхъ и соотечественниковъ, безбоязненно и съ полною увѣренностью въ своей безопасности возвратиться въ свои жилища, сохранить вѣрность Россіи и прервать всякія сношенія съ непріятелями Россіи ¹⁾).

А между тѣмъ на главномъ эриванскомъ театрѣ, гдѣ и должна была рѣшиться участь всей кампаніи, а въ томъ числѣ и Нахичеванскаго ханства, дѣла продолжали идти далеко не успѣшнымъ образомъ. Гудовичъ все еще занятъ былъ блокадой Эривани. Хотя осаждающіе и отвели отъ крѣпости воду со стороны Темиръ-Булака, но персіяне продолжали доставать ее изъ р. Занги, не смотря на то, что для этого приходилось спускаться по обрывистому берегу, подъ мѣтками выстрѣлами нашихъ егерей. Двѣ брешь-батареи, заложенныя Симоновичемъ: одна въ 60-ти, а другая въ 70-ти саженьяхъ отъ крѣпости, слѣлали проломъ въ наружной стѣнѣ и сбили оборону двухъ непріятельскихъ башенъ. Мортирная батарея съ Махтапа неустанно громила крѣпость навѣснымъ огнемъ. «Но за всѣмъ тѣмъ — какъ доносилъ Гудовичъ государю —

---

¹⁾ Дубровинъ, стр. 216.

гарнизонъ крѣпости, надѣясь на свои укрѣпленія, до сихъ поръ не сдается, ибо крѣпость Эриванская чрезвычайно укрѣплена, имѣя гласисъ и затѣмъ двѣ стѣны, снабженныя артиллеріей» ¹⁾).

Взятіе Нахичевани, уходъ за Араксъ Гуссейнъ-Кули-хана, наконецъ безсиліе французскаго агента Лежара, пріѣзжавшаго по порученію персидскаго правительства въ русскій лагерь склонить фельдмаршала къ большей уступчивости—все это дало поводъ Гудовичу снова потребовать у коменданта сдачи крѣпости. Но Гассанъ-ханъ и на этотъ разъ отвѣчалъ отказомъ, написавъ Гудовичу письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «...мы готовы даже внѣ крѣпости, въ чистомъ полѣ, также дѣйствовать противъ васъ, ибо внутри крѣпости защищаться и дѣйствовать противъ васъ не составляетъ большой важности. Всякій можетъ обороняться внутри крѣпости и быть свидѣтелемъ того же послѣдствія, которое постигло васъ при осадѣ Ахалкалакъ».

При этомъ персидскій чиновникъ, привезшій это письмо, завѣрялъ Гудовича, что гарнизонъ скорѣе ляжетъ весь на мѣстѣ, чѣмъ положить оружіе. «Весь гарнизонъ—говорилъ посланецъ—состоитъ изъ отборныхъ стрѣлковъ, взятыхъ изъ отдаленныхъ внутреннихъ провинцій, гдѣ остались ихъ жены и дѣти подъ присмотромъ, какъ заложники. Для нихъ лучше умереть однимъ, чѣмъ подвергать тому-же и свои семейства, которыхъ гибель неизбежна, если осажденные не будутъ защищать крѣпости» ²⁾).

Положеніе Гудовича подъ Эриванью начинало принимать серьезный характеръ. Разсчитывать на добровольную сдачу крѣпости не оставалось никакой надежды. Продолжать осаду долѣе становилось весьма затруднительнымъ въ виду поздняго времени года. Плохо снабженныя войска уже сильно терпѣли отъ рано начавшихся холодовъ. Глубокіе снѣга, выпавшіе въ горахъ, завалили ущелья и прервали сообщеніе съ Грузіей. Оставалось одно средство съ честью покончить затянувшуюся кампанію—это штурмовать Эривань. Казалось бы, что за полтора мѣсяца осады

---

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ графа Гудовича 29 октября. Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 453.

²⁾ Дубровинъ, стр. 221 и 222.

много уже было сдѣлано для ослабленія обороны: гарнизонъ изолированъ, стѣсненъ и достаточно ослабленъ; оборонительныя средства на половину подорваны; осаждающіе горѣли нетерпѣніемъ покончить, наконецъ, долгое и скучное сидѣніе въ осадныхъ траншеяхъ. Словомъ, все обѣщало вѣрный успѣхъ штурма. Но Гудовичъ и при этихъ условіяхъ потерпѣлъ неудачу.

Войска, назначенныя на штурмъ Эривани, были раздѣлены на пять колоннъ:

Первая — полковника Симоновича, силою въ 1100 человекъ, должна была наступать противъ брешъ-батареи.

Вторая — маіора Новицкаго, изъ 508 человекъ, назначалась штурмовать уголъ «сходящихся сѣвернаго и восточнаго фасовъ»¹⁾.

Третья — маіора Жменскаго, изъ 732 человекъ, должна была, лѣвѣе колонны Новицкаго, штурмовать южный фасъ крѣпости.

Четвертой колоннѣ — маіора Борщова, изъ 645 человекъ, предписывалось переправиться черезъ рѣку Зангу противъ кургана Махтапа и штурмовать большую угловую башню.

Пятая колонна, при которой находился самъ фельдмаршалъ, составляла общій резервъ²⁾.

Диспозиціей предписывалось наступать возможно поспѣшнѣе и «подъ жестокимъ штрафомъ» не стрѣлять, прежде чѣмъ взлѣзутъ на стѣну. «Взлѣзши же на стѣну, стрѣлять по непріятелю, ибо тогда равный бой, но покуда на банкетъ не соберется довольное число, внизъ на штыки съ банкета не сходить»³⁾. Вой-

¹⁾ Вѣрнѣе — уголъ сѣверо-восточнаго и сѣверо-западнаго фасовъ, противъ форштада Демуръ-бахъ.

²⁾ Колонны были слѣдующаго состава:

Симоновича: Кавказскаго гренадерскаго полка 430 чел.; 9-го егерскаго 270 чел. Въ резервъ 400 чел. 16-го егерск. полка; для прикрытія батареи 100 чел. Борисоглѣбскаго драгунскаго полка.

Новицкаго: Тифлисскаго полка 300 чел.; въ резервъ 180 чел. того же полка и 28 чел. 9-го егерск. п. Для прикрытія батареи 50 чел. пѣш. драгунъ Борисоглѣбскаго полка.

Жменскаго: Херсонскаго гренадер. п. 400 чел.; въ резервъ 332 чел. того же полка.

Борщова: Саратовскаго полка 400 чел.; 15-го егерск. п. 100 чел.; въ резервъ 145 чел. Саратовскаго полка. Для прикрытія батареи 50 чел. Борисоглѣбскаго драгунскаго полка.

Общій резервъ: по одному батал. Херсонскаго и Кавказскаго полк.; 100 чел. драгунъ Борисоглѣбскаго полка и 200 чел. линейныхъ казаковъ.

³⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 453 Подробная записка и диспозиція.

скамъ запрещалось убивать женщинъ, дѣтей и въ особенности христіанъ, и не бросаться на грабежъ, пока непріятель не будетъ истребленъ окончательно.

Всю ночь съ 16-го на 17-е ноября войска осаднаго корпуса провели въ приготовленіяхъ къ штурму. На утро предстоялъ тяжелый подвигъ, въ которомъ не столько значило число, сколько нравственная сила. Но передъ строившимися въ потьмахъ колоннами не было уже тѣхъ легендарныхъ вождей, за которыми убѣжденно шли на смерть или на побѣду. Одни, какъ Карягинъ и Несвѣтаевъ, свершили свой земной удѣлъ, другіе же—Портнягинъ, Котляревскій, Лисаневичъ, Небольсинъ были далеко отъ эриванскихъ стѣнъ и некому было поучить солдатъ штурмовой сноровкѣ! Лѣстницы оказались коротки, картечь вражеская непроходима. . . .

Въ пять часовъ утра раскатисто прогремѣли въ предразсвѣтной тѣмѣ три сигнальныхъ выстрѣла, и штурмовыя колонны со всѣхъ сторонъ пошли на Эривань. Персіяне не дремали. Мгновенно сотни свѣтящихся ядеръ разогнали мракъ, окружавшій крѣпость, и дождь свинца полился на русскихъ. Симоновичъ и замѣнившій его маіоръ Вылазковъ были тяжело ранены, а колонна ихъ, засыпанная картечью и ручными гранатами, залегла во рву. Вторая колонна ворвалась на стѣну и завязала неравный бой даже въ самомъ городѣ, но Новицкій былъ тяжело раненъ, замѣнившій его подполковникъ Булгаковъ — убитъ, резервъ задержанъ картечью въ крѣпостномъ рву, и колонна была сброшена персіянами обратно со стѣнъ. Третья и четвертая колонны, изъ-за короткихъ лѣстницъ, не могли взобраться на стѣны и, потерявъ своихъ начальниковъ, въ беспорядкѣ отступили.

Первый приступъ быстро былъ отбитъ съ потерей четверти отряда ¹⁾. Гудовичъ далъ отбой и войска, отступивъ, заняли тѣ же самыя мѣста, на которыхъ уже полтора мѣсяца стояли передъ штурмомъ. Порядокъ подъ Эриванью какъ будто и не нарушался. Гудовичъ объяснялъ неудачу тѣмъ, что въ крѣпостномъ рву оказались пушки, стрѣлявшія картечью, «чего персіяне никогда не

---

¹⁾ 279 убитыхъ и 464 раненыхъ. Рапортъ генераль-лейтенанта барона Розена 29-го декабря № 4105.

дѣлали; также были фугасы и бомбы съ подведенными стопинами» ¹⁾). Тѣмъ не менѣ фельдмаршалъ снова послалъ коменданту и всему «эриванскому обществу» требованіе о сдачѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Если вы надѣетесь, что послѣ бывшаго штурма я съ войсками отступлю отъ Эриванской крѣпости, то, въ противность такого ожиданія, могу васъ увѣрить, что надежды васъ обманываютъ. Едва пятая часть войскъ, со мною находящихся, была на штурмѣ. Изъ числа же бывшихъ на стѣнахъ знаютъ уже дорогу въ самую крѣпость. Итакъ, вѣрьте моему слову, что съ храбрыми войсками удобно могу предпринять второй и третій штурмъ. Вѣрьте также и тому, что скорѣе самъ лягу подъ стѣнами, нежели оставлю крѣпость» ²⁾). Но на послѣднее у Гудовича не хватило рѣшимости, а повторить штурмъ было не съ чѣмъ. Войска приведены были въ страшное разстройство. Тифлисскій полкъ, напимѣръ, шедшій на штурмъ въ составѣ 463 нижнихъ чиновъ, возвратился съ 194 человекъ ³⁾). Въ остальныхъ полкахъ потери были столь же чувствительны. Но важнѣе всего былъ тотъ нравственный гнетъ, который охватилъ войска Гудовича отъ мала до велика. Несчастнѣйшій штурмъ, большія потери, холодъ, лишенія, увеличивавшаяся болѣзненность—все это подрывало и духъ и силы солдатъ. Побѣги «къ стыду всего воинства умножились» ⁴⁾).

Ко всему этому ранняя и необычно суровая зима причиняла тяжелыя лишенія и вызвала серьезныя безпокойства за дальнѣйшую участь отряда Гудовича подъ Эриванью. Двѣ недѣли еще держалъ онъ крѣпость въ блокадѣ, но, получивъ извѣстіе, что выпавшій въ горахъ снѣгъ до крайности затруднилъ сообщеніе съ Тифлисомъ, рѣшилъ снять блокаду и отступить въ Грузію.

Въ ночь съ 28-го на 29-е ноября всѣ тяжести и больные были собраны къ главному лагерю, а къ разсвѣту 30-го числа туда же стянулись и всѣ войска осаднаго корпуса. Въ тотъ же день

---

1) Всеподданнѣйшій рапортъ 11-го декабря 1808 г.

2) Объявленіе коменданту, духовенству и народу отъ 23-го ноября № 107.

3) Рапортъ Розена 29-го декабря № 4105.

4) Приказъ при паролѣ 1-го декабря 1808 г.

ПЛАНЪ ОСАДЫ И ШТУРМА КРѢПОСТИ ЭРИВАНСКОЙ ВЪ 1808 ГОДУ.

саж. 450   300   150   50   0   450   900 саж.

Наименованіе полковъ экспедиц. корпуса.

1) Херсонскій Гренадерскій полкъ. 2) Кавказскій Гренадерскій полкъ. 3) Два баталіоны: 9го Егерскаго полка. 4) 15го 5) Одинъ баталіонъ Саратовск. мушк. полка. 6) Тифлискаго полка.	7) Четыре эскадр. Нарскихъ драгунъ. 8) Борисоглебск. драгунск. п. 9) Донской Казач. Денисова 9го полкъ. 10) Ребрикова 2го полкъ. 11) Линейные казаки. 12) Грузинскіе волонтеры. 13) Казахскіе и Шамшиадинскіе татары.

ШТУРМЪ. А, первая штурмовая колонна. Б, вторая. В, третья. Г, четвертая.
 Д, резервъ подъ начальствомъ Фельдмаршала. Е, батареи.

началось отступление отъ Эривани, обратившейся въ тяжелое испытаніе для войскъ Гудовича. Горы, отдѣляющія Эриванскую область отъ Бамбакской, были буквально завалены снѣгомъ. Для расчистки дороги выслали впередъ по Ортнавскому ущелью баталіонъ Саратовскаго полка и казачій полкъ. Но, не смотря на это, войскамъ все-таки приходилось переходить горы по поясъ въ снѣгу, при страшныхъ вьюгахъ и морозахъ, доходившихъ до 15°. Люди, не имѣвшіе при себѣ теплой одежды, гибли въ такомъ количествѣ, что за 6 дней похода убыль отряда превосходила тысячу человекъ. Самъ фельдмаршалъ жестоко простудился и получилъ сильнѣйшій ревматизмъ, отъ котораго въ послѣдствіи потерялъ одинъ глазъ. Полки пришли въ невѣроятное разстройство, а борисоглѣбскіе драгуны лишились всѣхъ своихъ лошадей и возвратились пѣшими ¹⁾).

Отступая изъ подъ Эривани, Гудовичъ послалъ приказаніе и Небольсину оставить Нахичевань и отступить къ Елизаветполю, взявъ съ собою всѣхъ тѣхъ жителей, которые пожелаютъ переселиться въ наши предѣлы ²⁾).

1-го декабря выступилъ Небольсинъ изъ Нахичевани и въ тотъ же день городъ былъ занятъ конницей Аббасъ-мирзы, который выслалъ для преслѣдованія русскихъ многочисленныя партіи, а самъ съ главными силами спѣшилъ къ Кара-баба отрѣзать путь отступленія Небольсину. Три дня до Карабахскаго хребта шелъ русскій отрядъ, штыками отбиваясь отъ назойливо преслѣдовавшихъ его персіянъ и борясь съ страшными трудностями похода по горамъ въ разгаръ суровой, снѣжной зимы.

Поздно вечеромъ 3-го декабря подошли измученныя русскія колонны къ сел. Кара-баба и здѣсь увидѣли, что проходъ черезъ

---

¹⁾ Крайнее разстройство Борисоглѣбскаго полка Гудовичъ приписалъ нераспорядительности шефа, отрѣшилъ его отъ должности, а полкъ, какъ бесполезный для Закавказья, отправилъ обратно на линію. На его мѣсто потребованы были въ Грузію Нижегородскіе драгуны, перечисленные изъ 19-й въ 20-ю дивизію и составившіе, вмѣстѣ съ Нарвскимъ полкомъ, кавалерійскую бригаду генерала Портнягина. Такъ состоялся приходъ въ Закавказье нижегородцевъ. Будь Борисоглѣбскій полкъ въ большей исправности, нижегородцы остались бы на линіи, передъ началомъ отечественной войны ушли бы въ Россію, и Кавказъ не былъ бы ареной ихъ славныхъ подвиговъ въ теченіе послѣдовавшихъ лѣтъ.

²⁾ Предписаніе графа Гудовича генераль-маіору Небольсину 23-го ноября № 169.

Карабахскій хребетъ занятъ 30-ти-тысячною арміею Аббасъ-мирзы. Тяжелую ночь провелъ отрядъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ превосходными силами персіянъ, мрачно стоялъ русскій бивакъ у засыпаннаго снѣгомъ подножія Карабахскаго хребта. Ночью подулъ рѣзкій вѣтеръ, поднялась сильная мятель, морозъ крѣпчалъ, а въ отрядѣ не было даже дровъ согрѣть коченѣвшіе члены. Видя бѣдственное положеніе солдатъ и сознавая невозможность на другой день по сугробамъ снѣга пробиваться съ обозомъ черезъ полчища персіянъ, Небольсинъ приказалъ сжечь на костры всѣ находившіяся при отрядѣ повозки. Однако, не смотря даже на такую крайнюю мѣру, въ теченіе ночи ознобилось до 60-ти человѣкъ, изъ коихъ многіе тутъ же и умерли.

Но вотъ догорѣла послѣдняя щепка разбитаго обоза. Войска стали въ ружье и молча двинулись впередъ пробиваться черезъ вражескіе ряды, преграждавшіе единственный путь въ наши предѣлы. Персіяне, рѣшившись истребить отрядъ Небольсина, дрались отчаянно. Но русскимъ былъ одинъ выборъ: побѣда или смерть. Стремительно бросился Троицкій полкъ на персидскіе завалы, но непріятель стойко выдержалъ ударъ. Полкъ заколебался. Тогда Небольсинъ ввелъ въ дѣло егерей Лисаневича, мѣсяцъ тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ разгромившихъ персіянъ, и бой закипѣлъ съ новою силою. Цѣлый день взаимныя атаки слѣдовали одна за другой. Наконецъ Лисаневичу удалось прорвать центръ противника. Персіяне дрогнули и, опасаясь быть отрѣзанными отъ Нахичевани, обратились въ поспѣшное отступленіе, горячо преслѣдуемые русскими на протяженіи пяти верстъ. Ожесточеніе было такъ велико, что пощадъ не давалось никому; плѣнныхъ не брали, и сотни штыками заколотыхъ персіянъ рѣзко отмѣчали на снѣговомъ покровѣ путь бѣгства 30-ти-тысячною арміею Аббасъ-мирзы. Дорога черезъ горы была открыта и 8-го декабря Небольсинъ вступилъ въ Шушу.

Такъ кончился Эриванскій походъ Гудовича, покрывшій славою однихъ, пошатнувшій боевую репутацію другихъ. Высокомѣрію фельдмаршала былъ нанесенъ жестокой ударъ. Разстроенный физически и нравственно привелъ онъ свои «затасканныя» войска об-

ратно въ наши предѣлы, но здѣсь его ожидала новая непріятность виновникомъ которой былъ опять таки онъ самъ.

Когда два года тому назадъ, стѣсненный войсками Булгакова, кубинскій ханъ Шихъ-Али принужденъ былъ лицемѣрно принять русское подданство, то Гудовичъ, какъ бы въ видѣ протеста политикѣ Циціанова, нашель возможнымъ уважить просьбу Шихъ-Али-хана, разрѣшивъ ему остаться на жительство въ одной изъ деревень бывшаго его ханства. Конечно, этотъ двуличный азіатскій владѣтель не могъ помириться съ новымъ своимъ незначительнымъ положеніемъ и искалъ только случая поднять возстаніе среди бывшихъ своихъ подданныхъ, тѣмъ болѣе, что этому весьма способствовало постоянное пребываніе его въ предѣлахъ Кубинскаго ханства.

Пользуясь отсутствіемъ русскихъ войскъ, которыя въ теченіе двухъ лѣтъ подъ рядъ были заняты войнами: вначалѣ съ Турціей, а потомъ съ Персіей, Шихъ-Али-ханъ рѣшилъ поднять возстаніе. Однако, не найдя сочувствія въ жителяхъ Кубы и увидѣвъ невозможность склонить ихъ на свою сторону, онъ бѣжалъ въ Акушу лишь съ незначительнымъ числомъ приверженныхъ ему бековъ. Здѣсь ему удалось собрать возлѣ себя нѣсколько тысячъ лезгинъ, съ которыми Шихъ-Али-ханъ въ началѣ 1809 года вернулся въ Кубинскую область и обложилъ городъ Кубу, занятый баталіономъ Севастопольскаго полка, подъ начальствомъ маіора Рябинина. Въ теченіе двадцати дней выдерживали Севастопольцы блокаду и каждую ночь имѣли перестрѣлку съ многочисленнымъ противникомъ. Высланныя изъ Баку на помощь имъ двѣ роты того же полка, подъ начальствомъ маіора Логвиненкова, были 24-го января встрѣчены у Шабрани всѣми силами Шихъ-Али-хана. Въ неравномъ бою самъ Логвиненковъ былъ раненъ пулею въ грудь на вылетъ, а роты, потерявъ 120 человекъ убитыми, наскоро устроили вагенбургъ и стойко выдерживали натискъ скопища Шихъ-Али-хана ¹⁾). Узнавъ о тяжеломъ положеніи отряда маіора Логвиненкова, на помощь ему поспѣшилъ изъ Баку самъ генераль Гурьевъ съ 500

---

¹⁾ Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 759.

человѣкъ. Эта поддержка дала возможность и Рябинину сдѣлать смѣлую вылазку изъ крѣпости. Окруженный со всѣхъ сторонъ нашими войсками Шихъ-Али-ханъ потерпѣлъ полное поражение и бѣжалъ въ Табасаранскія горы.

Но и эта побѣда не могла уже успокоить фельдмаршала и загладить тяжелую неудачу, испытанную имъ подъ Эриванью. Еще въ началѣ 1808 г. Гудовичъ, недовольный вновь назначеннымъ военнымъ министромъ, графомъ Аракчеевымъ, просилъ, по разстроенному здоровью, увольненія отъ должности. На эту просьбу, высочайшимъ приказомъ 18-го іюня, т. е. еще до эриванскаго похода, генераль-отъ-кавалеріи Александръ Петровичъ Тормасовъ былъ назначенъ сначала въ распоряженіе главнокомандующаго, въ качествѣ какъ бы помощника послѣднему, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ графу Гудовичу было сообщено, что Тормасовъ предназначенъ ему преемникомъ. «Съ крайнимъ прискорбіемъ—говорилось по этому поводу въ высочайшемъ рескриптѣ ¹⁾—видя изъ полученнаго прошенія вашего, что здоровье ваше побуждаетъ васъ оставить службу, Мнѣ чувствительно весьма лишиться такого фельдмаршала какъ вы. Знаю, что проведенная на службѣ отечеству жизнь ваша, въ преклонности лѣтъ, требуетъ отдохновенія и что разстроенное отъ несенныхъ вами трудовъ здоровье ваше ничѣмъ инымъ поправлено быть не можетъ, какъ спокойствіемъ; но за всѣмъ тѣмъ побуждаюсь просить отложить желаніе ваше до того времени, когда генераль-отъ-кавалеріи Тормасовъ ознакомится съ тамошнимъ краемъ и узнаетъ всѣ ваши распоряженія по арміи, дабы потомъ, руководствуясь планами вашими, могъ онъ дѣйствовать сообразно намѣреніямъ вашимъ, стремящимся всегда ко благу общему. Когда же г. Тормасовъ достигнетъ сей цѣли, въ то время Я предоставляю вамъ увѣдомить о томъ Меня и желаніе ваше, хотя съ прискорбіемъ, но будетъ Мною исполнено».

Эриванскій походъ ускорилъ перемѣну въ высшемъ управленіи Кавказа. Вернувшись изъ-подъ Эривани больной, усталый, нравственно разбитый, Гудовичъ, сознавая безсиліе свое руково-

---

1) Высочайшій рескриптъ 25-го октября 1808 года.

Алфавитный указатель.

- ▲** барань, дер. 294.
 Абашидзе Георгій, князь 116.
 Аббасъ-Мирза, сынъ Баба-хана 134, 139, 140, 142, 144, 148, 151, 197, 206—212, 214, 216, 217, 231, 243, 244, 256, 257, 291, 299, 305, 306.
 Абовъ, меликъ 150.
 Абуль-Фетъ-ханъ 209.
 Абхазовъ 271.
 Аваловъ Георгій, князь, 5, 7, 11, 12, 19, 23, 24, 26.
 Авлабаръ, предмѣстье 54, 136.
 Ага-Магометъ-шахъ 2, 33, 96, 132, 190, 205, 241.
 Агдамъ, уроч. 66, 202.
 Агѣва казачій полкъ 187.
 Азербейджанъ 133, 194.
 Адская поляна (Чертова долина) 163.
 Аксеновъ, маіоръ 278.
 Акуша 307.
 Алазань, р., постъ 65, 68, 69, 71, 73, 75, 77, 85, 86, 94, 97, 174, 194—196, 235, 237, 238, 263.
 Александръ, бригъ 122;
 Александръ I, Императоръ 21, 25—27, 32, 33, 38, 40, 42, 45, 46, 50—53, 56, 61, 95, 105, 106, 109, 112, 117, 119, 121, 124, 129, 152, 157, 194, 253, 269;
 Александръ: царь Грузіи 117, 129; царевичъ 5, 53, 68, 69, 72, 74, 75, 79, 106, 133—135, 138, 150, 152, 154, 170, 236, 243.
 Александровскій редуть 77, 96, 195, 238.
 Алексѣевъ, маіоръ 101.
 Али-Магометъ-шахъ 79.
 Алискандъ, старшина аварскій 86.
 Амамлы 289, 295.
 Амплехвари, князья карталпнскіе 81, 82; Амилохвари, кн. Георгій 166.
 Амиръ-Амза, нукеръ 232.
 Анага, селеніе 71.
 Анаклія, кр. 124, 125.
 Анануръ 37, 160, 163—167, 169—172, 174—177.
 Анапа 3, 255, 275, 276.
 Андрониковы, князья 81; Андрониковъ Іосифъ, кн. 134.
 Анна, царица 105.
 Анна Матвѣевна, царица имеретинская 62.
 Антоній, католикосъ 37.
 Арагва, р. 160, 161.
 Араксъ, р. 33, 39, 137, 142, 144, 194, 197, 199, 200, 218, 228, 243, 246, 257, 262, 268—270, 291, 296, 298, 299, 301.
 Аракчеевъ, военный министръ 308.
 Аргутинскіе-Долгоруковы, князья 47.
 Ардаганъ 185.
 Ардебиль 234.
 Ардонъ, р. 172, 181.
 Арешская крѣпость 221.
 Арменія 19, 33, 34.
 Арпачай, р. 268, 274, 284—289, 293.
 Арсеній, митрополитъ 17.
 Артикъ 184, 186, 187, 189.
 Арчилъ, братъ царя Соломона I 104.
 Аскаранъ, кр. 200—203, 205, 211, 215, 242.

- Аскаранъ-чай 203, 217.
 Асландузъ 88.
 Астраханскій гарнизонный полкъ 223.
 Астраханъ 39, 194, 222, 223, 252.
 Аствадцъ-Заадна, церковь 259.
 Асфевъ, подполковникъ 223—227, 233.
 Ахалкалаки кр., 270, 275, 276, 279, 292, 296, 301.
 Ахалцыхъ, кр. 2, 3, 68, 69, 104, 106, 107, 270, 276.
 Ахвердовъ, полковникъ 89.
 Ахмедъ-ханъ, тавризскій 151.
 Ахмедъ-Дудуруковъ, старшина осетинскій 159, 162.
 Ахметъ-ханъ, аварскій 263.
 Аштаракъ, дер. 295.
Баба-Ханъ, Фегъ-Али-шахъ 4, 30, 38, 45, 46, 126, 136, 144, 145, 148, 151, 158, 195, 197, 198, 206, 211—213, 215, 220, 235, 228, 255, 256, 268, 290, 291.
 Баграць Георгіевичъ, царевичъ 53, 54, 62, 63.
 Багратионъ, кн. Петръ Ивановичъ 190.
 Бакаръ, царевичъ 36.
 Баку г., кр., ханство 45, 127, 158, 194, 222, 223, 225—228, 230, 232, 234, 245—247, 250, 252—259, 261, 267, 275, 307.
 Балканы 268.
 Балта, дер., постъ 163, 176.
 Банза, селеніе 125.
 Бартевевъ, маіоръ 93.
 Батумъ 107.
 Бахъ или Джомагъ, переваль 172.
 Бахъ-Фондакъ 172.
 Башъ-Шурагель, селеніе 274.
 Баязеть, кр. 268, 269.
 Бегумъ, жена Джеватъ-хана 94.
 Бежанъ, персидскій намѣстникъ 77.
 Беканы, селеніе 283.
 Беклешовъ, генераль-прокуроръ 27; —сотникъ 132.
 Белоканы, область, селеніе 66, 67, 69, 71—76.
 Благородное училище 264.
 Бобровскій П. О. 61.
 Бодбійскій монастырь 77, 101.
 Борисоглѣбскій драгунскій полкъ 258, 292, 305.
 Борчала 2.
 Борщовъ, маіоръ 296, 297, 302.
 Броневскій 110, 111, 230, 231.
 Будагъ-Султанъ 183—186, 189.
 Будбергъ, баронъ 268.
 Булгаковъ Сергѣй Алексѣевичъ, генераль 231, 253—262, 275, 307.
 Булгаковъ, подполковникъ 258, 303.
 Бурумъ-архъ, канава 221.
 Бутковъ П. Г. 12, 23.
 Бухвостовъ, маіоръ 296, 297.
 Выхалова казачій полкъ 175, 176.
 Бѣлгородъ 63.
 Вѣлевскій мушкатерскій полкъ 122, 127, 270, 272, 273, 289, 290.
 Бѣлое море 175.
Вакири дер. 100.
 Ванкскій соборъ, Ванкъ 17, 188.
 Варшава 44.
 Ваханъ, селеніе 116.
 Вахтангъ, царевичъ 5, 15, 53, 160.
 Ведисское ущелье 298.
 Вера, р. 56, 57.
 Вербицкій, юнкеръ 132.
 Верды, селеніе 296.
 Вильно 44.
 Висла, р. 269.
 Владикавказъ, кр. 63, 160, 163, 168, 171, 174, 175, 177, 262.
 Воронежъ 56, 63.
 Волковскій, князь, генераль-лейтенантъ 126, 153, 161, 163—172, 174, 177.
 Воронцовъ, Михаилъ Семеновичъ, князь 41, 43, 98, 99, 115, 116, 156, 178, 181, 234, 259.
 Воронцовъ А. Р., графъ 113, 114.
 Вреде, подполковникъ 291.
 Вылазковъ, маіоръ 303.
Гамба, французскій консуль въ Тифлисъ 59.
 Ганжа, кр., ханство 4, 69, 87—89, 92—96, 102, 107, 113—115, 129, 130, 133,

- 136, 157, 189, 190, 219, 234, 236, 265, 292.
- Гарегубань 136.
- Гарни-чай, р. 144, 148, 221, 296, 298, 299.
- Гартисъ-кари 37.
- Гассанъ-ханъ 296, 301.
- Георгіевскъ 47, 52, 129, 236, 250, 251, 253.
- Георгій XII Иракліевичъ, царь Грузіи 1—7, 9—16, 18, 21—24, 26, 30, 31, 40, 58, 64.
- Гилянъ, Гилянская провинція 223—225.
- Глазенапъ, генераль 175, 236, 237, 239, 245—255, 265, 269, 275, 279.
- Гокча, озеро 244.
- Головачевъ, полковникъ 278.
- Гори, гор. 82—84, 116, 163, 164, 171.
- Григорій, архимандритъ 49, 50.
- Грузія (грузинское царство) 1—6, 8—48, 52—54, 65, 67, 69—72, 75—77, 79—82, 85, 87, 90, 94, 100, 103, 105, 106, 109, 110, 112—114, 118, 126, 129, 130, 133—136, 150, 152—163, 166, 175, 176, 178, 183, 185, 186, 189, 193, 194, 198, 199, 212, 215, 222, 223, 234, 236, 238, 239, 245—247, 254—256, 262, 266, 267, 289, 301, 304.
- Грузинскій, Георгій Александровичъ, князь 36.
- Гударети, селеніе 176.
- Гудовичъ, графъ Иванъ Васильевичъ, главнокомандующій 43, 245, 247, 250—257, 259—270, 272, 273, 275—277, 279, 280, 282—308.
- Гудовичъ, сынъ главнокомандующаго 277, 278, 281, 284, 286, 287.
- Гукасъ, католикосъ 47, 48.
- Гулякова полкъ 6.
- Гуляковъ, генераль-маіоръ 6, 69—78, 82, 86, 87, 96—101.
- Гумры, сел. 138, 274, 275, 281—284, 286; 289, 293, 295.
- Гуріели, Мамія, князь 128.
- Гурія 47, 128, 129, 133, 234.
- Гурьевъ, генераль-маіоръ 269, 307.
- Гуссейнъ-Кули-ага 90, 92.
- Гуссейнъ-Кули-ханъ бакинскій 225, 227, 229, 231—233, 245.
- Гуссейнъ-Кули-ханъ, эриванскій правитель 265, 294—296, 298, 301.
- Давидъ** Возобновитель 78.
- Давидъ Георгіевичъ, царевичъ 1, 4, 5, 13—15, 17, 22—26, 29, 30, 53, 62, 104, 105.
- Давидъ, патриархъ, (лже-патриархъ) 46, 50, 52, 129, 156, 187, 188.
- Дагестанъ 2, 65, 68, 74, 189, 190, 198, 229, 261.
- Дадіани, Григорій, князь, владѣтель Мингрелии 39, 104, 105, 107, 108, 110, 112, 113, 115, 117, 120, 123.
- Дадіани, Леваць, князь, сынъ Григорія 123—125, 127.
- Дадіани, Манучаръ, князь, братъ Григорія 123, 125.
- Дадіани, Тариель, князь, братъ Григорія 123.
- Дадіановское княжество 47.
- Давииль, патриархъ 46, 48—52, 129, 144, 151, 156, 158.
- Дарьяльское ущелье, укр. 159, 163, 168, 172, 176.
- Дедоплисъ-цкаро(Царскіе колодцы) 78.
- Делижанское ущелье 217.
- Демурчасалы 176, 239.
- Денисьевъ, капитанъ 272, 273.
- Дербентъ, г., ханство 234, 246—250, 252—254, 258, 259, 261, 265.
- Дехтяревъ, генераль 250.
- Джава, селеніе 178, 179, 181.
- Джары, Чары, область, провинція, г., 66, 69, 73—76, 94, 97, 99, 102, 133, 236, 237, 263, 267.
- Джафаръ-Кули-ханъ хойскій 148.
- Джафаръ-Кули-ага, внукъ Ибрагимъ-хана 240, 241, 243, 265.
- Джафаръ Шекинскій 265.
- Джебраиль, царевичъ 55—57.
- Джеватъ, мѣстечко, переправа 194, 222, 246, 257.
- Джеватъ-ханъ Ганжинскій 87—90, 92, 94, 130, 131.

Джемшидь, меликъ 243.
 Джинихъ, селеніе, общество 66, 75.
 Дзегамъ, селеніе 217.
 Диди-чала, селеніе 107.
 Дмитрія св., крѣп. 48.
 Донцовъ, поручикъ 217.
 Дренякинъ, полковникъ 68, 168, 169.
 Душетъ, городъ 59, 163, 171, 176.

Егерскій 9-й полкъ 80, 82, 137, 141, 143, 145, 146, 149, 155, 164, 178, 229, 270, 285, 299.

Егерскій 15-й—87, 96, 137, 195, 263, 270, 285, 292, 296—299.

Егерскій 16-й—223, 224.

Егерскій 17-й—55, 69, 80, 87, 91, 94, 137, 197, 201, 270, 271, 289.

Екатерина II, Императрица 33, 44, 103, Елбакіантъ-кари, селеніе 180, 181.

Елизавета Алексѣевна, Императрица 94.

Елизаветполь, Ганжа, г., кр., округъ, ханство 94, 131, 133, 137, 192, 194, 198, 200, 201, 203, 205, 206, 211, 212, 216, 229, 236, 238, 239, 242, 244, 246, 257, 289, 305.

Елисуѣйское султанство 66.

Ермоловъ (командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса) 41, 43, 59, 101.

Ефратъ, р. 52.

Ефремова казачій полкъ 96.

Жиленковъ, маіоръ 99.

Жменскій, маіоръ 302.

Завалишинъ, генераль-маіоръ 223—229, 231, 233.

Зайдъ-ханъ, лошадь кн. Циціанова 228.

Закавказье 5, 32, 47, 65, 67, 69—71, 103, 106, 122, 127, 130, 137, 148, 189, 198, 219, 227, 234—236, 246, 247, 267—269, 309.

Закаталы, кр., округъ, ущелье 65, 67, 98, 102.

Занга, р. 141, 143—146, 295—297, 300, 302.

Зассъ, кол. ас. 63.

Зиновьевъ, Василій Николаевичъ 228.

Зубовъ, Валеріанъ, графъ 32, 40, 44, 48, 87, 190, 246, 248, 249.

Зугдиди, селеніе 124.

Ибрагимъ-бекъ 231—233.

Ибрагимъ-ханъ Карабагскій 130—132, 189, 190, 192—194, 197, 199, 200, 205, 211, 220, 240, 241, 244, 265.

Иверія, см. Грузія.

Имеретія, владѣніе, царство 30, 39, 40, 47, 53, 102—107, 110—118, 120, 121, 127—129, 133, 137, 161, 162, 166, 172, 182, 234, 270, 276, 290.

Ингуръ, р. 124.

Ираклій II, царь Грузіи 1—3, 5, 7, 34, 53, 68, 104.

Иранъ см. Персія.

Исидоръ, корабль 122.

Италинскій, посланникъ въ Константинополь 106, 118, 125.

Ифіаль-ханъ 209.

Іоаннъ, царевичъ 14, 22, 23, 25.

Іоаннесь, архіепископъ 136, 155, 156.

Іосселіани, Онисимъ, священникъ 58.

Іосифъ, архіепископъ 47—51.

Іулонъ, царевичъ 45, 53.

Кабардинскій пѣхотный полкъ 69, 70, 80, 96, 98—101, 195, 238, 244, 263.

Кабарту, селеніе 213.

Кавказская линія 6, 13, 38—40, 42, 47, 80, 113, 130, 137, 152, 224, 236, 238, 239, 245, 251—253, 261, 262, 292.

Кавказскій гренадерскій полкъ 69, 87, 90, 91, 115, 137, 138, 140, 142, 143, 147, 155, 156, 178, 270, 285, 292, 297, 299.

Кавказскій хребетъ 39, 65, 160, 172, 246.

Каджи-кале, башня 92.

Казахъ, г., область 2, 153.

Казанскій пѣхотный полкъ 168, 175, 176, 224.

Казбекъ, гора, постъ 160.

Казбекъ, Давидъ, дворянинъ 15, 59.

- Казбекъ, Гавріиль, маіоръ 169.
 Казвинъ, г. 223.
 Каземъ-бекъ 231, 232, 258.
 Канакиръ, селеніе 141, 148.
 Караагачъ 77, 78.
 Кара-баба, дер. 299, 305.
 Карабагъ, владѣніе, ханство 68, 131—133, 189, 194, 198—200, 218, 224, 225, 228, 234, 239—244, 264, 265, 295, 299.
 Карабекъ, братъ паши Карскаго 274.
 Кара-Гаджи-баба, уроч. 203, 210.
 Карадагъ 275.
 Караклись, селеніе 138, 150, 153—156, 183, 184, 186, 293.
 Кара-керпи, мость 215.
 Карапета св., монастырь 52.
 Кара-су, р. 299.
 Карачевъ, капитанъ 55.
 Карели, селеніе 83, 84.
 Каркаръ-чай, р. 202.
 Карсъ, кр., область 136, 185, 270, 273—276, 280, 281, 284, 287.
 Каргалинъ 2, 65, 69, 82, 83, 85, 100, 110, 133, 134, 137, 164, 170, 172, 176.
 Карягинъ, полковникъ 89, 91, 94, 95, 131, 156, 177, 201—218, 224, 226, 237—239, 242, 243, 257, 270, 271, 303.
 Касапетъ, селеніе 214.
 Каспійскія ворота 247.
 Каспійское море 18, 33, 38, 39, 130, 137, 175, 219, 223, 234, 245, 246.
 Катехи, дер., общество 66, 74, 75.
 Кахетія 65—69, 74, 77, 82, 87, 96, 97, 100, 133, 134, 137, 171, 176, 238.
 Кейтъ, поручикъ 93.
 Келешъ-бей, абхазскій владѣтель 123—125, 127.
 Керимъ-бекъ, 231.
 Кизикъ, г. 77, 238.
 Кизляръ 134, 135, 233, 236, 261.
 Кирхъ-булакъ, р. 279.
 Кичикъ-карабекъ, селеніе 214.
 Клодтъ-фонъ-Юренсбургъ 2-й, подполковникъ 155.
 Кноррингъ, генераль-лейтенантъ 6, 11—18, 21—25, 27, 29, 30—33, 35, 36, 38—42, 45, 47, 53, 80, 81.
 Коби, дер. 160, 162, 163, 172.
 Коваленскій, д. с. с. 37, 40—42, 45, 52.
 Козловскій, полковникъ 142.
 Козловскій, капитанъ 92.
 Константинополь 48—50, 52, 106, 122, 125.
 Константинъ, царевичъ 62, 104—106, 110, 111, 127.
 Койшауръ, гора, постъ 162, 163, 165.
 Коргановъ, Давидъ 48, 50.
 Котляревскій, маіоръ 88, 101, 201, 204, 209, 214, 216, 226, 271, 299, 300, 303.
 Кочубей, графъ, министръ 32, 33, 77.
 Кошки, селеніе 180—182.
 Крестовый переваль, 163, 176.
 Крожа, селеніе 178, 179.
 Крымовъ, сотникъ 55, 56, 58.
 Крымъ, 13, 119, 122.
 Ксанка, р., долина 160, 169, 170.
 Куба, г., ханство 234, 250, 253, 255—259—261, 265, 296, 307.
 Кура, р. 33, 39, 65, 94, 166, 176, 194, 202, 221, 222, 228, 229, 237, 239, 246, 257, 261, 268.
 Куракъ-чай, р. 192, 193, 220, 239, 242, 244.
 Куртатское ущелье 172.
 Кутаисъ, г. 103, 115, 118, 121, 127, 235, 289, 290.
 Кушелевъ, капитанъ 146.
 Кягрызъ-чай, р. 214.
Лабинцевъ, поручикъ 146.
 Ладинскій, генераль 228.
 Лазарева полкъ 6.
 Лазаревъ, генераль-маіоръ 6, 13, 14, 17, 18, 21—25, 29, 30, 42, 47, 52—64, 67.
 Лангъ, поручикъ 139.
 Ларсъ, постъ, селеніе 159, 168, 176.
 Легвани, селеніе 116.
 Лежаръ, французскій агентъ 301.
 Ленкоранъ 88, 226.
 Леонидзе Соломонъ, князь 111, 112,

- Леонтьевъ, генераль-маіоръ 98, 143—146, 155, 157.
 Лечхумъ, провинція 115—117, 126, 127.
 Лидерсъ, маіоръ 71.
 Лисаневичъ, маіоръ 131, 197, 199—206, 211, 218, 240—243, 256, 265, 271, 299, 300, 303, 306.
 Литвиновъ, с. с. 121—127.
 Лихачевъ, генер.-маіоръ 248, 249, 260.
 Ліахва, р. 166, 172, 173, 178—181.
 Ліахвинское ущелье, 179.
 Логвиненковъ, маіоръ 307.
 Ломиси, гора, дер. 163, 165, 167—170.
 Лори, р. 283.
 Лорійская степь 136.
 Лофицкій, кол. ас. 59.
 Лыкашинъ, маіоръ 272, 273.
 Лысенко, поручикъ 206, 207.
 Лысково, селеніе 36.
Магасбертъ, укр. 287.
 Магметъ-Касымъ-ага 240.
 Майновъ, полковникъ 107, 155, 157.
 Мальта, островъ 19, 20.
 Мамедъ-паша карскій 83, 280, 281.
 Мамедъ-ханъ эриванскій 155, 199.
 Мамедъ-Гассанъ-ханъ, шекинскій 189—191.
 Мамисонскій переваль 172.
 Мардагиръ, селеніе 213, 214.
 Мардашти (Мардагысъ), разор. дер. 215, 271.
 Маркоби, селеніе 82.
 Марья Георгіевна, царица 53—63.
 Махмудъ-ханъ эриванскій 50, 52, 130.
 Махтапа, курганъ 296, 297, 300, 302.
 Мейеръ, генераль-маіоръ 250.
 Мелло, маіоръ 170.
 Мехти-Кули-ханъ 265.
 Мехти-ханъ каджарскій 199,
 Мигри, укр. 88, 243.
 Миловидовъ, священникъ 243.
 Мингечауръ 221, 239.
 Мингрелія, Одиши, владѣніе, княже-ство 103, 104, 106—113, 117—126, 129, 133, 234, 235, 270, 272, 276.
 Мирза-Али-бековъ сангаръ, укр. 240.
 Мирза-Шефи, министръ 134.
 Михаилъ, корабль 122.
 Млеты, селеніе 169.
 Моздокъ 6, 54, 63, 135, 159.
 Монтрезоръ, маіоръ 153—156.
 Монть (де-Монть), штабсъ-капитанъ 278.
 Москва 33, 36, 54.
 Мтіулетія, земля 162.
 Муганло, селеніе 77.
 Муганлинская переправа 78.
 Муганская степь 190, 250, 256.
 Мугутъ, селеніе 180.
 Мусинъ-Пушкинъ, А. А., графъ 12.
 Мустафа-ханъ Ширванскій 191, 219—222.
 Мухалетскій редантъ 145.
 Муханатъ, курганъ 297.
 Мухахъ, общество, селеніе 66, 75, 99.
 Мухратъ, замокъ 212—215.
 Мухури, кр. 104, 105.
 Мцхетъ, селеніе, монастырь 37, 60, 62, 170, 171, 176.
Наполеонъ 267, 269, 291, 294.
 Нарвскій драгунскій полкъ 80, 81, 87, 137, 139, 140, 155, 171, 217, 270, 277, 279, 285, 286, 292, 296, 298.
 Нарынъ-Кале 249.
 Наурская крѣпость 6, 14.
 Нахаръ-булахъ уроч. 229.
 Нахичеванъ, кр., ханство 48, 243, 269, 275, 294, 295, 299—301, 305, 306.
 Небольсинъ, генераль-маіоръ 236, 239, 242—244, 257, 262, 263, 270, 275, 289, 291, 294, 295, 299, 300, 303, 305, 306.
 Несвѣтаевъ, генераль-маіоръ 174—177, 183—188, 224, 236—238, 244, 250, 255, 256, 262, 267, 270, 273—276, 279—284, 286—289, 291, 293, 294, 303.
 Нижегородскій драгунскій полкъ 261.
 Нина, княгиня, супруга Григорія Дадіани 123.
 Нина св. 36, 100, 101.
 Новицкій, маіоръ 302 303.

- Новицкій, штабсъ-капитанъ 167.
 Новосильцевъ Н. Н. 32.
 Нольде, маіоръ 143, 145.
 Нольде, редуть 144, 146.
 Нуха, Шеки, г., кр., ханство 74, 95, 190, 191, 194, 236, 244, 250, 262, 263, 265, 267.
- О**ванесъ, патріархъ 50.
 Ованесъ (меликъ Ваня) 209, 210, 213, 214, 218.
 Одиши, см. Мингрелія.
 Омаръ-ханъ аварскій 3, 34.
 Ониковъ, Николай 25.
 Орбеліани князя 81.
 Орбеліани Димитрій, князь, генераль-маіоръ 57, 62, 70, 84, 98, 99, 101, 102, 237, 238, 263, 264, 298.
 Орбеліани Иванъ, князь, генераль-маіоръ 137, 151, 152, 195, 218.
 Орбеліани Луарсабъ, князь 73.
 Орбеліани Томасъ, князь 176.
 Орбеліани, князь, штабсъ-капитанъ 99.
 Оргнавское ущелье 305.
 Осетія 69, 110, 133, 160, 167, 177, 224.
 Осиповъ, маіоръ 142.
 Отто, полковникъ 279.
- П**авель I, Императоръ 4—6, 11, 8, 12, 14—16, 18—22, 25—27, 48—50, 80.
 Палавандовъ Елеазаръ, князь 5, 7, 11, 12, 19, 23, 24, 26.
 Памбакъ (Бамбакъ), провинція 68, 69, 136, 137, 152, 153, 156, 170, 270, 273, 289, 294, 305.
 Памбакское ущелье 295.
 Панахъ-ханъ 208.
 Парижъ 291.
 Парнаозъ, царевичъ 53, 106, 110, 111, 161, 162, 167, 168, 176, 195.
 Парфеновъ, маіоръ 244, 245, 256.
 Пафнутій, архимандритъ 169.
 Паулуччи, маркизь 259.
 Пейкаро, ур. 96, 195.
 Пери-базаръ 224, 225.
 Персія 2, 4, 9, 28, 30, 33, 34, 46, 48, 50, 52, 53, 79, 80, 93, 111, 133—137, 189, 192, 194, 195, 198, 204, 240—242, 246, 257, 262, 265, 267, 268, 270, 287, 289—291, 294, 295, 307.
- Петровъ, фельдфебель 207.
 Петръ Великій, императоръ 44, 248, 249.
 Печерскій, подполковникъ 275, 287.
 Пиръ-Кули-ханъ 199, 203, 204, 206, 213, 214, 217.
 Платковскій, прапорщикъ 217.
 Подлущкій, подполковникъ 298, 299.
 Покатаевъ, маіоръ 164, 167.
 Полдырванъ, селеніе 275.
 Порта Оттоманская 9, 13, 28, 39, 47, 49—51, 106, 107, 118—120, 122, 125, 268, 269, 272.
 Портнягинъ, генераль-маіоръ 81, 89—91, 93, 95, 138, 143, 148, 149, 155, 157, 177, 277—279, 283, 285, 286, 292, 294, 296, 299, 303.
 Потемкинъ 48.
 Поти, кр., пристань, портъ 107, 118—122, 270, 271, 273, 279, 280.
 Протопоповъ, подполковникъ 63.
 Пушкинъ, воронежскій губернаторъ 63.
- Р**астопчинъ, графъ 18, 93, 95, 218.
 Рача 104, 182.
 Редуть-кале 122, 272, 273, 280, 289.
 Репинъ, генераль-лейтенантъ 259.
 Репнинъ 44.
 Ріонъ, р. 118, 119, 122, 178.
 Рогульскій, поручикъ 84.
 Рогульскій 2-й 84.
 Розень баронъ 262, 267, 275, 277, 284, 285, 287.
 Роки, селеніе 172, 173, 180, 181.
 Рокскій переваль 172.
 Романъ, митрополитъ Самтаврскій и Горійскій 36.
 Россія 3, 5—7, 10, 13, 18, 27—29, 32—35, 38, 44—51, 62, 63, 68, 73, 75, 79—81, 87—89, 94, 96, 106—108, 110, 111, 113, 116—119, 121, 126—130, 132, 133, 135—137, 152, 155, 156, 170, 178, 188, 189, 194, 198, 220, 222, 227, 228, 234, 235, 240, 246, 260, 262, 290, 300.
 Ростомъ-бекъ 150, 151.

- Румянцевъ 44.
 Рыкгофъ, генераль-маіоръ 122, 124, 125, 127, 270, 272, 274, 280, 290.
 Рышкина донской казачій полкъ 172, 175, 177, 178.
 Рябининъ, маіоръ 307, 308.
 Рязць (Решть) 158, 223—225, 227.
- Саакадзе**, князь, маіоръ 55, 58.
 Сальянь, селеніе, провинція, укр. 194, 246.
 Самойловъ, генераль 67.
 Сарали, селеніе 154, 156.
 Саратовскій мушкетерскій полкъ 137, 141, 143, 145, 177, 184, 186, 270, 289, 293, 295, 297, 305.
 Сары, островъ 226, 233.
 Севастополь, порть 122.
 Севастопольскій пѣхотный полкъ 87, 91, 137, 160, 164, 229, 253, 259, 307.
 Сендь, нукеръ 232.
 Секеринъ, капитанъ 83, 84.
 Селимъ-паша 290.
 Селимъ-ханъ 189—191, 220, 221, 237, 238, 244, 245, 255, 256, 262, 263, 265.
 Сербиновъ, подполковникъ 141.
 Сиони, дер. 176.
 Сионскій соборъ 17, 37, 63, 64, 96, 259.
 Сигвахъ, г., кр., монастырь 71, 77, 78, 100, 101, 238.
- Сидоровъ Гаврила, рядовой 213, 214.
 Симоновичъ, подполковникъ 89, 91, 143, 146, 147, 155, 157, 237, 239, 296, 297, 300, 302, 303.
 Слазнаурн, уроч. 116.
 Соганлугъ, мѣстечко 138, 291, 292, 294.
 Соколовъ, кол. совѣтникъ 105, 106, 110.
 Солениусъ, подполковникъ 99.
 Соловьевъ, маіоръ 263.
 Соломонъ I, царь Имеретинскій 53, 102—104, 220, 235.
 Соломонъ II, царь Имеретинскій 62, 104—107, 110—118, 121, 123, 126—128, 290.
 Сомхетія 174.
- Средиземное море 20.
 Степановъ, маіоръ 268.
 Степанъ-цминда (Казбекъ), селеніе 37, 162—164, 168, 176.
 Строгановъ П. А., графъ 32.
 Суворовъ 44, 101.
 Суджукъ-кале 277.
 Суздальскій пѣхотный полкъ 247, 250.
 Сулакъ, р. 248.
 Султаніе, селеніе 197, 291.
 Сураковъ, (Суроковъ) поручикъ 55, 56, 58, 59, 131, 132.
 Сурамъ 82, 114, 290.
 Сургуновъ, нацваль 55, 56, 58.
 Сурхай-ханъ Казикумыкскій 86, 96, 97, 236, 237, 239, 248, 249, 260.
 Сухинъ-Верды 239.
 Сухумъ кр. 124.
- Табасаранскія горы** 308.
 Таврида 117.
 Тавризь, гор., ханство 144, 151, 152, 189, 197, 228, 231, 232, 291, 298.
 Тагановъ, капитанъ 17.
 Таганрогъ 121.
 Тагауръ 163.
 Талы, Тальское общество 66, 75.
 Талызинъ, генераль-маіоръ 164—166, 169, 170.
 Тамара, царевна 55—57.
 Тамара, царица 87.
 Тамерланъ 66.
 Тарасова донской казачій полкъ 85.
 Тарасовъ, маіоръ 221.
 Тарасовъ, полковникъ 280, 290.
 Тарки, селеніе 248.
 Татула, лекаръ 56, 57.
 Тегеранъ 223, 256, 268.
 Теймуразъ, царевичъ 53, 72, 134, 138, 217.
 Телавъ городъ 2, 77, 78.
 Темиръ-Булакъ, р. 300.
 Терекъ, р. 6, 63, 176, 236.
 Тертеръ, р. 212, 215, 270, 289, 295.
 Технисъ, дер. 284, 285.
 Титовъ, генераль-маіоръ 277, 278, 285, 286.

- Тифлисскій пѣхотный полкъ 69, 70, 82, 96, 137—139, 143—145, 153, 196, 201, 229, 242, 244, 289, 304.
- Тифлисъ 2, 3, 6, 12—14, 17, 23—25, 29, 30, 37—41, 49, 52—59, 62, 68, 75, 76, 80, 81, 87, 97, 110, 113, 127, 135—138, 150, 152, 153, 156, 163—168, 170—177, 186, 188, 193, 195, 205, 206, 216, 218, 219, 226, 233, 236—239, 243, 244, 247, 250, 255, 257, 259, 262, 264, 270, 276, 288—292, 304.
- Тюнеты, селеніе, постъ 195, 238, 244.
- Токаревъ, маіоръ, 140.
- Токать 49.
- Тольская Богоматерь, корабль 122.
- Томара, посланникъ 49—52.
- Топи-баши, форштадтъ 296.
- Тормасовъ, А. П., генераль-отъ-кавалеріи 308, 309.
- Триалеты, 246.
- Троицкій пѣхотный полкъ 236, 239, 242, 243, 263, 270, 289, 296, 306.
- Трусовское ущелье 163.
- Тумановъ, Игнатій, князь, мдиванъ-бекъ 14.
- Турція 4, 9, 18, 48—50, 106, 112, 119, 121, 187, 267, 269, 270, 273, 274, 276, 289, 291, 307.
- Тучковъ, генераль-маіоръ 54, 61—63, 138, 140, 142, 143, 147, 155, 157.
- У**гурлу-ага, старшій сынъ ганжинскаго хана 80.
- Урдо, бродъ 71, 74, 77.
- Ушаковъ, маіоръ 285, 286.
- Ф**адѣевъ, А. М. 59.
- Фараджъ-Улахъ-ханъ 298.
- Фегъ-Али-бекъ 191.
- Фегъ-Али-шахъ. См. Баба-ханъ.
- Фитингофъ, маіоръ 91.
- Фить-дагъ, гора 220, 221.
- Фиэгдонъ (Каменка), рѣка 172.
- Х**аджи-бей, кр. 277.
- Хаджи-Урбанъ 231.
- Халимъ-бекъ, сынъ Сурхая казикумухскаго 196.
- Хамбутаи 253, 255.
- Ханатинъ, рѣка 242.
- Хассанъ, братъ эриванскаго хана 291.
- Хвце, селеніе 180.
- Хевсурия 54, 60.
- Херсонскій гренадерскій полкъ 270, 285, 292, 297.
- Хидистави, дер. 164.
- Химшіевъ Николай, тѣлохранитель царицы Маріи Георгіевны 60, 61.
- Ходжаевъ, маіоръ 153.
- Хопи, рѣка 122.
- Хрусталеvскій, шт.-кап. 55.
- Хутуантъ-кари, отселокъ 180.
- Ц**алка, селеніе 83, 279, 281.
- Царскіе колодцы, (Дедоплисъ-цкаро) урочище 78.
- Церетели, Зурабъ, кн. 290.
- Церетели, Кайхосро, князь, сардаръ 105, 114—116.
- Циціановы, князья, 81, 82.
- Циціановъ князь, Павелъ Димитріевичъ, генераль-отъ-инфантеріи 41—47, 52—55, 57—65, 68—77, 79—97, 99—121, 123, 124, 126—133, 135—161, 164—171, 173—208, 210—212, 215, 216, 218—224, 226—236, 240, 245, 248, 251, 256, 259, 264—266, 270, 271, 292, 293, 295, 296, 307.
- Цулукидзе, Сехніи, князь, 115.
- Цуриновъ, подполковникъ, 82, 83.
- Цхинвали, селеніе 167, 173, 178, 182.
- Цѣхановскій, полковникъ 141, 144, 145, 149, 156.
- Ч**авчавадзе, Герсеванъ, князь 4, 5, 7.
- Чавчавадзе 161.
- Чартма, гора 221.
- Чартарыйскій Адамъ, князь 32, 119, 158, 245.
- Чары, чарская провинція 69, 263.
- Чвривское ущелье 178.
- Челокаевы, князья кахетинскіе 81.

Черное море 38, 39, 105, 118, 130, 137, 234, 272.

Чипрани, селеніе 180.

Шабрань 307.

Шагорбели, селеніе 167.

Шады, дер. 299.

Шамхаль Тарковскій 265.

Шамхоры 216, 271.

Шамшадиль, провинція, область 68, 69, 79, 90, 174.

Шахъ-Аббасъ 65.

Шахъ-булахъ, крѣпость, замокъ 203, 208—210, 212—214, 242, 271.

Шахъ-Надиръ 67, 71, 74.

Шеки, (Шекинская, Нухинская) провинція, ханство 4, 65, 133, 189, 190, 194, 221, 234, 237, 239, 244, 245, 263.

Шемаха, Ширванъ, владѣніе, гор., кр., ханство 194, 221.

Шервашидзе Леванъ, князь абхазскій, владѣлецъ 125.

Шервашидзе Манучаръ, князь абхазскій, владѣлецъ 125.

Ширванъ, ширванское ханство, ширванская область 4, 191, 220—223, 228, 229, 234, 239, 247, 256, 257, 262.

Ширинъ-бекъ самухскій, 94.

Шихъ-Али, кубинскій ханъ 307, 308.

Шихъ-Али-бекъ, сынъ нахичеванскаго хана 300.

Шихъ-Али-ханъ дербентскій 226, 248, 249, 259, 260.

Шурагель, Шурагельская область 82, 83, 138, 183, 186, 188, 189, 234, 235, 239, 286, 289.

Шуша, Шушинская крѣпость 112,

190, 193—195, 197, 199, 200—206, 208, 216, 218, 240—242, 306.

Щиголевь, маюръ 168.

Энзели, 3, 158, 223—225.

Эрзерумъ 268, 269.

Эриванъ г., кр., ханство, провинція 3, 4, 69, 121, 129, 130, 133, 135, 137—139, 141—144, 148, 149, 152—156, 158, 159, 161, 164, 170, 171, 176—178, 183—188, 195, 197, 199, 217, 218, 228, 236, 239, 243, 244, 256, 257, 262, 265, 267, 269, 275, 291, 292, 293—298, 300—305, 308.

Эристовы, князья 81, 160, 165, 170.

» князь Георгій, подполковникъ 97.

» князь Соломонъ 161, 162.

» князь Торнике, подполковникъ 160, 244.

» князь Шанше 160, 163, 164, 263.

» князь Елизбаръ 160, 162, 166, 230—232.

Эчмиадзинъ 47—52, 139—141, 150, 155, 156, 187, 188, 295.

Эчмиадзинскій монастырь 39, 46, 138, 141, 187, 188, 295.

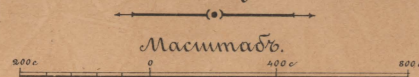
Юлонъ, царевичъ 5, 106, 110, 111, 161, 162, 167, 176.

Юсуфъ-паша, эрзерумскій сераксиръ 280, 283, 285—288.

Якимовъ, капитанъ 55.

ПЛАНЪ
ОСАДЫ
КРѢПОСТИ АХАЛЦЫХА

Съ 5го по 15^е Августа 1828 г.

1. Высота Ташанъ-топа.

3. Редутъ Миклашевскаго.

5. Позиція русскаго корпуса 9 Августа.

7. 2ой турецкій лагерь.

9. 3ий турецкій лагерь.

2. Русскій лагерь.

4. Сводной Кавалерійскій полкъ Заевскаго (бѣи 5 Августа).

6. 1ой турецкій лагерь.

8. Кавалерійская бригада Заевскаго (9 Августа).

10. 4ой турецкій лагерь.